

ISSN 0131-6656

СМОНА

БЫЛИН ДОЦЕНА • ДНЕВНИК БЕЛЫХ ПИСЬМОВ • ЦАГ И ПОРА



ЭТЕЛЬ Л. УАЙТ. ВИНТОВАЯ ЛЕСТНИЦА • СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. ПОЛЕ БОЛИ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ПЕТРА СТОЛЬШИНА

5'91

591 СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ
(зам. главного редактора)
ВЯЧЕСЛАВ КОПЬЕВ
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВАДИМ САЮШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
(главный художник)
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

АЛЕКСАНДРЫ ГУСЕВОЙ
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА

Технический редактор
ЕКАТЕРИНА ЗЮКОВА

Сдано в набор 22.02.91.
Подписано к печати 25.03.91.
Формат 84 × 108 $\frac{1}{2}$.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1 714 940 экз. (из общего тиража
1 915 000 экз.).
Заказ № 239. Цена 1 р. 65 коп.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок
212-11-27 — отдел писем.
Ордена Ленина и ордена Ок-
тябрьской Революции типогра-
фия имени В. И. Ленина изда-
тельства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ули-
ца «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки не воз-
вращаются. Учредители: ЦК
ВЛКСМ, издательство ЦК КПСС
«Правда», коллектив редакции.

5 (1519) МАЙ

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Смена», 1991.

В НОМЕРЕ:

2

На нашей
обложке
актер
СЕРГЕЙ
ЖИГУНОВ.
(Читайте стр. 276)
Фото
ВЛАДИМИРА
ЧЕЙШВИЛИ.



ПРОЗА

14

АЛЬБЕРТ ЕГАЗАРОВ. ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА
Рассказ

126

ДЕЙМОН НАЙТ. «БОЛЬШОЙ БУМ»
Фантастический рассказ

176

ЭТЕЛЬ Л. УАЙТ. ВИНТОВАЯ ЛЕСТНИЦА
Детектив

ПОЭЗИЯ

13

РИФАТ ГУМЕРОВ

162

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

4

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. ХОЗЯЕВА И ХОЗЯЙЧИКИ

32

ПАВЕЛ ПЭНЗЖКО. ТОРМОЖЕНИЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ У НАС НЕВОЗ-
МОЖЕН ЭДИСОН

38

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. ПОЛЕ БОЛИ

66

СВЯТОСЛАВ РЫБАС, ЛАРИСА ТАРАКАНОВА. ЖИЗНЬ
И СМЕРТЬ ПЕТРА СТОЛЫПИНА

146

МИЛЛИОН ЗА ГОЛОВУ ЛЕЙТЕНАНТА. ДНЕВНИК БЕЛЬГИЙ-
СКОГО ПАРТИЗАНА

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

49

ЛЕВ АННИНСКИЙ. «НАД МЕЧТОЙ НЕ СМЕЯЛСЯ НИ РАЗУ...»

58

ВИКТОР АНТОНОВ. МИЛОСТЬ БОГОВ

160

НИНА ПЕТРУСЕВА. ТАТЬЯНА ЕРОШКИНА

159

ВАШИ ПИСЬМА

167

МАРГАРИТА ПУШКИНА. ГРУППА КЕЛЬТСКОЙ КРОВИ

276

СЕРГЕЙ ЖИГУНОВ: «НЕ ХОЧУ ИГРАТЬ НЕГОДЯЕВ!»

СПОРТ

286

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ. «ОТ БОРТА — В СЕРЕДИНУ!»

274, 280

ЮМОР, ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

6•91

3

- **АЛЕКСАНДР СОЛОДОВНИКОВ.** Из неопубликованного. «Бывают времена великого упадка. Теряет в эти дни сама себя душа». — Будто сегодняшняя горечь в этих строках, написанных почти полвека назад...
- **ГРИГОРИЙ ГЛАЗОВ.** «Я не свидетель». Остросюжетный социально-психологический детектив, в котором исследуются мотивы поведения человека в экстремальных ситуациях.
- **ПАВЕЛ ПЭНЗЖО.** «Артельное дело». Павлово-на-Оке: город с прошлым, но без будущего?
- **КОНСТАНТИН ТИНОВИЦКИЙ.** Мой друг — английский «бобби». Рассказ о полицейском из Манчестера на фоне картин из советской жизни, в одной из которых участвует «крутой» мафиози.

АНОНС:

ПЯДЬ ХОЗЯЕВА И ХОЗЯ

4

Призыв «Обогащайтесь!» услышан.

Очень четко уловили поворот в умонастроениях фарцовщики. Они уже не прячутся, дают интервью, не отворачиваясь от телекамер. Горделиво вещают: это мой бизнес, мое призвание! Модное слово «рынок» норовят вставить. А репортер согласно кивает и сочувственно поддакивает: мол, в цивилизованном мире купля-продажа — вполне уважаемое занятие, и только мы, темные... Так, исподволь, выпрашивание обносок возводится в ранг «делового предпринимательства».

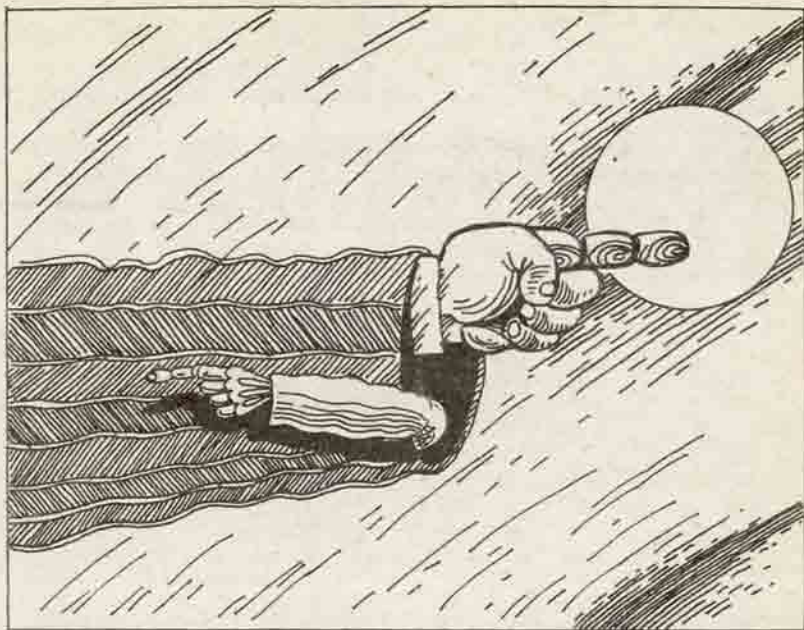
Обогащайтесь!

Как хотите, а мне немного жаль героя застойного времени — чудака и бессребренника, тихо ушедшего со сцены и из нашей общественной жизни.

Герой нашего времени — пред-

приниматель, бизнесмен, миллионер. А бедность... Она вопреки утверждению классика русской драматургии признана пороком.

На доморощенных гостиничных бизнесменов можно было не обращать внимания — велика честь! — если б не одно обстоятельство. Волей-неволей они являются «визитной карточкой» страны, одними из первых, кто дает гостю представление о нравах, уровне развития «предпринимательства». Так сказать, урок бизнеса «по-советски». Не могу знать, забывается ли этот урок или откладывается в сознании западного бизнесмена? Влияет ли на качество сделок с нашими предпринимателями и кооперативами? Если нет — почему нам стараются всучить товар похуже и подороже (дескать, для России и обноски сгодятся), а купить подешевле? Однажды я сам был свидетелем, как американский стальной маг-



нат, не моргнув глазом, предлагал нашему директору половину мировой цены за металл. Не признают Россию равноправным участником мирового рынка? Впрочем, мы еще и с внутренним не разобрались...

Специфическая российская мечтательность имеет свое особое имя — маниловщина. Нам все время кажется: еще немного, совсем чуть-чуть — и ухватим бога за бороду. И заживем!.. Совсем недавно уповали на хороший, сбалансированный план «пятилетки эффективности» и проч. «Сегодня наша страна достигла такого уровня развития, когда в качестве практической задачи стало создание материально-технической базы коммунизма. Партия выработала экономическую программу, соответствующую этой генеральной задаче. Важной составной частью программы является девятый пятилетний план развития на-

родного хозяйства СССР, успешно претворяемый в жизнь».

Так писал в 1975 году экономист Г. Х. Попов. В той же статье он громил капиталистическое производство: «Его цель — извлечение прибыли во имя обогащения горстки капиталистов за счет эксплуатации трудящихся». И вообще: «...если благодаря эффективному управлению отдельные корпорации добиваются производственных успехов, то это лишь усиливает эксплуатацию трудящихся... Углубляется неустойчивость всего кап. производства».

Сегодня он столь же убежденно внушает нам преимущества рынка, частной собственности. Читай — капитализма.

Я цитирую не из желания мимоходом бросить камень в чужой огород, поехидничать — слишком серьезный выбор нам предстоит сделать. Мне интересен образ мыслей, жизненная позиция на-

ших лидеров, сзывающих народ под свои знамена. И когда они меняют позиции на 180 градусов — извините, настораживает.

Наш популярный экономист не одинок. И сельскохозяйственный академик, поборник фермерства В. Тихонов был в то время апологетом колхозного строя. И некоторые прогрессивные литераторы восхваляли книжки Л. И. Брежнева, что бы они потом ни говорили... И многие, многие другие... Следовали конъюнктуре или добросовестно заблуждались? (Насчет заблуждений я сильно сомневаюсь. И не увенчанные степенями люди видели истинное положение дел в народном хозяйстве. Но, не имея возможности высказаться откровенно, молчали, как Василий Селюнин.) Так или иначе — объяснений по этому поводу никто не дает. А жаль...

Совершенно недавно Г. Х. Попов писал в «Огоньке»: *«Главное в перестройке в экономическом плане — это дележ государственной собственности между новыми владельцами. В проблеме этого дележа — суть перестройки, ее корень»*. Позвольте, но дележ однажды уже происходил, и мы знаем, чем он сопровождался. Это ведь большевиков одолевала маниакальная идея: как бы все на свете поделить по справедливости. Через семьдесят лет, стало быть, новый дележ, но навыворот? Новая гражданская война? Мирный дележ представить как-то очень трудно...

Итак, надежды на план и Госплан, программу партии рухнули. Теперь спасение видят исключительно в рынке: «Альтернативы рынку нет!» Правда, пропагандисты рынка осторожней — не обещают немедленных благ и земного рая в таком-то году. Предупреждают: придется немного потерпеть, будут некоторые лишения и неудобства. Зато потом!.. Рынок

становится таким же идиолом, каким прежде был план.

Но что такое рынок? Экономическая свобода, самостоятельность прежде всего. У нас эта свобода началась с индивидуальной трудовой деятельности. Когда ее официально узаконили, мы, по обыкновению, поначалу впали в ту самую маниловщину: близок день, когда пенсионеры, инвалиды, студенты — а на них в основном строился расчет — облагодетельствуют нас недорогими товарами и услугами. Расчет не сбился: на улицы и привокзальные площади вышли с лотками борцовского вида молодые парни. С первых дней они «выкинули» в продажу обилие необходимейших вещей — ножичков для фигурной резки овощей, корочек для различных документов, цветов.

— А почему тебя это раздражает? — спрашивал меня приятель. — Раз делают такие вещи — значит, есть спрос. Что ты хочешь? Рынок есть рынок.

Насчет законов спроса-предложения понятно. Но у большинства не очень денежного населения голова совсем другим занята: где бы овощи добыть? А уж чем порезать — найдется...

Если статистика знает все, пусть она скажет, сколько дееспособных рук ушло из промышленности ради изготовления ножичков, полупорнографии (с Указом Президента она вовсе не исчезла — ушла в кооперативные туалеты), безвкусных побрякушек и так далее? Какой вклад они внесли в небывалый провал прошлогоднего плана по ширпотребу? Конечно, есть другие индивидуалы и кооперативы. Шьют одежду, обувь... Но опять-таки и они работают на богатого, сытого покупателя.

Появление общепитовских кооперативов и даже «шашлычников»



наша пресса встретила в принципе доброжелательно. «Потерпите чуток, — утешали мы друг друга, — когда таких предпринимателей разведется побольше, начнется конкуренция, и цены снизятся».

Напротив редакции, у Савеловского вокзала, давно обосновалась полдюжина «шашлычников». Полагаете, цена зависит от спроса? Даже если нет наплыва оголодавших и на мангале остывает груды остывших шашлыков — никто ни копейки не сбавит. Цена у всех одинаковая — к чему им конкурировать? Еще недавно три крохотных кусочка свинины стоили рубль. В один день, как по команде, стало полтора по всей Москве. Было ли это связано с тройным повышением цен на рынках? По моему мнению — наоборот: неадекватный рост цен окончательно развеял миф о том, будто наши предприниматели покупают мясо на базаре. Одну историю о том,

как становятся кормильцами народа, знаю из первых рук.

...Инженер-строитель вышел на свободу. Что-то они нахимичили с финансами в своем СМУ. Пока сидел, жена подала на развод, из квартиры выписали. На работу нигде не берут — кому он такой нужен, с судимостью?

Парень обошел друзей, наскреб в долг сколько-то сот рублей. Снял квартиру у Рижского рынка. Подыскал напарника, студента кулинарного училища, и открыл свое «дело». С утра студент пирожки на кухне лепит-жарит, а после обеда инженер идет торговать. Штука — 50 коп. За одно лето решил все свои материальные проблемы... На рынке мясо покупал один раз — первый. А потом установил коммерческие связи: полсотни мяснику госмагазина — и лучший кусок его. Теперь вы понимаете, кому государство давало дотацию на мясо? Нас ус-

покаивали: это, мол, пена, она быстро сойдет. Не сходит. Напротив — густеет, крепчает.

Конкурировать меж собой частники не собираются. Выгодней поделить сферы влияния и установить единую цену. Конкуренция может возникнуть лишь в одном случае, если при том госмагазине откроют свою шашлычную, пирожковую. Но, слышно, магазины собираются «приватизировать»?

Будем точнее: конкуренция идет. Но не между предпринимателями — между ними и остальным населением. Председатель одного ремонтно-строительного кооператива рекламировал мне свое предприятие: заплатил — и никаких проблем с ремонтом квартиры.

— А если я, — спрашиваю, — сам могу класть плитку, паркет и хочу сэкономить немалую сумму?

— Дело ваше. Покупайте материалы и ремонтируйте сами.

— Да где я куплю, если ваши снабженцы все магазины до последнего гвоздя обчистили?

Председатель только пожал плечами.

Нет конкуренции и в сфере частной торговли спиртным, ставшей почти легальной. Если в самом начале антиалкогольной кампании рисковали дельцы-одиночки, то теперь образовались целые «кооперативы» с промышленным масштабом.

...Весь день сидит в кафе компания крепких молодых ребят. На столе у них бутылка водки либо портвейна. Компания не пьет, она на работе! Бутылка — образец имеющегося в данный момент продукта. Сам продукт — в большой сумке на полу. Они не очень-то скрывают свою предпринимательскую деятельность. Наверняка знает о ней (небескорыстно?) администрация кафе, знает близлежащее отделение милиции.

И ничего, ребята чувствуют себя уютно, несмотря на последний Закон СССР о спекуляции. Они — хозяева жизни?!

Никогда еще доходы спекулянтов и рабочих не достигали такого разрыва. Поэтому я отлично понимаю шахтеров Украины, которые в начале года потребовали двойного увеличения зарплаты. Республиканский премьер смог пообещать лишь шесть процентов.

А для крупных дельцов новый закон о спекуляции стал настоящим подарком. Юристы-практики (тут я сошлюсь на прокурора Донецкой области Н. Демиденко) сразу отметили большие лазейки для массы злоупотреблений. Дело в том, что уголовная ответственность наступает лишь за спекуляцию такими товарами, на которые установлены государственные розничные цены и которые скуплены в торговых организациях или иных предприятиях, реализующих товары населению. Что это означает на практике? Можно безбоязненно спекулировать товарами, скупленными за границей, в кооперативах, колхозах, на промышленных предприятиях. Вполне законным деянием становится также перепродажа вещей, купленных по так называемым договорным ценам. А список таких вещей длинен! Госкомцен разрешил свободные договорные цены на мебель, ковры, хрусталь, фарфор, радиотехнику... Словом, скупай товар и открывай частный магазин. Тем более новым законом признаны незначительными следующие нарушения: продажа товаров со складов, из подсобных помещений торговли и общепита; сокрытие товаров в крупных и особо крупных размерах...

Под экономической свободой у нас понимается свобода обдирать сограждан как липку. Причем

грабеж освящен демократически принятыми законами.

Осенью прошлого года заведующие московскими ведомственными детскими садами встретили многих родителей новостью: или будете платить 1700 рублей в год, или забирайте ребенка куда хотите. Заведующие не были садистами и самоуправцами. Они выполняли приказ руководителей предприятий. Смысл приказа таков: дотаций на «чужих» детей впредь давать не будем. Если родитель не служит на нашем заводе — пусть платит из своего кармана или просит помощи у родного предприятия. Но, скажите, кому в условиях хозрасчета охота платить постороннему детсаду? С другой стороны, у небольших бюджетных организаций такой возможности попросту нет. Как нет ее и у сидящих на мизерном окладе родителей (не говоря об одиночках).

Попытался ли кто-нибудь защитить интересы детей? Попытался. Мосгорисполком запретил делить малышей на своих и чужих. А толку? Директора заводов отказались выполнять распоряжение местных властей, ссылаясь на законы о собственности и предприятии. Заметьте: речь пока идет о государственных предприятиях, получивших ограниченную свободу. Чего нам ждать, когда они перейдут в кооперативную и частную собственность?

С детскими садами, допустим, проблему можно решить. Передать ведомственные в систему наработки, платить дотации из городских средств, как предлагает Моссовет. Беда в другом: не знаешь, с какой стороны ждать очередного удара...

Западные бизнесмены занимаются благотворительностью. Стараемся брать пример и в этом. Новые советские меценаты переводят деньги в Детский фонд, жертвуют детдомам, школам. Но па-

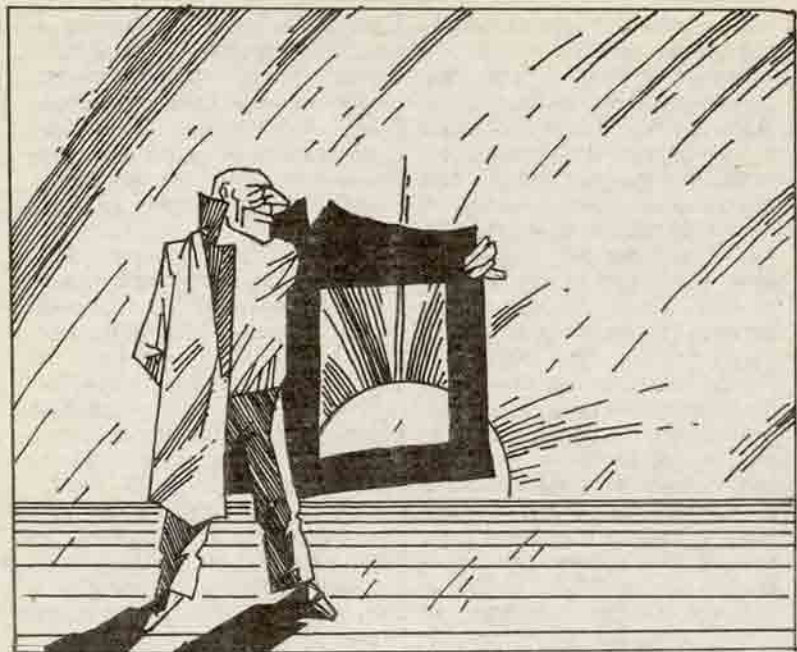
раллельно идут и другие, нерекламируемые процессы. Разные ЖЭКи и РЭУ, учреждения культуры стали выселять детские студии, клубы: кооперативы, совместные предприятия предложили хорошую плату за те же помещения. Нужны конкретные примеры, адреса?

В два счета руководство Измайловского ДК строителей изгнало детскую изостудию. 32 года руководит студией Михаил Тимофеевич Козлов; многие его ученики стали художниками, архитекторами, педагогами. Но этот центр духовной жизни оказался менее важен работникам культуры, чем... контора совместного предприятия. Вы думаете, новые бизнесмены хоть смутились, узнав, на чье место переселяются? Еще чего! Быстренько переоборудовали помещение, не пощадив при этом детские работы.

...Живем днем одним, рублем сиюминутным. Где уж там о вечном думать?!

Немаловажный вопрос: на чем будет основываться рынок? Судя по законам Российской Федерации — на частном предпринимательстве. Нам говорят: единственный выход из кризиса — разгосударствление и приватизация предприятий. Для начала они намерены распродать предприятия общепита, службы быта, коммунального хозяйства, магазины. В чьи руки все это попадет? Читаю в «Неделе» информацию из Тольятти: «Дабы ограничить проникновение в эту сферу теневиков, преимущественное право купли-продажи предоставляется самим работникам предприятия, перестояющего быть государственным. Продажа происходит на конкурсной основе, по рыночным ценам. Предприятия-банкроты идут с молотка».

Задача для школьника: выиг-



рает на конкурсе и аукционе рядовой продавец, парикмахер, рабочий — завмаг, наконец! — если он сам не теневик? Мне лично не кажутся беспочвенными опасения многих ученых людей, что советскими капиталистами станут в подавляющем большинстве дельцы теневой экономики, обогатившиеся на взятках чиновники и богатые иностранцы. Сомневаюсь также, что январский обмен сторублевков «обезвредил» криминальные капиталы. Та акция готовилась несколько месяцев, о ней заранее знало множество людей — например, граверы, печатники. Неужто ни один не предупредил своих родственников и друзей? А те — своих?

Ладно, скажут мне, если кто чего уворовал — дело прошлое. Пусть теперь честно отмывает деньги в законно купленном магазине. А что, такие мысли — позволить теневику выйти из тени на

божий свет — высказывались даже в «официальной» печати. Как бы заглянуть в будущее и узнать, что из этого выйдет?

Когда нужен пример, образец, доказательство — обычно обращают взор на Запад. Не стану отступать от традиции. Но с одной поправкой. Взглянем не на самый западный Запад, а на тот, что поближе — успевший пожить при тоталитарном социализме.

Что принесла приватизация Румынии? Вариант черного рынка. Частные магазины не уничтожили — наоборот, легализовали подпольную спекуляцию. Государственные же магазины совсем опустели: товары со складов попадают в основном частникам (разумеется, не за красивые глаза) и продаются по бешеным ценам. Для борьбы с подобными перекосами в торговле правительство вынуждено создавать вооруженную (!) финансовую гвардию!

Где основания надеяться, что у нас будет иначе? Руководители Москвы говорят о последующем расцвете приватизированной торговли, но кто бы сказал: какого «расцвета» цен надо ожидать? Если даже в госмагазинах начали продавать обычные овощные консервы по договорным (не с покупателем) ценам, то какую сумму надо будет брать, отправляясь в частный магазин за хлебом, овощами, молоком, сигаретами?

В оценках прошлого у нас существуют только две краски. Черная — для социалистического периода истории России, белая — для капиталистического. Во множестве выступлений четко прослеживается мысль: как хорошо жилось людям при помещиках, купцах и фабрикантах! Хлеб тогда за границей не покупали — напротив, продавали его в огромных количествах. Намет хлеба — точно, продавали. Ну, а чем еще могла торговать тогда Россия, кроме пшеницы, пеньки, льна и леса? Да и не все капиталисты были Третьяковыми, Морозовыми, Алексеевыми. По большей части они все-таки были Чумазыми. Это реальный человек — процветавший купец, владелец фабрики, описанный М. Е. Салтыковым (Н. Щедриным) в «Мелочах жизни». Как жили крестьяне и рабочие в конце прошлого века? Вот свидетельство современника, вице-губернатора и русского писателя:

«Русский крестьянин, который так терпеливо вынес на своих плечах иго крепостного права, мечтал, что с наступлением момента освобождения он поживет в мире и тишине и во всяком благом поспешении; но он ошибся в своих скромных надеждах: кабала словно приросла к нему... Хиреет русская деревня, с каждым годом все больше и больше беднеет.

О «добрых щах и браге», когда-то воспетых Державиным, нет и впомяне. Толокно да тюря; даже гречневая каша редкость. Население растет, а границы земельного надела остаются те же. Отхожие промыслы благодаря благосклонному участию Чумазого не представляют почти никакого подспорья.

Период помещичьего закрепощения канул в вечность, наступил период закрепощения чумазовского... Ужели бессрочно?»

Так что не надо идеализировать прошлого, представляя российских предпринимателей этими рыцарями чести.

Что ни говори, а у России своя особенность. Деловые люди у нас никогда не пользовались таким уважением, как бизнесмены на Западе. Перечитайте классиков! Впрочем, мы так задавлены текущей публицистикой, бесконечными спорами партий, движений, левых и правых, что на другое чтение времени не достает...

Социологи проводят опросы среди населения: вы за рынок или против? Немалая часть опрашиваемых — за. Но мне было бы очень интересно спросить: почему? Потому что хуже нынешней экономической системы быть не может? Потому что насмотрелись по телевизору умильных репортажей «оттуда»? Так ведь лет пяток назад совсем другое показывали, и тоже верили. Мне хотелось бы сделать осознанный выбор. А как его сделаешь, если даже среди специалистов сплошные раздоры? Раньше «рыночники» объявлялись врагами народа (правда, без расстрела), теперь — антирыночники. Обе стороны чужих аргументов абсолютно не приемлют; скоро от парламентских и газетных дебатов к рукопашной перейдут... Не могу не об-

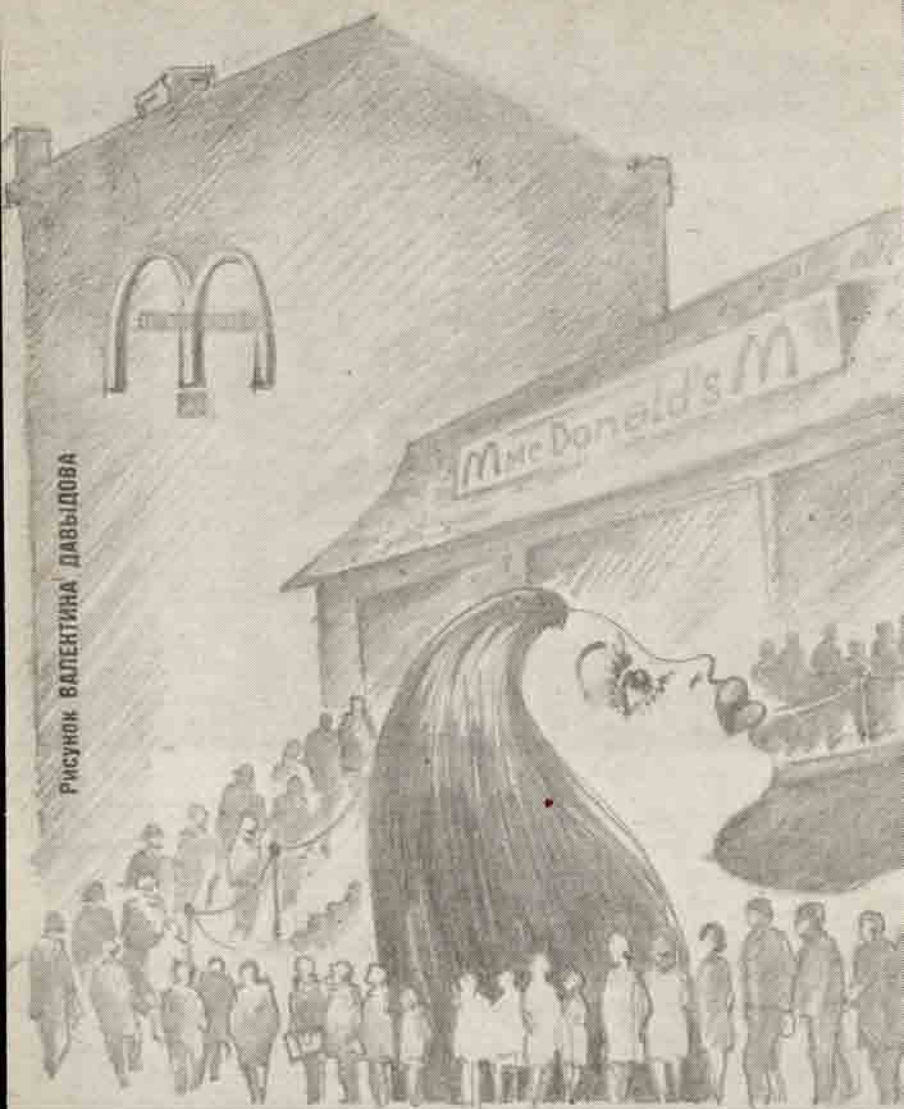
ратиться еще раз к Михаилу Евграфовичу — больно современно звучит: «Ибо в Пошехонье так уж исстари повелось, что дело не волк, в лес не убежит, а главнее всего надо личные счеты свести да рогами друг из дружки кишки выпустить. Вот это и будет настоящее «дело». И дедушки пошехонские, едучи на погост, сказывали, что при всякой беде нужно первым делом «лукавого» разыскать. Непременно, дескать, полегчит от этого. Сначала беду как рукой снимет, а потом и пошло писать благополучие...»

Кстати, многие современные экономисты-рыночники рассуждают о рынке, зная его извне, со стороны. В лучшем случае — на основе коротких командировок. Ну, а кратковременному гостю вряд ли показывают изнанку бизнеса. А вот мнение известного русского философа Александра Зиновьева, тринадцатый год не по своей воле живущего на Западе: «Повторяю и подчеркиваю — экономика Запада есть прежде всего жесткая структура с отношениями субординации и координации... Это есть диктатура банков, их объединений и сговоров, причем диктатура не менее беспощадная, чем диктатура коммунистического государства. Это, далее, есть диктатура гигантских фирм, их объединений и сговоров. Это есть педантичное государственное законодательство и система органов невыборной власти, оберегающие порядок в этом механизме общества и в интересах его хозяев... И лишь в последнюю очередь — конкуренция неких «свободных» участников на некоем «свободном» рынке, играющая роль ничтожную, раздуваемую в интересах идеологического оболванивания масс... Западные политики и теоретики так охотно стали помогать советским собратьям советами по

перестройке экономики якобы по западным образцам прежде всего потому, что они знали наперед невозможность для Советского Союза преуспеть на этом пути и неизбежность углубления кризиса советской экономики в случае, если хозяева советского общества всерьез клюнули бы на эту коварную приманку. Кажется, они добились в этом успеха».

Русский философ неубедителен? Что ж, приведем слова «чистого» американца — экономиста Джона Гэлбрейта. Он считает, что специалисты, толкующие «о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера». Да не подадут на меня в суд за оскорбление — так у автора.

Приведет ли страну к расцвету новый герой-бизнесмен? Было бы несправедливо не сказать о предпринимателях, ставящих дело на солидную ногу, вкладывающих средства в развитие производства, несмотря на непредсказуемые действия наших законодателей и властей (прикрыли же они торгово-закупочные кооперативы, ввели грабительские налоги). Но давайте отдавать себе отчет: быстро, одним махом мы в мир цивилизованного бизнеса не перескочим, учитывая и российские нравы, и непривычку жить собственным делом. Боюсь, длительным этапом будет «дикий» капитализм стадии первоначального накопления. Эпохи Адама Смита. Собственно, этот этап уже наступил — оглянитесь вокруг себя! Как минимум в этом веке преобладать будут не хозяева, но хозяйчики, для которых главная цель — отнюдь не реализация общественно значимых идей и проектов...



ЗОЛОТЫЕ



ВОПРОТА

**АЛЬБЕРТ
ЕГАЗАРОВ**

«Здравствуй, Мери.

Привет из России. Удивляешься? Я думаю. Ты можешь проверить, конечно, но лучше поверь, я пишу эти строки, я, твой Ник, который никогда, ничего, никому. И вдруг — «пишу»... Знаешь, мне тут рассказали, что во времена, когда все делалось с завитушками (и у нас, оказывается, тоже), дама, получая письма от своего воздыхателя, по одному лишь почерку могла дообразить все остальное. Представь, в письме он пишет: «Милостивая государыня! Ваше расположение ко мне, а также мой долг и искреннее, непреходящее восхищение Вашей особой понуждают меня... и т. д. и т. п.» — и что же? Она вся пылает, наклон букв тому виной или нажим пера (перья, моя крошка, как мне здесь объяснили, применялись для письма, и почему-то чаще всего гусиные, наверное, оттого, что гусь в представлении русских особым образом был связан со сферой половых влечений, неуместно называемых любовью, и еще, вероятно, — в силу своей крикливости, что ли — с поэзией: в отделах плаката, весьма любимых мной, часто ловишь себя на том, что почему-то стоишь, переполненный малопонятными тебе чувствами, и тупо смотришь на поэта с черствым взглядом и рыжими бакенбардами и с этим самым ритуальным пером, символизирующим томление духа, с годами, по-видимому, исчезнувшее, во всяком случае, перьев иконописцы стали избегать, а может, и сталь, сменившая их, казалась им непоэтичной, правда, на короткое время, изящно закругленные, они проявились вновь, к ним еще прилагалась чернильница — такая стекляшечка с синей жидкостью, знаешь, нужна была немалая ссорка, чтобы не перемазаться, — погоди, занесло, с чего я начал-то... Ага, вспомнил. Дама, значит, пылает самым настоящим жаром, заметь (у нее повышается температура), а возбуждение таково, что из-за дрожи она не может потом попасть губами на нужные строки, чтобы распеловать их, потом из глаз ее хлещет настоящий водопад из слез, смывая большую часть написанного, но она и так уже помнит наизусть не только текст, но и последний вензель (забыл тебе сказать — раньше написанное от руки выглядело совсем по-иному, а в России так и по-прежнему, ну, примерно... даже не знаю с чем сравнить, во! на вывеске увидел — оказывается, прямо перед глазами висит, над «Армией», — почти как на бутылке «Колы», только кудрявей гораздо), ну а чем кончался весь этот экстаз, сама знаешь. В общем, не письмо, а рыцарь в конверте.

Ну и она ему после «прочтения»: «Милостивый государь! Ваш любезный отклик на мое послание, овеванное тоской, навеянной разлукой...» (тебе все это сразу понять будет трудно, тут привычка нужна, а русским сие в два счета, они еще и не такие закавыки разбирают)... Вот теперь ты знаешь, Мери, почему я тебе не звоню. Только не смейся, пожалуйста! То, что здесь называется почерком, у меня хромает, конечно, я стараюсь...

Если и не в первый раз, то все же, надеюсь, ты останешься без претензий. А так, без писем если, говорят, ты мне «изменять» будешь. Ну это если с другими, без моего участия, живьем или посредством писем. Здесь это считается страшным позором, если девушка тебе «изменяет». Мой русский коллега, Сергей, говорит, что я здесь, в России, как в армии, а из армии женихов положено «ждать». У них тут песня такая есть: «...солдат вернется, ты только жди!». Но русское «жди» совсем не похоже на наше. Русское «ждать» похоже на пост или караул, или на торжественное обещание. У них здесь многое находится на посту и начинается с торжественных обещаний.

Мери, не изменяй мне, пожалуйста!

Не думай, что я нарочно заставляю тебя ждать! Я хотел позвонить, но здесь нужно заказывать, и я делал это — чего не сделаешь ради тебя, моя крошка! — но... ты не знаешь, даже представить себе не можешь: Россия — страна причин. Здесь, Мери, ничего не случается просто так, здесь вообще ничего не случается, здесь все «происходит вследствие того...», несчастные случаи объясняются чьим-то просчетом или злым умыслом, нехватка масла — событиями в Иране, а экономическое отставание — еврейским заговором. Видишь ли, когда исправна линия, неисправен лифт, а когда исправно и то и другое — не принимают заказы; здесь нужно торопиться, когда времени у тебя, казалось, вдоволь (его может съесть кто угодно, скажем, гардеробщик, ушедший пить чай через дорогу к своему приятелю вахтеру; и ты его не достанешь, потому что для прохода «на территорию» нужен пропуск), а если ты куда-то опаздываешь — наоборот, можно не спешить (однажды я чуть не попал в аварию — таксист потребовал с меня семь долларов за скорость, я согласился, конечно, это же мелочь, у нас, в Торонто, это бы стоило долларов двадцать, так он от радости чуть старушку не сшиб, потом два раза нас останавливали полицейские, и я удивлялся его благородству — оба раза он платил полисменам по десять рублей, ради меня — сэкономил время на разбирательства, — и еще целых полмили ехал по противоположной полосе, и мы не отправились в мир иной только потому, что встречный мобиль, тоже на дикой скорости, ехал по чужой стороне, по нашей, значит... Так вот, я успел. Невероятно... Оставалось еще целых пять минут, правда, нужно было отыскать свой путь, я взглянул на табло: моего поезда там не было. Я бросился к перронам, пытаюсь по дороге расспросить носильщиков, они, конечно же, ничего не знали; только потом до меня дошло, что и здесь доллар или два были бы хорошим подспорьем. И все же за оставшиеся три минуты я успел обежать все платформы. Поезда не было. Знаешь, Мери, здесь, на вокзале, я еще раз убедился: Россия не только страна причин, но и чего-то действительно общего, принимающего то форму очереди, то собрания, то толпы, — кстати, уже через несколько минут внушительная (трудно подобрать точное слово), скажем, общность, вооруженная чемоданами и огромными тюками (опухоль на колене, между прочим, спала только вчера, а плащ пришлось выбросить), носилась со мной по перронам и вдруг стала как вкопан-

ная, когда в абракадабре информатора проскочило «Москва — Мариуполь». Я воскликнул: «Наконец-то!» — по-русски, между прочим (здесь, в России, это очень важное слово, и поэтому я его выгучил сразу же), но мои попугачики посмотрели на меня с тем особенным чувством сожаления и ненависти, присущим только гражданам этой страны, что я понял — что-то не так, и в самом деле, «не так» было все: «поезд отправлением задерживается», — пытались объяснить мне самые терпеливые доброжелатели, но я, признаюсь тебе, так и не понял, что значит «отправлением задерживается», думая, как мне казалось, справедливо, что для поездов нелетной погоды быть не должно. «Отправлением» поезд задержали на шесть часов, но на нем я уехать не смог: распухшее колено не давало мне ступить ни шагу. Пришлось вернуться и показать шишку врачу. А у врача, Мери... (Ой, нет, про врача, я, конечно, не буду, совсем забыл, что это всего лишь отступление, а отступление, Мери, должно быть временным, так учит нас... да, пора действительно заканчивать, а то меня что-то... проваливает и нужно спешить — русские уже закончили уборку, и кажется... нет, слава Богу, показалось.) Так вот, Мери, после этой скобки, которой я наконец-то обрубил свои приключения, я хотел сказать тебе, что в России, когда торопишься, можно спешить, а можно и... не спешить — результат все равно от тебя не зависит: думаю, что и тот злосчастный поезд, отнявший у моего письма столько места, «задержался отправлением» потому лишь, что успевающих опаздывающих было довольно, чтобы имело смысл их проучить.

Хочу признаться тебе, Мери, что вечерами я сижу в общем зале и, глядя на красную шербающую рекламу «Кока-Колы», думаю о тебе. Ниже я стараюсь не смотреть. Ниже, Мери, серый дом с молчащими окнами и горящим страшным словом «Армения».

Я не знаю, Мери, что здесь со мной делается. Завтра нужно сдавать отчет, я отложил работу, чтобы написать тебе письмо, в котором бы отразились все мои чувства к тебе, а в результате ты будешь читать о моих приключениях на Курском вокзале, и никакого изящества в строке, и вообще...

Не изменяй мне, Мери, пожалуйста!

Крепко целую, твой вечно Ник».

2.

«Милая Мери!

Теперь ты убедилась, что ко мне действительно нельзя дозвониться, и как чудесно то, что теперь мы будем писать друг другу взаимно. Хуже односторонней любви может быть только неразделенная переписка. И что остается от телефонных разговоров, Мери, подумай? — ничего — погасшая вибрация, а письма... твои письма, Мери, это частичка самой тебя; у меня дрожали руки, когда я получал конверт с твоим адресом. Жаль, что и у тебя почерк без завитушек. Я не рассчитывал, конечно, но втайне надеялся. Ничего, попытаюсь и в этих следах не окрепшей еще руки найти запись твоих переживаний.

И почему ты считаешь, что я свихнулся? Поверь, я не хочу сделать тебя калекой. Разве физическое воздержание приводит к ущербу? А потом... я же говорил — буду писать. И еще, Мери, дамам как-то не пристало употреблять в письмах слова «онанировать», «трахать», на бумаге все это выглядит отвратительно и не способствует чистоте отношений в будущей семье. Тем более я совсем другое имел в виду. И экстаз, Мери, не сводится исключительно к физиологическим проявлениям.

Да, Мери, я понимаю, тебе не понравились мои настроения, поверь, мне тоже. Сейчас совсем другое дело. Я больше не смотрю на рекламу «Кока-Колы», тем более что от «Колы» осталась «Ола» — этим именем в России зовут почти половину девушек, и все они... Да, что касается моих служебных обязанностей, то в настоящий момент я выполняю функции супервизора зала. Ты не представляешь, Мери, каким огромным, всенародным успехом пользуется наш ресторан. Видела ли ты когда-нибудь и где-нибудь огромную очередь, выходящую у нашего «Мака» подобно русской вьюге. Нет! Не видела. И вообразить даже не сможешь. Жалким подобием может быть очередь на «Джоконду», тебе, вероятно, известен снимок в «Ньюсуике». Но то была очередь (Line), а это Ocheryed, перевести нельзя — весь персонал так и называет Ее по-русски — Ocheryed. А дальше — дальше, Мери, происходят фантастические трансформации первичной Очереди в сеть вторичных — у касс. Представь, все 14 касс при полной автоматизации обслуживания работают непрерывно! Разве не фантастично все это!

Мери, вспомни сонные часы, вначале в университете, потом в муниципальном бюро, ничем не лучше было прозябание в полупустом «Маке» — развилки с никому не нужными статсводками, вспомни и попытайся вообразить: я — хозяин сверкающего зала в этой бледной, серой, неустроенной восточной столице, зала, через который ежедневно проходит несколько десятков тысяч человек (извини, но точную цифру сообщить не могу — с нас взяли подписку), зала, где конденсируются не только гастрономические влечения — Шеф говорит, что первый русский «Мак» — Храм Торжества Демократии и Технологии, и что здесь, в «Биг-Маках» и «Гамбургерах» не только говядина, специально для России в рецепт введена сыворотка антитоталитаризма — и обыкновенные ТАМ бутерброды ЗДЕСЬ — причастие. Помнишь ли ты конфирмацию, Мери? Знаешь, оказывается, я до сих пор завидую тому священнику, который поднес мне облатку.

Извини, Мери, я взволнован, поэтому несколько бессвязен, но, находясь у истоков великого дела, чувствуешь большую ответственность, возложенную на тебя, то... А по воздуху, знаешь ли, Мери, передаются не только инфекционные болезни — ведь можно быть и рассадником благородных идей. Прививаем деловитость, расчетливость, обязательность. И, говорят, эффективно; есть случаи излечения: на щеках одного подмосковного совхозного мертвеца, обвешанного нашим дыханием, уже играет румянец процветания. Даже скот это почувствовал: на нашу переработку едет с плясовой, а на соседнюю — с жалобным

стоном. Правда, коровы нашего соседа, совхоза «Красный рас-свет», и мычать-то не умеют, духу, наверное, не хватает».

3.

«Я не стал дожидаться твоего ответа, моя милая Мери. В прошлый раз я был сильно взволнован, когда писал тебе письмо. Я нарочно не упоминал о своих надеждах, чтобы не отпугнуть благоволящее мне провидение. Теперь я приветствую тебя в качестве Главного Супервизора Очереди. Что же способствовало моему успеху, спросишь ты. Не помню, говорил ли я тебе, что трудовую вахту на этом посту нес Пит. Тяжелая работа, Мери, очень тяжелая. Пит оказался не приспособленным к местным условиям. И знания, опять же, не те. Я же в последнее время усиленно штудировал «Теорию массового обслуживания», а Пита «уговорили» однажды, хотя это строгойше запрещено. Потом, как водится, было собрание, и все выступали с осуждением. Пит вначале улыбался, собрание казалось ему взрослой игрой, но потом он вдруг перестал бросать шутливые реплики, стоял мрачный и все больше краснел; затем выступил я; критика была объективной и была точно в цель. Потом голосовали, и собрание постановило: «по личной просьбе перевести Пита супервизором зала» — это чтобы родных не расстраивать. Здесь так принято, Мери: «в связи с собственным желанием», «по состоянию здоровья», а также «в связи с повышением в должности» и «уходом на пенсию». Других формулировок не допускается.

Мери, письма идут так долго, и еще дольше ответы, поэтому я решил прервать мое послание, чтобы дописать его завтра, уже после того, как я, в синей, цвета вечеряющего неба, униформе, улыбающийся, с хорошей отдушкой фирменным московским парфумом — «Огни Москвы» — смотрю сквозь надраенные стекла на возбужденные лица прихожан, на детей, дергающих своих мам за рукав: «А что, мама, правда, что здесь все-все-все, как в Америке?» — и улыбающаяся мама гордо отвечает сыну: «Да, сынок, правда», — и отрок уже победоносно озирается на проходящих мимо сверстников, дабы излить на них чашу своего превосходства... на молодые пары — те в сверкающих чистотой интерьерах высматривают делеемое будущее, и уже не прогадает торговец пропусками в рай — прихожане приговорены — месса сыграна великолепно — потертый ксерокс анкеты за сорок рублей: «Налетай! Пок-купай! Новая Зеландия, Тринидад, Тобаго, Зимбабве и Австралия! У ваших ног, уважаемые господа эмигранты, нужно только аккуратно заполнить, че-ернилами!» Вижу старушек, сжимающих в сухих, уже не потягивающих руках смятые червонцы, добытые последней сдачей бутылок, и ощущающих смятение от долгого обмана, в котором они жили, убирая грязные, просаленные и прокопченные залы общепита; и кренко сбитых людей, одетых в хорошие, но одинаковые костюмы и выражения лиц, настороженных, словно в предчувствии готовящейся провокации, опасно-наглых, как щипач, успевший выдернуть руку из кармана и оружий пуще всех

«Держи вора!», в сверкающих оправках вижу людей, завитых дам при них, униженных кольцами; роскошных московских проституток, небрежно хлопающих дверцами собственных авто, кучку жалкого вида волосатиков — студентов близлежащего института литературы, Пучкова Дмитрия Сергеевича, написавшего этот блестящий пассаж, который, ты уж извини, Мери, я только перевел, когда тот сидел у нас в подсобке, ожидая разбирательства: видишь ли, этот тип требовал огромных штрафов за причиненный ему ущерб — сломанный зуб (экспертиза, кстати, определила, что зуб был сломан три месяца тому назад, а потом выяснилось, что и показывает он его, как свидетельство насилия, не в первый раз). Он наглый, но обаятельный, этот Пучков. Я тебе не писал еще, но, по-моему, мы странно сблизились.

Заглянул в начало абзаца и подумал: что это со мной? Хотел закончить, чтобы выспаться перед началом ответственного дня, а уже утро и куча исписанных листков на столе — и все это я — перевод редактировал, друга. Стоп! Уже друга?..

Все началось с того, что я не выспался, и, когда по сценарию должен был смотреть сквозь хрустальную преграду во внешний мир, глаза у меня были красные и воспаленные. Но улыбка, говорят, держалась на мне с самого прихода и до конца, хотя сам я ничего не помню.

Но этих четверых — рослых, крупноголовых, с короткой стрижкой темных волос, легко протаранивших очередь и окруживших меня, — я запомнил хорошо. Поначалу я просто ничего не понимал: они мне предлагали деньги за то лишь, чтобы я их не забывал, — рублей триста, кажется; а потом пытались внушить, что им бывает нужно иногда быстро зайти в наш ресторан, но мешает очередь. Я им ответил, что наш ресторан как раз и создан, чтобы обслуживать быстро, в ответ на что один из них, ткнув меня толстым волосатым пальцем в грудь, со странным шипящим акцентом сказал: «Палтары час, нэ хочыш. Без оцэрэдз будыш пускат, поныл?» Я им отказал, конечно. Исключений мы ни для кого не делаем и гордимся этим принципом. Тронуть они меня не посмели, но, уходя, сказали: «Што, прыбыл, хочыш? Палучыш прыбыл и убыл палучыш — всо палучыш».

Радостных, просветленных лиц прихожан, достигших после долгого стояния нашего сверкающего входа, сегодня я уже не видел; одних лишь обремененных заботами, страхами и тихой взаимной ненавистью людей. Ничего, один-два приема, и сыворотка подействует.

К тому же, говорят, я улыбался.

Я улыбался, Мери, слышишь, весь день!»

4.

«Я твердо решил дождаться, Мери, твоего ответа и лишь потом написать тебе. С великой радостью я вскрыл конверт, подписанный твоей рукой, и... чуть не растоптал его содержимое. Вместо живой трепетной строчки твоей, пусть неумелой, руки — мертвый «эксельсиор» текст-процессора. Я понимаю, Мери, тебе проще писать на машинке, но твои письма, липен-

ные обаяния почерка, уже... Ах, если бы это восполнялось обаянием чувства или мысли. Но ты говоришь мне, чтобы я меньше глумил, называешь меня крошкой и в каждом абзаце напоминаешь, чтобы я купил тебе в России каракулеву папаху, длинное пальто типа «шинель» у Зайцева и пасхальное лаковое яйцо с собором Василия Блаженного.

Мне казалось, ты все понимаешь, Мери. Но что выходит? Я пишу тебе о том, что здесь не просто работа, а настоящая борьба за лучшее будущее этого народа, что у нас здесь миссия, а ты, вслед за напоминаниями о покупках, заклинаешь меня не ходить в ночной бар гостиницы «Космос», потому что «Ньюсуик» пишет: там — проститутки, грабежи и убийства, и что ты все это знаешь лучше меня, потому что я глупый, а «Ньюсуик» не врет.

Ты считаешь, что я изменился, интересуюсь чепухой — нет, Мери, раньше я просто спал, теперь осознаю, что сплю и уже начинаю ворочаться, а скоро проснусь окончательно. Только здесь я начал понимать истинный вес явлений. То, за чем я гонялся у нас и что, собственно говоря, привело меня в Россию, так называемое «процветание», ничего не стоит — нагими мы пришли в этот мир, нагими из него и уйдем. Ты спрашиваешь совета, какое авто лучше подходит к очертаниям твоей фигуры, а что есть авто, как не ящик, перевозящий наше и так донельзя развращенное тело, но не из одного места в другое, как мы думаем, а все дальше и дальше от естественной жизни. Тебе, наверное, опять будет казаться, что если я не свихнулся, то это наркотики. Так вот, со всей ответственностью заявляю тебе, милая моя, что случаев употребления наркотиков у меня не имелось, а также смею уверить, что, несмотря на небрежный тон твоих писем, твой Ник продолжает оставаться верным своей нежной и нерушимой привязанности к тебе. В чем соглашусь без колебаний, так это в некоторой многословности, присущей, впрочем, здешней жизни, в которой магия тягучего слова всегда играла не последнюю роль. Просьбу же твою быть более занимательным в рассказах постараюсь выполнить, а сейчас позволь мне выдвинуть для обсуждения одно предложение, касающееся тебя.

Я скучаю. Да, представь себе, я скучаю. Засыпая после тяжелого дня, я думаю о том, как ты приедешь и мы сходим с тобой, мы сходим с тобой, сейчас... ну, в общем, сходим куда-нибудь. И потом, я думаю, мы сможем какое-то время поработать вместе. Есть один пост, постоянно становящийся вакантным, — на выходе. Русские девушки больше трех дней там не выдерживают, хотя многих из них мы отправляем стажироваться в Канаду и США. Они проходят все тесты, мы изучаем кинограммы их мимики, но после трех дней, как будто кто-то делает им пластическую операцию по удалению улыбок, и заставить их естественно улыбнуться не представляется уже никакой возможности. Со словом «спасибо» еще хуже. Они его говорят словно на чужом языке и забывают буквально на следующий день. С большей охотой они зовут на помощь наряд милиции, если кто-то нахально лезет с выхода. Тогда на их лицах появляется выражение подлинной живости.

Есть еще один щекотливый вопрос, Мери, он тоже касается входа с выхода. Не кругли глаза, пожалуйста, и не воображай, что я накурился травы. Мне придется объяснить тебе этот семантический оксюморон «вход выхода». Видишь ли, у русских все наоборот. Если у нас для приема почетных гостей пользуются входом парадным, то здесь парадный вход — нечто вроде бутафории, существуют даже идиомы типа «человек с улицы», «человек с парадного входа», а зайти с парадного — означает заранее обречь себя на неудачу; «он по парадным ходит» — пентюх, неудачный проситель; наибольшим же престижем обладают люди, допущенные с черного. О, нет, не подумай! Это не слуги. Люди «черного хода» могут быть весьма уважаемы, и даже мировые знаменитости встречаются среди них. Тот же ДСП рассказывал мне об особом посвятельном ритуале черного хода, в котором фигурируют те же лица, что и в масонских братствах: адепт, неофит, экзекутор. По-видимому, принцип «черноходовой» кластеризации есть пережиток дворянско-масонской традиции и национальной склонности к эзотерии. Надеюсь, теперь ты поймешь, сколь важно незаметно отличать посвященных от непосвященных, не роняя репутации «самого демократичного общепита».

В заключение к сказанному считаю нужным уверить тебя, Мери, что «McDonalds», невзирая на временные трудности, а также преодолевая все препятствия, предотвращая заговор враждебно настроенных сил, продолжает оставаться форпостом демократической реформации советского общепита и, шире, советского общества, и никакие срывы поставок, никакие перебои в энерго- и водоснабжении не заставят свернуть его с намеченного пути. Все так же гордо будут реять в стеклянной рубке флаги держав, ставших на путь содружества и мирных перемен».

5.

«Как я уже обещал ранее, Мери, мои письма в дальнейшем будут опираться на факты, а не на эмоции. По-видимому, эмоции, преодолев океан, искажаются в такой степени, что в никакой мере не соответствуют их подлинному смыслу. Факты остаются фактами вплоть до полного их уничтожения. Это не я — это Пучков Д. С. так говорит об истории своей Родины. А я расскажу тебе в подробностях о функциях Главного Супервизора Очереди. Тем более что на вчерашнем собрании я делал квартальный отчет о проведенной работе. Забегая вперед, скажу тебе, что моя фотография теперь будет висеть на общемаковской Доске Почета.

Представляешь, это же во всех уголках земного шара! Ее отправят телефаксом уже завтра, а послезавтра ты можешь зайти и взглянуть. Правда, для тебя это «послезавтра» пройдет неделю назад. Но ты будешь должна получить телеграмму.

Теперь о докладе. Его основные выводы опирались на одно сделанное мною открытие: 20 процентов зала, заполняясь так

называемыми завсегдатаями, почти не приносят дохода — 5 руб/место час против 50 в среднем по ресторану. Конечно, это не те завсегдатаи, к которым мы привыкли. Это так называемая «тусовка», школьники, отчаявшиеся влюбленные, а может быть, и просто маньяки блеска. Проведя исследования «тусовки» и количественно оценив ущерб, приносимый ей, я предложил способ повышения фондоотдачи. Во-первых, необходимо устранить возможность присоединения «тусовки» к своему представителю-маяку (по крайней мере на последних этапах очередепрохождения) путем постановки заграждения; во-вторых: психологический прессинг по залу, как то — превентивная уборка (разумеется, с испрошением разрешения), а также, самое основное, запуск не по наличию свободных мест в зале, а по наличию таковых у полностью контролируемых нами касс. Не думай, что этим мы обрекаем посетителей на бесплодные скитания в поисках места. Образующий из-за некоторого дискомфорта психический фон нетерпения негативно воздействует на «завсегдатаев» и ускоряет процесс их ухода. Вторым пунктом повестки дня были опять же мои предложения по оптимизации формы очереди, длина которой порой достигала мили (а это одновременно 5—7 тысяч человек). Причина — жалоба из Моссовета в связи с вытаптыванием газонов. Я предложил следующие три частично управляемые формы:



Рис. 1

Это несколько увеличит штат сотрудников, зато полностью избавит нас от штрафов и общественного недовольства. И здесь, Мери, ничего не поделаешь: принимая дары, смотри на дающие руки».

6.

«Введение раций, Мери, устранило скопившиеся трудности коммуникаций и усилило контроль и учет динамики очереди. Теперь все сорок надсмотрщиков из русского персонала могут мгновенно обращаться ко мне за указаниями и реагировать на мои команды. После инцидента у фонтана мы стали обращать особое внимание на физические данные зрителей Очереди. Поочередно, группами по семь человек, юноши проходят подготовку в школе боевых искусств. Разумеется, за счет фирмы. Но, даже учитывая это, я ходатайствую перед исполкомом о получении разрешения на ношение облегченных дубинок. Однако и без всякого оружия, обладая только возросшей квалификацией организующих сил, нам удалось сгруппировать очередь в колонну по четыре и устранить всякие перемещения в ней. Я отдал приказ зрителям безукоснительно соблюдать 5 запо-

ведей очереди: 1) Вошедший в очередь — уже посетитель «Мака». 2) Территория очереди — ответственность «Мака», соблюдай правила ресторана. 3) Отошел — выбыл. 4) Полез — получай! 5) Уважай кормящих тебя!»

7.

«Мери, я совсем не стал черствым. Этот стиль, который ты называешь «скребом по железу», образуется сам по себе. Видно, сама действительность здесь разговаривает таким языком. Что могу поделаться я, Мери, слабый человек... А тебя так здесь не хватает. Твоей жизнерадостности и, прости, иногда даже легкости и поверхностности. Девушки, представь себе, так и не научились улыбаться. И уж совсем плохо шли у них дела с кастой «входа на выходе». Пришлось вводить пропуска, но ты же знаешь, когда в дело вовлекаются все новые и новые бумаги, их движение отнимает тонкую энергию у самих событий. А какие могут быть привилегии в самом демократичном в мире образовании? Пропуска на внеочередное обслуживание есть, а привилегий нет. Я еще немного смущаюсь, когда, утверждая это, впадаю тем самым в противоречие, но ДСП меня успокоил, сказав, что формальная логика здесь ни при чем, одни мучения с ней, с формальной; противоречия — стихия логики диалектической. Вся страна уже давно живет в ней. Он и учебник обещал принести. Толстый.

А все началось с того, что одному весьма неприятному типу из муниципалитета я выдал несколько незаполненных пропусков — но он обещал дать машины для уборки улиц — я не оправдываюсь, Мери, но это все же дешевле, чем покупать свои. Это было необходимо, нас запросто могли закрыть по санитарным причинам: вся округа была завалена фирменной посудой «Мака». И знаешь, в последнее время мне кажется, что это не просто небрежность наших клиентов, я думаю, что существует заговор враждебных сил, видимо, питающихся нашей нестабильностью. Потом ситуация с пропусками мистическим образом повторилась, но на сей раз пришла просить какая-то мелочь из ЖЭКа, и я сказал ей, этой мелочи, что «Мак» одинаков для всех — это его знамя. Он презрительно усмехнулся, а через день прямо на пути очереди экскаваторы вырыли огромную канаву, разбросав вокруг землю и осколки бетонных труб.

А здесь еще и таракан обнаружился в средней булке «Биг-Мака», настоящий, рыжий, с усами, а когда школьники валом повалили к кассам с запеченными в половинках гамбургеров мухам, Главного швырнуло в такую ярость и озноб, что очнулся он от него только в больничной палате, а мухи оказались липовыми, т. е., пластиковыми, но таракан настоящий, и крыса, обнаруженная лично мной ночью, тоже, увы, была настоящая и огромная, как щенок сенбернара, и чуть не вышел конфуз, когда она, обожравшись из оставленного в зале пакета, спала в нем до самого открытия, а утром, стыдливо виляя перед первыми посетителями, рванула к двери, и хорошо, что рядом со входом в подвал оказался Рэнди — быстренько впустил ее...

Я едва разыскал этого негодяя. Он сказал, что не помнит меня. Я трижды извинился, и трижды он сладострастно поерзал в кресле, не смущаясь взгляда своего давно умершего вождя. Хотя, быть может, я не прав, и у него геморрой, который он тщетно пытается скрыть. Тогда я протянул ему целую кипу пропусков, умоляя ускорить или прекратить работы. Он с таким негодованием выбил из моей руки бланки, что я засомневался.

Кажется, я покраснел. Он снисходительно похлопал меня по плечу и, приговаривая: «ну что ж это вы, батенька!» — выпроводил.

Теперь он пришел сам. Принес выбитые карточки. Сказал, что «так» не делается и что я что-то забыл. Карточек было шесть, хотя я помню, что приносил ему тридцать. «Уборщица смела. А эти — на столе — остались», — пояснил он, нагло сверля меня глазами. Из-за ямы мы теряли в день тысяч сорок. Я не знал, что делать. Полез в карман — там было долларов триста. Тот посмотрел на меня совсем уж как на помешанного, с жалостью и презрением. Теперь я готов был отдать и тысячу. Он угадал мои мысли и усмехнулся, и в глаза заглянул, честно и прямо.

И на лице у него было такое выражение, будто бы я у него теперь в сети бултыхаюсь, как у Ивана-дурака шука в неводе, и уже не о сотнях и тысячах идет речь, а о чем-то более важном — свободе и правах. Я судорожно пытался вспомнить законы этой страны, но то, что приходило в голову, было так чудовищно, что я совсем растерялся и наделал бы черт знает каких глупостей: гостю спасибо, что первый нарушил молчание. «Прекратить-то звоно, я его, конечно, могу, отчего же не смочь-то, да ответственность, эковую, кто, ерш прорастаи, мне сдрючнет? Трубы с энтового года не получали, а как их насучишь, ежли списано все под завяз на шесть лет вперед...»

Что-то магически устрашающее крылось в этой абракадабре, какое-то древнее заклинание, я ничего не понял, конечно, но, признаюсь, испугался и вновь зашарил по карманам. «...А ЖЭКли для ГЭКли проектли... но план календарный! а районная слава, гранитный почет?»

Может быть, он сейчас в трансе, пришло мне в голову, и в нем говорит дух Кецалькоатля, вождя и бога тольтеков?

«...Но можно, — сказал он вдруг ясным голосом, — только вот вы же там, поди, не хуже, чем здесь, и везде и во всем: женщины там, виски, казино... а мы в грязи, трубы, отчеты, немыты... Я вот слышал, манекенов у вас там выпускают, ну женского, понятно, полу... — здесь он покраснел просто очаровательно, — и это... говорят, знаменитых образцов копируют, — гость перешел на шепот, — ну и с подогревом чтоб, скажем, как у нас — с теплотрассой, значит... и само собой, чтоб с этой...» — тут глаза его жадно и стыдливо сверкнули и поехали вниз.

Знаешь, Мери, Пучков был просто в восторге и пообещал мне сочинить рассказ об этом застенчивом и развратном взяточнике из ЖЭКа времен перестройки. А тебе, моя дорогая, предстоит

выбрать и купить милашку нашему другу, и чтоб обязательно с подогревом...»

8.

«Здравствуй, Мери.

Еще вчера я, вспомнив предыдущее свое послание, хотел написать тебе чего-нибудь занимательного, но сегодня, после всего происшедшего, ни о чем, кроме нижеследующего, писать не могу.

Приходило еще четверо, тоже больших, наглых, и стрижка короткая была, русая только. Показали фотографии той первой, черной, четверки. Выходящих из машины, идущих к «Маку», расталкивающих толпу, подходящих ко входу, окружающих меня. И еще несколько — их же, лежащих на полу в лужах крови с простреленными грудными клетками и черепами.

«Хорошая работа, правда? Они, кажется, вам угрожали? К сожалению, об этом стало известно. Но мы кое-что можем. Кто-то вначале помнит, а потом вдруг неожиданно забывает. И, оказывается, навсегда. Ну, понятно...»

Признаюсь, Мери, я смалодушничал с этими громилами. Сказал, что подумую.

А ведь это очень много на их языке.

А вчера, уже после закрытия, звонил один неизвестный. Сказал, что остро нуждается в недельной выручке «Мака». «Подумаешь, мелочь какая — выручка недельная!» — хамил он в трубку хихикающим фальцетом... Я сказал ему, что у нас автоматически устанавливаются номера телефонов абонентов, а посему подобные шуточки могут для него плохо кончиться. Он бросил трубку, потом перезвонил. «...А вот бомба у меня может быть, а может и не быть», — сказал он ни с того ни с сего, узнав мой голос, и сразу — короткие гудки. «Нешто трудно бомбу подложить», — сообщил он минут через десять. — А не подкладывать еще легче».

Я решил записать его голос на диктофон. Распознаватель номеров не срабатывал.

«Бесполезно, — начал он в очередной раз, — голос не мой — я только пишу, а говорит — компьютер. И номер не узнаете, потому что его просто нет. Ничего не узнаете. И того не узнаете, буду подкладывать я завтра бомбу или нет. И того, когда она взорвется, если подложу, а если не подложу завтра, подложу ли послезавтра. А бомба у меня есть. Маленькая, но...» — гудки.

Мери, на провокацию я не решил поддаваться, во-первых, хватит одной, а во-вторых, вдруг это какой-нибудь прыщавый десятиклассник потешается. Потешается-то потешается, но ресторан мы закрыли. На санитарный день, подсказал нам один доверенный русский из Совета. Хотя, что это такое, я так и не узнал. Знаешь, на площади чуть ли не митинг устроили. Один старичок басисто так орал, что он «Макдональдсу», как себе, верил. «Идешь в любое время — открыт: золотом, серебром

светится; ну радуется душа, радуется, хочь и денег нет и нутро бурчит, конечно, так оно ж у нас всегда бурчит, привычка у него — бурдеть... зато глазу — задарма все! Э-эх!.. — Тут он высморкался и привычно перешел к кульминационной части: — Ну а если до того дошли, что день санитарный придумали, теперь успевай только, как сыпаться начнёт: и «переучет», и «причины технические», и хамить начнут, наверно, да еще и не то будет! — орал он. — Обсчитывать и за семерик — тухлятину скармливать! Горе мыкать и не размыкать тебе, люд неблагодарный, поклонившийся чреву ненасытному, тебе, народ неразумный, вождами оставленный, святопродавший, воздвигающий кумиров и идолов, горе тебе!» — слал он проклятия, размахивая жидкой бородой, и его, этого параноика, кому место разве что в психушке, но уж никак не на площади «Мака», слушали, а многие так и головами кивали согласно — воистину неблагодарные! Но подлинную причину закрытия мы так и не сообщили. Даже русский персонал остался в неведении. Тайну знал только совет трудового коллектива. Низовое звено распустили по домам, а у нас — через каждые четыре часа — летучки. Я буду писать после каждой. Как будто отчет. И изменять в написанном ничего не буду.

28

Звонили из института акустики. Голос действительно оказался синтезированным компьютером. Значит, это не школьник. Страшно, Мери, но денег совет решил не давать. Не потому, что жалко, не подумай, что мы здесь нищи, а лучше вспомни фильм с раненым львом: ну, которого стервятники преследовали: там, если помнишь, их целая туча была, и вместе они бы запросто справились с ним, но не нападали. И знаешь почему? Им мешал их собственный страх. Здесь важна первая слабость жертвы. Стоило лишь раз долбануть его клювом одному смельчаку — и все, лев превратился в тушу, и стаю уже не остановить. Вспомни, он допустил слабость лишь на мгновение, но его еще полное сил тело сразу завоняло на всю саванну. Помнишь, как поднялась вся нечисть на пир: гиены, грифы, шакалы. А после этого все было не важно: и то, что он встал и побежал, и что сумел сделать несколько прыжков, и даже то, что лапой перебил пяток стервятников... Бесполезно, тысячи клювов уже терзали его душу. Тушу. Так вот, Мери, не хочется быть тушей. Не хочется.

Знаешь, та пенополиуретановая Мэрилин, которую ты прислала нашему Василию Степановичу, пришлось ему очень по душе, и он нам без особых затруднений сделал «технические причины» — отсутствие воды. Правда, улыбочка его мне все так же не нравится. Войдя в раж и непрестанно подхихкивая: «техпричины, техпричины», — он предлагал не только аварию на водопроводе, но и в электрогазоснабжении. «Хотите, могу даже маленький взрывчик устроить. Эт мы можем», — нагло подмигивая, предложил он.

Из соседних домов, громыхая ведрами, мимо памятника Пушкину, к спрятанному в подвале источнику идет вереница людей. Ах, Мери, Мери! Как хрупок мир! Но именно в такие моменты испытываешь настоящую нежность к своему делу,

словно оно — твоя единственная и верная возлюбленная. Я посмотрел сейчас на наши золотые арки, знаешь, в них действительно есть что-то от девушки, девственницы даже, целомудренно сдвинувшей хорошенькие свои ножки — и эта узость врат, пожалуй, единственная защита перед грозным вторжением немытого фаллоса жизни».

9.

«Уважаемая Мери Ричардовна. В последнем, неоконченном письме я описывал вам критическую ситуацию, сложившуюся на нашем предприятии. Неотложные дела и нерешенность проблем не позволяли мне писать вам. Теперь я хочу завершить описание тех драматических событий и объяснить свою дальнейшую позицию по отношению к вам.

Постараюсь быть кратким.

Мы, кажется, остановились на том, что второй день закрытия был объявлен как технически-причинный. Бывшие комсомольские газетенки, проповедующие ныне разрешенную гласность, а потому бойкие и лживые, не преминули дать крупные заголовки типа «Русский СПИД поражает Макдональдс», «Макдональдс в совке» и др. с соответствующими иллюстрациями.

И известный вам негодяй не оставлял своих попыток запугать нас. На четвертый день бездействия он позвонил и сказал, что если бы мы поторговались, то он бы удовлетворился и четырехдневной выручкой, той, что осталась в карманах у потенциальных посетителей, а если учесть зловерность прессы и скандальную атмосферу вокруг этого дела, то мы потеряли раз в десять больше запрошенного. Он мерзко хихикнул и пожелал нам коммерческого успеха.

Ресторан все больше и больше стал походить на осажденную крепость, совет — на штаб: оперативные сводки, рекогносцировка, решения. На одной из летучек Билл предложил универсальное русское средство — паспорта. И компьютерный банк посетителей за день. Ночной анализ. «Но как это спасает от взрыва?» — спросил кто-то Билла. «Никак, — ответил Билл, — но остановить преступника может».

И все же выход был найден. Удивительный по своей сложности и простоте. Мы заимствовали опыт авиакомпаний. Специалисты фирмы «Боинг» разработали для входа специальную систему зеркал, делающую невидимой новейший и всевидящий рентгеноскан, снабженный компьютером и мощной базой данных.

Только три дня потребовалось для его установки.

Наступал решающий день открытия.

Совместный отряд ФБР и КГБ с утра уже находился в зале. (Этим, кстати, между ними была положена дружба.)

И становилось тайное явным.

День принес ошеломительные результаты. Самое интересное было то, что первыми попались те четверо русских богатырей. Они были буквально наштапованы оружием. У каждого по пистолету, ножу-кастету, а у одного еще и граната. Но террори-

ста среди них быть не могло. Если они и знали что о компьютерах, так это их цену. Четверка ехала на дело и остановилась позавтракать.

К обеду улов составил уже около ста человек — каждый пятый мужчина был вооружен, а каждая третья женщина имела при себе газовый баллончик. Посовещавшись, женщины пока решили не брать, но и мужчин было такое количество, что для обеспечения тайны операции арестованных отправляли из подсобных помещений ресторана в 108-е отделение через общий для двух организаций подвал. Вывозили же их в рефрижераторах, отлично приспособленных под фургонзак. Правда, были сомнения, что отклонение маршрута столь больших и красивых машин может быть легко замечено, но все их развеял невысокий полковник, играющий теперь в «Маке» роль ангела-хранителя. Он сказал, что от маршрута отклоняться не надо. «Зачем отклоняться от маршрута? Быть может, товарищ Билл нам ответит?» — Билл молчал. — «Правильно, товарищ Билл», — заключил черноусый полковник и закурил трубку.

Полковник казался спокойным, мудрым и рассудительным человеком, что не мешало ему, однако, в ответственные моменты становиться решительным. «Товарищи делают большое дело, — говорил он на летучках, обращаясь к не менее большому, чем наше дело, отряду коротко стриженных массивных мужчин, — наша задача сделать так, чтобы ничто не мешало их работе».

И действительно, с помощью его отряда нам удалось из частично управляемой Очереди сформировать полностью управляемую. Тем самым недостижимые ранее формы Ее были получены с потрясающей легкостью. Полковник предлагал ликвидировать Ее вообще, введя карточки, но он не знал, что если что и приносит прибыль компании, так это не московские бутерброды, а Ее Величество Русская Очередь, периодически появляющаяся на страницах массовых изданий, снятая анфас или в профиль, или в виде свернутой змеи — с высоты птичьего полета. По кинограмме, следящей за динамикой очереди, был смонтирован мультфильм, с огромным успехом прошедший во всех телекомпаниях, появился даже значок «Ocheryed» — все это тысячи и тысячи прихожан «Мака». Даже повышенное внимание ФБР и КГБ к московскому филиалу работает как аттрактор.

«Сложно живете, — выслушав мои объяснения, заключил полковник, — за жизнью гнетесь, а она вертлява и куда гибче вашего, наоборот надо — ее прямить — волей. Сомневаетесь, товарищ Ник? Не сомневайтесь, выдержит, а без воли органика, скажу вам, дрянь. До хорошего не доведет».

Полковнику выделили отдельный кабинет на втором этаже, с кенарями и пальмой. Нам с Биллом пришлось потесниться — теперь мы в одной комнате с шеф-поваром. Малый он веселый. Тесно, конечно, но хоть в тесноте, да не в обиде. К тому же добрый полковник решил (я никак не могу запомнить его имени-отчества) наши экспортные проблемы. Мы покупаем два МИГа у одного кооператива, а он нам делает лицензию. Шеф-

повар долго хохотал над нами, ночью ворочался, а утром торжественно сообщил, что будет ходатайствовать перед администрацией о расширении меню двумя позициями: «Миг-Баком» и «Росбургером».

Добрый полковник предложил мне поступить в Высшую партийную школу. Я спросил его, буду ли я хоть в малейшей степени походить на него. «У вас все впереди», — сказал он спокойно. «А Ленина там изучают?» — спросил я его. Он похлопал меня по плечу: «Ну, конечно», — и рассмеялся.

И еще, Мери... я тут встретил, ну, в общем, она родственница полковника, и когда она в форме, я вообще не могу ни о чем думать, я даже взгляд не могу оторвать, и колени ее из серой юбки выглядывают точно так же, как наши Золотые Ворота из дома на Бронной. Она преподает в школе марксистско-ленинскую этику. И это восхитительно, Мери. Все восхитительно. Этика и Она. Ее зовут Ольга. Я смотрю на бывшую рекламу «Кока-Колы» и вижу там «Коля — Оля». Коля — так по-русски звучит мое имя. Только вместо минуса там должен быть плюс. «Коля+Оля», — клянусь, я сделаю там плюс, чего бы мне это ни стоило, и «л» вытяну в своем имени, чтобы ни у кого не оставалось сомнений. И когда щит с этой надписью ты увидишь в своем любимом «Ньюсуике», рассматривай его как приглашение на свадьбу.

...Теперь я знаю, для чего у нас над входом стеклянная пирамида. Мы должны наполнить ее деньгами, этими мерзкими бумажками, мешающими человеку обрести смысл жизни, наполнить доверху, а потом сжечь, сфокусировав солнечные лучи и испепеляющие взгляды людей.

Я понял: наша миссия здесь — прервать круговращение зла. Ради этого стоит жить и бороться.

Ведь надо жить так, чтобы впоследствии не было мучительно больно за беспечно прожитые годы.

Прощай, Мери.

Твой Ник.

ПАВЕЛ ПЭНЭЖКО

ТОРМОЖЕНИЕ.

ИЛИ
ПОЧЕМУ У НАС НЕВОЗМОЖЕН ЭДИСОН

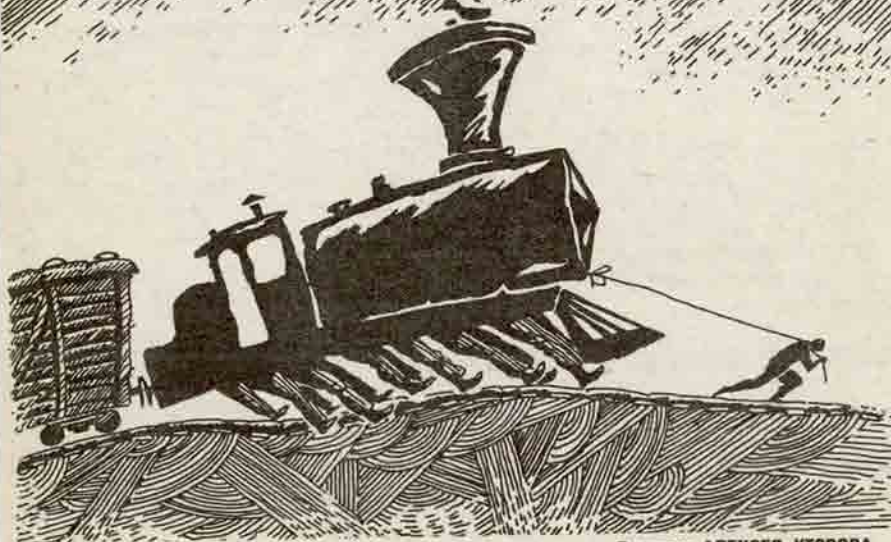


Рисунок АЛЕКСЕЯ КТОРОВА

Американский город Ливермор знаменит двумя вещами: потрясающей супернаучной лабораторией и лампочкой Эдисона, которая впервые заглянула над городской пожарной частью в начале столетия...

Советский город Железнодорожск в Курской области знаменит тем, что там живет изобретатель Авилов, у которого 35 изобретений, из них одно — электропневматический тормоз — именное. Леонтия Филипповича знают в Минчермете (теперь Минметаллургия), Минтяжмаше, МПС и Минуглепроме СССР, в ГКНТ и ВЦСПС (теперь ВКП).

Признание к недоучке Эдисону пришло после того, как он починил сломанный телеграфный аппарат. «Тормоз Авилова», показавший во время испытаний двойную эффективность против последней серийной модели, сначала стоил своему автору (без пяти минут кандидату технических наук) научной карьеры (его выгнали из НИИ), поссорил его с Минчерметом и Минтрансмашем и, похоже, поставил крест на дальнейшей творческой работе.

Изобретать Авилову теперь просто некогда. В свободное от работы машинистом время он либо обивает пороги высоких инстанций, либо пишет им письма...

Берусь доказать на судьбе любого изобретателя в нашей обширной стране, что все разговоры о якобы дестабилизированном хозяйстве, разваленной экономике — миф и ничего больше. Сегодня мы стабильны ничуть не менее, чем были в семидесятых, пятидесятых и даже, если хотите, в тридцатых годах.

Возьмите Америку. Там чуть не каждый день придумывают какую-нибудь «чепуху» на производстве, транспорте, строительстве,

которая все ставит с ног на голову и заставляет перекраивать на новый лад.

Какое-нибудь чуточное улучшение в той же тормозной системе заставляет потеть тысячи людей, имеющих отношение к колесам и рельсам, а другие в это время лихорадочно ищут, что бы им позволило переплюнуть это «чуточное». Бесчеловечная конкуренция, которая лишает людей сна и покоя даже... на работе. И никакой уверенности в будущем, никакой стабильности. Потому что директор фирмы чуть не каждый день гипнотизирует своих инженеров взглядом «желтого дьявола»: «Ну, джентльмены, что нового?»

История советских железных дорог знает лишь три тормоза, названных по имени их изобретателя: Казанцева, Матросова и... Авилова. Решение выносится после самой придирчивой экспертизы в Госкомизобретений...

Начальнику лаборатории подержать бы своего талантливого инженера, ускорить испытания, но он сам монополизировал эту тему, и непрошенный конкурент в лице подчиненного ему оказался не нужен.

Столкновение с заранее предсказуемым результатом было неизбежным, так как в нашей системе не положено подчиненному побеждать начальство.

Идут годы. Авилов пишет и ходит по инстанциям, отстаивает свою правоту, требует производственных испытаний своему тормозу. Он обращается в министерства, в профсоюз, просит заступничества у прессы. У него на руках положительные результаты стеновых испытаний. Но...

Об Авилове писали «Правда», «Известия», «Неделя», «Труд»... Когда после огласки на всю страну

игнорировать изобретателя стало как-то не очень прилично, тормоз Авилова решили все же испытать, сравнив его с уже вышедшей в серию пневматической системой Тяжмаша. А точнее, тормозом № 498 конструкции Всесоюзного НИИ вагоностроения — монополиста технической мысли в этой области. Еще раз подчеркиваем: к этому времени Авилон из руководителя исследовательской группы в институте усилиями аттестационной комиссии превратился в изобретателя-одиночку.

Великолепным приспособлением для административной расправы с неугодными критиканами в научно-исследовательских учреждениях зарекомендовали себя эти самые аттестационные комиссии. Собираются удобные для начальства специалисты и выносят компетентный приговор. И будь ты хоть семи пядей во лбу, пусть у тебя изобретений больше, чем у всех твоих «аттестантов» вместе взятых, — «понизить в должности». Ну кто снесет такой плевков в лицо? Самое главное, никакой профсоюз за «зааттестованного» толком не заступится, потому что «в науке некомпетентен». (Всем бы «тамошним» Эдисонам-Эйнштейнам по аттестационной комиссии. То-то бы они наизобретали!..)

Эх, если бы все эти могучие механизмы административной «стабилизации» коллективов перестроить на внедрение. Как бы далеко позади оказались уже сегодня США и Япония...

Была составлена испытательная комиссия из представителей МПС, Минтяжмаша (ВНИИВ) и Минчермета, из шести членов которой четверо все предшествующие годы выступали яркими противниками Авилова. Самому Леонтию Филипповичу отвели скромную роль наблюдателя, от которого ничего не

требуется, кроме молчаливого согласия, не нарушающего стабильность работы.

«Ну так без меня вам будет еще стабильнее», — подумал Авилон и не поехал на Лебединский ГОК, где как раз и должно было выясняться, кто у нас в стране лучше всех тормозит.

Испытывали на уклоне в 50 метров на километр пути. Пневматический (498-й) ВНИИВа даже с подтормаживанием локомотива работал на пределе. Авилонский не исчерпал и половины своего ресурса.

— Зато он сложнее и дороже! — рапортовали потом всюду испытатели.

— Немного сложнее и дороже, — пытался поправлять их Авилон, — зато многомиллионная экономия на крутизне уклона (тормоза «держат» до 80 метров понижения на километр) и надежность в работе.

— Нет у Авилова преимуществ! — твердили монополисты-пневматики.

Авилон скрупулезно подсчитывает экономический эффект: затраты повышаются на 0,06 процента, а экономия 10—15 процентов. На одном карьере десятки миллионов прибыли.

Уместно вспомнить, что компания Эдисона свою знаменитую лампочку несколько лет подряд совершенно сознательно выпускала себе в убыток, только чтобы утвердиться на рынке и вытеснить газовый рожок. Но Эдисоны нам не указ. «У советских собственная гордость...» Многомиллионный выигрыш, полученный за счет того, что меньше выбирать земли, нас не соблазняет. Лучше того, что есть, нам не надо. Нам дороже стабильность.

Простое соображение: сколько народу вот уже третью пятилетку кормит пневмотормоз № 498 во

ВНИИВе, Минтяжмаше, на заводе «Трансмаш» и в том же Минчермете (теперь Минметаллургии СССР). А авиловская система будет кормить только того, чье имя ей присвоил Госкомизобретений. Где же справедливость?

В том же 1987 году, когда Авилону удалось-таки убедить министра черной металлургии С. Колпакова заказать в Минтяжмаше 700 думпкаров со своими тормозами (но просьбу министра потопили в отписках), во ВНИИВе потихоньку начали разрабатывать собственный электропневматический тормоз, построив далеко идущие планы аж до 1992 года. Нет бы взять уже готовый, испытанный, и за годик-другой «доработать до серии».

В сентябре нынешнего года министр уже просто металлургии, но все тот же С. Колпаков послал первому заместителю министра тяжелого машиностроения Р. Арутюнову третье письмо на «авиловскую тему»: «...Многочисленные комиссии, проводившие испытания данной тормозной системы к однозначным выводам, возможно, в силу своих ведомственных интересов, так и не пришли. Будучи, как и Минтяжмаш СССР, заинтересованным в повышении надежности работы подвижного состава, безопасности движения, Министерство металлургии СССР просит Вас поручить своим ведущим специалистам еще раз внимательно рассмотреть предлагаемую т. Авилковым Л. Ф. систему и в случае целесообразности ее применения предусмотреть разработку и изготовление очередной серии вагонов-самосвалов, оборудованных указанными тормозами».

— Надоела эта возня вокруг Авилова! — обрушился на меня директор ВНИИВа А. Речкалов. — Мы вполне сдались...

Но дальше выяснилось, что «сдались» как-то странно: на проект тормозов новые деньги нужны от металлургов и особый тройственный договор (Минметаллургии с ВНИИВом и заводом «Трансмаш»).... А дальше пошло совсем «не в ту степь»: и конструкция сложна в эксплуатации, и путейцы к ней не готовы, и провода разворают...

Тогда подумалось, вот если бы в Америке начала столетия был такой же Всеамериканский НИИ газовых рожков и туда пришел бы Эдисон со своей лампой?! Америка и по сей день не знала бы освещения лучше газового рожка. Уж поверьте.

Итак, позиция ВНИИВа не изменилась. Как были против, так и остались. Но что по этому поводу думают заказчики?

Участие заместителя министра металлургии В. Панкрушина в судьбе Авилова прослеживается с октября 1986 года, когда он утверждал, что проводившая испытания тормоза межведомственная комиссия все никак не представит ему по всей форме акт. Но как только он этот акт получит, тут же совместно с другими министерствами «рассмотрит вопросы его реализации».

Рассмотрение затянулось на четыре года. Можно рассчитывать на потрясающие результаты. Ведь металлурги вроде бы заинтересованы. (Хотя поистине редкая терпеливость для заинтересованных!)

...Панкрушин считает доводы Речкалова — мол, нужно по поводу тормозов отдельный договор заключать и деньги вперед платить — пустыми отговорками. Ведь речь идет о поставках очередной партии стандартных думпкаров, а если новый тормоз несколько удорожит их стоимость, то, конечно же, металлурги тут же выплатят разницу. (А кто сейчас

может сказать, какая она получится?)

Но только было я внутренне вознегодовал на ретроградов из ВНИИВа и Трансмаша, как заместитель министра как бы невзначай заметил, что вообще-то авиловская система в карьерах уже не нужна. Там, где уклон в пятьдесят метров на километр, еще работает 498-й, а где глубже и круче — руду подают транспортером либо возят большегрузными самосвалами. То есть оборудовать целую циклично-поточную технологию или же закупить гиганты-грузовики (преимущественно за границей) выйдет дешевле, чем выложить тысячу-другую за новый тормоз.

Пытаюсь зайти с другой стороны. Мол, если машиностроители не хотят понять нужду горняков, может быть, самим возродить тормозное отделение в НИИКМа, откуда Авилова в свое время выставил его менее удачливый, но более беспринципный начальник? Нет, Панкрушин к идее конкуренции относится скептически.

— Можно, конечно, но зачем? У нас есть монополисты в этой области...

Заместитель начальника транспортного отдела В. Садовой высказывается еще радикальнее. По его мнению, Речкалов, как и члены испытательной комиссии, проявляет... беспринципность, не приговорив к «смерти» тормоз Авилова. Вся экономия, подсчитанная изобретателем, — блеф. Он просто усложнил конструкцию обыкновенного пневматического тормоза, только и всего.

Передо мной два письма, которые вышли из Министерства металлургии в том году и с интервалом в два месяца. Первое адресовано заместителем министра Л. Антоненко своему старому знакомому Авилову, которого он уже успел

забыть как зовут и почему-то называет вместо Леонтия Леонидом: «...заклучения компетентных организаций и предприятий не подтверждают целесообразность замены существующих тормозных систем на предлагаемую Вами конструкцию. Учитывая изложенное, необходимость обсуждения этого вопроса в Минметаллургии СССР не усматривается».

Вот так категорично и принципиально. Но как же в таком случае относиться к посланию министра С. Колпакова (см. выше) своему заму Р. Арутюнову?

...Целую неделю осаждал я Рафаэля Николаевича, добиваясь приема или хотя бы трехминутной беседы по телефону. Напрасный труд. Ни минуты свободной нет у первого замминистра. Должно быть, подготовка ответа на третью просьбу незадачливого министерства-потребителя поглотила все резервы рабочего времени.

Впрочем, не будем поддаваться иллюзиям. «Занятость» т. Арутюнова — это всего-навсего один в ряду прочих стабилизирующих положение факторов. Как и министры, не ведающие, что творят их заместители. Как и председатели ЦК профсоюзов. Например, металлургов — И. Костюков, у которого Авилов был на приеме двадцать безрезультатных раз (!), но так и не добился его заступничества по поводу несправедливого увольнения. Недавно председатель вышел на пенсию и оказалось, что в его аппарате никто никогда Авиловым по-настоящему и не занимался.

Так что нет повода для беспокойства. Мы и на шестом году перестройки стабильны, как никогда. Чуть кто где прорежется — изобретатель ли одиночка, кооператив ли посредник, способный найти изобретению покупателя, — вся система от высших министер-

ских и научных чинов до функционеров разного уровня приходит в движение и «перемалывает» нарушителей стабильности.

...Электропневматический тормоз, как и лампа накаливания, придуман не Авиловым и не Эдисоном. Но и тот и другой решили важную проблему надежного и долговременного использования чужого открытия. По сути, проблему его практического применения. Почему же так удачлив был американец в «беспощадном мире капитала» и так несчастен наш, из 35 изобретений которого внедрена лишь сигнализация исправной работы тормоза, за которую Минметаллургия до сих пор никак не выплатит причитающийся автору гонорар в 10 тысяч рублей?

Ответ ужасно прост. Если бы в Америке в первой половине столетия была такая же разветвленная система отраслевых НИИ и министерств, граждане Соединенных Штатов и по сей день сообщались между собой телеграфными аппаратами Морзе, телефонами Белла, а освещались газовыми рожками Дебона и Джеймса Ватта.

К счастью для них — все не так. И потому только за Эдисоном числится тысяча изобретений.

Он не транжирил время в приемных министров и их замов, на переписку с ведомствами, на волокитные межведомственные комиссии и экспертизы. Зато у него на родине никакой стабильности, тогда как мы сегодня стабильны как никогда...

Пока материал готовился к печати, горькая судьба тормоза Авилова вдруг обернулась... водевилем. Объединение «Трансмаш» решило пролить над ним крокодилову слезу и согласилось-таки вместе с ВНИИВом «освободить его от недостатков», которыми наградил его Леонтий Филиппович. Дескать,

тормоз больно «жесткий», а мы его сделаем «мягким», и для этого нам нужно по крайней мере год научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы и 900 тысяч гонорара. Подписано главным инженером А. Митько.

А знаете, в чем суть этих НИР и ОКР? Должен прийти слесарь Вася и сменить авиловской системе вентиль обратного действия на вентиль прямого действия. Только из тех 900 тысяч, которые Митько требовал с Госкомизобретений, ему не обломится даже на бутылку. Уж будьте уверены.

Так-то вот, Эдисоны...

NOTE



БОШИ

**СЕРГЕЙ
БАЙМУХАМЕТОВ**



Нашего первого секретаря обкома звали Всевышний. Уж здесь-то мы, североказахстанцы, оставили далеко позади всех прочих. В каждом большом городе, в области первого секретаря так или иначе прозывают-величают: Первый, Сам, Хозяин... А у нас — Всевышний... (Да простится нам это кощунство.)

...Он появился на политическом небосклоне как стремительная и очень яркая звезда. Судите сами: в двадцать пять лет вступил в партию, а через восемь лет, в тридцать три года, был уже Первым. То есть первым секретарем обкома, поработав перед тем министром совхозов республики. Редкая даже по тем временам карьера. Фантастическая. Поговаривали о высочайшем покровительстве, предрекали уже проторенную дорогу, не раз проходил слух о его назначении в Молдавию. (Надо

сказать, забегая вперед, что разговоры эти сопровождали всю его карьеру и под конец вызывали у него сильное раздражение...)

Я думаю, его первое появление у нас сразу же показало всем, кто он и что он. Мое же соприкосновение с крутой рукой нового владыки произошло позже, когда я поселился в пригородном плодоягодном совхозике, неподалеку от озера Пестрого, на берегу которого, в реликтовом сосновом бору, расположена была обкомовская дача. Она там появилась внезапно и к большому удивлению горожан. Дело в том, что сосновый бор возле озера Пестрого — красивейшее место в окрестностях Петропавловска, там всегда людно. К тому же здесь — старейший в области пионерский лагерь. Рядом — березовая роща, где еще Куйбышев маевки с рабочими проводил, обелиск стоит. И сюда по давней традиции тянется народ. Зачем надо было тут же ставить дачу, совершенно непонятно. «Самим же неудобно...» Но со временем горожане привыкли к ней, перестали замечать. Другое дело — хозяева дачи. Им, наверно, мы все до чертиков надоели, раздражали их безумно. Но никто из них не способен был на решительный поступок: характера нет, норова. И только с появлением нашего героя, который уже получил прозвание Всевышнего, эта более чем двусмысленная ситуация получила свое разрешение. А именно: половина соснового бора, разумеется, та, которая примыкала к озеру, была огорожена высоченным зеленым забором, для особой прочности перевитым стальной проволокой. Естественно, забор далеко и глубоко входил в воду, чтобы не заплывали, не нарушали суверенную акваторию. Не забыли и ребятишек: оставили им кусочек пляжа... А от совхозной примы-

кающей территории несколько десятков гектаров земли отрезали, велели снести построенные там теплицы. Современная теплица — сложное сооружение, и ущерб, как говорил мне директор, был в шестьсот тысяч рублей.

Конечно, хозяин дачи понимал, что эта акция продиктована всего лишь раздражением и ничего не дает: от того, что примыкающая земля теперь не совхозная, ничто не изменилось, по ней ведь не запретишь ходить тому же совхозному люду, не поставишь шлагбаумы. Да, землю всю не перегородишь. А вот дорогу!.. И дорога, ведущая из города в совхозный поселок, мимо озера, мимо соснового бора и березовой рощи, была перерыта, перекопана глубокой траншеей. И еще: был поставлен шлагбаум, а возле него — милиционер.

Наверное, читатель уже устал от ожидания: дескать, когда же о главном, о земле-то? Но мне кажется, что, рисуя портрет хозяина территории, показывая его отношение к людям, которые работают на земле, я тем самым уже немало говорю и о судьбе самой земли...

Самый большой рывок в сложившейся системе отношений с землей был сделан не Всевышним, не его поколением, а старшими, теми, под чьим руководством поднималась целина. Он тоже принимал участие, но он тогда не решал, он только-только входил в силу. К его приходу на первые роли уже было распахано сорок два миллиона гектаров целинных и залежных земель. По площади это поменьше Франции и побольше Бельгии, Голландии, Дании, Великобритании и Португалии, вместе взятых. Но это ведь только пашня, то есть только та земля,

по которой прошел плуг. А последствия распахки сказываются на всем комплексе, на всей прилегающей территории. И тогда надо держать в уме страшные цифры, в несколько, может, в десятки раз превышающие площадь пашни, то есть речь идет уже о масштабах Европы, скажем так. И потому всегда страшно разговаривать с учеными: в их языке, в бесстрастности их терминов есть что-то, воздействующее на человека гораздо сильнее, чем наши эмоциональные восклицания. Я сейчас не могу точно восстановить эту фразу кандидата наук Алексея Грибского, почвовед из Петропавловска, но звучала она примерно так: «На всей прилегающей территории произошла полная смена естественного покрова...» Не правда ли, в этих словах слышится эхо вселенского сдвига, какой-то планетарной беды. «Это был красивый край! — лирически вздохнул вдруг Грибский, и тут же обосновал свой вздох как почвовед: — Ковыльно-злаковые степи с озерами и лесами».

О лесах и озерах я еще скажу, а «ковыльно-злаковых» нет совсем, их отовсюду, разумеется, с нераспаханных земель, вытеснили типчак и полынь, грубые, устойчивые к вытаптыванию. То есть на территории, равной половине Европы, мы, добрые люди, уничтожили былинную ковыль-траву, траву-мураву и развели сорняк...

К середине шестидесятых годов распахано было все, что можно распахать, положение стабилизировалось, площадь пашни определена раз и навсегда. По-разному она сложилась в разных областях. В среднем по Казахстану удельный вес пашни в общей площади сельскохозяйственных земель составляет всего-навсего восемнадцать процентов. Чуть ли не самая низ-

кая величина по стране. Но это еще ничего не значит. Просто неосвоенными остались «в силу невозможности» пустынные и полупустынные зоны, и они, по премудрой нашей статистике, числятся по разряду лугов и пастбищ. Конечно, не бог весть что, но все-таки живая земля. У нас же, в северной, в Северо-Казахстанской области, по всем природным условиям относящейся больше к Сибири, пахать можно было все и везде, особо не боясь пыльных бурь, так как и леса есть, и озера, и реки. Паши! И пахали. Семьдесят семь процентов всех сельскохозяйственных угодий у нас занимает пашня! Почти всесоюзный рекорд варварства. Хуже нас только многострадальной Украине, где по всей республике (!) распахано восемьдесят процентов угодий!

41

Вот откуда брались и берутся и наши, казахстанские, и украинские миллиарды пудов хлеба. Не за счет урожая — за счет пашни. Впрочем, это общеизвестно... Но кто в те годы разбирался, за счет чего он получен, кто в те годы думал, что подобная система земледелия в конечном счете преступна, ибо приучает всех, от крестьянина до первого секретаря обкома, хватать, брать, использовать, грабить землю? Победителей не судили...

На словах, громогласно, со всех трибун говорилось об интенсификации, то бишь о том, чтобы с меньшей площади получать больше хлеба, о повышении культуры земледелия и так далее. И в общем-то так и можно было поступать: пусть уж и не о культуре речь, но хотя бы пары применять, к тому времени пары были реабилитированы, восстановлены в правах гражданства. Скажем, оставил побольше земли под чистый пар, а на следующий год-то она, земля, тебя отблагодарит.

Вот пример свежий у меня под рукой: в восемьдесят девятом году, в самую страшную засуху, когда все горело, пары дали по восемнадцать центнеров. Но в то-то и дело, что всеми нами, от мала до велика, владеет психология нищего, по которой нам сегодня — сегодня! — нужен рубль. Подожди, завтра этот рубль червонцем обернется... Нет, давай сейчас! И никаких... И потому, конечно, никто из руководителей, вплоть до директоров совхоза, всерьез не воспринимал разговоры об агротехнике, парах и прочем. Все знали: если ты сегодня не дал вала, то завтра тебя здесь может и не быть. Ладно, если просто не дал, плохо сработал, тогда могут и простить, да и чего проще-то, все такие. Но упаси бог узнают — а узнают обязательно! — что ты не дотянул до валовых показателей потому, что отвел втихаря земли под пар, чтобы пашню вылечить, в порядок севообороты привести, чтобы в конечном-то счете давать большой хлеб по-настоящему, без рвачества. — в этом случае пощады не жди. По миру с волчьим билетом пустят: не высовывайся, не считай себя умнее других, делай, что велено...

Словом, в сложном положении был наш первый секретарь. Резервов пашни нет, а с культурой, парами и всем прочим тогда, да и сейчас, связываться не любили и не умели.

Но не случайно же я все время возвращаюсь к нашему первому секретарю, видя в нем одну из самых ярких, типичных по тому времени фигур. Да и многие мои земляки, не имевшие счастья с ним работать близко, но испытывавшие на себе его стиль руководства, говорили и говорят мне: «Это был лидер! Только такой человек и способен был решать сложные задачи. Он умел заста-

вить работать, никому спуску не давал, но и себя не жалел».

Я почти со всем здесь согласен. Заставить — да, умел. Другое дело, что понимать под «работой».

О том, как Всевышний «умел заставить работать», могу рассказать ничем не выдающуюся историю. У других есть и пожестче, уверен, но здесь, как говорится, из первых рук знаю. В одной из поездок по дальним районам я как-то встретил на перекрестке шоссе и проселка знакомых, директора и парторга местного совхоза. Им позвонили и велели быть, поскольку здесь будет проезжать Всевышний и выйдет поговорить с ними. Они его и ждали весь день под холодным осенним дождем. И когда он наконец появился, то они услышали от него всего пять слов: «Сдать все фуражное зерно в счет обязательств!» Но этот приказ всем известен, и зачём надо было держать их под дождем целый день? Наверно, это соображение и несколько вывело из равновесия молодого директора, и он обмолвился неосторожно: «А скотину чем кормить?» И тут Всевышний грянул с громадной высоты своего роста: «Ты... заботливый, ты сам у меня скотником работать будешь!»

Я понимаю, что у каждого человека есть самолюбие. Но на моей памяти ни один парторг, ни один директор не оскорбился и не потребовал извинения, даже когда их прилюдно разносили в пух и прах первые секретари райкомов. А уж если сам Всевышний, то о чем тут говорить?! А коли так, то, по моему разумению, гораздо важнее разговор о самочувствии скотины. Так вот, выгребая подчистую все фуражное зерно, чтобы вырваться, отличиться, Всевышний превратил в лепрозорий, в кладбище полумертвых наш бо-

гатый край, откуда казахские белоголовые и красные бычки поставлялись в свое время в Петербург.

Когда скотина всю жизнь голодная, она чем болеет? Правильно... И сейчас на просторах моей области трудно сыскать бычка или коровенку, не зараженных туберкулезом...

Итак, этот прирожденный «лидер», отроду не зная других способностей, «заставлял работать», «других не щадил» и так далее, чтобы вновь, как в шестьдесят шестом, фантастически урожайном году, засияла звезда области. Но тогда вся республика сияла, везде был большой хлеб, а тут надо отличиться. Я не был ни его помощником, ни подчиненным, вообще никогда с ним не разговаривал, а уж тем более не мог он делиться со мной своими методами. Я сужу по процессу и по результатам.

С 1966 года началась у нас в области тайная распашка приречных, приозерных, прилесных территорий. Он знал обо всем. И мог немедленно, в миг прекратить пиратство. Его боялись как огня, и — уверен — никто бы не осмелился послушаться. Однако он и пальцем не шевельнул. И когда я думаю о том, что случилось, я всегда испытываю чувство жгучего стыда перед калмыками, людьми, живущими на горючей безводной земле. Это сейчас там проходит канал с горько-соленой водой, канал, на который не нарадуются овцы и коровы, а совсем недавно, как раз в те годы, когда твердой рукой у нас начал править мой герой, калмыцкие коровы и овцы лежали в пыли на центральной площади райцентра ли, совхоза ли и тоскливо мычали и блеяли, ожидая. Воду привозили на машинах, и, когда проезжал бензовоз, глупые телята бежали за ним с ревом, думая: вода... Что

скажут калмыки, когда узнают, что в моем благодатном крае, где и леса есть, и реки, за двадцать лет исчезло с лица земли двадцать тысяч гектаров озер? Представьте, братья-калмыки, что у вас было глубокое пресноводное море длиной в двадцать километров и шириной тоже в двадцать километров. И вы его отравили, иссушили, уничтожили... И еще одно такое же море вот-вот исчезнет, уже превращенное в болото... Нет, такого они не смогут представить. А мы — можем. Мы спокойно посмотрим, как после озер начали высыхать наши березовые колки, березовые рощи: чистые, звонкие, светлые наши рощи, каких больше нигде нет. И как же им не высыхать, если их год за годом опахивают по самую кромку, под ствол, а внутрь, куда не забраться тракторам, запускают совхозные стада, и лес нещадно вытаптывается, поскольку скота много, а лугов и пастбищ нет, все распахали. Не пощадил ведь даже так называемую государственную лесную дачу, то есть заповедник...

Но, наверно, это мелочи? Много ли наберешь лишних гектаров, опахивая колки и озера?

«Ну, не скажи! — взрывается другой мой знакомый специалист-аграрий, государственный инспектор по охране земель Леонид Ченцов. — Таких мелочей, давай подсчитаем, набирается по области пятьдесят тысяч гектаров! За счет лесов лишь...»

Цифры надо как-то наглядно представить. В Казахстане ведь другие масштабы...

Я связан судьбой с Тарусой, с Тарусским районом, что в Калужской области, в срединной России. И попробую перевести эти цифры в среднероссийские масштабы. Так вот, вся пашня моего Тарусского района — одиннадцать тысяч гектаров. И, значит, североказахстан-

ские директора и секретари райкомов во главе со своим Всевышним завели у себя подпольный зерновой клин, равный пяти Тарусским районам? А ведь Ченцов подсчитал только распахку березовых рощ, озера здесь не учтены. Допустим, озера дают еще пятьдесят тысяч. Но все равно это мелочи для деятеля такого ранга. А вот земли коренного улучшения — это да, это уже масштабы. (Надо пояснить: это земли изначально малопродуктивные или истощенные, которые распахивают, засевают многолетними травами, обновляют и поднимают их плодородие, чтобы затем ввести в культурный оборот. Таких земель у нас к 1966 году не было ни одного квадратного метра! Ни одного! А за годы правления Всевышнего их стало 386 тысяч гектаров! Откуда они взялись? Ответ прост: это бывшие луга и пастбища, изъятые из скудной доли животноводства. Это плавающая в отчетах и прочих бумагах площадь, которую на практике можно использовать как угодно. Можно многолетние травы посеять, а можно и... Вот-вот, оно самое.)

По данным государственного инспектора охраны Леонида Ченцова, до последних лет под посев зерновых использовались сто девять тысяч гектаров так называемых земель коренного улучшения.

Это уже — масштабы.

Ну и, конечно, пары. Это тоже всем известный «резерв». При Всевышнем пары у нас свели до минимума. Но даже и тот минимум был нещадно ограблен. Двадцать тысяч гектаров — в открытую, это всем известно! — засеивались зерновыми, а еще пятьдесят тысяч числились как «занятой пар». А чем он «занят» — поди проверь, ученых и инспекторов туда не пускали.

«И он себя агрономом считал! — угрюмо говорит Ченцов. — Кандидатом наук...»

Да, именно так. Наш первый секретарь стал кандидатом наук. И тема его диссертации — «Кулисы на парах». Пар — это, знаете ли, земля, которую рачительный хозяин оставляет отдыхать, чтобы она набралась сил для будущего урожая. А кулисы — это посадки растений, например, горчицы, рядами, чтобы они задерживали снег на парах, чтобы нива наша уродилась тучной. Кажется, я все более или менее правильно объяснил. И теперь нам вместе с читателем надо, наверно, умилиться трогательному сочетанию слова и дела в одном отдельно взятом руководителе...

Но хватит лирики. Займемся арифметикой. Получается, что подпольных земель, где были у нас посеяны зерновые, набралось триста пятьдесят тысяч гектаров!

Это значит, что тридцать пять (!) тарусских районов давали нашему Всевышнему тайный, никем не учитываемый урожай, который приписывался к основному, к настоящему, к честно заработанному. И все это шло в общую копилку трудовых достижений на голубом, что называется, глазу!

Чувствую, что я накалил атмосферу, и читатели, особенно земляки, готовы воскликнуть в ужасе: так он, наш-то, оказывается, был ...! Подождите. Во-первых, допустим, он ничего не знал о тайных полях, не ведал. Это было, но всего лишь — «при нем». Чувствуете юридическую разницу? А во-вторых, здесь самое время сказать, что вместе с ним награды, почести и просто уверенность в завтрашнем дне на теплом кресле получали многочисленные секретари райкомов, директора и парторги совхозов, сотни чинов-

ников областного аппарата. И даже мы, механизаторы и просто горожане, не имеющие к селу отношения, тоже кое-что имели с того выполнения и перевыполнения на хлебном фронте. Другое дело, что ничего не знали. Но и только. И неизвестно еще, что сказали бы, посвятили они нас в свои тайны. Может, сказали бы, что так и надо, молодцы, что они для нас, для областного народа стараются, и нам, мол, тоже кое-какие крохи с того стола перепадуют. Ведь все мы тогда радовались многочисленным стройкам, гордились благоустройством нашего города, жизнью, пусть и не очень, но все же более богатой, зажиточной, более цивилизованной, что ли, чем в Тамбове, допустим, или в Козьмодемьянске. И считали, что это отличие заслуженно и законно: мы ведь большой хлеб даем. Вся трагедия-то в том, что да, действительно, хлеб давали. Миллиард наш не из воздуха, из полноценного зерна, но никто не думал, и многие до сих пор, не знают: какой ценой, за счет чего?

...В 1976 году наш первый секретарь обкома партии получил звание Героя Социалистического Труда.

Наша область — это полтора процента, или одна семидесятая часть, всей территории Казахстана. И в то же время она дает десятую часть сельскохозяйственной продукции республики. Сопоставьте — полтора процента и десять процентов! Это все равно что Дюймовочку вывести на помост вместе со штангистами и заставить ее наравне с ними поднимать двухсоткилограммовый снаряд. «Не поднимет? Да куда она денется?!» И земля поднимает. Год, пять, десять, и двадцать, и тридцать лет. И я не помню, чтобы предше-

ственник Всевышнего или его преемник, а еще лучше он сам употребил бы свою энергию, напор, жесткую требовательность на то, чтобы помочь нашей земле, избавить ее от непосильной ноши. Вошел бы он к Кунаеву или Брежневу, чье покровительство приписывает ему партийная молва, или встал бы на пленуме да грянул: «Хватит! Что мы делаем?!» Уж он-то произвел бы впечатление: высокий, мощный, короткая стрижка, волевой подбородок. Мужчина! Такой ничего не боится, за таким — как за каменной стеной. Прикроет и защитит.

Не защитил. И не пытался...

Сплошная распашка. Ветровая эрозия. Гербициды. Минеральные удобрения, давно уже ставшие наркотиками земли. Прямое истощение, когда годами пшеницу сеют по пшенице, попирая элементарнейшие нормы. Да еще переуплотнение. Известно, что у американцев трактор и комбайн рассчитаны так, чтобы их давление на почву не превышало давления конского копыта. Наши же машины из десятилетия в десятилетие перетирают верхний слой в пыль, а нижний, подпахотный — спрессовывают в камень. Вода не пробивается, воздух не проходит. Земля не пьет и не дышит.

Но всему бывает предел. И человек, и земля рано или поздно надрываются. Природе, чтобы создать, сотворить плодородный, гумусный слой, нужны тысячелетия. Мы развеяли его по ветру за тридцать лет.

По данным многолетних исследований группы почвоведов Грибского, североказахстанская земля потеряла столько гумуса, то бишь родящего все живое вещества, что теперь она уже перешла в другую категорию почв. Раньше почвы наши были среднегумусными черноземами, а сейчас — малогумус-

ные. То есть вроде бы это наша исконная земля, а на самом деле нет, это уже не она, а что-то совсем-совсем другое...

Времена, как мы уже знаем, изменились. Пришли иные люди к власти. Насколько они новые, мы еще доподлинно не знаем, но — другие. И они востребовали то, что нормальным работникам всегда естественно необходимо, но чем мы всегда пренебрегали: науку востребовали, ученых спросили, специалистов. Попросили анализ сделать, подсказать, помочь. Потому-то и воспряли духом Грибский и Ченцов.

Ченцов, человек более эмоциональный, прямо говорит: «Никогда не думал, что доживу до таких дней, когда мы будем нужны!»

Конечно, хорошо. Сокращается пашня, выделяются пастбища, даже для личного скота, что на подворьях. Живой землей чуть-чуть запахло. Ученые разработали рекомендации по оздоровлению всей структуры сельского хозяйства. Скажем, Грибский занимается микрозонированием. У нас ведь как было принято: «широкими мазками» рисовали картину, а получалось, что все одним миром мазали. Но ведь даже наша маленькая область — она очень разная. И почвы, и климат, и рельеф. И в каждой микроне — своя система земледелия, даже семена свои. Представляете: несколько районов, куст, и у них — свои, только для них, семена. Это ведь надо осмыслить, особенно людям, которые помнят и знают, как на весь Казахстан и всю Сибирь одна пшеничка была — «безостая-1», и семена получали от государства, централизованно, по принципу: бери, что дают. Впрочем, ничего еще не изменилось, и преждевременно я перешел на прошедшее время. Все по-прежнему

му. Есть только мечты, планы, рекомендации.

И при всей их простоте и убедительности меня мучают сомнения: а кто их будет выполнять? Да и Грибский, по-моему, думает об этом с беспокойством и смутной тоской. Хотя и говорил мне, что надо аттестацию директоров проводить, давать самостоятельность только тем, кто выдержал конкурс на звание специалиста, и уж они тогда... Но как-то неуверенно говорил — так мне показалось.

Допустим, создадим мы еще одну комиссию, пропустим через нее директоров, кандидатов в директора. Но, скажите мне, зачем им, директорам, все это надо? Что заставит их, прошедших огни и воды, тертых и перетертых мужиков, действовать по науке? Приказ? Так он фактически есть, этот приказ. Но ведь только что Ченцов рассказывал, как трудно убедить директоров поступиться хотя бы гектаром пашни. Они-то, директора, знают, что разговоры разговорами, а план по зерну будут требовать с них.

Да и вообще не внушает доверия само понятие это, наша якобы палочка-выручалочка — приказ. Гробили землю — заставляли, а теперь как бы спасаем ее — тоже заставляем...

Нет, не верю я в колхозно-совхозную систему. Вышла вся вера, испепелилась. И потому что практика доказала: действительно, сколько можно отмахиваться от печального опыта семидесяти лет. И потому, что не вижу я внутри нее побудительного механизма, побудительного мотива к поиску, к работе, к старанию превеликому, к тщанию; то есть не вижу, как говаривал один философ родом из Симбирска, источника самодвижения.

Нет его в колхозно-совхозной системе. И, как следствие, нет

самостоятельности и независимости.

Зато она чутка и послушна диктату: для того и создана.

А ну как завтра раздастся знакомый глас: «Хлеб — это политика! Кончайте ваши хурды-мурды с севооборотами и давайте пашню, расширяйте зерновой клин!» И все завертится снова. И снова мы будем биться в заколдованном круге и причитать при этом: ведь было уже, было, так почему же?.. А потому, что дураки, прошу прощения, и догматики никогда ничему не учатся. Их не учат даже шишки на собственном лбу, и любое упоминание о них, о их личных достоверных шишках, они считают злопыхательством и очернительством своей славной истории. (Конечно, другой разговор — о системе, которая позволяет дуракам и догматикам возвышаться и диктовать свою волю.)

То есть нужна другая сила, которая была бы кровно заинтересована во благе земли именно как в своем собственном. Другая система отношений, собственности, владения землей и труда на земле, которая начисто исключала бы любой диктат любого новоявленного властителя судеб.

...Кстати о нашем герое и его судьбе. Не надо делать из Всевышнего злого гения. Он такой же продукт Системы, как и все прочие. Другое дело, что он был первым, самым ретивым учеником в той школе, где учились люди его профессии. Скажем, после него область принял другой человек, один из его ближайших сподвижников, но другой по характеру, без казарменной жесткости, беспощадности ко всем и ко всему. Однако ничего ведь не изменилось за немалые годы его власти, как шло-катилось при достопамятном всем лидере, так и продолжалось.

И разве только у нас были такие, разве только наша земля истощена и загнана, как лошадь?

Новые времена застали Всевышнего в другой области, более значимой, крупной. К тому же он стал уже членом ЦК. И вот что странно, Бесспорный фаворит и баловень судьбы прошлых лет, он тогда так и не смог выдвинуться. А сейчас, вдруг, стал выходить на авансцену, стал раз за разом выступать на пленумах ЦК, о нем заговорили. И как же горько было мне тогда читать газеты!.. Думал: да как же он теперь новой линии соответствует? Демократом стал? на работу пешком ходит? с мужиками на улице про футбол разговаривает?

Но вдруг... опять — вдруг! Сразу после Пленума ЦК, на котором он выступал, на котором о нем говорили, пришло сообщение: пленум обкома освободил его от должности в связи с уходом на пенсию, хотя шестидесяти ему еще не было... Что случилось? Почему? Этого я не знаю...

Говорят, их время кончается. Говорят, распускается школа, в которой мой герой был первым учеником, а мы — объектом приложения полученных им знаний и навыков. Дай-то бог...

Потому-то я с особым пристрастием отношусь к самым актуальным на сегодня ключевым понятиям, на которых сосредоточено общественное мнение: хлеб и земля, понимаемые широко, как вся природа. И когда я слышу популярныя призывы о том, что «надо накормить народ» и «сберечь природу», я с испугом думаю, что вот этого как раз и не надо. Не единожды на нашем веку не то что мы, сырые, а высшее руководство бралось за эту задачу, а все никак у него не получалось. Потому что ни всемогущее руководство со всем своим государственным аппа-

ратом, армией, милицией, прокуратурой, судом, министерствами и испытанными идеологическими наставниками, ни мы с вами сделать сие не в состоянии. Народ сам себя накормит. Единственное, что мы можем и обязаны для него сделать, — так это не мешать ему, не опутывать, не вязать по рукам и ногам... Земля же независимо от наших благих намерений и устремлений по-прежнему будет страдать до тех пор, пока мы не прекратим свои битвы, пока не наладим отношения людей внутри общества, пока не устроим жизнь людей в обществе.

Сейчас Всевышний живет в Москве. Как и его преемник. Возможно, они встречаются. Благо, квартиры рядом. Есть что вспомнить...

P. S. Когда этот материал был подготовлен к печати, в редакции мне сказали: все хорошо, но нельзя ли назвать подлинное имя героя очерка?

Не пора ли в конце концов знать этих людей, что вели нас и привели-таки к сегодняшнему кризису? А то ведь читатель вправе заключить, что все описанное — всего лишь плод писательских обобщений и размышлений?

Я согласен с этим. Потому привожу справку из советского «Энциклопедического словаря» издания 1989 года:

«Демиденко Вас. Петр. (р. 1930), сов. парт. деятель, Герой Соц. Труда (1976). Чл. КПСС с 1955. С 1963 1-й секр. Целиноградского, с 1965 — Северо-Казахстанского, в 1981—1988 Кустанайского обкомов КП Казахстана. Чл. ЦК КПСС с 1977 (канд. с 1971). Деп. ВС СССР с 1966...»

При этом считаю необходимым еще раз напомнить: он был и есть не один. Он — порождение, а если

хотите, и жертва Системы, в которой, между прочим, считался лучшим работником.

В том-то и драматизм его и нашей жизни.



ЛЕВ
АННИНСКИЙ

„НАД МЕЧТОЙ
НЕ СМЕЯЛСЯ
НИ РАЗУ.“

Его смерть, неслышно затеваясь в треске нашей перестройки, странно контрастирует не только с громкой известностью в оттепельные шестидесятые годы, тихая кончина Анчарова странно контрастирует со всенародно оплаканным уходом других бардов эпохи, словно дождавшихся такого часа, чтобы потеря ударила побольнее.

Смерть Визбора трамплином подбросила всеобщий к нему интерес, на волне этого интереса студенческий менестрель, певец горных лыж и синих гор, стал (и заслуженно) одним из классиков жанра. Я уже не говорю о Высоцком, которого смерть из полуподпольных певцов перевела в национальные герои (и тоже заслуженно, потому что незаслуженно события такого масштаба не случаются).

В этом соотношении тишина вокруг имени Анчарова и странна, и незаслуженна. Все шестидесятые годы в гонке на магнитофонной дорожке он шел абсолютно вровень с Галичем, Окуджавой, Городницким, Матвеевой, Якушевой. Без Анчарова этот круг совершенно непредставим; от занимал в нем свое, особое, уникальное место. Перекликаясь, пересекаясь с другими. Но не совпадая ни с кем: ни в стиле, ни в тематике, ни в манере петь, ни в типе артистического поведения.

Высоцкий иногда пел его песни. Анчаров в автобиографии вспоминает об этом мимоходом, не давая воли эмоциям («это отдельный разговор»). За подчеркнутой сдержанностью можно предположить тень досады. Можно понять и причину ее. Конечно, Высоцкому незачем было петь чужие песни в качестве своих, и он этого никогда не делал, но то, что широкая аудитория могла принимать ан-

чаровские песни за песни Высоцкого, — факт более чем вероятный. Точно так же, как эта аудитория приписывала песни Визбору, певшему их с несравненным шармом. Никто не находил ничего особенного в таких заменах — в шестидесятые годы барды составляли единый круг, и лишь позднейшая атрибуция потребовала точного авторского размежевания. Досада Анчарова относится скорее к ситуации восьмидесятых годов, несколько забывших эти песни, чем конкретно к Высоцкому, с которым Анчаров не раз встречался в ранние шестидесятые годы.

Встречался и с Визбором. Я был свидетелем одной из таких встреч. В типично московскую квартиру (кажется, это состязание бардов устроил у себя телекомментатор Любовцев) набилось человек тридцать. Домашнее угощение не предусматривалось, каждый принес то, что считал нужным. Не лишенный юмора хозяин устроил из принесенного выставку: поставил шеренгой дюжину бутылок коньяка, а на пробку последней водрузил маленький мандаринчик — единственную закуску. Я описываю этот врезавшийся мне в память натюрморт, потому что он кажется мне характерным для эпохи 60-х с ее «кухонными сидениями»: это не было пиршество, не потому что нечего было купить к столу (как раз тогда было), но собрались не за тем, даже бутылки, боюсь, были не все выпиты, хотя сидение, начавшееся поздно, было рассчитано на всю ночь. Всю ночь я не выдержал, но первую половину состязания прослушал.

Анчаров и Визбор сидели друг против друга с гитарами в руках. Стол был пуст (даже магнитофона не припомню), а кругом плотным кольцом сидели, стояли и, по моему, лежали на полу слушатели.

Начал Визбор — как младший. Спел три песни и почтительно умолк. Анчаров выдержал маленькую паузу и тоже спел три песни, и тоже замолк, вежливо склонив голову. Меня почему-то тронула именно эта взаимная щепетильность. Песни-то я и так все знал, песни были не внове, интересна была обстановка. И поведение вот это — подчеркнутое уступание места. Почти претенциозная учтивость.

А контраст фигур был поразительно ярким. Контраст манеры петь. Контраст всего. Живой, рыжий, светящийся, весь какой-то «пушистый» Визбор и Анчаров — сдержанный, приторможенный, корректный, как бы застегнутый на все пуговицы. Не помню, как он был одет, но ощущение было такое, словно он в протокольном черном костюме.

Он был не просто красавец. Он был, если можно так выразиться, концертный красавец: правильные черты лица, гладко зачесанные блестящие черные волосы, спокойная прямая осанка; фрак «просился» к его фигуре, человек с такой внешностью был бы хорош и как дипломат на приеме, и как иллюзионист на арене, и как... резидент в «стане врага».

Может быть, не случайно биографическая «легенда» упорно приписывала Анчарову нечто таинственное, секретное. Насколько Визбор был «распахнут», Высоцкий даже «вывернут» наизнанку, а Окуджава вежливо «приоткрыт», настолько Анчаров казался «закрытым» наглухо. Легенда шла за каждым из них, иногда считаясь, а иногда и не считаясь с фактами: то, что Окуджава был «грустный солдат», как-то еще вязалось с его судьбой, но солдатом-фронтовиком слыл никогда не воевавший Визбор (впрочем, еще больше он слыл спортсменом, лихим гор-

нолыжником, что было ближе к истине). Высоцкий тоже казался спортсменом (альпинистом), что еще могло иметь реальную основу, но то, что он был в сознании народа зеком, лагерником, — это уже чистый образ.

Биография Анчарова малоизвестна. В его изложении это практически «библиография»: пел то-то, писал то-то. Песни, рассказы, романы. А до того что было? «Прежде чем избрать своим делом литературу, я перепробовал множество разных занятий. Я был бардом, художником, сценаристом и даже писал либретто для опер...» Естественно, что к списку этих чисто артистических дел молва должна была добавлять нечто более осязаемое. И она добавляла: «подвиги разведчика».

С обликом Анчарова эта легенда удивительно совпадала, потому и держалась. Корректность и сдержанность отличали у него не просто манеру поведения, но весь артистический облик — то, что составляет у поэта «ауру души». Это был образ человека потаенного, безукоризненного и как бы несколько «нездешнего». Пришелец. Что-то странное было не только в его песнях, но и в самой манере петь.

Слова ложились четко, жестко, как врезанные. Артикуляция отдавала правильностью, таящей скорее строгую школу, чем естественное дыхание. Резкость голосового рисунка (все время около речитатива) странно контрастировала с элементами цыганского распева, время от времени выплывавшими из строя речи сентиментальными вздохами, вернее, сентиментальными цитатами. В принципе-то это был ритм символов, а не ритм вздохов! Ничего общего ни с задушевностью Визбора, ни со взрывным, «неуправляемым» темпераментом Высоцкого, ни с ликующей иронией Кима, ни с гармоническим

ритмом Окуджавы — именно ритмом вздохов. Анчаров, казалось, пел в панцире. Что-то металлическое отдавалось в его голосе. Много лет спустя у Виктора Цоя откликнулся этот звук: голос опавшего, не желающего сливаться, идущего «отдельно» сознания.

Предвещено — у Анчарова. «Мужики, ищите Аэлиту!» Что-то марсианское, звездное, сдвинутое. Притягательность сомнамбулического «прохожего», идущего сквозь нашу жизнь неведомым путем. Из загадочной тени в загадочную тень. Из тумана в туман. «Звук шагов, шагов да белый туман...»

Не «белый» — «белый»... Даже странное ударение кажется у Анчарова необходимым. Сдвинут язык. Может сказать: «Мы в пахаре чтим целину, в войне — страх врагам» — и лучше не вкапываться в логику фразы, ибо смысл — в содвижении символов. И цыгана (вернее, «цЫгана») с городской окраины зовут у Анчарова женским именем «Маша», и это тоже в стиле: мир увиден со странной точки, потаенно-очарованным сознанием.

И — увиден. Описан. Предстает в реальных очертаниях, в деталях, в драматичных человеческих судьбах. В истории того же «цЫгана», подломившего ларек в голодную военную пору. В истории безногого инвалида, одиноко стучащего костылями по обледенелым московским улицам сорок шестого года. В истории крутого шоферюги, таранящего трехосным «МАЗом» непролазные наши дороги. Послевоенная Россия во всей ее скудости, щедрости, злобе, великодушии, дури, доверчивости встает из песен Анчарова. И здесь он неспроста перекликается с поэтами своего круга. С Галичем, Высоцким. И жанр тут общий; уже и Визбора под конец все больше привлекала эта форма — подроб-

ный «балладный» рассказ, исчерпывающий и эпизод, и судьбу человека. Не лирический мазок — прямая захлестывающая исповедь.

Горизонт Анчарова, очерчивающий реальную землю, замкнут судьбами как бы противоположного плана. Как бы «людьми неба». Тут реальность — там «иллюзион». Тут — ледяной ветер городской окраины, там — прозрачные эмпирии и «воздух искусства». Тут — шоферюга да инвалид, там — органист на концерте, циркач на арене и, наконец, главный любимец 60-х, король интеллектуалов — физик.

Эти романтические герои всегда посажены у Анчарова в грубую реальность. Органист унижен, прикрит тенью эстрадной певицы (она окружена поклонением, Алла Соленкова, героиня 1960 года; не предтеча ли другой Аллы — Пугачевой?). Циркач едет по кругу, качаются плюмажи, сверкает позолота, но оттенок тщеты неустрашим из картины праздника: «губы девочка мажет в первом ряду» — не знает, как эти кони ходили в атаку. Анчаров видит мир всегда с высшей точки («от Аэлиты») и одновременно видит тщету, пошлость, обреченность этой высоты. Он жестче Галича, язвительней Высоцкого, резче Визбора. Сравнить фигуры шоферов: у Визбора — романтический путник, у Анчарова — прошедший огня, воды и медные трубы работага. Сравнить того же физика — у Галича, когда тот устами истопника рассказывает, как «гады-физики на пари раскрутили шарик наоборот», и у Анчарова, когда тот устами шлюхи рассказывает: «Он работал в секретном ящике, развивал науку страны, только сам он был весь лядащенький, все потел, пока снял штаны...» И эта резкость штриха,

грубость рисунка, этот непременный черный подбой у сверкающе-белых видений — все составляет неповторимую окраску анчаровской лирики, и каким-то образом сопрягается со странностью его пения, и открывает глубинную тему его творчества.

Ключ указан самим Анчаровым: Александр Грин. Алые паруса посреди серой окраинной Благоуши. Уплыть, уйти! «От Зурбагана мы дойдем до Кента, и в мире нет нигде преграды нам! Недаром Гринном сложена легенда о Фрези Грант, бегущей по волнам». Благоуша была холодная и темная, «текстильная, воровская, пацанская». А Грин — теплый, южный. Анчаров слушал, как воют в подворотнях благоушинские собаки, и писал музыку на гриновские стихи о ветрах и кораблях. Про это рассказали вдове Грина — в предвоенные годы она еще жила где-то в таганских переулках. Анчарова повезли. Вместе с гитарой. Старушка заплакала, когда двенадцатилетний пацан спел ей: «Южный Крест нам сияет вдали». Он вернулся на Благоушу, потрясенный ее слезами.

Южный Крест сияет в стихах и песнях Анчарова. Всю жизнь. Романтический Грин зеленеет, синее, сверкает. Романтический мир — отсветами, отблесками, отзвуками, Залпами цветов, криками лебедей, морозной пылью троек, летящих к звездам, серебристым смехом, сверканием сабель, салютами, взлетающими над раскаленными руинами, над пеной морей, над дорогами, по которым бродят поэты и безбожники, мушкетеры и сорванцы. Романтический узор, светящийся в стихах Анчарова, иногда придает им экзотичность, что-то пряное и непременно нездешнее. Золотится, серебрится, зеленеет, синее, рыжеет, сверкает и слепит всеми цветами

радуги... Кроме алого. Этот цвет, самый гриновский, самый точный, неспроста укрыт у Анчарова. Может быть, из щепетильности — не цитировать учителя в лоб. Но скорее из подсознательного (или сознательного) ощущения, что истина напрямую не видна. Главный цвет спрятан, преломлен, раздроблен — в золотистых, серебристых, пестрых оттенках-осколках он искажен, обречен, он в этом мире сломлен.

Здесь, я думаю, главный секрет анчаровского мироощущения: романтическая мечта у него изначально обречена. Собственно, пишет-то Анчаров не романтическую картину мира, а картину гибели романтического мира. Рассыпается конная лава, раскрываются цветки парашютов, уходят на Луну корабли, и гибнут кони, и череп пробит, парашют пробит, и марсианка знает: «Сыну Неба два крыла запутали в дерьме». Анчаров — поэт гаснущих звезд. У него «небо в землю упало». Поэт света, одолеваемого тьмой. Поэт светотемени. «От слепящего света стало в мире темно». Можете истолковывать в каком угодно контексте — по нынешним временам все можно. У Анчарова все пережито в конкретности. Мечтает мальчик в беспросветной Благоуше, а мечтателя «крестят» поленом по спине, и вырезанных им сказочных деревянных коней кидают в огонь. Вырастает мальчик под воинские марши: граница на замке, атака самураев отбита, сопка за спиной, грохот рыжего огня, топот чалого коня, — а остается от всей героической эпопеи — бормотание психа, которого везут на Канатчикову Дачу, а он все не отдает санитарам свою пограничную фуражку...

Предвоенные зарницы полыхают в стихах безумными отсветами. Анчаров — из того поколения

«меченых», которому судьба на-
чертала умереть за мировую рево-
люцию, и они еще были счастли-
вы, когда начали умирать. Огнем
обошла война Анчарова, не приби-
ла его лирику к земле, не пригну-
ла к окопу, как лирику Слуцкого,
Межирова, Самойлова, она не сде-
лала из него грустного солдата,
как из героя Окуджавы. Тут вари-
ант, близкий скорее к коржавин-
скому (или к судьбе Юрия Трифо-
нова): человек воюющего поколе-
ния стечением обстоятельств
сдвинут к следующему поколе-
нию — к невоюющим. К неповре-
жденным мечтателям. Мечту он
продолжает носить в сердце,
и оно обугливается.

54 Мирная литературная судьба
у Анчарова прикрыла эти горящие
угли. Он стал профессиональным
писателем, выпустил несколько
книг прозы. Мне приходилось пи-
сать о них, «но это другой разго-
вор». Могу только сказать, что
благополучие его писательской
судьбы проблематично. Хотя успе-
х был. Было даже такое, что по
анчаровскому сценарию поставили
телепередачу, и она понравилась
Л. И. Брежневу. Это очень острый
момент в писательской судьбе, не
вдруг поймешь, счастливый ли.
«Поэт в России больше, чем поэт».
Одному приходится оправдывать-
ся, как это он шел против власти,
другому — как это он власти по-
нравился.

Мне доводилось изредка встре-
чать Михаила Леонидовича и в по-
следние годы его жизни. Мягкий
джемпер, мягкая улыбка. Он не
участвовал ни в «акциях протес-
та», ни в прочих громких делах
проклятого застоя и пьянящей
гласности. Наверное, это был са-
мый тихий, самый скромный из
бардов великой эпохи. Вокруг —
ослепительный бунт Высоцкого,
всесветное изгнание Галича, жа-
лящий смех Кима, укрытого псев-

донимом от ответных ударов вла-
сти, язвительная вежливость
Окуджавы, неуязвимого в своей
всегдашней тончайшей оппозици-
онности. Бунт полыхал все ярче.
Шла новая эпоха — рок, тяжелый
рок, роковой для ценностей пре-
жней эпохи. Тихий Анчаров, человек
в мягком джемпере, казалось,
оставался там, в прошлом, в ше-
стидесятых романтических годах.

К сведению будущих историков
песни. Анчаров действительно на-
писал в 60-е годы несколько тек-
стов, ставших «классикой». «Зер-
цало вод», «Село Миксуница»,
«Тополиная метель», «МАЗ», «Аз-
лита»... Но «Богомазы» написаны
еще в 50-е. «Девушка, эй, по-
стой!», «Песня о психе», «Кап-
кап» — это все 1957 год. А «Руса-
лочка», «Царевны», «В германской
дальней стороне», а пленительное
«Солнечным утром в тени» — это
40-е, это большею частью 1943
год! Пелось же — два, три десят-
ка лет спустя, как только что ро-
жденное. Будет ли петься даль-
ше? Что? Кем? Кто знает, что оста-
нется истории, а что будущим по-
колениям? Что будут изучать,
а что — петь?

Может, вот это, тихое, горькое,
глубоко созвучное мне у Анчарова,
самое любимое его:

*Звук шагов, шагов
Да белый туман.
На работу люди спешат, спешат.
Общий звук шагов —
Будто общий шаг,
Будто лодка проходит
По камышам.
В тех шагах, шагах —
И твои шаги,
В тех шагах, шагах —
И моя печаль.
Между нами, друг,
Все стена, стена,
Да не та стена,
Что из кирпича,
Ты уходишь, друг.*

От меня, меня.
Отзвенела вдруг
Память о ночах.
Где-то в тех ночах
Соловьи звенят,
Где-то в тех ночах
Ручеек зачах.
И не видно лиц —
Все шаги одни.
Все шаги, шаги,
Все обман, обман.
Не моря легли,

А слепые дни,
Не белы снега,
А седой туман.

Не видно лиц. Отсветы. Отсветы. Не слышно слов. Отзвуки. Отсветы зарев, отзвуки битв. Седой туман. Грусть пронзительная.

Здесь — зенит Михаила Анчарова. Точка схождения его горизонтов. Небо, павшее в землю. Свет, ослепивший до тьмы.

МИХАИЛ АНЧАРОВ

ПЕСЕНКА ПРО ПСИХА ИЗ БОЛЬНИЦЫ ИМЕНИ ГАННУШКИНА, КОТОРЫЙ НЕ ОТДАВАЛ САНИТАРАМ СВОЮ ПОГРАНИЧНУЮ ФУРАЖКУ

Балалаечку свою
Я со шкапа достаю,
На Канатчиковой даче
Тихо песенку пою.

Солнце село за рекой
За приемный за покой.
Отпустите, санитары,
Посмотрите, я какой!

Горы лезут в небеса,
Дым в долине поднялся.
Только мне на этой сопке
Жить осталось полчаса.

Скоро выйдет на бугор
Диверсант — бандит и вор.
У него патронов много —
Он убьет меня в упор.

На песчаную межу
Я шнурочек привяжу —
Может, этою лимонкой
Я бандита уложу.

Пыль садится на висок.
Шрам повис наискосок.
Молодая жизнь уходит
Черной струйкою в песок.

Грохот рыжего огня,
Топот чалого коня...
Приходи скорее, доктор!
Может, вылечишь меня...

КАП-КАП

Тихо капает вода:
Кап-кап.
Намокают провода:
Кап-кап.
За окном моим беда,
Завывают провода.
За окном моим беда.
Кап-кап.
Капли бьются о стекло:
Кап-кап.
Все стекло заволокло:
Кап-кап.
Тихо-тихо утекло
Счастья моего тепло.
Тихо-тихо утекло.
Кап-кап.

День проходит без следа.
Кап-кап.
Ночь проходит — не беда.
Кап-кап.
Между пальцами года
Просочились — вот беда.
Между пальцами года —
Кап-кап.

ПЕСНЯ ПРО ДЕДА-ИГРУШЕЧНИКА С БЛАГУШИ

Я мальчишкою был богомазом.
Только ночью, чуть город затих,
Потихоньку из досок чумазных
Вырезал я коней золотых.
Потихоньку из досок лабазных
Вырезал я коней золотых.

Богомазы мне руки крутили,
Провожали до самых сеней,
По спине в три полена крестили
И в огонь покидали коней.

Шел я пьяный,— ты слушай не слушай,
Может, сказку, а может, мечту,—
Только в лунную ночь на Благуше
Повстречал я в снегу Красоту.

И она мне сказала: «Эй, парень,
Не жалеешь ты коней расписных,
Кто мечтой прямо в сердце ударен,
Что тому до побоев земных?»

Я оставил земные заботы
И пошел я судьбе поперек:
Для людей не жалел я работы,
Красоты для себя не берег.

Над мечтой не смеялся ни разу,
Пел на рынках я птицы вольней.
Отпустите меня, богомазы!
Не отдам я вам рыжих коней!

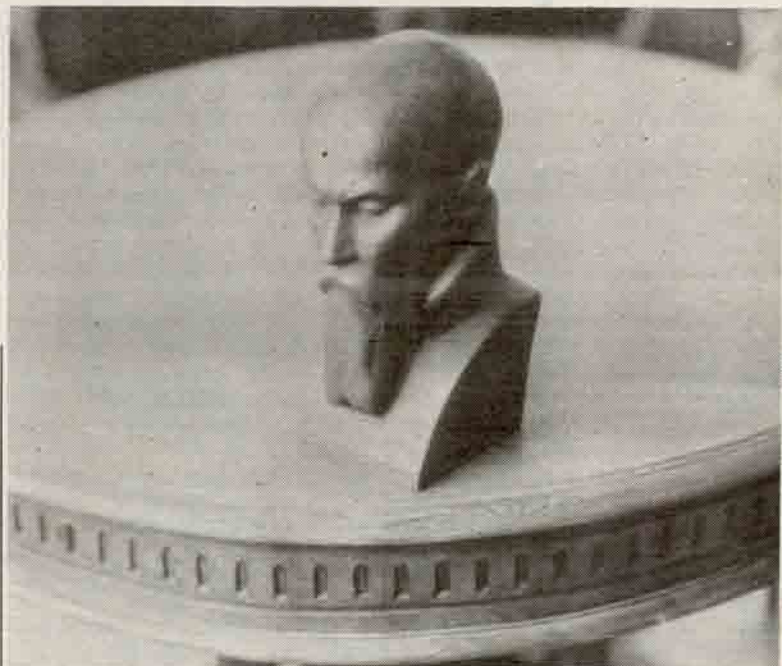
МІЛОСТЬ



*«Час поіманья Космоса пробьет»
(Н. Рерих. «Живая этика»)*

БОГОВ

ВИКТОР АНТОНОВ
Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ



...Это сейчас мы знаем, кто такой Николай Рерих и что Извара — его родовое гнездо, тоже многие слышали. Снимаются запреты с прежних учений, «чуждых нашему мировоззрению», а к всемирной Ассоциации «Мир через культуру» присоединился наконец и Советский фонд Рерихов.

А тогда, в 70—80-х годах прошлого века (покупка имения, рождение первенца, его детство среди Изварских озер...), мог ли кто возмечтать о грядущей известности или вложить некую символику в ставшее столь блистательным имя? Николай по-гречески — «побеждающий», а Рерих на языке варяжском — «богатый славой».

Такое б имя знатному воину... Но нет, никто из воинствующих

предков — ни тамплиер XIII века, ни офицер шведского короля Карла XII — не оставил заметного следа в истории. А сами петербургские Рерихи, как и большинство российских «немцев», из поколения в поколение занимались коммерцией, юридической практикой.

Ну, Николенька строил какие-то планы, отличные от родительских пожеланий — в отрочестве у многих так... Но кто бы мог предвидеть, что на пути, ему предначертанном, он действительно завоеует мир. Да, то, о чем мечтали многие полководцы — от Александра Великого и Юлия Цезаря, — удалось тихому и скромному художнику, почтенному мудрецу, Махарише, удалось исключительно смирением и мыслью. Имя пришлось впору...

Понадобилось всего лет тридцать после Извары, чтобы мир смог воспринять «Живую этику» как откровение свыше, как нечто близкое себе, жизненно необходимое. Но еще сорок лет по смерти художника-философа, чтобы и у нас, на родине его, стало возможным — да и то лишь к приезду представительной делегации всемирных борцов за мир — вместо привычного флага, обозначающего местный сельсовет, водрузить на шпиль изварского Дома-музея рериховский флаг: три красных круга в кольце на белом фоне.

«Все особенное, все милое и памятное связано с летними месяцами в Изваре...». От Балтийского вокзала до Волосова около 80 верст на поезде да еще 12 в бричке. Как храм в Заполье проедешь — до имения рукой подать. А там — добротный двухэтажный господский дом: с «голубой» и «зеленой» гостиными, с каминным залом в центре — по стенам,

как принято, миниатюры голландских мастеров. Из окон вид на озеро с лебедями и регулярный парк (несколько, правда, запущенный): штамповые розы, старые ели, вековые липы. По соседству разные хозяйственные постройки: каретный сарай, конюшня на 30 лошадей, скотный двор на 70 голов рогатого скота, птичник, деревянный амбар с колоннами (самый древний здесь, еще екатерининского времени). И, конечно же, кузня, куда как магнитом тянет барчука, где в нише горна родится новый смысл предметов. Огонь — что может быть притягательней для юной души?..

А для зрелой? Теперь-то, когда знаем и картины мастера, признанного во всем мире, — такие, как «Сокровище гор» и многие из Гималайского цикла, — не очевидно ли? Огненный свет, идущий из глубин, — не только следствие великой тайны бытия, но как бы воплощение первородства Духа... Не искра ли изварского горна, запав в душу маленького Коли, зажгла светоч жажды познания, не она ли манила звездой Вифлеемской среди гор, заставляя карабкаться на новые и новые вершины, и со временем стала величайшей философией Агни-Йоги (огненной Йоги)? Как звать.

Чуть в глубине парка бревенчатый дом управляющего — массивный и чуть мрачноватый. А еще подальше, по-над прудом, форельная башня — второй этаж ее из дикого камня, но по углам выложен красным кирпичом — красиво. Большая усадьба, зажиточная. Недаром крестьяне величают барина бароном. Что ни говори, а «барон Рерих» звучит внушительней, чем нотариус окружного суда.

Ну, барон не барон, а имение-то куплено у графа Воронцова, это точно. И название от него же пе-

решло: граф-путешественник завез слово из Индии («Ишвара — милость богов»). Впрочем, это лишь одна из версий. По другой — Извара связана этимологически с ключами-родниками, что бурлят тут по дну множества озер, и зимой вода в них не замерзает (в этой связи и Карловы Вары Изваре сродни). Тогдашние же местные крестьяне упорно звали — Изжарово. А нынешние поселковые ребяташки, слышал, по-своему толкуют: Извара потому, что тут извесьть варят. А ведь и впрямь: в непосредственной близости от усадьбы дымит себе по-черному известковый заводик, с закопченной башни которого вся Извара-Ишвара как на ладони. И только одного не увидеть оттуда — каким оно было, это имение, сто лет назад. Откуда ни глянь, чего-то недосчитаешься — ушло безвозвратно. А так хочется вернуться вспять хоть на минутку, нащупать корни, отыскать истоки...

От Ленинграда до Извары сейчас дорога накатанная: на рейсовом «Икарусе» 2 часа — и вся недалга. Многое тут как бы по-прежнему, как и на стыке веков, многое (что неизбежно!) — совсем иное. И речь вовсе не о том, те ли цветы сажают возле дома сотрудники музея (все одно сорвут, какие ни посади), — время не щадит и более существенных примет. Вот церковь в Залолье — храм Петра и Павла, на строительство которого собирал деньги отец художника, председатель попечительского совета Константин Федорович Рерих, — имеет ныне вид живописных руин то ли древнеримских терм, то ли высеченных из песчаника индусских пещерных храмов. Воистину: «Храм сначала рушится внутри человека, стены потом. И стоит ли восстанавливать стены (тело), в которых не будет души?»

Да, это все про нас. Церквям

больше всех досталось за славные 70 лет.

А вот ближайшая, так называемая училищная церковь уцелела — хоть и без креста — почти в первозданном виде. Массивная, она во все времена была «при деле»: сперва служила местом призрения сирот, чьи отцы погибли на русско-японской, — и была тут организована сельскохозяйственная колония. А сразу после семнадцатого года (по инерции, что ли?) — колония для малолетних преступников. В последнюю войну был тут немецкий концлагерь, а после войны — снова лагерь, но уже советский...

Сейчас тут обосновался видеосалон, а по субботам, как гласит объявление, будет приезжать и парикмахер. Да уж, «культура пришла на село» — такой ли ее ждали? Неужто в виде вот этой, почти трехметровой статуи: пышнотелая селянка, гордо несущая два увесистых вилка капусты... Эталон красоты, синоним благосостояния? Нет ответа. Когда-то в этом парке, говорят, стоял мраморный бог Аполлон, а возле лодочной станции — фигура купальщицы в античном стиле.

Каждому времени — свои цветы...

«Путь Николая Константиновича Рериха был прямой, как стрела, — утверждает его сын Святослав Николаевич. — Никаких сомнений и колебаний, никаких метаний из стороны в сторону. Он как будто — с самого раннего возраста — знал изнутри, в каком должно двигаться направлении». И наша задача лишь отследить эту траекторию. Начало же путь сей берет от изварских родников.

Сегодня, зная космичность творчества мастера, нетрудно предположить — в ретроспективе, — что сама эта Божьей мило-

стью местность «заряжала» будущего питомца многих муз... Небо, которого много не в пример столitchному граду, солнце, что светило нашим далеким предкам и будет, верно, светить многим поколениям после нас, дикие замшелые валуны по берегам озер — свидетели «древности седой» (не орудия ли былинных богатырей?) — все навеивает мысли о бренном и вечном.

А тут еще встреча девятилетнего Коли с археологом Ивановским, заразившим мальчика неизбежной страстью к поискам исчезнувших следов былой культуры. (Встреча поистине знаменательная — вся сознательная жизнь Рериха пройдет под знаком поиска и возрождения некой Атлантиды.) Как он писал в «Листах дневника», первая раскопка дала ему то, что гимназические предметы, которые любил, но каждый в отдельности — литература, история, география, — как бы слились воедино. Прикосновение к первородному — озарение! Он и в старших классах не бросит начатого: запасы казенной бумагой, будет находить и раскапывать древние курганы — становища предков «на территории Царскосельского и дру<гих> уездов»...

Может, «прямызна» уже и в том, что сказанное в детстве как бы в шутку обретает серьезность в зрелые годы? Так на вступительных экзаменах в гимназию директор ее Карл Иванович Май предрек бойкому малышу: «Да ведь это будущий профессор». (И — сделалось по слову сему! Но до того еще долог тернистый путь познания...)

Пока же школяр Рерих с удовольствием раскрашивает в разные цвета карты, лепит из пластилина Анды и Гималаи с ледниковыми вершинами (сколько раз потом будет он живописать Гималаи

с природы) — не тогда ли впервые, едва слышный, почудился ему зов гор?

Географ фон Май словно бы задал и азимут поиска... Тот самый фон Май, по имени которого учеников его гимназии прозвали «майскими жуками». Карл Иванович с каждым гимназистом здоровался за руку и упорно не носил вицмундир, считая, что обучение должно быть домашним; директор, на чьи именины супруга Агнесса Альбертовна поила всех воспитанников шоколадом и чье кредо было: «Прежде любить, а уж после учить».

А кстати, среди «майских жуков» немало будущих коллег по цеху живописцев: Константин Соменов (недоучился, правда), Александр Бенуа (однокашник Рериха) — представители шумно известного «Мира искусства». Все они тоже повернуты мыслью в дорогое им прошлое — просто Рерих, как археолог, копал чуть глубже. Впрочем, все они по манере письма в меру условны и театральны, что не может не злить критиков вроде Стасова. И Рерих — лишь один из многих... Свой путь в живописи только нащупывался, хотя техника «пластилиновой» рельефности и легендно-историческая тематика уже наметились.

Правда, и этому время впереди. Пока же, сразу после гимназии, юридический факультет — по желанию отца и параллельно — по собственному желанию — Академия художеств...

Материал упорно не давался, сопротивлялся, упруго отталкивал, не пускал. Немудрено: пытаться с наскака — меж бытовыми неурядицами и мелкими нашими хлопотами, среди вечной спешки — постичь величайшее духовное учение XX века (а может, и всех столетий) бесполезно.

И бессмысленно. «Кто мучается земными вопросами, тот ответа о Небесном не получит».

Рерих-художник как-то не вызывал во мне ни восторга, ни трепета. Не импрессионист, не передвижник — картины его казались скорее иллюстрациями к детгизовским былинам или к «Слову о полку Игореве». А без сочувствия о чем же тут говорить? Одно лишь я понимал ясно: «нестыковка» эта — от косности мышления. Твердо верил: сумею разрушить стереотип — значит, приближусь к пониманию: приоткроется заветная дверка. Вот только время нужно на это — возможно, месяцы, годы. И — особое состояние души: «Не нарушайте праздник духа, хотя бы язык его был вам непонятен. Непонятное сегодня станет понятным завтра».

Значит, непонимание — вопрос лишь времени. Для всех ли так? «Ищите да обряцете, просите и — дастся вам». Испытание терпения. Только преодолевая, утверждает мудрость, и можешь зваться человеком. Превозмог себя — считай, человек.

Но как отказаться от привычного, превозмочь суетное, как обрести праздник духа? «Дорога тяжела в страну веры. Устремите ум на радость творчества».

Здесь, в аскетической обстановке музейного флигеля, среди репродукций рериховских полотен, в этих самых стенах дорогой его сердцу Изварской обители, откуда он выйдет молодым, выйдет, чтобы объять весь мир, и куда уже не вернется, лишь мысленно, уж здесь-то, верно, знают ответы и на мои вопросы...

Разговариваем с Александром Семеновым и Анатолием Смирновым — служителями музея (номенклатурно — «сотрудники», — но больно уж истерлось слово это по иным учреждениям).

Толкуем о синтезе в искусстве и о том, чем душа спасется: о синкретичных народных хоровах и о допетровских русских монастырях — центрах просвещения, средоточиях культурных ценностей. Все это ушло безвозвратно, но, возможно, такими центрами станут со временем музеи? (Почему бы и нет? Сделали же дом Рериха в Индии культурным центром, действующим Домом творчества молодых художников. Как это верно: где все пронизано гармонией Космоса, где витает душа махариши — впитывай вселенскую мудрость и твори. В Изваре же первой, кого выселили при реставрации семь лет назад, была именно детская художественная школа...)

Это тоже, видно, веяние времени, что молодые люди, мыслящие, интеллигентные, инженеры по образованию, уходят в гуманитарные проблемы, жаждут познания и самосовершенствования... Но надо уж очень полюбить музейное дело, чтобы решиться связать с ним судьбу. Одно дело приезжать в Извару по выходным, помочь реставраторам восстанавливать усадьбу, и совсем другое — переселиться сюда навсегда. С семьями, на невесть какую зарплату, из ленинградских квартир — в деревянный домишко с печным отоплением.

Что ж, тоже синтез: иметь суждение о космическом разуме и пилить дрова для печи — лишь разные ипостаси единого бытия. Главное, они нашли себя и, похоже, счастливы...

— А как рано Рерих осознал свое предназначение, кто он в этом мире и для чего? — спрашивал я у них, словно не они — порождение Рериха, его производные, а напротив, сами его родители, наблюдавшие за ним с самого раннего детства. Но ведь в некото-

ром смысле так оно и есть: скрупулезно изучать Извару — значит пройти по следам юного Рериха.

— Культура едина, она вышла из природы — это может понять в принципе каждый через собственный опыт, даже не обращаясь к таким источникам, как «Живая этика». Но сейчас мир наш настолько сумбурен, сознание так замусорено, что простые истины замутнены, и мы воспринимаем реальность в противоестественном виде. Нужно с детства наблюдать жизнь этих облаков, с младых ногтей почувствовать вкус древней культуры, чтобы прошлое слилось с настоящим, подтолкнуло будущее — и тогда поймешь, что все едино...

— Идея синтеза, можно сказать, стержень педагогических принципов гимназии Мая. Здесь не только горы из пластилина, но и театрализованные шествия, где Рерих изображает реку Волгу, а Бенуа — реку Хуанхэ. А в школьном театре играли вместе и учителя, и ученики. И учителей-то фон Май подбирал соответственно — увлеченных и способных зажечь в других ту же страсть к предмету...

— Конечно, нужно быть Рерихом, чтобы все подаренное судьбой синтезировать в творчестве. И все же верно замечено: без Извары не было бы Рериха. Она — ключ ко всему последующему...

А между тем Извара нуждается в новой подробной экспертизе каждого объекта на ее территории. И прежде всего закрыть бы проезд по тому кусочку проселочной дороги, что попадает в охранную зону памятника. Хотя предписание об охранной зоне есть, но оно упорно не исполняется: «кировцы» как тарактели почти под окнами дома, так и продолжают (объездная шоссеиная дорога водите-

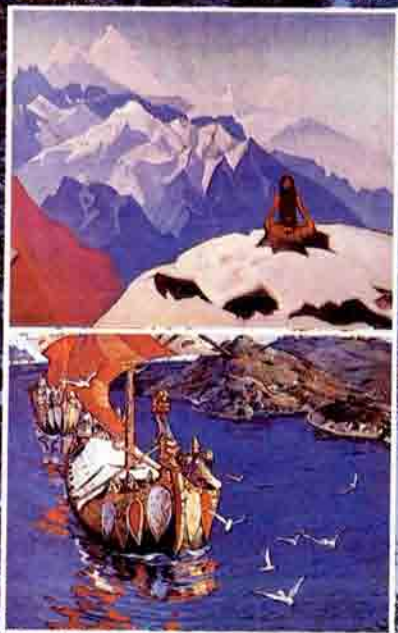
лей не устраивает). И впрямь в пору траншею прорыть поперек дороги и водой заполнить. А как иначе? Ведь заезжает трактор прямо на территорию — никаких же заборов вокруг, — и его тут «купают» в знаменитых изварских родниках. Сюда же частенько сливают и молоко...

От форельной башни одно название только осталось. Это когда-то тут в чанах выращивали мальков рыб всяких ценных пород, чтобы выпустить в пруды и в речку Изварку, теперь тут просто склад молокопродукции, причем без толковых отмошков, отчего часть молока и попадает в воду.

Да и сам дом в таком состоянии, что требует ремонта от и до: фундамент заливают, крыша течет — приходится даже ведра подставлять. И это в музее!

Идет процесс разрушения. Закрываем глаза на очевидное, не желая слышать грустных пророчеств — все наши беды в нас самих. Экологическая катастрофа и крах культуры — в одной связке. Просто Рериху это открылось много раньше наших современных публицистов. Вот что писал он, ярый защитник российской самобытности — член многих комиссий по охране старины: «Как передать народу это стремление спасти памятники? Как внушить всем городским хозяйствам, что с разрушением памятников понижается культура?»

Вон ведь когда взывал, чуть не сто лет тому, в 1899-м., а будто нынче. Теперь это и к его любимой Изваре вполне приложимо... Хотя тогда и методик толковых для реставраторов не было. Только и оставалось, что уповать на частную филантропию, возопить «во всю Ивановскую» — авось проймает: «Люди добрые, не упустите дело доходное. Чем памятник сохраннее, чем он подлиннее — тем



Бывшая фарельная башня у Изварских озер.



Извара в цвету.

Музейные залы.







Храм в Заполье по соседству с Изварой.



Вещи, что путешествовали с Рериками по всему свету.

он ценнее. Привлекайте к памятнику целые поезда любопытствующих. Бог да простит вас, извлекайте из памятников выгоду, продавайте их зрелища, сделайте доступ к ним оплаченным. Кормите пришедших во имя древности, поите их во имя старины, зазывайте небылицами красивыми, украшайте каждое место легендами... Торгуйте, продавайте и радуйтесь! Чем до сердца доходчивей, так и думайте; но старину сберегите!»

Не уберегли...

И где, в чем спасение — неизвестно. В слабой надежде, что когда все, совсем уж все разрушим до основанья, вдруг воспрянем, как Феникс из пепла?

А еще напоследок слово о жене-соратнице. О со-труднице во всех делах и начинаниях Елене Ивановне Рерих — не только спутнице в долгих странствиях по миру, но и продолжательнице дела по смерти философа.

Хранительница очага, хранительница мудрости, хранительница веры... Не с нее ли писал он держащую светоч «Агни-Йоги», «Царицу небесную» для росписи храма, «Мадонну Орифламу» со знаменем Мира в руках или «Держительницу мира» среди скал — последнюю надежду в ненадежном мире. Бог есть любовь. Одна любовь соединила их некогда и полвека вела вместе по жизни. Любовь оставила нам путеводные книги «Живой этики».

*...Наш зов проще детской просьбы.
Примите уготованное богатство.
Если рука напрягает мускул,
То Бога примите духом.*

Может, и верно, вера спасет?

...Я лишь вступил в Чистилище,
но верил, что уже вошел, а не
у входа.

И я узрел во тьме светильник,

в руке женщины на краю света.

И вспыхнул вдруг, озарился
восходом весь горизонт. Краски
ожили, засветились.

«Радуйтесь, понявшие!»

ЖИЗНИ И

СВЯТОСЛАВ РЫБАС
ЛАРИСА ТАРАКАНОВА

Петра

Двенадцатого августа 1906 года в субботу к подъезду дачи председателя Совета министров на Аптекарском острове подъехало ландо с тремя мужчинами. Двое — в форме жандармских офицеров, один — в штатском платье. Столыпин принимал в своем кабинете посетителей, в приемной ожидало несколько десятков человек, среди них были женщины с детьми. На балконе, прямо над крыльцом, сидели двое детей Столыпина, дочь Наташа и малыш Аркадий вместе с няней, молоденькой воспитанницей Красностокского монастыря Людмилой Останькович.

Через несколько минут взрывом бомбы дача будет разрушена, Останькович погибнет, малыш — ранен, а Наташа с раздробленными ногами окажется под копытами взбесившихся от боли раненых лошадей.

Пока же двое в жандармской форме остановлены швейцаром. Первый из них — с портфелем. Они настаивают на встрече с министром, ссылаются на очень важное дело. Швейцар-служака: «Запись к приему лиц, имеющих отношение к министру, прекращена, министру понадобится не менее двух часов для приема лиц, уже находящихся в приемной». Так передает суть речей швейцара полицейский документ. Но посетители спешат, рвутся к двери, ведущей в коридор, откуда вход в столыпинский кабинет. На их пути встает агент охраны Горбатенков. Короткая схватка. На помощь Горбатенкову устремляется его помощник — агент Мерзликин, из приемной на шум выходит генерал Замятин.

И все они мгновенно исчезают в страшном взрыве.

АПОКРИФ

Столыпина

В этот день старшая дочь Столыпина, Маша, закончив с младшей сестрой Олечкой урок, пошла с ней из книжной гостиной наверх. Взрыв застал Машу в коридоре. Она собиралась открыть дверь, но никакой двери не было. Вместо двери — пустота, внизу — набережная, блеск Невки, деревья. Взрыв ошеломил девочку. Она подумала об отце: что с ним?

Несколькими днями раньше в Варшаве бросали бомбу в генерал-губернатора Скалона. В Саратове был разорван бомбой губернатор Блок. От взрывов сотрясалась жизнь. И дочь боялась за отца, не понимая, что случилось в России.

Маша Столыпина кинулась к окну, чтобы прыгнуть на крышу нижнего балкона и перебраться в кабинет Петра Аркадьевича. Ее остановил Казимир, слуга, взял обеими руками за талию и отодвинул в сторону.

Тут она увидела мать с белой от известки головой.

— Ты жива, — сказала мать. — Где Наташа и Адя?

Не было двух ее детей. Как каждая мать, супруга Столыпина думала прежде всего о родных детях.

Они вошли в верхнюю гостиную. Здесь лежала на кушетке выздоравливающая от тифа Елена. На полу среди осколков — горка. Стены и пол целы. Зато из соседней комнаты вся мебель вылетела в приемную и даже на набережную Невки.

Откуда-то снизу, с улицы, раздался голос Столыпина:

— Оля, где ты?

Мать вышла на балкон.

— Все дети с тобой? — спросил он.

— Нет Наташи и Ади, — с ужасом и тоской вымолвила Ольга Борисовна.

В эту минуту Столыпин, наверное, отдал бы посты министра внутренних дел и премьера, все честолюбивые упования, все патриотические планы ради одного слова о Наташе и Аркадии.

Маша хотела сбегать вниз по лестнице, но от лестницы осталось ступенек десять. Надо было прыгать на кучи щебня или ждать пожарных. Она спрыгнула, упала, вскочила на ноги и бросилась на шею отцу. Какое счастье было видеть его живым и невредимым!

Но что творилось кругом?! Кричали и стонали раненые, стлался дым, метались обезумевшие женщины. Шелестели липы, по дорожке ползли две Наташины черепахи, на газонах лежали мертвые и разорванные тела, тут нога, тут чья-то кисть, там челюсть.

Наташа и Аркадий были найдены под обломками дачи, тяжело раненными.

«Наташа была ранена очень серьезно, — вспоминала потом Мария Столыпина (по мужу — Бок), — и странно было видеть, когда ее переносили, это безжизненно лежащее тело с совершенно раздробленными ногами и спокойное, будто даже довольное лицо. Не издавала она ни одного звука: ни крика, ни стога, пока не переложили ее на кровать. Но тогда она закричала и кричала уже все время — так ее в больницу и увезли, — кричала так жалобно и безнадежно, что мороз по коже проходил от крика этой четырнадцатилетней девочки...

А у Ади были раны на голове и перелом ноги, и все последующее время бедный ребенок очень страдал больше от нервного потрясения, чем от ран. Он несколько дней совершенно не мог спать: только заснет, как снова вскакивает, с ужасом озирается и кричит: «Падаю, падаю!»

К вечеру увезли пострадавших. Кого в покойнице, кого в лечебницы. Наташе предстояла ампутация обеих ног, немедленно, иначе не спасут. Это была цена, которую Столыпин должен уплатить за твердый курс, спасающий страну от трагедии революции.

Он умоляет докторов отложить операцию до утра. Они с трудом соглашаются. Наступает утро. Ампутацию снова откладывают. Потом сообщают, что попробуют сохранить обе ноги, а что дальше — останется калекой или поправится — это как Бог даст.

Надо думать, прошедшая ночь была для Столыпина мучительной. На нем лежала кровь его детей. Он не мог не знать, что и в дальнейшем ничто не уберет их — никакая охрана, никакие жандармы. Уберечь детей может только отец. При одном условии...

«Список лиц, убитых при взрыве бомбы на даче господина министра внутренних дел Столыпина 12 августа 1906 г.

1. Непременный член Ярославского губернского по земским и городским делам представителя Коллежский Ассессор Николай Юльевич Слефогт — 32 лет.

2. Отставной статский советник Михаил Тимофеевич Вербицкий — 60.

3. Потомственный почетный гражданин Леонтий Клементьевич Клементьев — 59.

4. Запасный унтер-офицер кавалергардского полка из крестьян Смоленской губернии Духовищинского уезда Жилевичской волости деревни Новоселок Василий Прокофьев Солдатенков — 32.



П. А. СТОЛЫПИН. Фото из Центрального госархива кинофотодокументов СССР.

5. Запасный боцман гвардейского экипажа из крестьян Курской губернии Дмитриевского уезда Михайловской волости слободы Жидневки Александр Иванов Проценков — 28.

6. Гражданский инженер Иероним Иулианович Терлецкий — 25.

7. Унтер-офицер Санкт-Петербургского жандармского дивизиона Иван Павлов Слепов — 27.

8. Коллежский регистратор Афанасий Ларионов Горбатенков — 45.

9. Крестьянин Нижегородской губернии Лукояновского уезда Крюковской волости села Крюкова Петр Григорьев Синятин — 47.

10. Сотенный медицинский фельдшер области Войска Донского Захар Семенов Мерзликин — 29.

11. Крестьянин Ковенской губернии и уезда Сурзинокской волости Свентаброкского общества Франц Казимиров Станюлис — 22.

12. Член Совета Министерства внутренних дел, сенатор, действительный статский советник Сергей Алексеевич Хвостов — 60.

13. Харьковский мещанин Александр Леонтьев Вольфович — 54.

14. Жена прапорщика запаса Ольга Истомина — 32.

15. Вдова действительного статского советника княгиня Евдокия Артемьевна Кантакузена — 56.

16. Князь Иван Александрович Некашидзе — 55.

17. Церемониймейстер Высочайшего двора действительный статский советник Александр Александрович Воронин — 43.

18. Генерал-майор Александр Замятин — 54.

19. Отставной канцелярский служитель Николай Григорьев Воронин — 59.

20. Крестьянка Анна Петровна Долгушина.

21. Неизвестный.

22. Неизвестный.

23. Ноги с частью живота бывши в жандармских брюках.

24. Неизвестный. Первоначально был доставлен в лазарет лейб-гвардии Московского полка».

Вслед за этим списком идет список раненых и умерших от ран. В нем двадцать пять имен. Крестьяне, мещане, офицеры, чиновники, женщины, дети.

«Начальник отделения по охране порядка и общественной безопасности в Санкт-Петербурге.

...Жена губернского секретаря Ольга Евгеньевна Истомина, 40 лет, проживала в доме № 26 по Гусевской ул., по бессрочному свидетельству Валдайского полицейского управления от 8 VII 1904 г. за № 160, при ней находился малолетний сын около 5 лет.

Истомина занимала в этом доме угол и, так как ее муж находился в безвестной отлучке, сильно нуждалась в средствах к жизни. 12 августа 1906 г. Истомина со своим ребенком пошла подавать господину министру внутренних дел прошение о пособии, где и была убита вместе с ребенком во время взрыва; по доставлении трупов в Петровскую больницу она была опознана домовладелицей дома, где проживала, Марией Берлиной, и женщиной того же дома Идой Шеберт.

Истомина вместе с ребенком погребена за счет казны на Смоленском кладбище.

Приметы ее: 40 лет, рост средний, худощавая, волосы и глаза черные. И. д. Делопроизводителя М. КРАСОВСКИЙ.»

Не сливается в нашем представлении этот убитый ребенок с изувеченной Наташей Столыпиной. А вот пожертвовавшие собой террористы «бывши в жандармских брюках» не сливаются ни с кем. Разные жертвы. Посмотрим, кем были террористы.

«Доклад отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице 24 сентября 1906 г.

Его Высокопревосходительству господину министру внутренних дел.
СЕКРЕТНО.

Произведенным агентурным розыском по делу взрыва 12 августа дачи господина министра внутренних дел удалось получить следующие сведения о погибших участниках этого преступления.

1. Преступник в жандармской форме атлетического сложения — уроженец города Смоленска Никита Иванов. В начале марта с.г. содержался под стражей в Брянской тюрьме по делу ограбления артельщика Брянских заводов. Мать Иванова живет в Смоленске на Московской улице, где содержит чайную;

2. второй жандармский офицер (разорванный) — еврей, уроженец г. Минска, до середины 1905 г. проживал во Франции, откуда вернулся в Россию. В последнее время проживал по паспорту бельгийского подданного;

3. преступник во фраке — уроженец г. Брянска и рабочий Бежецких заводов, имя его — Иван. Известен хорошо местным жандармским властям, т.к. неоднократно привлекался к дознанию.

Все эти лица принадлежат к Московской организации «максималистов».

Полковник ГЕРАСИМОВ».

71

Розыск действовал быстро и результативно. Война между террористами и правительством началась не вчера. Интеллигентное просвещенное общество с нескрываемым сочувствием относилось к террору, ожидая, когда твердокаменная власть изнеможет под ударами.

«3 декабря 1907 г. Доклад отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

13 августа прошлого, 1906 г., на перроне станции Новый Петергоф был убит выстрелом из браунинга командир лейб-гвардии Семеновского полка свиты Его Величества генерал-майор Мин. Задержанный убийца, домашняя учительница Зинаида Коноплянникова, как на предварительном следствии, так и на суде заявила, что она член летучей боевой дружины Северной области партии социалистов-революционеров и убила генерал-майора Мина по приговору этой партии.

Областные летучие боевые дружины организованы при каждом областном комитете, и согласно постановлению последнего съезда партии социалистов-революционеров на них возложено приведение в исполнение смертных приговоров, постановленных областными комитетами по отношению лиц, проживающих в районе областного комитета...

Принятыми мерами установлено, что организаторами всех политических убийств, выполненных летучей боевой дружиной Северной области, является некто Карл, он же конспиративную кличку носит Иван или Иван Иванович.

Проживая почти постоянно в пределах Финляндии, Карл организо-

вал, кроме убийства свиты Его Величества генерал-майора Мина, следующие политические убийства, выполненные находящимися в его подчинении членами боевой дружины Северной области:

1) 2 декабря 1906 года было совершено покушение на убийство генерал-адъютанта Дубасова. Покушавшиеся на убийство Воробьев и Березин были задержаны и по приговору Санкт-Петербургского военного трибунала, военно-окружного суда казнены.

2) 26 декабря 1906 года был убит главный военный прокурор генерал-лейтенант Павлов. Убийца, член боевой дружины матрос, дезертир Егоров по приговору СПб военно-окружного суда казнен.

3) 17 января сего года был убит начальник временной тюрьмы Гудима неизвестным, также боевиком боевой дружины. Убийца не был задержан.

4) 16 июля сего года предполагалось убийство военного министра генерал-лейтенанта Редигера. Убийство было предотвращено арестом лиц намеченного предполагаемого покушения. Были арестованы назвавшиеся: Файнбергом, Гольцем, Гуминским, Руссаком и Фабрикантом, которые по приговору СПб военно-окружного суда приговорены к каторжным работам.

5) 13 августа сего года был убит начальник Санкт-Петербургской тюрьмы полковник Иванов. Задержанный неизвестный убийца, член боевой дружины, по приговору СПб военно-окружного суда казнен.

6) 15 октября был убит начальник главного тюремного управления Максимовский. Убийца Евстолия Рагозникова, член той же дружины, была казнена по приговору СПб военно-полевого суда.

7) 19 октября при похоронах Максимовского на Волковом кладбище был задержан неизвестный с двумя браунингами. При допросе он заявил, что состоит членом летучей боевой дружины и командирован Карлом для убийства министра юстиции Шегловитова и в настоящее время Карлом подготавливалось покушение на жизнь господина премьер-министра П. А. Столыпина во время пребывания его на заседании Государственного совета...

В декабре Карл вместе с двумя неизвестными женщинами был арестован на даче в Колломяках...

Полковник ГЕРАСИМОВ».

Снова жизнь Столыпина под угрозой. Даже можно сказать — обречена на жертву.

В его портфеле — стальной лист, чтобы можно было загордиться от пули, как щитом.

Он знает, что обречен и что единственное спасение — уйти, исчезнуть с петербургского горизонта, уехать в Колноберже, где он только отец, только муж, только помещик.

Он, ненавидимый либерально-революционной интеллигенцией, был любим, уважаем, счастлив в Колноберже, неподалеку от Ковно.

Конечно, обречен.

Со всеми своими мечтами вывести Россию к благоденствию — обречен.

Большинство не хочет терпеть, долго трудиться. Легче убить.

(Выписка из полученного агентурным путем письма с подписью «Сова»: «Почему не написали об убийстве С. А.? (великий князь Сергей Александрович, убитый эсером Каляевым. — Авт.) У нас слышны по

этому поводу, преимущественно среди рабочих, такие речи: «Собаке собачья смерть». Я лично так этому обрадовалась, что вы и представить себе не можете. Как хорошо, что одним подделом стало меньше. Молодцы С.-Р. — как удачно они действуют».)

Радоваться убийству было в обычае общества. Террор стал божеством.

Старейший кадет И. Петрункевич заявляет о невозможности для партии осудить террор, ибо это явилось бы «моральной гибелью партии».

Александр Солженицын, приводя эти слова Петрункевича («Март семнадцатого»), не ужасается, нет. Он свидетельствует об обреченности реформатора.

Дух убийства, жажда немедленного переворота, романтизация всякого насилия и всяких террористов — вот воздух времени. Им дышат, опьяняясь все сильнее: рабочие, гимназисты, студенты, чиновники. Опьяняется интеллигенция, великая русская интеллигенция (и не великие, рядовые интеллигенты), погружающая в завораживающие сны.

Отсюда — шаг до бездны, которая поглотит их всех и превратит Россию в «бездыханный труп» (Н. Бердяев).

И маленький стальной щит в портфеле премьера!

А рядом со сталью — проекты аграрной реформы, разрушающей русскую крестьянскую общину, эту великую народную крепость и великую темницу.

Столыпин должен был успеть, прежде чем погибнет, наверстать упущенное за пятьдесят лет, дать то, что должно было быть дано крестьянину на следующий день после освобождения, то есть 19 февраля 1861 года, — личную свободу распоряжаться своей землей.

Сколько ему отпущено времени? Кто в России его поддержит?

Александр Васильевич Кривошеин, правая рука Столыпина, завершивший политическую карьеру премьер-министром правительства юга России в Крыму, говорил на встрече с журналистами в июне 1920 года:

— Трагедия России в том, что к землеустройству не приступили сразу после освобождения. Русская революция потому и приняла анархический характер, что крестьяне жили земельным укладом царя Берендея. Если Западная Европа, треща и разваливаясь, еще обошлась без большевизма (и обойдется), то потому, что земельный быт французского, немецкого, английского, итальянского фермера давно устроен.

Кривошеин пережил Столыпина на десять лет, увидел весь оборот исторического колеса и даже у Врангеля пытался в условиях гражданской войны проводить реформы. Увы, время давно было упущено. (Однако прощальные кривошеинские реформы мы еще вспомним в заключительных главах этой книги.)

Теперь вернемся к началу жизни Столыпина. Кто он, наш герой? Кто его отец и мать? Какие молитвы твердили его предки, за что умирали?

Один из самых знаменитых родственников реформатора — русский поэт, чьи стихи знают с детства. «...И умереть мы обещали, и клятву верности сдержали мы в Бородинский бой».

Да, Лермонтов.

Петр Аркадьевич родился в 1862 году в подмосковном имении Середниково, которое сегодня является лермонтовским мемориалом.

Дед премьер-министра, Дмитрий Александрович Столыпин, и бабушка

поэта, Елизавета Алексеевна Столыпина, — родные брат и сестра. Значит, реформатор и поэт — троюродные братья.

Генеалогия Столыпиных прослеживается с XVI века — с Григория Столыпина. Его сын Афанасий — муромский дворянин. Сильвестр Афанасьевич Столыпин участвует в войне с Польшей в 1654—1656 годах, заканчивает жизнь московским дворянином. Затем идут служилые дворяне Семен Сильвестрович, Емельян Семенович, Алексей Емельянович. Они ничем особым не выделяются из массы русских дворян, были воинами и земледельцами, представляя собой типичных патриархальных помещиков. Впрочем, Алексей Емельянович, прадед премьер-министра, вышел в отставку поручиком (родился в 1744 году), был предводителем пензенского дворянства.

У него шестеро детей: Александр — адъютант Суворова, Аркадий — друг реформатора Сперанского, тайный советник, обер-прокурор и сенатор, Николай — генерал-лейтенант, разорванный толпой во время бунта в Севастополе. Дмитрий — дед Петра Аркадьевича, генерал-майор, Афанасий — штабс-капитан, саратовский предводитель дворянства, и Елизавета, бабушка М. Ю. Лермонтова, вышедшая замуж за М. В. Арсеньева.

Величественное родовое древо, выросшее из глубины российской истории. Какие фигуры соприкасались с ним! Какие потрясения, трагедии, победы России воплощались в судьбах Столыпиных! Даже если бы весь род пресекся, он, должно быть, остался бы во втором или третьем ряду истории.

Лев Толстой, который считал премьер-министра Столыпина идейным противником, был дружен с его отцом — Аркадием Дмитриевичем, был с ним на «ты». Они принадлежали одному поколению. Оба участвовали в Крымской войне, пережили унижение России, пережили подъем патриотизма, эпоху Великих реформ. Аркадий Дмитриевич дослужился до чина генерала от артиллерии, участвовал в освобождении Болгарии от турецкого ига. Побывала на той войне и его жена Наталия Михайловна, ей пришлось под огнем ухаживать за ранеными, была награждена медалью. Наверное, когда генерал гостил в Ясной Поляне, беседовал с Толстым о судьбе России, они не подозревали о том, что оба они — прошлое, невозвратное прошлое и что любимая ими великая дворянская Россия — на краю пропасти. Не подозревали, что младший Столыпин почти спасет Россию от надвигающейся катастрофы.

Аркадий Дмитриевич писал книги, был скульптором, играл на скрипке. Известна его «История России» для народного и солдатского чтения. На академической выставке 1869 года экспонировались его работы — «Голова Спасителя» и «Медаль статуи Спасителя».

Что отец передал сыну? Понимание долга? Культуру? Родовые традиции? Любовь к родине? Безусловно, да.

Однако больше всего выразил свое отношение к отцу сам Столыпин. Когда умер Аркадий Дмитриевич, он обнял дочь Машу и сказал:

— Как ты счастлива, что у тебя есть отец!

К долгу, культуре, традициям надо прибавить счастье следовать им.

А вот работы другого Столыпина, Дмитрия Аркадьевича, двоюродного брата Петра Аркадьевича: «Арендные хутора», «Земледельческий порядок до и после упразднения крепостного права». Главный вывод этих работ: корень экономических бед российского хозяйства таится в крестьянской общине, она сдерживает развитие сильных, ее необходимо разрушить.

Воевали, вели хозяйство, сочиняли стихи, погибали, становились предтечами для потомков. Это было бессмертие, как мы понимаем его. Было в этом и божественное выражение человеческой истории.

Вначале ничто не говорило о предназначении Петра Столыпина. Он закончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, рано женился, стал служить в статистическом отделении Министерства земледелия. В его доме часто бывал поэт Алексей Алухин. Помните? «Пара гнедых, запряженных с зарею...», «Ночи безумные, ночи бессонные...»

Семья, служба, петербургские романы, старая нянька Аграфена, обращавшаяся к Петру Аркадьевичу на «ты»... И ничего такого, что могло бы указать на предназначение.

Но оно близко. Столыпина переезжают в свое имение Колноберже неподалеку от Ковно, молодой помещик избирается уездным предводителем дворянства, начинается совсем иная жизнь.

При всей условности обращений к литературным героям не будет чрезмерным сравнить Петра Столыпина с Константином Левиным из толстовского романа «Анна Каренина». Хотя это разные характеры, но тип один.

Самая любимая работа для Столыпина — создание сельскохозяйственного общества (одной из форм крестьянской кооперации), постройка и организация склада сельскохозяйственных орудий, народного дома с ночлежным отделением, библиотекой. В народном доме делались театрализованные представления, устраивались народные балы, был и кинематограф с первыми наивными картинками. Как пишет старшая дочь П. А. Столыпина, Мария, в книге «Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине», ей запомнилась забавная лента, изображавшая, как маленькие дети дерутся подушками.

Зимой семья живет в Ковно, после Пасхи переезжает в деревню, причем выезд на карете с четверкой цугом, кучер сидит в цилиндре, за каретой — телеги, по-местному, «курлянки» и «нытычанки». Помещик перебирается в имение. Патриархальная старина. Похоже на гоголевские времена. Да они не так уж и далеки, эти гоголевские времена. Кинематограф и четверка цугом, кооперация и помещичье землевладение, огромная лужа перед ковенским домом и театр, и большая библиотека, вывезенная из Середникова, в которой есть книги, читанные Лермонтовым, — все переплетено неразрывно.

Старое и новое. Одно отмирает, другое отбрасывает привычное, родное, вечное и вырастает... Старятся родители, вырастают дети. Петр Аркадьевич и Ольга Борисовна читают по вечерам вслух романы — «Воскресение», «Анну Каренину», исторические романы Валишевского, а дочерям — Жюль Верна, стихи Пушкина, Лермонтова. Они еще молоды, полны сил, вперед — целая жизнь. Наверное, они счастливы.

Возможно, Столыпин так бы и прожил долгие годы, служа своему делу и воспитывая детей, если бы не изменения в глубине всей российской жизни.

Наступил двадцатый век. В 1902 году Столыпин становится гродненским губернатором. Ему сорок лет. У него четыре дочери, сын родится через год.

Мало кому известно это имя. Да и что такое — гродненский губерна-

тор? Губерния незначительная, в углу. Разве что болот много, а в самой Гродне много евреев и поляков. История Гродны пестрая. От киевских князей до шведов. Отсюда Стефан Баторий целился в сердце Руси, но не угадал. Теперь от его замка — одни развалины.

Чем занимается новый губернатор? Земельными делами: внедрением искусственных удобрений, улучшенных орудий, многопольных севооборотов, а еще больше — устройством хуторов. Это ему знакомо.

Через год Столыпина назначают губернатором Саратовской губернии. Саратовская — большая, в центре страны. Здесь у Столыпина родовые земли, здесь Столыпины известны: двоюродный дед губернатора, Афанасий Алексеевич, был саратовским предводителем дворянства.

В июне рождается сын Аркадий, который через три года будет ранен при первом покушении. Пятеро детей у губернатора. Он не только любящий отец, но и «хозяин», как определял положение губернатора один из указов девятнадцатого века.

А двадцатый век — новые песни. Прогрели войны, англо-бурская, на которой побывали и русские добровольцы, прославившиеся потом в Государственной думе (А. И. Гучков), и другая война, тоже далекая, американо-испанская. Россия же еще раньше ввела войска в Маньчжурию. Казалось, продолжалась традиционная политика империи — защищаться на Западе, наступать на Востоке. А что внутри страны? Министр финансов С. Ю. Витте в 1900 году представил Николаю II доклад «О положении промышленности», в котором подчеркивал необходимость индустриального развития России.

Роль Витте в истории России велика, это был выдающийся финансист и политик. Многие из начатого им пришлось продолжать Столыпину. Но пока до столыпинских реформ, кажется, невообразимо далеко.

В докладе говорилось о богатых потенциальных возможностях России и обращалось внимание на отсталость отечественной промышленности от Европы и Северной Америки.

«Он (Витте) подчеркивал, что Россия остается страной по преимуществу земледельческой, в то время как политическое, да военное могущество всех государств зиждется теперь на их промышленном развитии, России с ее огромным разноплеменным населением и сложными задачами в мировой политике прочный экономический фундамент необходим больше, чем какой-либо другой стране. Международное соперничество не ждет. Если ныне же не будет принято энергичных и решительных мер к тому, чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием, то быстро растущая иноземная промышленность сумеет прорваться через наши таможенные преграды и водвориться как в нашем отечестве, так и в сказанных азиатских странах, а, укоренившись в глубинах народного потребления, она может постепенно расчистить пути и для более тревожных иноземных политических влияний». Он предупреждал царя, что медленный рост промышленности может затруднить выполнение великих международных задач России, ослабить ее могущество, повлечь за собой политическую и культурную отсталость.

Эта мысль российского министра, пожалуй, актуальна и донныне. Витте доказывал: быстрое развитие нашей промышленности возможно, есть природные богатства, дешевая рабочая сила, защита правительством

отечественных предпринимателей от иностранных соперников. Вывод Витте категоричен — необходимо привлечь средства из-за границы.

Итак, Витте в Петербурге, а Столыпин в Саратове. Пока еще это несоизмеримые величины. Сергей Юльевич создал «Государство Витте» (В. Плевелю), за Петром же Аркадьевичем ничего, кроме незаметной провинциальной деятельности, не наблюдается.

Разве саратовское земледелие, хлебную торговлю, сто пятьдесят фабрик и заводов, одиннадцать банков, шестнадцать тысяч домов, почти семьсот магазинов и свыше двух тысяч лавок можно сравнить с государством Сергея Юльевича? Нет, и еще раз нет!

Всем хорош Саратов, даже восемь периодических изданий имеет, но нечего и сравнивать серьезного, волевого саратовского губернатора с великим министром финансов. Не сравнимы!

Справедливо будет вспомнить, что в Саратовской губернии при реке Алае лежит село Столыпино, а при нем — опытный хутор А. Д. Столыпина, родственника губернатора, и там культурное хозяйство. Заведено производство семян, возможные для данной местности полевые культуры, садоводство, огородничество, сушка плодов и овощей, плодоягодное виноделие, улучшенные породы мясного и молочного рогатого скота, производство масла и сыроварение, шерстяное тонкорунное овцеводство, конный завод, свиноводство беркширской, йоркширской и польско-китайской пород. Хорошо, должно быть, на хуторе.

Вот это — столыпинское. Он помещик, пусть и просвещенный, с университетским, как и Витте, образованием, но ведь феодал. Революция машин теснит помещиков, и мало кому из них удастся спастись на прекрасных культурных хуторах.

С одной стороны, вперед рвутся промышленники, с другой — крестьянское море все сильнее обламывает льдину помещичьего землевладения, несмотря на все усилия дворянского банка помешать этому.

И неизвестно, как долго бы находился в тени молодой саратовский губернатор и вообще смог ли бы он когда-нибудь выйти в первый ряд исторических деятелей. Для выдвижения требовался случай. Какое потрясение должно было произойти?

Пока что в Россию входил с Запада иностранный капитал, из России русские торговля и предпринимательство устремлялись в соседние азиатские страны. Завершалось строительство Сибирской железной дороги, больше половины проектируемой протяженности КВЖД и ЮМЖД было закончено. Скорость строительства была огромна. По уровню прокладки железных дорог Россия вышла на третье место в мире после США и Великобритании.

Промышленники и купцы проталкивали на Востоке самые разные товары — от керосина до текстиля. Банкиры врывались на новые финансовые рынки. Учетно-ссудные банки Персии, Монгольский, Русско-Китайский, Русско-Азиатский, Русско-Корейский — сами названия этих финансовых объединений указывали направление. На Восток, в Азию!

Нелишне процитировать несколько строк из книги Дж. Керзона «Россия в Средней Азии в 1889 г. и англо-русский вопрос»: «Каждый англичанин приезжает в Россию русофобом и уезжает русофилом». Да, тот самый Керзон, будущий министр иностранных дел Великобритании, которого мы знаем по «ультиматуму Керзона» и «линии Керзона». Но ему принадлежит и определение одной из самых симпатичных черт нашего

характера: «Добродушная любезность всего народа, от высшего чиновника до простого мужика».

Впрочем, в центре англо-русского вопроса, подчеркивал молодой Керзон, — Афганистан, Иран, Китай, Индия.

К началу века экономическая деятельность России сделалась настолько активной, что заметно потеснила из Персии соперника.

Современный читатель наверняка будет поражен, узнав, что это соперничество выражалось даже в том, что Русский ссудный банк получил право чеканить персидскую монету. А как мы отнесемся к намерению проложить трубопровод от Баку до Персидского залива для керосиновой торговли не только в самой Персии, но и в Индии и на Дальнем Востоке? Витте дерзко и решительно боролся с англичанами, имевшими монопольное право вести трубопроводы в Персии. Он нашел юридическую лазейку: английские трубопроводы — для персидской нефти, а русский — для бакинской, это ведь совсем иное дело.

От серьезного столкновения двух стран предотвратило только их совместное противодействие германскому продвижению в этом районе.

Германский проект строительства Багдадской железной дороги встревожил Лондон, Петербург и Париж. Англичан беспокоил выход нового могучего конкурента к Индии. Русских — приближение немцев к Босфору и Дарданеллам.

В одной из статей Витте писал, что Багдадская линия откроет доступ в Европу малоазиатскому зерну, потеснит на немецком рынке русский хлебный экспорт.

И почти всюду, куда бы мы ни посмотрели, — Витте, Витте и снова Витте.

Нам тоже без Сергея Юльевича не обойтись, ведь Витте и Столыпин — две стороны российской медали. Оба служили идее Великой России, стремились избежать революционных потрясений, были противниками военных конфронтаций. Витте мог бы подписаться под политической формулой Столыпина: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»

Историческое совпадение — дед Витте, по матери А. М. Фадеев, был в прошлом саратовским губернатором. Семья будущего графа и председателя Совета министров была «ультрарусской и ультрадворянской». Новороссийский университет, служба в управлении Одесской железной дороги, работа по обеспечению военных перевозок в 1877—1878 годах, увлечение идеями панславизма, разработка принципов железнодорожно-тарифного дела в империи — так начиналась его карьера.

Главным Витте считал интересы «национальной экономии», независимость российской хозяйственной системы. Эти взгляды он выразил в книге «Национальная экономия и Фридрих Лист», в которой рассматривал работы немецкого экономиста и политику Бисмарка.

И далеко заглядывал молодой Витте! Вся его будущая политика была сформулирована в той небольшой книге. Индустриальное развитие, внешняя и внутренняя торговля, мореплавание, усовершенствование земледелия, защита исторических достижений империи — вот это направление. Оно должно было обеспечиваться таможенным протекционизмом, железнодорожным строительством, созданием сильного флота, расширением рынков. Витте не ограничивался хозяйственными вопросами. От чего зависит роль народа в мире, спрашивал он. Да, от материаль-

ных обстоятельств. Но еще и от нравственных его начал, государственных традиций, идеалов, религии.

Витте не предлагал особого «русского пути», но интересы России и величие русского народа были для него опорными понятиями.

В сорок два года он становится управляющим Министерством путей сообщения, затем — министром финансов. Взлет поразительный!

У Столыпина, впрочем, тоже был взлет не менее поразительный.

За Витте должен был прийти не новый Витте, а другой реформатор или даже диктатор.

Почему диктатор?

Потому что другая сторона — земледельческая, крестьянская, к которой относились четыре пятых российского населения, жила, вспомним слова А. В. Кривошеина, по законам царя Берендея. И вот эта земляная Русь, питая своими соками «виттевское государство», рано или поздно должна была загореться на огне промышленного прогресса. Налоговый пресс давил именно ее.

Прогресс оплачивало крестьянство.

Общинный Атлант в лаптях держал все более непосильное индустриальное небо. Надолго ли у него должно было хватить сил?

Надо быть справедливым. Именно Витте сыграл огромную роль в подготовке столыпинской реформы. Именно Витте стал раскачивать этот реформаторский колокол. Но нет ничего удивительного в том, что реформатором Сергей Юльевич не стал. Он не хотел рисковать.

Перед нами книга «А. В. Кривошеин. Его значение в истории России начала XX века». Автор — К. А. Кривошеин, сын Александра Васильевича. Издана в Париже в 1973 году. Одна из серьезных книг по столыпинской реформе, если учесть, что А. В. Кривошеин был правой рукой Столыпина.

Из нее следует, что Витте был в начале карьеры убежденным сторонником общины и всецело поддержал закон от 14 декабря 1893 года, запрещающий выход из общины без согласия двух третей домохозяев, даже после погашения выкупного долга, как и залог выделенных в собственность земельных наделов и их продажу лицам «несельского состояния». Этот закон, по словам председателя Комитета министров Н. Х. Бунге, потушал навсегда у крестьян иное представление о личной собственности и уважение к собственности помещиков.

Признание Бунге проливает свет на многие наши неурядицы.

Прошло пять лет. Витте понял, что причина низкой платежеспособности крестьян — в правовых условиях их быта, т. е. национальные традиции вступили в противоречие с историческим процессом.

А что думали сами крестьяне?

У нас есть возможность обратиться к уникальному свидетельству той поры — литературному наследию крестьянина Сергея Терентьевича Семенова, самого настоящего хлебопашца, бывшего и прекрасным писателем. В очерках «Двадцать пять лет в деревне» Семенов рассказал многое, что осталось в стороне от внимания профессиональной литературы. Хотя он выпустил шеститомное собрание сочинений и за него был удостоен премии Российской академии наук, хотя его высоко ценил Лев Толстой, он остался неизвестным нынешнему так называемому «широкому читателю». Почему? Потому что не укладывался в привычное клише. Л. Н. Толстой: «Искренность — главное достоинство Семенова. Но кроме нее у него и содержание значительно: значительно и потому, что оно

касается самого значительного сословия России — крестьянства, которое Семенов знает, как может знать его только крестьянин, живущий сам деревенской тягловой жизнью».

Так вот, поразительно следующее автобиографическое свидетельство хлебопашца-писателя. В один из майских страдных дней, когда дорог каждый час, сельский сход постановил не работать, а праздновать храмовый праздник. Лишь один Сергей Терентьевич пренебрег общественным решением и вышел пахать свой надел. Это нарушение недешево ему обошлось. Однодеревенцы подали на него в суд за кощунство, он был осужден!

Жестокость и нетерпимость общины к новому выражены ярче яркого.

Пока виттевское Особое совещание искало приемлемый способ убедить Николая II в необходимости перемен, внизу, в деревенской обыденности, тормозилось все, что могло способствовать сельскохозяйственному прогрессу.

Мы еще обратимся к творчеству Семенова, чтобы взглянуть его глазами на подлинные трагедии, происходившие при проведении столыпинской земельной реформы. Увы, новое должно было пробиваться с кровью и муками.

Но еще «внизу» тихо, еще «наверху» неторопливо изучают проблему, ищут, как безболезненно проскочить между молотом нужды и наковальной помещичьих интересов.

Одни утверждают: временное владение общинным наделом — неодолимое препятствие к улучшению культур, оно порождает хищническую эксплуатацию земли.

Другие: община будет способствовать развитию кооперации.

Третьи: она не является национальной особенностью русских, она была и у иных народов в эпоху примитивного земледелия.

Четвертые: надо сохранить общину, но не препятствовать тем, кто хочет выйти из нее.

В итоге запоздавшее на несколько десятилетий решение так и не получило своевременного устройства.

Работа Н. Бердяева «Духи русской революции», перекликающаяся в чем-то с ленинской «Лев Толстой как зеркало русской революции», проливает свет на эту проблему с неожиданной стороны. «Возвышенность толстовской морали есть великий обман, который должен быть изобличен. Толстой мешал народному и развитию в России нравственно ответственной личности, мешал подбору личных качеств, и потому был злым гением России, соблазнителем ее... В нем русское народничество, столь роковое для судьбы России, получило религиозное выражение и нравственное оправдание... В то время как принятие этого толстовского морального сознания влечет за собой погром и истребление величайших святынь и ценностей, величайших духовных реальностей, смерть личности и смерть Бога, ввергнутых в безличную божественность среднего рода... Исторический мир — иерархичен, он весь состоит из ступеней, он сложен и многообразен, в нем — различия и дистанции, в нем — разнокачественность и дифференцированность. Все это так же ненавистно русской революции, как и Толстому. Она хотела бы сделать исторический мир серым, однородным, упрощенным, лишенным всех качеств и всех красок. И этому учил Толстой, как высшей правде. Исторический мир разлагается на атомы, и атомы принудительно соединяются в безличном коллективе».



С. Ю. ВИТЕ.

При всей неоднозначности религиозной оценки Бердяева «зеркала революции» бесспорным кажется выделение противоречия между общинным и косным сознанием.

«Не высовывайся!» — кажется, сей вечный девиз реет над земледельческой страной.

Да, община поработала. Но община имела такие корни, что в иной ситуации, на земельных просторах Сибири, куда текла переселенческая река из малоземельного центра, изрезанного чересполосицей, она возродилась совершенно в цветущем виде.

Немного забежим вперед, быстро перемахнем весь период реформ и очутимся на Алтае, и перед нами развернется волшебная картина.

Итак, перед нами «Всеобщий Русский Календарь 1918 г.».

«А для тех, кто не верит в быстрое возрождение деревни, достаточно вспомнить о сибирской деревне Старой Барде Бийского уезда Томской губернии. Больше 20 лет тому назад устроили там жители маслодельную артель, через два года выросла артельная лавка, а потом явился и целый ряд кооперативных начинаний: ссудно-сберегательное товарищество, маслобойный завод, наконец, артельная мельница, а при ней электростанция для освещения мельницы, а заодно и деревни. И вот 28 декабря 1912 г. двести пятьдесят изб этой деревни осветились электричеством, при чем за освещение брали три рубля в год. Потом провели в избы и телефон, устроили примерный опытный скотный двор, опытные посевы кормовой свеклы и кормовых трав. А скоро заговорили о постройке в селе народного дома, о собственном кинематографе. И жители со всей округи стали приезжать в Старую Барду поучиться, как дельные люди сумели сами себе построить новую свободную и разумную жизнь. Пусть же тот почин и та кипучая работа, которые преобразили жизнь далекой сибирской деревни, вспыхнут ярким пламенем и по лицу всей деревенской Руси».

Ну разве не волшебна эта картина? Вот истоки знаменитой сибирской кооперации: свобода и коллективность.

Нужен другой герой. И он появляется.

«Делопроизводство о дворянине, студенте Санкт-Петербургского Университета Борисе Викторовиче Савинкове.

Приметы Бориса Савинкова.

Рост средний, не больше двух аршин 7 вершков; телосложения слабого, наружностью производит впечатление подвижного нервного человека, сутуловат. Плечи гнутые вперед.

Глаза карие, беспокойно бегающие, близорук. Взгляд суровый, часто прищуривается.

Цвет волос — на голове и усах каштановый.

Голова — лысая, коротко острижена, круглая. Немного нагибает вперед.

Лицо — овальное, худощавое, в веснушках.

Лоб — несколько покатый.

Нос — продолговатый, тонкий, ровный, с малозаметной горбинкой.

Губы — тонкие, верхняя губа немного вздернута и с небольшим утолщением.

Усы — небольшие, редкие и под носом на верхней губе маленький пробел, т. е. очень редкие волосы усов.

Веки — верхние немного утолщенные и морщинистые.

Походка — руки при походке обыкновенно держит прямыми, опущенными вперед и при походке наклоняет весь корпус вперед. Тонкую палочку, которую он большей частью носит, вешает на левую руку выше локтя... походка тихая и при ходьбе слегка приседает, в особенности на левую ногу, поэтому вся часть тела совместно с головою раскачивается вперед, благодаря такой походке сутулость его становится более заметной.

Особые приметы: на наружной стороне левого предплечья черного цвета родимое пятно, величиной с двугривенный, покрытое черными длинными волосами.

На правой руке выше кисти наподобие шрама».

Этот портрет, извлеченный из фондов Особого отделения департамента полиции, дает только внешнее представление о крупнейшей фигуре эсеровского террора. Внутренний огонь не виден. А внешний? Что ж, неприятный портрет, в чем-то отталкивающий.

И все-таки это портрет героя того времени. Страстного, мужественного, самозабвенного революционера, готового погибнуть.

Снова и снова вспоминается Владимир Соловьев с его универсальным определением отношений личности и государства в России. Через жертву!

Савинков был жертвой. Да, этот обезьяноподобный, с суровым взглядом дворянин. И жертвой, и ускорителем прогресса.

Эсер, убийца, организатор убийства министра внутренних дел В. К. Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, осужденный на смертную казнь, бежавший,— это Савинков.

Его брат, сосланный в Сибирь, кончает с собой. Отец сходит с ума.

Эсер Егор Сазонов, взорвавший Плеве, пишет Савинкову с каторги: «Сознание греха никогда не покидало меня».

К повести «Конь вороной» Савинков еще поставит эпитафию «...Кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, ибо тьма ослепила ему глаза».

Раскаяние тоже наступает Савинкова, но это будет потом. А пока он герой, жертва, ускоритель кровавый.

Столыпин — в Саратове.

Витте — в Петербурге.

Семенов — в Волоколамском уезде.

Толстой — в Ясной Поляне.

Все на своих местах. Но вот-вот все сдвинется. Еще никто не слышит подземного гула, а гранитная плита российской жизни вздрогнула.

27 января 1904 года началась война с Японией, против которой решительно выступал Сергей Юльевич и которая так логично вытекала из его азиатской политики.

Через Саратов шли воинские эшелоны на восток, губернатор Столыпин выходил встречать, играл оркестр, весело и дружно отзывались нижние чины.

Войска были сильны.

Впрочем, управляющий саратовским отделением Крестьянского банка Зерен убеждал крестьян, клиентов банка, не покупать земли у помещиков, ибо в скором времени вся земля бесплатно перейдет народу.

Крестьяне только улыбались, не зная, что отвечать.

Война, начавшаяся, как всегда, с народной уверенности в скорой победе, быстро сделалась непопулярной и тяжелой. Мог ли солдат легко идти в бой, защищать какую-то неведомую землю в каких-то неведомых краях? Что ему Корея, лесные концессии на реке Ялу?

Все новые круги дружно желали победы Японии.

Результат войны известен, нет смысла описывать военные действия. Она настолько далека от сегодня, что подобна древнегреческим мифам. Лаоян, Мукден, Сандепу... Вы слышали эти названия? Они задевают ваши чувства? Вряд ли. Ну разве что когда-нибудь услышите печальный вальс «На сопках Маньчжурии» и сожмется сердце:

Плачет, плачет мать родная,

Плачет молодая жена...

Мертвые спят...

Однако назовем несколько имен, героев — не героев, а просто участников тех битв. Корнилов, Деникин, Врангель, Марков, Улагай, Крымов — это деятели будущей гражданской войны. Самсонов, Жилинский, Эверт, Марушевский — будущей мировой войны.

На русско-японской формировался мощный человеческий потенциал. Он разновелик, даже разнонаправлен. В нем прошлое сплетено с грядущим, смешное с трагическим.

Но уже сформировался тип русского героя, готового к героическим деяниям в героическую эпоху.

Одно должно было отмереть, другое — выжить. Например, Корнилов Лавр Георгиевич, тридцатипятилетний начальник стрелковой бригады. Сын казака и киргизки, закончил с золотой медалью Академию Генерального штаба, знает восточные языки, участник «командировок» в Восточную Персию, автор ряда журнальных статей и книги «Кашгария и Восточный Туркестан». За храбрость получает в Маньчжурии орден св. Георгия IV степени.

Или — Самсонов Александр Васильевич. Его Уссурийская казачья дивизия вопреки приказу об отступлении удерживает двое суток позиции у Янтай-копей и обеспечивает отход армии под Мукденом.

И т. д.

Но рядом патриархальный генерал Н. П. Линевиц, «папашка», старый туркестанец, имевший за Туркестан Георгия IV степени, а за командование русским отрядом в Китае в 1900 году и взятие Пекина — Георгия III степени. Он был тверд, обладал здравым смыслом, военным чутьем и понимал солдатскую душу. Образование у него было самое простое. На войне его сопровождали зять и сын, оба офицеры. Он был постоянным источником анекдотов.

Однажды вечером Линевиц, собираясь идти спать, потянулся и объявил сыну:

— Ну, теперь пора в объятия Нептуна!

— Не Нептуна, а Морфея, — поправил сын.

— Это все равно! Из одной минералогии!

Забавно, конечно. Но, возможно, дело не в мифологической путанице, а в том, что действительно эти старики подобны каменным глыбам.

Пал Порт-Артур, погибла эскадра Рождественского в Цусимском сражении. Война проиграна.

Генерал Драгомиров съязвил: «Япошки-макаки, а мы — кое-каки».

Негенералы выражались гораздо резче. А гимназисты и курсистки слали поздравительные телеграммы микадо. Русские поздравляли японцев с победой. Все озлоблены, искали, на ком сорвать злость.

Министр внутренних дел В. К. Плеве был убит еще летом, 15 июля, Егором Сазоновым.

Летом же совершены покушения и на саратовского губернатора, Но ему еще рано, еще не судьба.

Убит в доме Столыпина генерал-адъютант Сахаров, направленный императором для укрепления порядка в губернии. Его застрелила молодая женщина. Она вошла в дом, сказала, что у нее просьба к петербургскому гостю, и беспрепятственно дошла до Сахарова.

Сахаров — что? Случаен в этом повествовании, но гибель его не случайна. Да и не он один. Сколько сотен, тысяч погибло от гнева обозленных мужиков? Сдвинулась русская плита.

И еще покушались на Столыпина — прямо на Театральной площади бомбу метнули. И снова обошлось. А у сотен, у тысяч не обошлось.

Бунтовала крестьянская община. Жгли родовые дворянские гнезда, пылали от «иллюминации» усадьбы, библиотеки, картины, мебель...

Петербург настаивал на использовании войск. Столыпин — против войск. Считал — должны управиться губернские власти.

Пожалуй, он был романтик. Кто, как не романтик, мог распахнуть пальто и подставить грудь револьверу террориста? Столыпин распахнул: — Стреляй!

По-видимому, только так можно было поразить взбунтовавшуюся толпу. Через несколько минут она опустилась на колени, требовали священника, чтобы служить молебен.

Легенда? В том-то и дело, что не легенда. Он ездил без охраны, веря в свое знание крестьянской природы, в то, что он неразрывно, кровно связан с мужиками и ему ничего не будет.

А ведь и не было. Они чувствовали, что он свой.

Были еще подобные случаи. Столыпин покорял и оставался невидим.

Если оставить в стороне силу характера, то Столыпин брал пониманием крестьянских интересов.

— Не в крупном землевладении сила России, — говорил он.

Мужики, должно быть, были с ним согласны.

По насмешке судьбы первой из разгромленных усадеб была усадьба либерала, который субсидировал левые газеты. Он запросил войска, забыв весь либерализм.

Горят усадьбы. Горят и образцовые хозяйства, и обреченные на разорение. Огонь не разбирает.

Из «Воспоминаний» С. Ю. Витте:

«Вся пресса обратилась в революционную в том или другом направлении, но с тождественным мотивом — «долгой подлой и бездарное правительство, или бюрократию, или существующий режим, доведший Россию до такого позора»... в последний год образовался ряд союзов — союз инженеров, адвокатов, учителей, академический (профессоров), фармацевтов, крестьянский, железнодорожных служащих, техников, фабрикантов, рабочих и проч. и, наконец, союз союзов, объединивших многие из этих частных союзов... В этих союзах принимали живое участие Гучков, Львов, князь Голицын, Красовский, Шипов, Стахович, граф Гейден... К этому союзу присоединились и тайные республиканцы,

люди большого таланта, пера и слова и наивные политики: Гессен, Милюков, Гредескул, Набоков, академик Шахматов... Все эти союзы различных оттенков, различных стремлений были единодушны в поставленной задаче — свалить существующий режим во что бы то ни стало, а для сего многие из этих союзов признали в своей тактике, что цель оправдывает средства, а потому для достижения поставленной цели не брезгали никакими приемами, в особенности же заведомой ложью, распускаемой в прессе. Пресса совсем изолгалась, и левая так же, как правая...

В балтийских губерниях революция выскочила несколько ранее.

На Кавказе целые уезды и города находились в полном восстании, происходили ежедневные убийства...

Царство Польское находилось почти в открытом восстании, но революция держалась внутри...

Вся Сибирь находилась в полной смуте...»

Вообще об этих записках Сергея Юльевича сын Кривошеина заметил, что они «уксусом написаны». Но ведь не сказать, что они необъективны!

Беспристрастные дела архивов свидетельствуют о том же.

С февраля 1905 года по май 1906-го совершено пятнадцать покушений на губернаторов и градоначальников, 267 — на строевых офицеров, двенадцать — на священников, 29 — на торговцев. Среди жертв террора — и дети.

В Москве в доме возле церкви Святого Николы на Пыжах произошел случайный взрыв, при обыске полиция нашла оторванный палец женской руки и следы изготовления самодельных бомб. Через несколько дней охранное отделение обнаружило в больнице Бахрушина женщину, у которой ампутировали кисть левой руки и два пальца на правой. Она назвалась мещанкой Надеждой Яковлевой и не стала давать какие-либо показания.

Наверное, она готовила покушение на московского генерал-губернатора Дубасова, была готова к убийству человека, к самопожертвованию, но судьба распорядилась по-иному.

Впрочем, террор не мог остановиться, и другой человек готовился к жертве.

«Сегодня около часу дня в городе Москве было сделано покушение на жизнь московского генерал-губернатора посредством брошенной в него бомбы. При взрыве генерал-губернатору Дубасову причинен ушиб глаза и опалены ноги. Как таковые, повреждения не представляют опасности для жизни. Сидевший в коляске рядом с генерал-губернатором адъютант его граф Коновницын убит на месте, а кучер тяжело ранен. Этим же взрывом убит и бросивший снаряд неизвестный злоумышленник, принадлежавший к летучему боевому отряду партии социалистов-революционеров и одетый в форму лейтенанта флота. Описанное выше преступление совершено на Тверской улице поблизости от Чернышева переулка, когда генерал Дубасов возвращался из Успенского собора не тем маршрутом, который был рекомендован местным охранным отделением. Экипаж генерал-губернатора оказался сильно поврежденным. 23 апреля 1906 года».

Эсеры неустрашимо шли на смерть, их не смущали ничьи страдания. Шла чарующая игра, которой было увлечено российское общество, добывающее неугодное правительство.

Противостояние дошло до высшего градуса. Ни о каком компромиссе,

по-видимому, уже не могло быть речи. Общественность с ненавистью смотрела на власть и жила одним объединяющим ее лозунгом: «Долой самодержавие». А то, что общественность делилась на различные партии и группы с их непреодолимыми разногласиями, как будто никому не было заметно. Либералы и социалисты с одного фланга, сторонники конституционной монархии, постепенных реформ, с другого — радикалы, сторонники революционных перемен — все они еще объединены.

А власть тоже едина только внешне. Власть в России, по сути, принадлежит бюрократам, они больше всего не желают новых идей, перемен, реформ, их методы — уклонение от кардинальных решений, затяжка, перенесение ответственности на верха. Конечно, и Витте, и Столыпин — тоже бюрократы, стоящие слева, настроенные конструктивно. Они понимают, что исторические реалии меняются и спасение — на путях реформ.

Выходит, в разорванной противоречиями стране были с двух сторон объединяющие тенденции?

Были. Им требовалось только сделать шаг навстречу друг другу. Преодолеть многолетнюю непримиримость. Что и пытались сделать все — Витте, Столыпин, Кривошеин, — и чему препятствовали тоже все.

Лев Толстой пишет в дневнике: «Народы... хотят свободы, полной свободы. С тяжелого воза надо сначала скинуть столько, чтобы можно было опрокинуть его. Настало время уже не скидывать понемногу, а опрокинуть».

Можно ли было пройти по центру, по единственно возможному третьему пути?

Никто этого не знал. Наверняка этот даже возможный путь обернулся бы огнем с обеих сторон.

Витте направлял царю всеподданнейшее письмо с предложением срочно заключить мир с Японией, направлял еще в феврале 1905 года, еще до Цусимского боя.

Витте выходил на срединную линию. Он стоял подобно богатырю и против крайне правых, и против революции. Противостояние в конце концов дошло до своего пика — Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года, послужило основанием для парламентаризма, то есть породило Думу.

Столыпин вышел из этого Манифеста.

Но еще летом, во время цусимской трагедии, столыпинский отчет на высочайшее имя о положении губернии за 1904 год ярко выразил требование жизни: «дать выход энергии и инициативе лучших сил деревни».

Только вот в чем различие, незаметное на первый взгляд: для Витте проблема была экономической и правовой, для Столыпина — политической и экономической. Витте мог терпеть, лавировать, избегать личного риска, Столыпин готов был на самопожертвование. Это различие вскоре обнаружится. Огонь вскоре опалит Столыпина.

Российский монолит сотрясается, надо что-то предпринимать. Но что? Земельная реформа. Ведь именно земельный голод — одна из первых причин сотрясения. Впрочем, этого уже мало, требуют политических свобод и участия общественности в управлении государством.

Витте вернулся из Америки, заключив Портсмутский мир с Японией, и считал себя в силах решить эти проблемы. Для начала — успокоить крестьян. Успокоить постепенно, чтобы пока не очень ослаблять общи-

ну. Власти колеблются: в результате немедленная реформа отклоняется, а принимается Манифест об отмене с 1 января 1907 года выкупных платежей.

Снова пошли проекты, сомнения, иносказания. В результате проект главноуправляющего землеустройством и земледелием Кутлера, за которым стоял Витте, был отвергнут всеми министрами как нарушающий принцип неприкосновенности частной собственности.

Сталкивались взгляды, велась борьба не только проектов, но и живых людей, желающих удержать свое положение. Неподвижный консерватизм был крепок. Даже А. В. Кривошеин еще неподвижен, хотя вскоре он полностью переменит взгляды.

Восемнадцатого октября 1905 года Александр Блок пишет такие строки:

*Еще прекрасно серое небо,
Еще безнадежно серая даль.
Еще несчастных просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жаль!*

*И над заливами голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: «Свергни! О, свергни!»
Не будят жалости в сонной волне...*

*И в небе сером холодные светлы
Одели Зимний дворец царя,
И латник в черном не даст ответа,
Пока не застигнет его заря.*

*Тогда, алея над водной бездной,
Пусть он угрюмей опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной
За древнюю сказку мертвым лечь...*

Эти стихи отражают страсти Пятого года. Черный латник — статуя на крыше Зимнего.

В конце апреля Столыпина вызвали в Царское Село и предложили пост министра внутренних дел. Сперва он отказался, но после слов Николая: «Прошу принять этот пост, я вам приказываю», — согласился.

Отныне он становился под огонь со всех сторон.

До покушения на Аптекарском — три месяца.

Девятнадцатого августа, буквально под грохот бомб и треск браунингов, Блок напишет стихотворение «Деве-Революции»:

*О, Дева, иду за тобой —
И страшно ль идти за тобой
Влюбленному в душу свою,
Влюбленному в тело свое?*

Наверное, всем было страшно и трудно.

Уже в мае Столыпин представил Совету министров ранее отвергнутый Государственным Советом проект перемен в общинном законодательстве В. И. Гурко. На этом отрезке Столыпин присматривается, изучает опыт

предшественников. Председатель Совета министров И. Л. Горемыкин не пропустил проект. Что ж, Столыпин промолчал.

10 мая депутаты собрались в Зимнем. Впервые в этом роскошном дворце, где в течение ста пятидесяти лет с екатерининских времен царствовала аристократия, появились люди совсем иного облика. Двести мужиков в крестьянских кафтанах, сельские священники, рабочие, адвокаты, профессора. Офицеры и камергеры в шитых золотом мундирах с любопытством наблюдали за этими представителями неведомой силы. Одни — с надеждой, ожидая радикального обновления в судьбе родины, другие — с презрением и озлоблением.

Депутаты тоже разглядывали обитателей Зимнего с противоречивыми чувствами. Сошлись две силы. Что будет завтра? Благоденствие или кровавые потрясения?

Речь Николая II выслушали в полной тишине и с одобрением. Ведь накануне многие с опасением ожидали, что такая речь еще раз подчеркнет самодержавную суть власти и ограниченность прав депутатов. Однако император подчеркнул другое:

«Со своей стороны, я буду неуклонно покровительствовать учреждениям, которые я даровал, будучи заранее уверенным в том, что вы приложите все силы, чтобы служить родине, удовлетворить нужды столь близких моему сердцу крестьян и обеспечить народу развитие его благосостояния, всегда памятуя, что действительное благосостояние государства заключается не только в свободе, но также и в порядке, основанном на принципах конституции».

Новая Россия должна была родиться на свет Божий.

Из Манифеста от 17 октября следовало: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов».

Казалось, остается совсем немного, — и за военным поражением, злобой, революцией, террором, «иллюминациями» наступит наконец гражданский мир.

Правительство возглавлял уже не Витте, а Горемыкин, старый консервативный умный бюрократ. И все правительство оказалось консервативно, что, наверное, правильно для уравнивания чересчур левой Думы.

В ней наиболее организованной силой была партия конституционных демократов. К кадетам примыкали партия демократических реформ и партия мирного обновления. Были и другие — октябристы, социалисты, национал-автономистские группы — польская, латвийская, эстонская, литовская и западных губерний. В общем, к оппозиции принадлежало больше половины думцев.

Были и двести депутатов-крестьян. Может быть, некоторые из них раньше пострадали за сотрудничество с властями. Еще в 1902 году Витте провел особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, а на местах собирались крестьяне и земские деятели, и вот чины министерства внутренних дел видели в этом угрозу либерализма и отбивали охоту к самостоятельности. Мужики-думцы ждали теперь от Думы одного — земельного закона. Введенные в состав Думы в таком количестве, чтобы, по мысли правительства, укреплять там консервативные настроения, они колебались, не зная, к кому пристать.

Да, проникнутые консервативным духом, они были верны царю-

батюшке, послушны церкви. Но тем не менее правительство Витте ошиблось, издав закон, давший преимущество крестьянству. Они были равнодушны к политическим свободам, к парламентаризму, и только возможность передела земли стала для них путеводной звездой. Здесь они готовы поддержать любого, кто помог бы им скорее достичь желанного.

Конечно, эта молчаливая сила должна пойти не за правительством, а за кадетами — кадетская программа предусматривала перераспределение казенных и монастырских земель, а также принудительную экспроприацию земель крупных и даже мелких собственников.

Правительство же попробовало организовать правую крестьянскую партию под руководством депутата Ерогина, но ничего не вышло.

Однако при всей оппозиционности почти все думцы были настроены на мирную законодательную деятельность по переустройству русской жизни и верили, что правительство не будет в силах помешать им, а тем паче распустить Думу.

Правительство не сразу поняло свое положение. Оно рассчитывало после первых формальных заседаний распустить Думу до осени, а уж там обстановка показала бы, что дальше. Повели переговоры с председателем Думы кадетом С. А. Муромцевым. Дума воспротивилась.

Власти были обескуражены. Чем же занять депутатов? Нечем занять. Серьезные вопросы предлагать нежелательно, несерьезные — неудобно. Тянули время и наконец предложили на рассмотрение Думы вопрос о постройке прачечной и оранжереи в Юрьевском университете. Вот это был вопрос из вопросов, без которого Россия и жить не могла!

Увидев такое пренебрежение, думцы зашевелились и сами стали выдергивать из окружающей действительности жгучие вопросы для обсуждения. Первое заявление, раздавшееся в Таврическом дворце, — требование об амнистии по революционным, аграрным и политическим преступлениям.

В ответ — молчание.

Начало конфликта было положено. Дума в ответ на тронную речь изложила свою программу реформ. Этот документ включал в себя все пункты кадетской программы: упразднить Государственный Совет, установить ответственность министров перед Думой, всеобщее голосование, права собраний, свободы печати, полной свободы совести, отмены сословных привилегий. Аграрный вопрос тоже решался в духе кадетской программы.

Ответ Думы, несомненно, показывал, что депутаты стремятся присвоить себе права, подобные правам учредительного собрания Франции либо парламенту конституционной монархии.

Властям надо было что-то делать.

Совет министров долго спорит о тексте декларации. Одни требуют решительных мер, другие предупреждают, что не следует вмешиваться в диалог Думы и царя, не следует провоцировать опасный и бесплодный конфликт с Думой, а нужно представить на ее рассмотрение как можно больше законопроектов, чтобы занять ее делом. За мирный разговор были только Столыпин и Извольский, министр иностранных дел. Остальные — за грозную декларацию.

В результате Горемыкин высокомерным и презрительным тоном огласил в Таврическом дворце ответ: высказанные Думой пожелания частью выходят за пределы ее компетенции, частью не разделяются правитель-

ством, а аграрная реформа, основанная на принудительном отчуждении частновладельческих земель, является, безусловно, недопустимой.

Дума не стала терпеть. Ее охватило негодование, вылившееся в «полное недоверие» министерству и пожелание «немедленного выхода его в отставку и замены министерством, пользующимся доверием народных представителей».

Если бы это происходило во Франции, правительство подало бы в отставку. Но министры выслушали почти единогласно принятую резолюцию и остались на местах.

Однако кто-то из них должен был уйти. В свое время Бисмарк разрубил подобный узел, отправив по домам непокорных депутатов. Правда, Горемыкину пришлось бы отправить почти полный состав Думы.

Председатель Совета министров не отправлял депутатов, не распускал Думу, не искал пути к взаимопониманию. Он отвернулся от Таврического дворца, как будто там никого не было. Этот шаг был необычен. Глава правительства решил игнорировать Думу и публично заявил, что рассматривает ее как собрание беспокойных людей, действия которых не имеют никакого значения, и даже не будет разговаривать с ними.

Твердокаменный Иван Логгинович Горемыкин так больше и не почтил Думу посещением. Министры посещали, но не выступали или посылали своих заместителей.

Ход русской государственной жизни замер. Дума чувствовала свое бессилие. К ней обращались с жалобами, она обращалась к министрам, министры не обращали внимания.

Тогда Дума попыталась действовать по-иному, возбудила вопрос об отмене смертной казни. Правительство выждало ровно месячный срок, даваемый ему на ответ, и отвергло эту инициативу.

Противостояние становилось все более тяжелым, бесплодным. Рано или поздно оно должно было разрешиться кризисом и роспуском Думы. Почвой для этого должен был, бесспорно, послужить аграрный вопрос.

Споры о земле шли в Думе непрерывно. Безрезультатно. Крестьянская Россия с возрастающим недовольством наблюдала за Таврическим дворцом. А правительство по-прежнему тянуло время.

Дума выдвинула несколько аграрных законопроектов, все — на принципе принудительной экспроприации земель у крупных собственников.

Один из проектов, названный проектом 104-х, провозглашал национализацию всех земель государства, с тем чтобы распоряжение ими находилось в ведении местного самоуправления.

Или такое предложение: уничтожить всякую частную собственность на землю и объявить ее общественным достоянием; землей имеет право пользоваться каждый гражданин в том размере, в каком сможет обрабатывать ее личным трудом.

А что правительство? Надо отвечать. Отвечал министр земледелия Стишинский, обещая расширить операции Крестьянского банка и развить переселение в Сибирь.

В итоге — новое раздражение общества.

Успокоить общество взялся председатель Совета министров, и поскольку Думу он игнорировал, то напечатал в петербургской газете официальное сообщение по аграрному вопросу: правительство не принимало принудительное отчуждение земли. Такое обращение, минуя Думу,

конечно, было вызовом депутатам. И тогда Дума решает принять вызов, выпустить свое обращение к стране по земельному вопросу.

В мемуарах Витте есть одно любопытное замечание: «Думу эту, кажется, прозвали «Думою народного возмездия». Мне кажется, было бы правильнее ее прозвать «Думою общего увлечения и государственной неопытности». Может быть, этот вывод универсален вообще для всех первых учреждений подобного рода: чувства переполняют, сердце колотится и хочется сразу торжества прогресса... И еще: «Само назначение министерства Горемыкина перед самым созывом Думы (крайние реакционеры и поклонники полицейского режима) не могло служить успокоением первой Государственной Думы, Думы левого направления, да еще такого тревожного направления, какое было в то время, когда, можно сказать, громадное большинство россиян как бы сошло с ума».

Сергей Юльевич вольно или невольно ставит на одну доску «сошедшее с ума» общество и «увлеченную» Думу.

Итак, думское постановление опубликовать свое разъяснение по аграрному вопросу поставило правительство перед давно назревавшим решением.

Шестидесятилетний Горемыкин, многоопытный петербургский чиновник, издавший еще в 1891 году обширный «Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния», должен был сделать то, ради чего его, собственно, и выдвинули на авансцену, сменив Витте.

Министр внутренних дел Столыпин стал связываться с местными властями: как на местах отнесутся к роспуску Думы, не вызовет ли это общественного возмущения?

Интерес правительства был оправдан. В самой Думе ходили упорные слухи, что ее закрытие приведет к революции. К тому же недавно было покушение на московского генерал-губернатора Дубасова, а в Батуме убит американский консул Стюарт, в Полтаве и Тамбове — открытое вооруженное возмущение Елецкого и запасного кавалерийских полков.

Надо отметить, положение Столыпина было явно двусмысленным. То, что делалось в Совете министров по крестьянскому вопросу (вернее, не делалось) и как бесплодно тратились силы в противостоянии, не могло его удовлетворять. Он подчинялся ходу событий только как законопослушный чиновник. Столыпин был гораздо ближе кадетам, чем правительству.

«Галантный, обмазанный с головы до ног русским либерализмом, оратор школы русских губернских и земских собраний» — эта виттевская характеристика не какого-нибудь думского радикала, а самого Петра Аркадьевича.

Межеумочная политика Горемыкина, не сотрудничавшего с депутатами и не распускавшего Думу, показывала всем, левым и правым, слабость правительства. Доверия к нему не было. Вот-вот оно должно было сойти со сцены. А с ним — Столыпин.

К концу июня общее напряжение разразилось наконец грозным разрядом. Правительство, как свидетельствует А. П. Извольский, решилось впервые представить Думе законопроект, предусматривающий открытие кредита в пятьсот миллионов рублей для помощи населению, пострадавшему от неурожая.

Дума фактически отказала, сократив его до пятнадцати миллионов

и предоставив всего на один месяц. Что делать Горемыкину? Он обратился в Государственный Совет и не нашел поддержки. Государственный Совет согласился с решением Думы!

Даже консерваторы не желали такого правительства. Как бы ни было трудно им смириться с необходимостью перемен, но безучастно наблюдать за горемыкинской окаменелостью они не хотели.

Среди министров, пожалуй, только один Александр Петрович Извольский (репутация «либерала») мог помочь Столыпину. Ранее Извольский, имевший дружеские связи с влиятельными оппозиционерами, участвовал в переговорах с ними, приглашал их войти в первое конституционное правительство, возглавляемое Витте. Тогда либералы отказались поддержать Витте и не позволили ему создать устойчивый кабинет накануне выборов в Думу. По сути, упорство либералов вызвало «из нафталина» Горемыкина, предопределило противостояние Думы и власти.

Теперь Извольский делает новую попытку выйти из замкнутого круга. Его переговоры тайны, зато не ограничены никакими условностями. Это заговор против прошлых принципов. Но Извольского это не смущает. В его жилах течет кровь одного из заговорщиков против Павла I — князя Яшвиля. («Наше отечество управляется самодержавной властью — самой опасной из всех видов власти, так как она ставит судьбу миллионов людей в зависимость от воли одного человека», — когда-то писал Яшвиль Александру I.)

«Ясно видя невозможное положение, в котором находится правительство, я взял на себя смелость использовать мои личные отношения с некоторыми из членов умеренно-либеральной партии в Думе и в Государственном Совете, чтобы посоветоваться с ними в надежде найти какой-нибудь выход из затруднения», — признается Извольский.

Безусловно, правительство уже не спасешь. И никому его не жаль. Но жалко Россию, больно за родину, разрываемую роком. Кто спасет Россию? Извольский оглядывается вокруг, видит достойных людей в кадетском стане — Муромцева, Головина, Родичева, Набокова, Ванавера, князя Шаховского, Петрункевича, Кокошкина, Герценштейна, среди умеренных либералов — Стаховича и Львова, среди октябристов — Гучкова и Шипова... Разве он не в состоянии найти с ними общий язык? Разве такой же аристократ, как Столыпин, еще будучи в Саратове, не пытался объединить противостоящие силы, собирая вместе дворянство и земство, фракции и поддевки? Еще ничего не потеряно, еще можно найти согласие, преодолеть раздвоение.

Столыпин был привлечен к тайным переговорам Извольского. Он оказался единственной в те дни реальной фигурой, представляющей сразу две силы — губернскую помещичью Россию и Россию земскую. Он не успел вцементироваться в стену бюрократизма, отгораживающую двор от общества.

Итак, начиналась для Петра Аркадьевича новая жизнь, в которой он должен был многим пожертвовать. Вряд ли он догадывался, что и жизнью.

Пока Извольский действует, пока другие фигуры ткуют невидимую сеть совещаний и переговоров, еще никто не может сказать, чем это кончится. Попробуют ли покрепче придавить крышку «правого» котла или сменят машиниста на более умелого?

Но если оставлять Горемыкина и ничего не менять — это поощрять революцию.

(В книге последнего председателя Государственной думы М. В. Родзянко «Крушение империи» приводятся слова Талейрана: «Никто не устраивает революцию и никто в ней не повинен. Виновны все»).

На Извольского выпала задача наперекор всем дворцовым обычаям сообщить государю об опасности положения и о переговорах с представителями оппозиции. Другого выхода уже не было. Согласится Николай II с доводами, не согласится — колебаться больше нельзя.

И министр иностранных дел на аудиенции в Петергофском дворце подает записку, все содержание которой антиправительственно.

«Отношения между Думой и правительством, которое представлено Советом министров, совершенно ненормальны и создают действительную угрозу установлению порядка в империи.

Всякие сношения между Думой и правительством прерваны, и между ними легла пропасть, созданная взаимным недоверием и враждебностью.

Ясно, что такое положение вещей устраняет всякую возможность какой бы то ни было творческой работы. Эта разобщенность проистекает прежде всего из состава министерства, который совершенно не отвечает требованиям современного политического положения. Личный состав министерства выбран из среды бюрократии, и это вызывает к нему глубокое недоверие со стороны общественных кругов.

Это та самая бюрократия, которая повинна во всех бедах, постигших Россию, — в беспорядке и разрушении, царящих дома, точно так же как в неудачах японской войны, и нельзя отрицать, что эти упреки — правильны они или нет — будут всегда направляться против всякого бюрократического министерства.

Настоящий кабинет не только не стремится рассеять это неизбежное недоброжелательство, но увеличивает его целым рядом ошибок.

Дума, занявшая враждебную позицию по отношению к исполнительной власти, игнорируется этой властью и, встречая с ее стороны такое к себе отношение, вынуждена оставаться в оппозиции, не уделяя внимания практической плодотворной работе. Дума такого состава перестает представлять из себя мирный законодательный орган и все более превращается в горнило революционных страстей.

Настоящий состав Думы, будучи плохо подготовленным — нужно признать это — к законодательной работе ввиду недостаточной подготовленности большинства ее членов, не может быть, однако, охарактеризован как исключительно революционный. Совершенно верно, что он включает крайние элементы, но они не играют руководящей роли. Большинство Думы состоит из сторонников мирной законодательной работы, враждебных революции. Только ненормальное положение и необходимость применять свои поступки к этому положению склоняют Думу к протестам и недовольству по адресу правительства. Законы, внесенные Думой, заранее осуждены на отклонение.

Поставленная в такое положение Дума теряет мало-помалу доверие к правительственной власти и привыкает рассматривать правительство как враждебную внешнюю силу. Несомненно, что Дума из-за неудачной избирательной системы не дает полного представительства всех слоев русского населения, напротив, имеются значительные и влиятельные круги общества, которые совершенно лишены представительства.

Крестьяне далеки от того, чтобы отражать истинное настроение земледельческого класса. В Думе господствуют так называемые городская

интеллигенция и полуинтеллигентные представители земледельческих кругов. По мнению невежественных крестьянских масс, Дума настолько всемогуща, что может передать землю всему населению и избавить его от безработицы и голода.

Одно это обстоятельство делает не только нежелательным, но и весьма опасным разрыв между правительством и Думой. Единственный путь, способный помешать этому, состоит в восстановлении нормальных отношений между обоими учреждениями, что невозможно без замещения нынешнего кабинета новыми министрами...»

Дума приступила к обсуждению обращения к народу по земельному вопросу. Что должно было делать правительство? Допустить обращение? Запретить его? Но как запретить депутатам?

Пока же напряжение нарастало.

Столыпин встречался с Милюковым, обсуждал план создания думского кабинета на следующих условиях: назначение министров двора, военного, морского, иностранных и внутренних дел должно остаться за царем. Милюков соглашался на всех, кроме последнего. Столыпин доказывал, что кадеты не справятся с удержанием порядка и революционным движением. Милюков возражал: «Этого мы не боимся. Если надо будет, мы поставим гильотины на площадях и будем беспощадно расправляться со всеми, кто ведет борьбу против опирающегося на народное доверие правительства».

Напряжение делалось нестерпимым.

Сейчас, в последнее десятилетие двадцатого века, мы знаем, чем закончились те попытки объединить противоборствующие силы. Ничего не вышло. Ничего.

Наконец, противостояние правительства и Думы завершилось указом царя о роспуске Думы и об отставке правительства! Ни один из возможных вариантов не осуществился.

Николай II пошел по пути полумер, который в конце концов привел империю к катастрофе, а миллион людей, в том числе и его самого, и Столыпина, к гибели.

Что означало распустить Думу? Первый шаг к отмене Манифеста 17 октября? Возврат к феодальному правлению?

Все оппозиционные партии, вся интеллигенция, либеральная печать поражены.

Накануне указа Извольский и Столыпин решили, что в случае роспуска Думы они подадут в отставку. Они не предполагали, что правительство уйдет вместе с депутатами.

Утром 9 июля указ обнародовали, а Таврический дворец заняли войска, не пропускавшие депутатов.

И что же? Вспыхнула революция? Народ возмутился? Нет, все спокойно. Несколько попыток демонстраций полиция легко пресекла. Государство показало свою силу.

Этим же указом Столыпин назначался председателем Совета министров.

Столыпин вошел в круг, откуда уже не было выхода.

Месяц назад, будучи министром внутренних дел, он говорил: «Мне рисуется волшебный круг, из которого выход, по-моему, такой: применять существующие законы до создания новых, ограждая всеми способами и по мере сил права и интересы отдельных лиц. Нельзя сказать

часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, я буду стараться умело действовать старым».

И еще: «Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка».

Итак, вооруженный этой простой, «кремневой» истиной, Петр Аркадьевич Столыпин встал на пост.

Задумывался ли он в те дни, чем закончится его смена?

«Все наблюдатели единогласно отмечают редкое личное мужество П. А. Столыпина, спокойно входившего в середину бушующей толпы, не принимавшего никаких мер для охраны своей личности в то время, когда террор был в разгаре».

Он вышел из губернской или земской России, как можно было бы предположить, судя по его послужному списку. Он вышел из катастрофы, он деятель чрезвычайного положения: или спаси, или погибни. Сперва он верил, что спасет, потом с ростом сопротивления справа и слева, с ростом числа покушений на его жизнь он понял, что ему не суждено увидеть результата своих действий.

Однако в июле 1906 года Столыпин полностью уверен в успехе.

Его несколько не смутил протест кадетов, собравших в Выборге всех думских депутатов во главе с Муромцевым и обратившихся к народу с воззванием.

По Петербургу ходила шутка: «Поехали в Выборг крендели печь».

В воззвании правительство обвинялось в том, что оно преследовало Думу за ее требование принудительной экспроприации земли в пользу крестьян. Народ призывался не платить налоги, не давать новобранцев в армию. Это можно было рассматривать как призыв к революции.

Столыпин смеялся: «Детская игра!»

У него остается последний небольшой шанс — создать полностью кадетское правительство. Однако если вспомнить, как намеревался Трепов путем создания кадетского кабинета привести страну к диктатуре, то станет ясно: этот шанс не мог быть использован.

В правительство вошли два человека, даже не связанные с бюрократией, — князь Васильчиков, новгородский предводитель дворянства, и профессор Извольский, брат министра иностранных дел. Оба пользовались репутацией умеренных либералов, и Николай II с трудом согласился на их назначение.

Столыпину не раз пришлось сталкиваться с государем, обаятельным, упрямым, нерешительным человеком. Будучи монархистом, он должен был подчиняться. Будучи реформатором, он должен был спорить. Никогда между ними не было полного понимания. И оба сознавали это.

В конце концов правительство худо-бедно создали, огромная российская скрипучая телега двинулась дальше.

Столыпину предстояло сделать самый решительный шаг. Его, помещика и дворянина, история подвела к буржуазным реформам, которые должны были разрушить его родной мир. Вспомним страшную тоску бунинских рассказов о разоренном помещичьем быте. Вспомним стук топора в чеховском вишневом саду... «Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб». (И. Бунин. «Антоновские яблоки».)

Первый шаг был сделан.

12 августа произошел взрыв на Аптекарском острове. Уцелевший

Столыпин на следующий день приобрел сочувствие почти всей России.

С августа начинается самое напряженное и плодотворное время его управления. Он как будто понял, что начинается бешеная гонка, в которой он может просто не успеть, ему не дадут успеть...

На Столыпина было одиннадцать покушений. Еще в июне ЦК партии социалистов-революционеров, поняв, что горемыкинское правительство не пойдет на уступки Думе, решил возобновить террор и поставил на очередь подготовку убийства министра внутренних дел. Столыпин еще и был значительной фигурой, он был символом.

С первых же дней завязавшейся игры охранного отделения, руководимого полковником Герасимовым, и Боевой Организации эсеров, руководителем которой был агент Герасимова знаменитый Евно Азеф, Столыпин согласился быть под прицелом, арестов не производить, чтобы не выдать Азефа, и довольствовался только разрушением замыслов своих преследователей.

Герасимов гарантировал министру безопасность. Столыпин не побоялся. У него не было другого выхода, он не забыл, как еще в Саратове к нему обращались два начальника охранных отделений, просивших, когда их убьют, позаботиться об их семьях. И они погибли. Мог ли Столыпин отступить?

План Герасимова заключался в том, чтобы изнурить эсеровских боевиков неудачами и заставить признать невозможность террора. Был ли он опасен? Об этом излишне говорить.

В перлюстрированной полицией почте попадались яркие свидетельства гибкости, непредсказуемости действий боевиков. «Относительно террора я думаю: Дума для нас трибуна, одна из тех «частностей» партийной работы, как всякий митинг, всякое общественное учреждение. Мы идем не с надеждой творить, заниматься органической работой. Мы идем, чтобы разрушить Думу, а потому нет смысла нам идти по этической стороне террора. Если признаем этичность активных действий в прошлом, необходимо признать их и теперь». Так писал неведомый нам «Седой» в феврале 1907 года, подтверждая страшную истину гражданской войны: здесь не может быть никаких правил.

Столыпин знал это. Герасимов — тоже. (В конце 1909 года Герасимов только чудом уцелел от взрыва бомбы, подстроенного Азефом, более мелкого разряда, а погиб полковник Карпов.)

Взрыв на Аптекарском острове тоже был непредсказуем. Эсеры, по данным охраны, не могли, они были под контролем; и максималисты, более горячие, чем эсеры, тоже были под наблюдением: видный максималист Соломон Рысс, арестованный в Киеве при попытке ограбления артельщика, стал секретным агентом. Для организации «побега» Рысса из тюрьмы пожертвовано двумя невинными полицейскими, приговоренными к каторге. Зато максималисты, считалось, в кармане департамента полиции.

Тем не менее 12 августа отличились именно максималисты. Они не скрывали этого, выпустили листовку.

А что же Рысс? Оказалось, он вел по ложному следу, напрасно на него надеялись.

Да, Столыпин еще до покушения на Аптекарском знал, что никто не может гарантировать ему безопасность. После покушения — он просто перестал думать об этом, с холодным равнодушием идя навстречу неизбежному.

На приеме у Николая II в ответ на предложение денег на лечение дочери Столыпин сказал:

— Ваше величество, я не продаю кровь своих детей.

Некоторая чрезмерность звучит в этих словах. Он словно говорит, что не приемлет такого уровня взаимоотношений. Дома у него — мучения четырнадцатилетней Наташи, на сердце — угрызения совести, впереди — неизвестность. И чувство долга. Положение трагическое.

Трудно сравнивать отцовские чувства двух мужчин, видевших страдания своих детей, — Столыпина и Николая. Николай не смог стать выше личного горя, болезни сына, которую мог приостанавливать Распутин. Последствия царского уравнивания государственного и личного были катастрофическими. Перед Столыпиным стоял подобный же выбор, и он был готов к жертве. Разве можно было «продать кровь своих детей», когда он совершал жертву?

Тут вспоминается формула историка С. М. Соловьева: в России взаимоотношения личности и государства проходили через жертву. Жестоко? Как согласиться с такой правдой?

Но в ответе: «Я не торгую...» звучит именно этот железный звук.

Через два года предстоит бывшему директору департамента полиции А. А. Лопухину пройти через ужасное испытание — эсеры, поняв, что в их рядах агент охраны, похитили дочь А. А. Лопухина, чтобы шантажом вырвать у него нужное имя. Невозможно гадать, как поступил бы на месте Лопухина тот или иной человек, это лежит за пределами нашего разговора. То, что случилось, никогда широко не обсуждалось. Сам Лопухин об этом умалчивал, несмотря на суровые испытания, обрушившиеся на него впоследствии. Революционным идеологам тоже было невыгодно обнародовать столь циничные методы борьбы. И только двоюродный брат Лопухина, умерший в 1966 году, оставил записки, где ссылается на рассказ А. А. Дело было так. Лопухин в Париже получил письмо из Лондона, что его дочь похищена. Он едет в Англию, в его купе входит В. Л. Бурцев (издатель «Былого», в прошлом террорист), предлагает сделку. Лопухин называет имя и назавтра встречается с живой и невредимой дочерью в Лондоне. Двухходовая комбинация эсеров успешно сыграна!

Страшная борьба шла в России, ее семена еще прорастут в гражданской войне.

В инструкциях эсеровских охранных дружин записано наказание для нарушителей дисциплины — смерть. Это — своим. А противникам?

5 августа в пятом часу вечера 1906 года варшавский генерал-губернатор Скалон выехал к германскому вице-консулу, проживающему на Наталинской улице, № 9, и, не застав последнего, отправился обратно. Когда проезжал мимо дома № 12, то со второго этажа было брошено четыре бомбы, две разорвались и ранили трех казаков конвоя. Генерал Скалон был контужен. Расследование быстро установило, кто снимал квартиру в злополучном доме. Оказалось, молодые женщины 20—23 лет. Хозяйства не вели, плитой не пользовались. Бомбы бросали молодые женщины и мужчины. Их не удалось арестовать. Зато установили, как готовилось покушение, как вычислялся маршрут Скалона, как загоняли его в этот маршрут.

Генерал-губернатор ездил к германскому вице-консулу неспроста. Накануне на того напал мужчина в офицерском мундире и дал пощечину.

«Оскорбление это было нанесено преднамеренно, в надежде вызвать поездку генерал-губернатора к вице-консулу, как и случилось», — отмечено в донесении варшавского охранного отделения.

Одновременно с оскорблением барона Лерхенфельда к дворнику дома напротив консульства явилось несколько человек, потребовали его оставить место, а вместо него поставить своего человека и нанять в этом же доме свободную квартиру. Однако дворник «не внял угрозе революционеров и остался на своем месте».

Вице-консул, конечно, мог не оглашать происшествие, но его вынудили к этому, и Скалон обязан был ехать с извинениями.

12 августа Столыпин получает письмо от Скалона с описанием случившегося. Через несколько часов на Аптекарском тоже рвутся бомбы.

«Солдат не может быть обвинен в убийстве», — так год спустя, когда австро-венгерский суд присяжных оправдал организатора варшавского покушения Добродзинскую, писали австрийские газеты. Председатель суда спросил ее:

— Были ли вы уверены, что погибнете?

Она ответила:

— Да. От взрыва бомбы или при аресте жандармами.

— Разве вы не испытывали при этом никаких нравственных угрызений или мук совести?

— Нет.

— Но ведь католическая религия говорит: не убивай.

— Христос сказал: придет время, когда нужно будет продать плащ и купить меч.

— От бомбы могли погибнуть невинные.

— При великой войне бывают невинные жертвы.

Сейчас, в конце двадцатого века, этот безжалостный человеческий тип нам слишком хорошо знаком. Тогда он вызывал сочувствие. Суд присяжных единогласно оправдал Добродзинскую.

В полицейском деле хранится ее фотокарточка: молодая, высокий лоб, чуть выющиеся волосы, твердый округлый подбородок, большой рот, усмешка, глаза глубоко посажены, черные, изогнутые брови, выражение упорства, иронии, чего-то недоброго.

Полицейское описание результата еще одного покушения — на самарского губернатора Блока: «Труп обезображен. Оторваны руки, нога, туловище представляет окровавленную массу». Тоже — взрыв бомбы. Согласно донесению начальника губернского жандармского управления генерал-майора Короткова, Блок бравировал опасностью, ездил без охраны, уповал на провидение Божье.

Они все уповали на провидение, жертвы и убийцы.

Но кроме охоты, преследования, мести, требовалось обеспечивать жизнь страны.

Начиналось столыпинское пятилетие.

Для защиты от террористов он с семьей переезжает в Зимний дворец. Всюду расставлены часовые. Осада. Столыпин не может появиться на улицах города. Для прогулок охрана назначает ему недоступные революционерам места — крышу и залы дворца.

Вечером по пустынному громадному залам, освещенным одной дежурной лампочкой, шагал реформатор, глядя на темные портреты Петра Великого, Екатерины Великой, Павла, Александра...

Его старшую дочь, Машу, тоже начинают преследовать. Кто-то подло-

жил рядом с ее чашкой письмо, звали сбросить нравственные цепи, отдаться счастью партийной работы.

Девочка не стала рассказывать отцу, но через несколько дней — новое письмо, тон развязный. Это она уже показала, но только адрес тщательно замарала, чтобы не быть доносчицей.

Вот какое было воспитание: даже после покушения 12 августа, искалечившего родную сестру, убившего десятки людей, Маша Столыпина не могла переступить нравственный барьер.

Но Петр Аркадьевич должен был начинать борьбу. 24 августа в «Правительственном вестнике» появилось сообщение:

«За последние два года революционное движение проявляется с чрезвычайным напряжением. С весны этого года оно особенно усилилось. Почти не проходит дня без какого-либо нового злодеяния... Преступления эти ясно доказывают, что революционные организации напрягли все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать спокойной работе Правительства, расстроить его ряды и применением грубого насилия прекратить всякую работу мысли и всякую возможность сознательной жизни государства... После роспуска Государственной Думы, быстрого подавления Кронштадтского и Свеаборгского мятежей, неудачи задуманной общей забастовки и принятия решительных мер против аграрных беспорядков крайние революционные группы, желая ослабить впечатление неудачи их замыслов и не допускать творческой работы Правительства, решили путем уничтожения высших должностных лиц произвести впечатление в стране, а на Правительство навести панику. Хотя такие отдельные террористические акты знаменуют скорее бессилие революции в деле осуществления движения общего, чем успех ее, но вся обстановка подобных преступлений по жестокости своей располагает общество к смятению и тревоге более даже, чем длительное революционное движение.

В чем же при таких обстоятельствах должна заключаться обязанность Правительства и что оно должно предпринять? Ответ на это может быть один: цель и задачи Правительства не могут меняться в зависимости от злого умысла преступников: можно убить отдельное лицо, но нельзя убить идеи, которой одушевлено Правительство. Нельзя уничтожить волю, направленную к восстановлению возможности жить в стране и свободно трудиться».

Пожалуй, это главное. Столыпин принимал вызов. Он противопоставлял насилию силу, вводились военно-полевые суды. Но одного этого мало, хотя раздаются громкие требования ограничиться только подавлением зла.

Столыпин объявлял направления своей политики в подготовке важнейших законов:

о свободе вероисповедания;

о неприкосновенности личности и о гражданском равноправии, в смысле устранения ограничений и стеснений отдельных групп населения;

об улучшении крестьянского землевладения;

об улучшении быта рабочих и, в частности, о государственном их страховании;

о реформе местного управления;

о преобразовании местных судов;

о реформе высшей и средней школы;

о подоходном налоге;
о земском самоуправлении в Прибалтийском, а также Северо- и Юго-западном крае;
о реформе полиции...

Впрочем, столыпинская декларация еще не означала перемен. Следовало начинать движение, не уповая на будущую Думу.

И к тому же разве кто-то мог гарантировать, что ее депутаты окажутся столь радикальны?

Ждать было некогда.

Столыпин воспользовался статьей 87 Основных законов, которая предоставляла правительству право решать вопросы во время перерывов в работе Думы и в случае исключительных обстоятельств. Это практически означало, что он не надеется на российское общество. Он одинок.

Это, конечно, трагедия индивидуалистического, европейского сознания, нашедшая в русской литературе отражение в различных вариациях «лишних» людей. Трагедия тем не менее очень русская, неподсудная тогдашней литературе, ибо сколачивала два типа, русский дворянский и буржуазно-либеральный, в один, новый. Это явление осталось за чертой отечественной словесности. Мы отсюда так и не получим ответа на вопрос, кто же создал Новую Америку на юге России, великую крестьянскую Сибирь, первоклассные оружейные заводы, кадры инженеров, летчиков, земской интеллигенции?.. Откуда они взялись? Из «лишних»? Из «идиотизма» российской жизни?

Нам не ответить на эти вопросы без Столыпина. Столыпин — это не столько личность, но имя целой эпохи нашей жизни, которая была надломлена страшным катаклизмом и которая может возродиться, если мы вернемся к здравому смыслу.

Как ни странно, речь о здравом смысле, всегда кажущаяся простой, обычно связана с крайним противостоянием сторон.

Заседание Совета министров состоялось 12 августа, а только 24 августа появилось сообщение в «Правительственном вестнике». Подводные течения при этом не вышли на поверхность.

Проблема Столыпина — безжалостное подавление всяких беспорядков и проведение либеральных реформ — должна была натолкнуться на попытки склонить императора объявить военную диктатуру, и, предвидя это, он заявил, что скорее покинет свой пост, чем откажется от конституционного направления своей политики.

Напомним, что взрыв дачи на Аптекарском острове и заседание кабинета произошли в один день и разделены всего лишь несколькими часами. Значит, когда Столыпин говорил о невозможности вернуться к старому режиму, он знал, что назавтра его Наташе должны ампутировать ноги. Все сжалось в один день — ужас смерти и поразительное самообладание реформатора.

Те дни, последовавшие до публикации правительственной декларации, решили судьбу Столыпина. Борьба правых против премьер-министра была ожесточенной, симпатии Николая склонялись в их сторону.

Военная диктатура или гражданское правительство? Николай все же уступает Столыпину. Равной ему фигуры у него нет.

Но тут несколько министров, включая военного и морского, начинают атаку с другой стороны. Они требуют предоставить полиции право расправляться с террористами без суда и следствия. Как будто их

можно понять. Зачем исполнять закон, если это тормозит возмездие? Зло должно быть мгновенно наказано.

Да, должно быть наказано, соглашается Столыпин. Однако что останется для созидательной жизни государства, коль законы будут трактовать полиция и военные? Это приведет к полной анархии.

Правые и военные продолжают давить.

В конце концов премьер-министр был вынужден искать компромисс и представил Николаю закон о военных судах над наиболее опасными преступниками, совершившими преступления в местах, объявленных на военном положении.

И до последнего времени наша обглоданная история советского периода буквально бубнила одно и то же: казни, «стольпинские галстуки», «стольпин» — вагоны для заключенных. Отбросив все идеологические штампы, сегодня надо сказать: это была настоящая война государства с террором, в котором защитные действия государства были по крайней мере логичны.

Первым решающим шагом стало заседание Совета министров 10 октября, посвященное земельной политике. Докладывал В. И. Гурко. Уже никем не оспаривался сам принцип свободного выхода из общины. Не оспаривался открыто. Но возражали против применения статьи 87, требовали неопременного одобрения Думой. «Смертный приговор над общиной» по-прежнему воспринимался как конец государства. Но большинство министров поддержало Столыпина, а Николай II одобрил.

9 ноября (22 по н. ст.), спустя четыре месяца после прихода Столыпина к руководству, был создан исторический указ, освободивший крестьян от власти общины. Столыпин стал Столыпиным, а крестьяне переставали быть «полуперсонами» и впервые становились гражданами.

В России начиналась экономическая, бескровная, но самая глубокая революция.

На Крестьянский банк возлагалась обязанность скупки помещичьих имений и продажи земельных участков крестьянам по льготной цене в многолетний кредит. Кроме того, передавалось в Крестьянский банк большинство уделных земель и степных угодий, значительно уменьшались владения царской семьи, земли алтайского округа обращались для устройства переселенцев.

Этой реформой должен был наконец завершиться кровавый междоусобный период. Выбивалась база из-под эсеровской политики.

Вот что писал В. И. Ленин в статье «Новая аграрная политика» (газета «Пролетарий», 19 февраля 1908 г.): «Окончательный переход правительства царя, помещиков и крупной буржуазии (октябристов) на сторону новой аграрной политики имеет огромное историческое значение. Судьбы буржуазной революции в России, — не только настоящей революции, но и возможных в дальнейшем демократических революций, — зависят больше всего от успеха или неуспеха этой политики...

И вот правительство контрреволюции поняло это положение. Столыпин правильно осознал дело: без ломки старого землевладения нельзя обеспечить хозяйственного развития России. Столыпин и помещики вступили смело на революционный путь, ломая самым беспощадным образом старые порядки, отдавая всецело на поток и разграбление помещикам и кулакам крестьянские массы».

Здесь все правильно, кроме одного: «Столыпин и помещики вступили смело...». Насчет помещиков — преувеличение публициста.

И еще из Ленина: «Что, если столыпинская политика продержится действительно долго... Тогда добросовестные марксисты прямо и открыто выкинут вовсе всякую «аграрную программу...», ибо после «решения» аграрного вопроса в столыпинском духе никакой иной революции, способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, быть не может. Вот в каком соотношении стоит вопрос о соотношении буржуазной и социалистической революции в России» (ПСС, т. 17, с. 32).

«Тихая революция» (М. Меншиков) была эффективнее для двадцатого века, перепробовавшего, кажется, все виды социальных потрясений и опытов. В этом смысле борьба революции с эволюцией, то есть контрреволюцией, завершилась не победой социалистических теорий. Совершив великий подвиг эксперимента, человечество заплатило дорогой ценой.

«Олимпийское величие теории» разбилось о «болезненную чувствительность жизни». С этим уже не спорят. Или отголоски кадетской критики реформ, запугивавшей Николая, покажутся нам знакомыми: «В них чувствуются зловещие призраки невиданной гражданской войны?» Может быть, эти слова принадлежали не члену партии конституционных демократов С. Котляревскому, а современному противнику возврата крестьянам земли?

А эти слова, кому они принадлежат? Столыпину? Современному идеалисту? «Если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей наделать людей, то наделите их землей — и достигнете цели».

Это Достоевский, «Дневник писателя», 1876 год. Написано прямо для нас.

И Столыпин — для нас.

Как будто бы не миновал век с осени 1906 года!

В октябре издали указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий». Крестьянам разрешалось получать паспорта свободно, без согласия общины. Отменялись и ограничения в приеме их на работу, разрешалось свободное избрание профессии и места жительства, земские начальники потеряли право штрафовать и арестовывать крестьян без постановления волостного суда.

Это было «тихое» освобождение от несвободы. Но самое значительное, конечно, последовало девятого ноября. Становилось достаточно подать заявление через старосту, и крестьянин оказывался вечным хозяином находящейся в его пользовании земли.

По великой землевладельческой стране прошел нож свободы. Общинной земли не хватало, правительство запрещало землеустроительным комиссиям и Крестьянскому банку передачу казенной земли деревенским беднякам, не имевшим ни инвентаря, ни лошадей. Слабосильные выталкивались, вынуждены были продавать наделы и искать свою долю в городах на фабриках и стройках. Старый крестьянский мир с его уравнилельно-патриархальными представлениями о справедливости уничтожался. Открывалась широкая дорога к экономической свободе, рынку труда, развитию предпринимательства. Те, кто вступал на эту дорогу, должны были быть готовы к испытаниям. И мучительным испытаниям. Но и те, кто надеялся остаться в стороне, втягивались в борьбу.

Чтобы вырваться из общины, крестьянам зачастую приходилось платить собственной кровью. Мир держал, не хотел выпускать сильнейших.

Но вернемся в Петербург осени 1906 года. Столыпину удалось сделать невозможное — разорвать заколдованный круг. До него проведение реформ неизменно сопровождалось ослаблением власти, а следовавшие затем суровые меры останавливали реформы; власть качалась и была малопродуктивна.

Это свойство нового правительства породило надежду.

А. И. Гучков, председатель ЦК «Союза 17 октября», заявил в печати, что глубоко верит в Столыпина. И далее, касаясь военно-полевых судов: «У нас идет междоусобная война, а законы войны всегда жестоки. Для победы над революционным движением такие меры необходимы. М. б. в Баку резня была бы предотвращена, если бы военно-полевому суду предавали лиц, захваченных с оружием».

Все смешалось: землеустройство, взрывы, грабежи, экономическая необходимость, охрана... Закон о военно-полевых судах вводил особые суды из офицеров, ведавших такие дела, где преступления очевидны. Предание суду происходило в течение суток после акта убийства или вооруженного грабежа, разбор дела не мог превышать двое суток, а приговор приводился в исполнение в 24 часа.

Часовой «с кремневым ружьем» стал защищаться.

Общество с нарастающим возмущением смотрело на умножившиеся террористические акты. Людей убивали чуть ли не ритуально, только «за должность», грани между политическими и уголовными убийствами становились неощутимы. Шайки уголовников прикрывали свои преступления «нуждами революции».

Если Столыпин и признавал значение «свободы» и «права», то эти начала он все-таки не считал панацеей, которая переродит наше общество. Громадное большинство населения, то есть наше крестьянство, по его мнению, их не понимает и потому в них пока не нуждается. «Провозглашение» их не сможет ничего изменить в той среде, где еще нет самого примитивного ПРАВА — личной собственности на землю и самой элементарной свободы — свободы добром и трудом располагать по своему усмотрению и в своих интересах. Для крестьян декларация о крестьянских свободах и даже введение конституции будут, по его выражению, «румянец на трупе». Если для удовлетворения образованного меньшинства он эти законы вносил, то копий за них ломать не хотел. Только когда желательность их поймут и оценят крестьяне, сопротивляться им будет нельзя и не нужно. Главное же внимание его привлекало пока не введение режима «свободы» и «права», а коренная реформа крестьянского быта. Только она в его глазах могла быть прочной основой и свобод, и конституционного строя. ЭТО было его главной идеей. Не дожидаясь созыва Думы, он по ст. 87 провел ряд законов, которые подготавливали почву к дальнейшему...

В 1911 году начальник киевского охранного отделения сообщал в Петербург: «Дмитрий Богров состоял сотрудником отделения по группе анархистов-коммунистов под кличкой «Аленский» с конца 1906 г.».

Вряд ли в разгар своей реформаторской деятельности Столыпин,

хотя он одновременно и министр внутренних дел, что-то слышал о Богрове. Он должен был узнать о его существовании год спустя, когда «Аленский» сообщил о подготовке покушения на царя.

«Сегодня в Киев из Севастополя приехала Мержеевская и остановилась в доме № 5 по Трехсвятительской улице. Мержеевская рассказала, что отколовшаяся от Центрального Комитета группа соц.-рев. командировала из Парижа в Севастополь отряд для совершения террористического акта против государя в день прибытия его в Севастополь. В состав этого отряда вошла будто бы и Мержеевская, которая должна была находиться в числе публики с букетом цветов с вложенной внутри его бомбой, предназначенной для метания в день высочайшего проезда...»

Покушение не состоялось, Богров продолжал сотрудничать, выдавал анархистов, получал сто пятьдесят рублей в месяц «на жизнь», как он скажет потом на допросе.

«В охранный отдел я ходил раза два в неделю и между прочим сообщал сведения о готовящихся преступлениях, как, например, Борисоглебской организации максималистов об экспроприации в Киевском политехническом институте, лаборатории в Киеве, на Подоле, по которой была привлечена Р. Михельсон, разъяснил дело Мержеевской, подготовлявшей покушение на жизнь государя, и много других замыслов анархистов».

От руки этого человека погибнет Столыпин.

Впереди еще целых пять лет.

Охранное отделение было начеку, зная, что на четырнадцатое октября максималисты готовят большую экспроприацию. Агенты сообщили: это будет налет на кассира, перевозящего деньги из таможни в казначейство.

С охранным отделением (Герасимов) соперничал департамент полиции (Трусевич). Напомним: полиция завербовала одного из видных максималистов Рысса, получая от него сведения о намерениях революционеров.

Герасимов, опасаясь двойной игры, добился от Столыпина разрешения проверить эти данные. И оказалось — Трусевича водят за нос. Герасимовский агент вошел в полное доверие к руководителю максималистов Медведю и узнал, что Рысс вступил в сношения с политической полицией с ведома и в интересах максималистов. Медведь намеревался устроить нападение на царский дворец, повторить покушение на Столыпина. Для этого они приобрели два автомобиля и пару породистых рысаков. Теперь нужны были деньги.

Герасимов встречается с Трусевичем, рассказывает о Рыссе. В итоге Герасимов получает право на арест максималистов. Но как? Крупные руководители террористов жили не в Петербурге, а в Финляндии. Для того, чтобы их арестовать, требовалось согласие финнов. Это грозило утечкой сведений. Поэтому решили допустить экспроприацию 14 октября и брать всех на месте преступления.

Однако на деле вышло не так гладко.

На следующий день в петербургских газетах был напечатан сенсационный материал:

«Экспроприация 368 тысяч рублей. В одиннадцать часов транспорт казенных денег в количестве 600 тысяч рублей выехал из портовой таможни на Гутуевском острове под обычным в последнее время конвоем из семи конных жандармов с ружьями в руке и направился

106

в губернское казначейство, находящееся на Екатерининском канале. Деньги транспортировались в мешках, из которых в одном находилось золотом 3600 рублей, в другом 368 тысяч рублей, в третьем 229 тысяч 400 рублей в процентных бумагах. В карете ехал помощник казначея С. П. Герман в сопровождении двух присяжных счетчиков. Транспорт ехал, как всегда, медленно, почти шагом, и благополучно достиг угла Фонарного переуллка и набережной Екатерининского канала. Было 11 часов 27 минут дня. У угла дома № 83, где помещается в первом этаже портерная против будки электрического трансформатора и пешеходного мостика через канал, транспорт неожиданно был окружен сравнительно небольшой толпой человек в пятнадцать молодых людей. Под лошадей был брошен металлический разрывной снаряд вершка в два длины и около трех четвертей в диаметре. В тот же момент последовал страшный взрыв. Одна лошадь с перебитыми передними ногами упала на землю. Карета остановилась. Растерявшийся конвой от неожиданности и испуга отпрянул от транспорта, а взбесившиеся лошади галопом понесли пролетку в противоположную сторону набережной. Лишь унтер-офицер конвоя остался на месте и открыл пальбу, уложив на месте одного из нападавших. Не успел еще затихнуть гул первого взрыва, как вновь раздался страшный грохот второго взрыва, происшедшего, по словам кучера, под каретой и, по словам других, близ ворот следующего по каналу дома № 81. После второго взрыва сидевшие в карете, открыв двери, в страшном испуге бросились бежать, оставив в карете мешки с деньгами, по набережной к Вознесенскому проспекту. Тем временем нападавшие окружили карету со всех сторон, трое из них схватили мешки и бросились бежать врассыпную, но по разным направлениям. Остальные злоумышленники, выхватив браунинги, открыли беглую стрельбу по поднявшимся и спешившим к месту схватки жандармам. Последние стали отвечать, стреляя из винтовок...»

Прервав репортера газеты «Око», взглянем на схватку с другой стороны.

Полковник Герасимов свидетельствует, что весь наличный состав филеров был мобилизован, однако в толпе, в уличной толчее было невозможно отличить революционеров — «они мундира не носят».

Моросил дождь. Транспорт приближался. Филеры не знали, кого пасти. Один из них стоял в подворотне и переговаривался с неким господином, который через несколько минут бросил бомбу. Если бы рядом с филерами были секретные агенты, знавшие налетчиков в лицо, тогда...

Начался настоящий бой. «Завязалась жаркая и горячая перестрелка. Злоумышленники, захватившие мешок с 368 тысячами рублей кредитными билетами, на бегу успели передать его какой-то даме, очевидно, своей сообщнице, поджидавшей на углу Фонарного и Офицерской, сидя на извозчике.

Результат нападения: дама помчалась на своем извозчике и успела скрыться. Самое нападение, взрывы бомб и перестрелка тянулись не более пяти минут. Швейцар одного из домов на противоположной набережной Екатерининского канала бросился в пивной склад «Ливония» и оттуда сообщил по телефону в четвертый участок Спасской части. Немедленно к месту схватки в карьер понесли жандармский дивизион и коннополицейская стража. Из казарм Лейб-гвардии стрелкового полка, расположенных недалеко от места схватки (Воздвиженский переу-

лок, дом 15), выбежала первая рота. Держа ружье на руку, бегом прошла на набережную канала. Туда же спешила первая рота городских.

Злоумышленники, ведшие перестрелку, начали отступать и бросились бежать в разные стороны по обоим берегам канала и почти все скрылись.

Один из них, убегая по Фонарному переулку, на углу Казанской против ресторана Кина случайно обронил бомбу. Последовавшим взрывом были ранены сам убежавший, дворник и случайно проходившая женщина-прислуга. Один из нападавших скрылся в воротах проходного дома № 91 по Екатерининскому каналу. Четверо злоумышленников из числа отстреливающихся, добежав до Офицерской улицы, очевидно не желая обратить на себя внимание. Некий прохожий, указывая на них дворнику дома по Офицерской улице Алексею Харитонову, сказал: «Что смотришь? Это идут скрытые в серых шляпах преступники, только что стрелявшие на набережной». Харитонов бросился к шедшим сзади и нанес одному из них имеющимся у него твердым предметом удар по голове (метлой). Тот обернулся и выхватил револьвер, но не успел выстрелить, так как Харитонов нанес ему второй удар, оглушив его и свалив с ног. Харитонову на помощь бросился его родной брат Михаил и дворник дома № 5, крестьянин Голубев. Они успели сбить с ног остальных трех уголовников, уходивших в это время. К месту схватки явился на помощь своим пятый злоумышленник. Последний на бегу открыл стрельбу из браунинга по дворникам. Один из упавших злоумышленников, придя в себя, также начал стрелять в них. Все три дворника были ранены. Михаил Харитонов получил шесть огнестрельных ран, из которых две в бок очень тяжкие. Сильнее всех пострадал Алексей Харитонов, он ранен смертельно. Сюда, привлеченный стрельбой, поспешил офицер Нейшлотского полка Н., рядовой стрелкового полка и городской Казанской части. Двумя выстрелами из винтовки рядовой уложил на месте одного из злоумышленников, второй был тяжело ранен штыком в лицо и ударом приклада в голову тем же солдатом, третий — шашкой городовым. Один из злоумышленников, преследуемый городовым и прохожими, бежал по Фонарному переулку, при повороте в Максимилиановский переулок он быстро оборачивается и производит в своего преследователя городского выстрел из револьвера, но неудачно. Он падает под ударом шашки городского. По Мариинской площади бегом мчится в серой шляпе молодой человек. На мосту беглеца окружают городовые. Он бросает пустой револьвер и быстро опускает руку в правый карман. Раздается глухой треск, и он падает, обливаясь кровью, на мостовую. Был ли это случайный выстрел или намеренный, с целью самоубийства, неизвестно. Невредимыми задержаны четыре злоумышленника. Из них один был арестован... У злоумышленника, раненного шашкой в голову городовым, был отнят мешок с золотой монетой на 3600 рублей. Третий, похитивший мешок с процентными бумагами, преследуемый выстрелами жандармских солдат, будучи смертельно ранен, бросил по дороге мешок...»

Снова прервем репортера. Его непосвященность в полицейские тайны вполне понятна, но и объективность его точки зрения не вызывает сомнения.

Дерзость ограбления поразила многих. Почему такое возможно? Почему гибнут люди? Когда это кончится? Эти вопросы адресовались

правительству. Не исключено, что кто-то думал: «наступает конец». Если бы публика узнала об информированности полиции и об ее бессилии, то подобная мысль только бы углубилась.

Но если взглянуть на случай в Фонарном переулке как на исторический факт, то мы увидим как бы модель жизни — ни одна из сторон не смогла воплотить свой замысел, результат получился никем не предвиденный.

«Несколько человек остались убитыми на месте,— пишет Герасимов.— Несколько человек мы арестовали. Но в общем надо признать, что экспроприация удалась максималистам. Тотчас же были налажены обыски по всем известным адресам. Были обнаружены конспиративные квартиры, лаборатории, конюшни с двумя выездами, были захвачены два автомобиля, оба рысака, кучера и шоферы. Автомобили и рысаки поступили в распоряжение Охранного отделения. Ряд людей нам удалось взять на границе...»

Этот почти протокол или дневник боевых действий: потери свои, потери противника, трофеи... «По делу о Фонарном переулке 7 человек были приговорены военно-полевым судом к смертной казни».

Мы можем заглянуть и дальше, в крепость, где совершалась казнь. Можем понять, что ощущал русский интеллигент, когда узнавал о казнях молодых людей.

19 октября в «Новом времени» была помещена короткая информация «К вооруженному нападению на транспорт с казенными деньгами»: «...в порядке закона от 19 августа 1906 года преданы военно-полевному суду... суд признал виновными неизвестного, именовавшего себя Сергеем, Ицко Рабинович, Евгения Эйхенбаума, Ивана Мишина, Александра Кочеткова, он же Сомов и Розенберг, Ивана Толмачева, Сергея Голубева и Павла Дорофеева и постановил: подвергнуть названных лиц смертной казни через повешение. Что же касается подсудимых Никиты Лебедева, Афанасия Михайлова и Николая Ларишкина... за недостаточностью очевидности направить дело в обычном порядке. Упомянутый приговор приведен в исполнение. 18 октября в четвертом часу утра... на пароходе морского министерства были перевезены в Кронштадт, где за чертой крепости над ними был приведен в исполнение смертный приговор».

Вешали ночью. Последние минуты жизни, море, осенняя сырость, взгляды в темноту, ужас — всего этого нет в «Новом времени».

Зато в другой газете — «Сегодня» от 19 октября — проскользнула заметка «К вооруженному ограблению 14 октября. Как встретили смерть повешенные экспроприаторы». «Повешенные на рассвете позавчера восемь экспроприаторов, идя на виселицу, не только не выказывали какого-либо чувства страха, но, к удивлению очевидцев, громко смеялись, обменивались едкими замечаниями. Ни малейшего содрогания, точно на смерть шли загипнотизированные люди, до последнего мгновения бравировавшие смертью и не искавшие пощады».

На суде неизвестный Сергей дразнил судей, меняя показания. Он не сомневался в смертном приговоре. В газетных отчетах проскочило даже восхищение его мужеством. Высокий, в белой папахе, размахивая браунингом, кроющий своих товарищей ободряющей бранью, а бедных обывателей «сволочами» — таким предстает этот максималист перед нами.

«Лица большинства — полуинтеллигентны», — добавляет «Око». Что за этими словами? То, что молодые люди не похожи ни на крестьян, ни

на студентов? Возможно. Если обратиться к авторитету историка, то увидим более полную картину.

В. О. Ключевский: «Обычные явления в жизни народов, отсталых и почему-либо ускоренно бросившихся вдогонку за передовыми: ...разрушение страха идеалов и устоев жизни вследствие невозможности сформировать из связанных с вековыми преданиями и привычками новых занятий, сложить новые бытовые основы. А пока не закончится эта трудная работа, несколько поколений будут прозябать и шататься в том межеумочном, сумрачном состоянии, когда мирозозерцание подменяется настроением, а нравственность разменивается на приличие и этику» (написано в 1909 году).

Была своя эстетика в терроре. Убийца генерала Мина Зинаида Коноплянникова всходила на эшафот, читая стихи Пушкина:

*Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!*

Казалось, шла какая-то дерзкая небывалая игра, где не надо было ничего — ни большого ума, ни образования, ни труда, — только воля и смелость.

Столыпин, защищаясь от революционного террора, должен был найти прочную политическую опору в обществе. Можно было какое-то время скрываться в Зимнем, терпеть взрывы и налеты, допускать отмщение военно-полевых судов. Сколько у него было этого времени? Очевидно, мало. Требовалось вслед за земельной реформой выстроить политическую крепость. Для Столыпина такой крепостью виделась реформа местного самоуправления, закрепляющая для большинства народа (крестьян) их экономическую свободу. То есть, разрушая общину, он создавал ее заново, брал из нее лучшее. Однако законопроект «Об установлении главных начал устройства местного самоуправления», отменяющий сословно-дворянский принцип организации местной власти, привел Столыпина к жестокому спору с помещиками.

Перед ним встал вопрос: на кого же опереться?

На крестьян? Разумеется, да только зачастую землеустроительные комиссии работают под вооруженной охраной. Деревня сопротивляется реформе.

Россия — страна крестьянского землевладения. Только в 22 губерниях, почти по всей черноземной зоне, более половины земли принадлежит им. А прибавьте к этому казенные и удельные земли, которые они арендуют, — получится подавляющая цифра. Такого не встретишь ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции.

Вот откуда Столыпин ждет поддержки.

Но пока страна страдает от неурожая, неурожая, несвободы, поддержки не будет.

Чем скорее перестроит реформа, тем скорее поддержат ее деревни. А пока не спешат поддерживать.

От кого еще ждать понимания? От дворян? Они все больше теряли свое влияние. Конкуренция американского зерна на европейском рынке привела к падению цен, только крупные помещики могли выдержать

испытание. Задолженность помещиков Дворянскому банку перешла намного за миллиард рублей. Когда столыпинская политика в расширении крестьянского землевладения и укрепления действительно рентабельных культурных помещичьих хозяйств стала ясной дворянству, реформатор подвергся новой критике. В. И. Гурко назвал процесс продажи помещичьих земель и скупки их Крестьянским банком самым энергичным осуществлением программы социалистов-революционеров. Довольно скоро стало понятно, что правительственная политика строится в уверенности, что земли, предлагаемые на продажу, будут не уменьшаться, а увеличиваться, то есть помещикам все труднее будет удержаться и уцелеть.

Интеллигенция Столыпина не поддерживала. Гонитель Думы и «твердая рука» не мог вызвать симпатий. Усиление государства, подъем патриотизма, что лежали в основе политики реформ, не воспринимались ею.

Достаточно вспомнить русско-японскую войну. Когда, по словам С. Ю. Витте, японцы «дошли до кульминационного пункта», а русские только «входят в силу», тогда интеллигентское общество в один голос заговорило о мире. Военные воскликнули: «Неужели хоть на полгода времени нельзя вдохнуть в интеллигенцию России чувство патриотизма?» П. Н. Милюков писал: «Следует помнить, что по необходимости наша любовь к родине принимает иногда неожиданные формы и что ее кажущееся отсутствие на самом деле является у нас наивысшим проявлением подлинно патриотического чувства».

Патриотизм, выходит, — это отсутствие патриотизма? Что ж, когда петербургские курсистки слали японскому микадо поздравление, это, должно быть, и выражало их любовь к России. К этому надо добавить, что почти половина капитала, вложенного японцами в войну, принадлежала одному из руководителей американского еврейского центра, Янке-лю Шиффу. (Об этом до сих пор пишут в американских газетах. Например, «Сан-Франциско Кроникл», 6 февраля 1990 г.) Об отношении Столыпина к евреям мы еще поговорим, а о Шиффе упоминаем здесь для того, чтобы напомнить, что во всем мире, в Европе и Америке, большинство желало поражения русских.

Русская интеллигенция начала века в основном выработала мировоззрение, непримиримое к русской исторической государственности. Она отрицала религию, национальную идею, монархию. Любовь к отечеству клеймилась как реакционная, она заменялась любовью к «массам», к народу. Патриотические стихи Пушкина «Клеветникам России» назывались «позорными страницами» в творчестве поэта.

Отсюда недалеко до поддержки революции и террора, если не прямой поддержки, то моральной, что еще сильнее.

П. Б. Струве пишет о «глубоко несочувственном отношении» широкого общества, «его преобладающего либерально настроенного большинства к политике правительства и его главы». В статье «Преступление и наказание» он так определяет производную от интеллигентского мироощущения: «Народился новый тип революционера. Подготавливался он — незаметно для общества, незаметно для каждого из нас — в дореволюционные годы и родился в 1905—1906 годах. «Максимализм» означал слияние «революционера» с «разбойником», освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек. Но «разбойничество» в конце концов есть только средство. Душевный

переворот шел глубже абсолютной неразборчивости в средствах. В революцию ворвалась струя прожигания жизни и погони за наслаждениями, сдобренной «сверхчеловеческими» настроениями в стиле оподленного и оподленного Шибышевского».

Кто же поддерживал Столыпина?

Можно ответить так: все и никто. После взрыва на Аптекарском острове, пресыщения террором и новых смелых законов к Столыпину склонилась народная надежда.

Уже после смерти Петра Аркадьевича в английской газете «Дейли Телеграф» появилась статья. «Можно признавать Столыпина П. А. великим государственным деятелем или не признавать, но нельзя отказать ему ни в энергии, ни в смелости. Многие следили за его деятельностью не только с интересом, но и с искренней симпатией. Был момент, когда он оказался **единственным** человеком, способным взять на себя трудное дело введения в России конституционного строя...»

Британский журналист, по-видимому, точно ответил на вопрос, кто поддерживал Столыпина.

Теперь вернемся к событиям осени 1906 года. Вскоре, в конце ноября, начиналась предвыборная кампания. Было ясно, что на сей раз в ней примут участие все: правые, стоящие за возвращение к неограниченному самодержавию, октябристы, принявшие программу Столыпина, кадеты и «левый блок», объединяющий эсеров, социал-демократов и другие социалистические группы.

Если во время выборов в Первую Думу правительство Витте относилось к ним пассивно, то сейчас правительство должно было вести активную борьбу.

Но, самое главное, изменилась политическая атмосфера. Правительство Витте никто не защищал, общество было единодушно настроено поддерживать революционные перемены; теперь же значительная часть населения повернулась в сторону реформ, против революции.

На фоне этих настроений неожиданно громкое звучание приобрела загадочная история смерти максималиста Якова (Янкеля) Черняка, имевшего отношение к организации ограбления в Фонарном переулке.

Первый печатный отклик на нее появился в нью-йоркской газете «Вархайд» («Правда»), издающейся на идиш.

«По требованию русского правительства в Швеции был арестован социалист-революционер Черняк. Правительство предоставило какое-то доказательство, что Черняк участвовал в афере на Фонарной улице, и шведское правительство уже готово было выдать его, хотя Черняк, кажется, состоял до последнего времени только членом партии социалистов-революционеров, однако наш центральный комитет поручил представителю партии в интернациональном бюро употребить всякие усилия, чтобы желание русского правительства не было исполнено. Были заведены все пружины, и в конце концов нашему представителю в интернациональном бюро удалось вырвать в полном смысле этого слова Черняка из лап правительства, и Черняк, к всеобщей радости, отправился на пароходе для отъезда в Англию. Вдруг наш представитель получает телеграмму из Антверпена, что с пароходом прибыл труп Черняка. Оказывается, когда пароход был уже в Антверпене, Черняк был найден в каюте мертвым. Кроме него, были там же, в каюте, три

трупа посторонних пассажиров. На общественное мнение это тотчас произвело такое впечатление, что Черняк был убит царскими шпионами, а для сокрытия всяких следов они убили еще трех пассажиров, бывших в этой каюте, чтобы они не были свидетелями этого убийства. Впечатление было чрезвычайное.

Об этой истории закипело везде. Через два дня нашли следы, выяснилось, что с ним в каюте был еще один пассажир, который исчез. Доказано еще кое-что, указывающее на то, что исчезнувший пассажир был шпион. Можете себе представить, какой шум это вызвало в прессе и в обществе. Антицарская газета «Матэн» выступила с явным обвинением против русского правительства и с требованием, чтобы эта ужасная политика была опубликована. Над этой статьей значилось откровенное заглавие: «Рука царя». В Антверпене между тем произошли пышные похороны Черняка. Тело убитого было исследовано. Что именно показало исследование, это пока еще содержится чиновниками в строгой тайне. Покамест удалось лишь осведомиться, что убитые были отравлены ядом углекислого вещества. Предполагают, что шпион пустил в каюту газ из ручного аппарата.

Григорий Гершуни».

Это мог быть мировой скандал. Случайна ли была смерть Черняка или он был убит? В январские дни 1907 года, когда в России шло избрание выборщиков, ответ на этот вопрос приобрел особое значение.

В мемуарах полковника Герасимова «На лезвии с террористами» об этом случае ничего не сказано, хотя в начале года оперативная обстановка в столице была крайне напряженной.

Боевая организация эсеров усилиями Азефа была фактически выведена из строя, но отдельные вспышки террора продолжались. Азев опасался за свою жизнь, был сильно раздражен и решил отдохнуть за границей. Перед отъездом он сообщил адреса террористической группы, готовившей покушение на Столыпина. Полиция организовала за ней наблюдение, но, заметив слежку, боевики скрылись в Финляндии.

В Финляндии базировались еще две группы — Карла Трауберга и Зильберберга. За первой числилось убийство генерала Мина и еще несколько других покушений, за второй — организация динамитных лабораторий и подготовка покушения на Столыпина.

По сравнению с этими группами фигура Черняка незначительна.

На третье января назначили торжественное освящение нового медицинского института. На открытии должны были присутствовать Столыпин и петербургский градоначальник фон-дер-Лауниц. Накануне полиции стало известно, что готовится покушение на Столыпина и вот-вот должно произойти. Герасимов немедленно отправился в Зимний дворец предупредить председателя Совета министров. Тот не захотел отменять свое обещание присутствовать на торжестве. Тогда полковник обратился к его жене, и они вместе уговорили Столыпина остаться дома.

А фон-дер-Лауниц не внял предостережению.

В капелле института, на третьем этаже, совершилась торжественная служба. Гости стали спускаться по лестнице, и один молодой человек во фраке трижды выстрелил из маленького браунинга в затылок градоначальнику. Хлопки выстрелов были слабы. Лишь предсмертный крик умирающего всполюшил людей. К молодому человеку кинулся полицейский офицер с обнаженной шашкой, размахнулся и ударил. Но террорист успел выстрелить себе в висок.



П. А. СТОЛЫПИН в кругу семьи.

Герасимов по горячим следам начал расследование и быстро установил, что на молебне был еще один посторонний. Он ушел до покушения, предварительно перемолвившись с убийцей, взял у швейцара модное пальто, дал щедрые чаевые и уехал в экипаже.

О личности убийцы не удалось ничего узнать. По распоряжению судебных властей его голова была заспиртована в стеклянной банке и выставлена для публичного опознания с простреленным виском и рубленой раной. Безрезультатно. Лишь через несколько месяцев вернувшийся «лучший агент» Герасимова, Азеф, назвал его имя — Евгений Кудрявцев, по кличке «Адмирал», бывший член тамбовского комитета партии эсеров, затем член группы Зильберберга. Кудрявцев охотился за фон-дер-Лауницем еще с 1905 года, когда тот, будучи тамбовским губернатором, подавил крестьянские бунты. В ответ за ту расправу эсеры приговорили его и двух помещиков к смерти. Помещики были застрелены. А Кудрявцев явился к губернатору, переодетый сельским священником, якобы для того, чтобы поблагодарить за подавление мятежа в его деревне. Однако Лауница не застал, его перевели в Петербург, что и продлило ему жизнь. Продлило и самому Кудрявцеву.

Столыпин же снова побывал на краю гибели. Попутно отметим, что выстрелы Адмирала оборвали жизнь его противника. Фон-дер-Лауниц был крайне правым, не стеснялся почти открыто критиковать политику Столыпина, считая ее чересчур либеральной, и открыто олекал боевые дружины Союза Русского Народа, поддерживал такой же террор, только справа.

114

Поскольку и петербургский градоначальник, и председатель Совета министров боролись против революции, то внешне могло казаться, что погромная деятельность фон-дер-Лауница совпадает со столыпинской, чего на самом деле не было. Разве мог политик, стремившийся вылечить общество путем реформ, иметь что-то общее с генералом, уповавшим только на темную силу, желавшим уничтожить все выборные учреждения в России? К этой теме мы еще вернемся, когда коснемся вопроса о «национализме» Столыпина...

А пока угроза новых покушений заставила Герасимова задуматься о том, как обезвредить в Финляндии группу Зильберберга.

Азеф выдал ее расположение — лесная гостиница неподалеку от водопада Иматра, именуемая «Отель для туристов». В этом незаметном деревянном двухэтажном доме жили только террористы. Хозяин по фамилии Спрениус одобрял их борьбу с российским правительством, к тому же неплохо зарабатывал на их деятельности: всегда было полно постояльцев. Он пускал только рекомендованных лиц, а если забредал чужой, то ему отвечали, что свободных номеров нет.

Однажды в январский морозный вечер в гостинице появились юноша и девушка и попросились на ночлег.

Что было делать? Открывать продрогшим лыжникам, измученным блужданием в лесу? Они умоляли пустить переночевать в тепле, а наутро они пойдут дальше. К тому же надвигался снежный буран. Как тут не сжалиться над юными туристами? У швейцара дрогнуло сердце, он уговорил Зильберберга, и комнату, нарушив заведенное правило, представили.

Милосердный порыв стоил Зильбербергу жизни. Правда, до последне-

го мгновения, пока петля не раздавила ему горла, он не узнал, что та славная пара, которую он пожалел, выдала его.

Получив комнату, юноша и девушка сразу ушли отдыхать. Наутро за столом они захватили всеобщее внимание, весело рассказывая всякие истории из жизни петербургских студентов. От них веяло безмятежной юностью, не ведающей ни о жестокости, ни о краткости жизни. Террористы, сами бывшие студенты, поддались этому обаянию. Они устали друг от друга. Постоянное напряжение неожиданно потребовало разрядки. Случайные гости невольно навевали мысли об ушедших навсегда радостях. Все оживилось, после обеда отправились гулять к водопаду, а вечером пели под гитару. Пара прожила в гостинице трое суток, подружилась с постояльцами настолько, что ее позвали участвовать в стрельбе из револьверов.

Когда пришло время прощания, долгим речам и искренней грусти не было конца. Не хотелось отпускать людей из настоящей жизни, не хотелось снова зауживаться в тесный коридор убийств и самопожертвований. Может быть, многие завидовали уезжающим в столицу.

Вернувшись в Петербург, туристы прямо с вокзала поехали к Герасимову. Это были лучшие его агенты. Он лично их инструктировал и теперь ждал с нетерпением результата. И вот они стояли перед ним. Живые, возбужденные пережитым приключением и ожидающие похвал. Они выполнили задачу прекрасно. Там, где нельзя было ничего добиться сильным ударом, юные агенты играючи одолели неприступную крепость. Мало того, что они смогли назвать всех террористов и дать их приметы, им удалось завербовать швейцара и горничную отеля.

Игра закончилась. Теперь Герасимов мог установить наблюдение за прибывающими из Финляндии поездами и подкарауливать постояльцев «Отеля для туристов». И вскоре его лучшие агенты, дежурившие на вокзале, узнали среди пассажиров Зильберберга и Сулятицкого, того террориста, который готовил убийство Столыпина на торжественном богослужении.

По приговору военного суда оба были повешены 20 июля 1907 года.

Остальным постояльцам удалось уйти. К тому времени, когда полиция получила официальное разрешение произвести аресты в Финляндии, они через финских полицейских уже прознали о грозящей опасности. Официальный путь борьбы с террористами на сей раз оказался недейственным, слишком медленным. Герасимов, конечно, понимал, что ускользнувшая часть зильберберговской группы вскоре объявится либо новым убийством, либо экспроприацией. И тут выплыла история с Черняком.

Впрочем, были истории поважнее: Герасимову стало известно, что вот-вот будет покушение на царя. Что тут до ускользающего Черняка?

Французская социалистическая газета «Юманите» 1 февраля писала о том, что шведскому правительству нельзя выдавать «воинствующего социалиста Черняка» на расправу царскому правительству Столыпина, ибо это «поразит горем всю Европу».

Указывается на причастность Черняка к делу в Фонарном переулке, которое называется «революционным актом», и при этом журналист обращается прямо к «шведскому народу, благородной нации».

Через несколько дней — снова о Черняке, о применении пыток

русским правительством (именно правительством!). Затем печатается протест «Лиги прав защиты человека и гражданина», адресованный председателю шведского риксдага.

К газетным вырезкам добавляется переписка полицейских чиновников о запросах иностранных корреспондентов, письмо из российского МИДа о справке посланника в Брюсселе, откуда следует: причина смерти на пароходе — испарения от перевозимых в трюме серных спичек.

Но вот другое письмо — прямо к Столыпину: груз спичек, выяснилось, ни при чем, смерть произошла по иной причине.

Из бумаг исходит какая-то неопределенность, словно Петербург не знает, почему в Европе цепко держатся за дело Черняка. Из домашнего дело стало международным.

По-видимому, полиции удалось выманить Черняка из Парижа, но потом он что-то понял и попытался уйти от преследования. Так ли? Социалистические газеты стоят на такой версии. В похоронах Черняка принимают участие, судя по репортажу, множество социалистов из разных стран.

Газета «Современная речь» 25 января напечатала заметку из Стокгольма о результатах расследования шведской полицией: нет, Черняк умер не от пищевого отравления или угара, а от отравления парами мышьяка или ртути, то есть убит.

Далее российское консульство в Стокгольме сообщает директору Департамента полиции М. И. Трусевичу, что в Стокгольме какой-то шведский инженер выпустил брошюру о причинах смерти «государственного преступника Янкеля Черняка», в которой доказывает, что трагический случай произошел не от злого умысла, а от отравления газом, выделявшимся из большого количества спичек. Всемогущий трест шведских спичечных фабрик не заинтересован в установлении истины, поэтому повлиял на результаты расследования. Кажется, наметился новый поворот детективного сюжета. Сперва ограбление, выманивание и преследование преступника, затем загадочная гибель, и вот вмешательство крупного капитала.

Здесь все так запутывается, что уже никогда и никому не раскрыть загадки. Пусть одни обвиняют, а другие оправдывают — темнота не развеется.

Одновременно с делом Черняка жандармское управление установило имя незнакомки, увезшей мешок с деньгами 14 октября, — «мещанки Адели Габриелевны Каган; отец и сестра ее Ревекка проживают в Гродно». Аделъ ускользнула.

Соединилось в январе 1907 года — смерть Лауница, спасение Столыпина, финляндская операция Герасимова, смерть Черняка, подготовка царевубийства... Слишком много, слишком круто.

Министр внутренних дел приносит на подпись письмо в министерство юстиции И. Г. Шегловитову, министру. В письме то, что никогда никто не узнает:

«31 января 1907 года.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

В собственные руки.

Милостивый государь Иван Григорьевич!

Имею честь уведомить Ваше высокопревосходительство, что обвинявшийся в ограблении портового казначея Германа 14 октября минувшего года мещанин Янкель Черняк был отравлен на пароходе, на котором он

ехал в Лондон после высылки его из пределов Швеции, агентом охранного отделения, коему было поручено наблюдать за Черняком, посредством мелинитового снаряда. Ныне агент Андрей Викторов возвратился в пределы Российской империи, находится в Финляндии. Примите, милостивый государь, уверения в истинном почтении и совершеннейшей преданности».

Вот такой поворот!

До Столыпина дошло дело Черняка, и он должен был поставить в нем точку. Что он думал при этом? Наверняка не мог сочувствовать деятельности несчастного Черняка. Наверняка сочувствовал жертвам террора. А что еще? То, что цель оправдывает средства?

Гражданская война губила и его, стремившегося ее прекратить.

«18 февраля 1907 года.

Министр внутренних дел.

СЕКРЕТНО.

В собственные руки.

Милостивый государь Иван Григорьевич!

Имею честь уведомить Ваше высокопревосходительство, что я со своей стороны не встречаю препятствий к удовлетворению изложенного в письме Вашем ходатайства агента охранного отделения мещанина Андрея Викторова званием гражданства и нахожу возможным выдать ему одновременно 3000 рублей. К изложенному считаю должным присовокупить, что я полагаю бы в настоящее время командировать названное лицо за границу в целях ограждения его от покушения революционеров, приговоривших Викторова к смертной казни.

Примите, милостивый государь, уверения в истинном почтении и совершеннейшей преданности.

П. СТОЛЫПИН».

117

Андрей Викторов сделал свое дело.

Надо было обеспечить защиту от новых покушений.

Азеф сообщал, что план убийства царя уже разработан во всех деталях: один из казаков должен подложить адскую машину под кабинет Николая II. Имена и адреса преемников Зильберберга Азеф назвал.

Между тем в январе прошло избрание выборщиков. В Москве и Петербурге кадеты сохранили свои позиции, победили они и в большинстве крупных городов.

Зато губернская Россия их не поддержала. Крестьяне голосовали за тех, кто решительно обещал им землю. (Заметим, столыпинская реформа еще не могла дать никакого результата.)

Настроения землевладельцев качнулись резко вправо.

Все смешалось. Одни губернии посылали в Думу эсеров, социал-демократов, трудовиков, а другие — умеренных и правых, Вторая Дума — это Дума полярных противоположностей.

Когда определился общий итог, он поразил. Из 500 мест 216 было за социалистами! Это число левых депутатов не отражало подлинной обстановки: революционная волна схлынула, они не имели реальной поддержки в народе и были избраны крестьянами по инерции, «на всякий случай, авось исхлопочут землю».

Была ли новая Дума работоспособной, никто не брался сказать.

Столыпин предвидел отрицательный результат, был готов распустить

ее и, изменив избирательный закон, назначить новые выборы. Он не собирался гибнуть в законодательном тупике.

Но ближайшей опасностью была не раскогласованность российского молодого парламента, а угроза Николаю.

Полковник Герасимов установил необходимое наблюдение, выяснил связи террористов вне царского дворца, но не смог установить их пособников внутри двора. Каждый день промедления мог закончиться трагически.

Столыпин приказал арестовать всех, кто попал в сферу наблюдения. Было бы очень опасно ждать результатов обычного сбора улик и установления новых связей.

Покушение на царя сразу оборвало бы все реформы.

Герасимов же склонялся в интересах розыска не спешить, чтобы потом захватить пошире, никого не упустив. Но все-таки риск был очень большой.

В конце концов решили арестовать немедленно.

И тут полиции помог дворцовый комендант Дедюлин. Он позвонил Герасимову и попросил приехать в Царское Село по чрезвычайному делу.

Оказалось, сын начальника дворцовой почтово-телеграфной конторы Владимир Наумов вот уже несколько месяцев агитирует в революционном духе казака конвоя Ратимова, а теперь стал допытываться, каким образом можно добраться до царя, чтобы его убить. Ратимов обо всех встречах сообщал своему начальнику конвоя князю Трубецкому, тот — начальнику дворцовой команды полковнику Спиридовичу.

Наконец-то Герасимов получил возможность ухватиться за кончик ниточки, ведущей во дворец.

Он срочно встретился с Ратимовым, уговорил его встретиться с террористами в Петербурге.

За казаком следили агенты Спиридовича, за одним из главных террористов Синявским — агенты Герасимова. И эти две цепочки соединились. Теперь было ясно, что данные Азефа бесспорны.

Ратимов встречался с террористами еще несколько раз, служа Герасимову приманкой и крючком. Казака уговаривали принять активное участие в деле, сулили ему славу героя и добивались от него точного плана дворца и парка со всеми уголками и закоулками, подвалами и погребами.

Ратимов сообщил о легком доступе к комнатам под бельэтажем, где находится кабинет Николая, и другие сведения. Затем из него «выжали» обещания сообщить о времени прибытия в Царское Село великого князя Николая Николаевича и Столыпина и времени их отбытия. Несомненно, оба они тоже были на прицеле.

Телеграммы Ратимова сыграли большую роль на судебном процессе как главные улики обвинения.

Арестовать террористов уже не представляло никакой сложности. Однако неожиданно судебный процесс вызвал немало осложнений.

ЦК партии эсеров выступил в печати с заявлением, что отношения к заговору не имеет и что никому не поручал готовить покушение.

Либеральные адвокаты выдвинули аргумент — «мы имеем тут дело с кружком энтузиастической молодежи, за спиной которой действовали провокаторы, руководимые политической полицией». Лучшие петербургские защитники Маклаков, Муравьев, Соколов, Зарудный доказывали, что дело о цареубийце раздуто практически из ничего.

Герасимову пришлось выступать в суде. Он слегка загримировался, чтобы обезопасить себя от возможных в будущем неприятностей, и доиграл свою роль до конца.

«Сущность моих показаний была совершенно определенная... Тот факт, что Центральный Комитет партии официально отвергает свою причастность к этому делу, абсолютно ничего не значит, ибо, как свидетельствует история, и в прошлом, и в настоящем все революционные организации не останавливаются в интересах своего дела перед ложными заявлениями. Что касается цареубийства, то, насколько мне известно, партия социалистов-революционеров не только не отказалась от этой преступной мысли, но как раз на ее последней конференции при обсуждении вопроса о необходимости усилить террор эта мысль пользовалась всеобщим сочувствием».

Оправдательных приговоров не было. Три — смертных, пятнадцать — на каторгу.

К этим цифрам ничего не прибавишь. На сей раз невидимое сражение гражданской войны завершилось победой сил государства.

«...я думаю, что для благоразумного большинства наши внутренние задачи должны были бы быть и ясны, и просты. К сожалению, достигать их, идти к ним приходится между бомбой и браунингом... А там, где аргумент — бомба, там, конечно, естественный ответ — беспощадные кары! И улучшить, смягчить нашу жизнь возможно не уничтожением кары, не облегчением возможности делать зло, а громадной внутренней работой...»

Мы, правительство, мы строим только леса, которые облегчают вам строительство. Противники наши указывают на эти леса, как на возведенное нами безобразное здание, и яростно бросаются рубить их основание. И эти леса неминуемо рухнут и, может быть, задавят и нас под своими развалинами, но пусть, пусть это будет тогда, когда из-за их обломков будет уже видно, по крайней мере в главных очертаниях здание обновленной, свободной, свободной в лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия, преданной, как один человек, своему государю, России». (Из речи Столыпина о деле Азефа, произнесенной в Государственной Думе.)

Впрочем, не всегда противостояние власти и общества достигало такого яркого выражения, как в судебном процессе о цареубийстве. Чаще разделялось на уровне будничном, на «они» и «мы», а между — стена. Поэтому в жестокой борьбе нечего было ждать ни от кого ни снисхождения, ни даже призыва к справедливости. Если от взрыва погибли невинные, то следовало из либеральных кругов объяснение, что не террор тому виной, а слепой случай, а террористы — герои; если же действовали государственные органы, то те же круги всячески стремились их опорочить. Соответственно и полиция руководствовалась законами войны.

Что должно было выйти в итоге? Кто-то должен был отступить либо погибнуть.

Вторая Дума открылась 2 февраля 1907 года, в будничной обстановке, ничуть не напоминающей открытие Первой. Ее состав тоже изменился. Было меньше депутатов с высшим образованием, больше — с начальным и «полунинтеллигенции». Граф А. А. Бобринский насмешливо назвал ее «Думой народного невежества».

Силы в ней распределялись таким образом, что при равновесии сторон решающая роль центра принадлежала польскому колу, возглавляемому лидером национал-демократов Романом Дмовским.

Правые и примыкавшие к ним умеренные составляли одну пятую Думы. Кадеты, изменившие свою тактику, с примыкавшими к ним мусульманами — чуть больше. Социалисты — более двух пятых.

Это неустойчивое равновесие было в руках польских депутатов. Для решения общегосударственных вопросов такое возвышение одной национальной фракции было крайне неудобным.

Но самая большая перемена по сравнению с Первой Думой была в фигуре председателя Совета министров. 6 марта в зале Дворянского собрания Столыпин объявил правительственную программу.

Еще никогда, начиная с Великой реформы, перед Россией не стояло таких задач.

«В стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно и брожения, — сказал Столыпин. — ...отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут точно установлены».

Столыпин предложил следующие направления деятельности правительства:

Решение земельного вопроса;

Обеспечение свободы личности;

Укрепление начал веротерпимости и свободы совести;

Упразднение административной (внесудебной) высылки;

Введение местного самоуправления, в том числе в Прибалтийском и Западном крае и Царстве Польском;

Передача самоуправлению части государственных доходов;

Преобразование полиции, передача политических дознаний из ведения жандармской полиции следствию, установление точной сферы действия полиции;

Преобразование судов, допущение защиты на предварительном следствии;

Реформа рабочего законодательства, ненаказуемость экономических стачек, государственное страхование рабочих, снижение продолжительности труда, снижение норм малолетним, организация врачебной помощи;

Защита интересов русской торговли и промышленности на Дальнем Востоке, постройка Амурской железной дороги;

Школьная реформа, улучшение материального положения преподавателей, общедоступность, а впоследствии — и обязательность начального образования;

Возрождение армии и флота.

Правительственная декларация показывала, что времена переменялись. Никто не перебивал, как прежде, председателя Совета министров криками «В отставку». Выслушали молча, по окончании раздались шумные аплодисменты «справа».

Семья Петра Аркадьевича находилась в зале, в ложах для публики, и с облегчением глядела на его удовлетворенное лицо, когда он сходил с трибуны. Может быть, наступала долгожданная пора объединения властей и Думы во имя блага России?

Но нет. На трибуну поднимается молодой грузинский социал-демократ Церетели, и снова резкое неприятие правительства. Его перебивают возгласами:

— Долой! Ложь! У вас руки в крови!

Сталкивались две непримиримые силы. На каждую речь левых ораторов правые отвечали двумя. На трибуне побывало больше двадцати депутатов. Наконец, было принято решение прекратить прения, и все повернулись к Столыпину. Что он? Промолчит? Проигнорирует, как Горемыкин? Или даст отповедь?

«Господа, я не предполагал выступать вторично перед Государственной Думой, но тот оборот, который приняли прения, заставляет меня просить вашего внимания. Я хотел бы установить, что правительство во всех своих действиях, во всех своих заявлениях Государственной Думе будет держаться исключительно строгой законности.

Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна совместная работа, найти тот язык, который был бы нам одинаково понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы. Я им пользоваться не буду.

Возвращаюсь к законности. Я должен заявить, что о каждом нарушении ее, о каждом случае, не соответствующем ей, правительство обязано будет громко заявлять: это его долг перед Думой и страной. В настоящее время я утверждаю, что Государственной Думе волею Монарха не дано право выражать правительству недоверие. Это не значит, что правительство бежит от ответственности. Безумием было бы предполагать, что люди, которым вручена была власть во время великого исторического перелома, во время переустройства всех законодательных государственных устоев, чтобы люди, сознающие всю тяжесть возложенной на них задачи, не сознавали тяжести взятой на себя ответственности. Но надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы, от царской резиденции, волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда охватила вся деятельность в южном промышленном районе, когда распространялись крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целостности русского народа, или действовать и отстоять то, что было ей вверено. Но, господа, принимая второе решение, правительство роковым образом навлекло на себя и обвинение. Ударяя по революции, правительство, несомненно, не могло не задеть частных интересов. В то время правительство задалось одной целью — сохранить те заветы, те устои, начала которых были положены в основу реформ императора Николая II. Борясь исключительными средствами в исключительное время, правительство вело и привело страну во Вторую Думу. Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут, волею монарха нет ни судей, ни обвиняемых, что эти скамьи (показывает на места министров) — не скамьи подсудимых — это место правительства. (Справа аплодисменты: «Браво! Браво!»)

За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу нашей Родины, мы точно так же, как и вы, дадим ответ перед историей. Я убежден, что та часть Государственной Думы, которая желает работать, которая желает вести

народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу более, я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений.

В тех странах, где еще не выработаны определенные правовые нормы, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление; эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли. Все они сводятся к двум словам, обращены к власти: «Руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты, может ответить только двумя словами: «Не запугаете». (Бурные аплодисменты справа.)»

Эта речь произвела огромное впечатление в России и за границей. Из первой схватки Столыпин вышел победителем.

Мария Бок (Столыпина): «Впечатление... было потрясающее. Что делалось в публике, трудно описать: всем хотелось высказать свой восторг, и со слезами на глазах, с разгоряченными лицами входили к нам в ложу знакомые и незнакомые, пожимая руки мамá».

На следующий день в передовой статье германской газеты «Тэгглих Рундшау» были напечатаны такие строки: «У г. Столыпина нет правительственного большинства, но зато большинство, выступающее против него, распалось в вопросе о тактике. Государственная Дума, по-видимому, решила относиться к г. Столыпину с доверием. Без преувеличения можно сказать, что будущее России покоится на плечах г. Столыпина. Очень возможно, что он и есть тот герой-рыцарь, которого ждет царь для спасения России...»

Думская жизнь потекла дальше, к своему концу, который случился через три месяца.

Для Столыпина наступило время свершений. Он был признан российским лидером, именно он, а не Николай II, что, безусловно, вызывало у императора некоторое смущение, перешедшее в дальнейшем в более неприязненное чувство к премьеру.

Колорит того времени прекрасно передает перехваченное полицией письмо В. Спиридонова, ссыльного из Пинеги Архангельской губернии. Вот оно: «6 марта 1907 года. Любезный товарищ Вася! Здорово живешь ли, хорошо ли, жена здорова ли? Я теперь здоров, умирать не думаю. Теперь жить здесь, намного надо. Здесь житье не такое, какое у нас. Драться не приходится. Что ни сделаешь в тюрьму не садят и не высылают. Здесь ровно в ином государстве. 5 марта, в прошедший день, здесь мы очень большую демонстрацию и митинг устроили на улице. Это было так. В 4 часа черносотенцы выставили на сани лодку, вывесили три правительственных флага, поставили одну четверть вина и выехали кататься на улицу. Увидав это дело, мы не стерпели. Собрались да флаги у них вырвали, водку разбили и их самих немного побили. Потом пять флагов с разной надписью вывесили на улицу. нас около 200 человек собралось, населения города и деревень 400—500 человек.

Потом прошли по улице. Дойдя до церкви, напротив ея собрали

митинг, говорили о современной жизни России. В шесть часов стали благовестить к вечерне. Но так как колокол заглушал наш разговор, мы звонить запретили. Потом после 7 вечера митинг кончился, и тогда только началась служба в церкви. На улицах никто уж не катался. Полиция в это время разбежалась, спряталась. Исправник из города бежал, солдаты местной команды, более 700 человек,— на нашу сторону, так что город в наших руках находится. Что делать, так бывает. А на нашей стороне так ли?

Здесь дают денег на одежду в год 52 рубля. Зимних 30 рублей, летних 22 рубля, кормовых и квартирных 7 рублей 70 копеек. Только зарабатывать негде, город маленький (1000 душ обоюго пола, а ссыльных около 300 человек). Только жаль, что семью не взял. Тогда бы я в месяц получал более 25 рублей, кроме одежных. А жить очень хорошо. Только трудно доставать литературу...

Ну как у вас поживает, что думает народ? В случае разгона Думы думают ли поддержать? А Думу не сегодня, завтра разгонят. А может, разогнали уже. Тимофей Николаевич почему не попал в Думу, зачем его отстранили? Высылки не бойтесь, народное дело не забывайте. Собирайтесь, сговаривайтесь, «плевушками» (револьверами) запасайтесь. Наверное, скоро придется сражаться».

Как видим из письма, жизнь революционеров была весьма вольной. И ни о каком примирении с властью речи не было. А вот судьбу Думы угадывали даже из ссылки.

Немало времени Дума затратила на обсуждение бюджета и аграрного вопроса. С программными заявлениями выступали все партии. Все стремились оспорить главный политический капитал реформатора, предлагая чуть ли не молниеносный эффект от своих проектов.

10 мая Столыпин выступил с речью об устройстве быта крестьян и о праве собственности. На предложение левых о национализации земли он отвечал: «Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских обществах, та необходимость подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимость постоянного передела, невозможность для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его пользовании земле свою склонность к определенной отрасли хозяйства, все это распространится на всю Россию. Все и все были сравнены. Земля стала бы общей, как вода и воздух... Я полагаю, что земля, которая распределилась бы между гражданами, отчуждалась бы у одних и предоставлялась бы другим местным социал-демократическим присутственным местам, что эта земля получила бы скоро те же свойства, как вода и воздух. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать к ней свой труд с тем, чтобы результаты этого труда перешли к другому лицу,— этого бы никто не стал делать. Вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена... Все будет сравнено,— но нельзя ленивого равнять трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень страны понизится...

Надо думать, что при таких условиях совершился бы новый переворот, и человек даровитый, способный силою восстановить бы свое право на собственность, на результаты своих трудов. Ведь, господа, собственность всегда имела своим основанием силу, за которой стояло и нравственное право».

В этих словах — предостережение и пророчество. Сейчас, в конце

века, когда путь «молниеносных» проектов пройден до конца, с какой горечью мы слышим речь реформатора! Но, может быть, и с надеждой.

На минуту отвлечемся, поглядим на себя с другой стороны. «Никак не можем смириться с мыслью, что России (Российской империи, если хотите) уже нет и никогда не будет.

Была Эллада, но разве можно сказать, что современные греки — это эллины? Был Рим. Но разве можно сказать, что современные итальянцы — это римляне? Просто современные греки и итальянцы давно привыкли к тому, что они не эллины и не римляне, а мы никак не можем привыкнуть (за наивностью происходящих событий), что мы — не русские». (Владимир Солоухин.)

Кажется, мысль понятна. Согласны мы с ней или нет — сейчас не важно. Она, безусловно, эпатирует, раздражает наше национальное чувство. Но и это сейчас не главное.

А главное то, что Столыпина можно назвать — последний римлянин. Он остро ощущал, что за ним. И то, чем он заплатит за свой выбор.

Его речь 10 мая стала знаменитой не потому, что в ней изложены социальные и экономические аргументы, а потому, что он — последний защитник империи.

Реформатор вопрошал у авторов «молниеносного» проекта:

— А эта перекроенная и уравненная Россия, что, стала ли бы она и более могущественной и богатой?

И отвечал:

— Ведь богатство народа создает и могущество страны. Путем же переделения всей земли государство в своем целом не приобретает ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства. Но положим, что эта картина неверна, что краски тут сгущены, — слышали депутаты Думы сильный голос Столыпина. — Кто же, однако, будет возражать против того, что такое потрясение, такой громадный социальный переворот не отразится, может быть, на самой целостности России. Ведь тут, господа, предлагают разрушение существующей государственности, предлагают нам среди других сильных и крепких народов превратить Россию в развалины для того, чтобы на этих развалинах строить новое, неведомое нам отечество.

Господа, нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабой. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого.

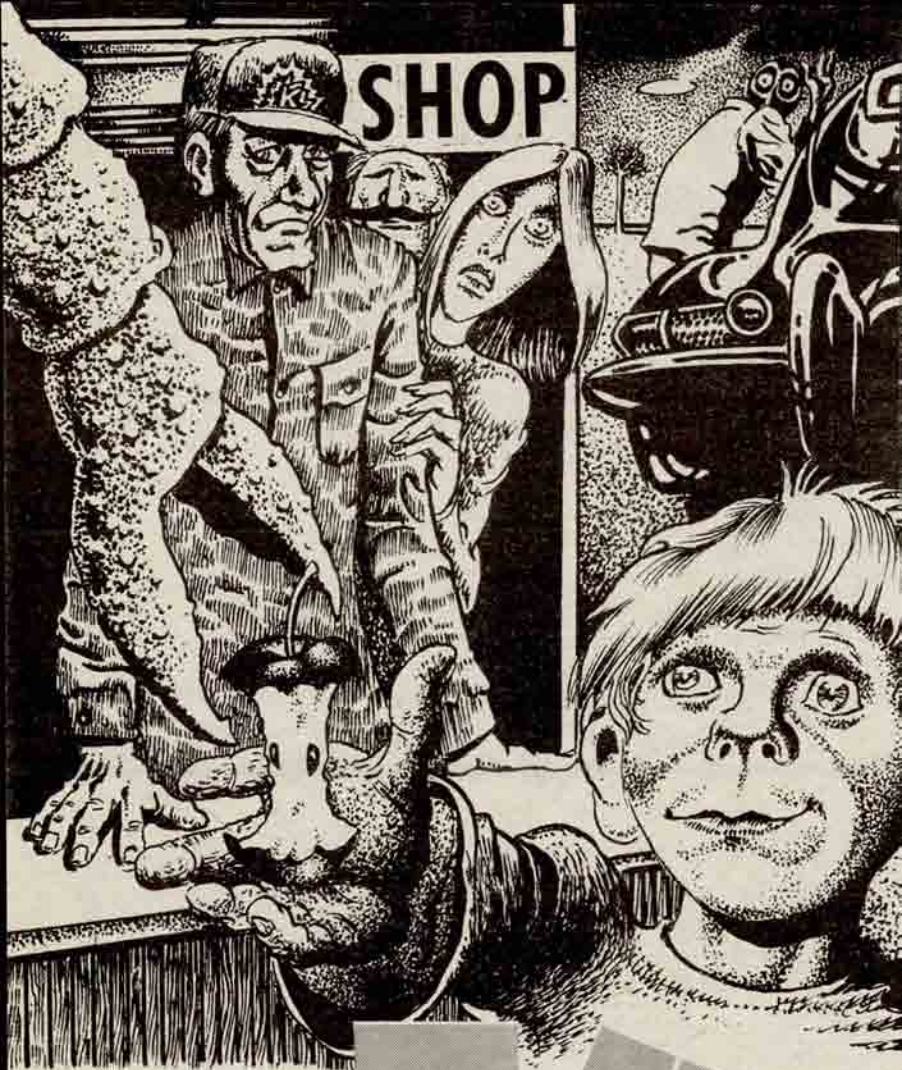
Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабой его части, может напоминать принципы социализма, но если это принципы социализма, то социализма государственного (разрядка наша. — Авт.), который не раз применялся в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части процентов, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную землю.

План Столыпина: государство закупает продаваемые частные земли, затем, давая ссуды через Крестьянский банк, продает в кредит землю крестьянам.

Оплату кредита (значительную ее часть) должно взять на себя государство, и крестьянину в результате помогут все слои населения, все налогоплательщики. Это работа без «волшебных средств».

— Пробыв около десяти лет у дела земельного устройства, я пришел к убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!

Окончание следует.



ДЕЙМОН ХАЙТ

Большой

Подняв облако пыли, длинная блестящая машина затормозила около придорожной лавки. Незатейливая вывеска гласила: «ПЛЕТЕННЫЕ КОРЗИНЫ И СУВЕНИРЫ». Рядом с лавкой стоял грязноватый стеклянный павильон, на дверях которого значилось: «КОФЕЙНАЯ МЕЛЬНИЦА КРОУФОРДОВ. ПОПРОБУЙТЕ НАШИ ПЫШКИ». Сразу за павильоном раскинулось огороженное пастбище с сараем и сеновалом.

В машине сидели два странных фиолетовых существа с желтыми глазами. Оба были в отличных костюмах из серого твида. Нижнюю часть лица у каждого скрывал плотный оранжевый шарф. Существа пристально разглядывали вывески и о чем-то переговаривались.

Марта Кроуфорд выскочила из дома и, на бегу вытирая руки о передник, бросилась к прилавку. Через несколько секунд, дожевывая кукурузные хлопья, появился ее муж Луэллин.

— Что вам угодно, сэ... мадам? — неуверенно спросила Марта. Она оглянулась на мужа, ища поддержки, и он ободряюще положил руку ей на плечо. Видеть у себя в лавке инопланетян им еще не доводилось.

Один из пришельцев вышел из машины и, попыхивая сигарой через дырки в шарфе, приблизился к прилавку.

— Доброе утро! Вас интересуют корзины? Редкие сувениры? — Миссис Кроуфорд заметно нервничала.

Пришелец лишь озадаченно моргнул. В фиолетовом лице не дрогнула ни одна черточка. Инопланетяне эти прилетели с планеты около Зеты Геркулеса, и их сразу же прозвали «герками». Некоторые говорили, что они носят шарфы, потому что у них якобы нет подбородка, другие утверждали, что вместо подбородка у них вообще что-то невообразимое и ужасное.

Герк оглядел корзины и безделушки, развешанные над прилавком, выпустил облако дыма, и, указав куда-то вниз трехпалой рукой, спросил:

— Что это?

— Это индейская кукла, — высоким от волнения голосом ответила миссис Кроуфорд. — А это берестяной календарь.

— Нет. Вот это. — Герк снова указал рукой себе под ноги.

Кроуфорды перегнулись через прилавок и увидели на земле нечто серое, круглое, с неровными краями.

— Это? — с сомнением спросил Луэллин.

— Да.

Хозяин несколько смутился.

— Это... м-м-м... это коровья лепешка. Должно быть, вчера вечером одна из коров отбилась от стада, забрела сюда и... Ну, а я не заметил...

— Сколько?

Кроуфорды уставились на пришельца в полнейшем недоумении.

— Что сколько?

— Сколько за коровью лепешку? — проворчал герк.

— Первый раз слышу... — начала было Марта, но муж перебил ее: — Ну, скажем, десять... Впрочем, не буду вас обдирать. Двадцать пять центов!

Герк достал большой кошелек, положил на прилавок монетку и буркнул что-то своему спутнику. Тот выбрался из машины, подошел к багажнику и вытащил оттуда прямоугольный фарфоровый ящик. Совочком с золоченой рукояткой они аккуратно переложили лепешку в ящик, сели в машину и уехали.

Кроуфорды проводили их взглядом, затем одновременно посмотрели на прилавок. Луэллин подбросил на ладони блестящую монетку и улыбнулся:

— Ну и дела!

* * *

Всю следующую неделю дороги были забиты длинными блестящими машинами пришельцев. Они ездил, куда им вздумается, все разглядывали и платили за все новенькими хрустящими бумажками. Одни из них говорили, что они туристы, другие уверяли, что студенты, изучающие инопланетную социологию. Вначале ходили разговоры, что, мол, зря правительство им все разрешает, но пришельцы здорово оживили торговлю, никому в общем-то не мешали, и вскоре недовольство исчезло.

Луэллин Кроуфорд ходил на пастбище, принес оттуда четыре высохшие навозные лепешки и разложил около прилавка с корзинами. Когда появился очередной герк, Луэллин загнал их по доллару за штуку.

— Зачем они им нужны? — удивлялась Марта.

— Какая разница? Им нужно — мы продаем! Если Эд Лэйси из банка позвонит, скажи ему, чтоб не беспокоился насчет нашего займа.

В тот же день Луэллин расчистил прилавок и разложил новый товар. Цена подскочила до двух долларов, потом до пяти. На следующее утро он заказал новую вывеску: «КОРОВЬИ ЛЕПЕШКИ».

* * *

Прошло два года. Однажды после полудня Луэллин Кроуфорд, войдя в дом, в раздражении бросил шляпу в угол и, тяжело дыша, уселся в кресло. Прямо перед ним над камином висела значительных размеров лепешка, со вкусом раскрашенная по спирали нежными оттенками голубого, оранжевого и желтого цветов.

Неискущенному человеку могло показаться, что это настоящая музейная редкость — лепешка, раскрашенная на родной планете герков. На самом же деле миссис Кроуфорд, как многие хозяйки с художественными способностями, раскрашивала их сама.

— Что-нибудь случилось, Луэллин? — спросила она.

— Случилось! Старик Томас совсем с ума сошел! Требуется по четыреста долларов за корову.

— Но ведь у нас уже много коров. Седьмое стадо...

— Нужно больше! Спрос постоянно растет. Я думал, ты это понимаешь. За «королевскую» лепешку дают по пятнадцать

долларов! А за «императорскую», если в отличном состоянии, можно сорвать полторы тысячи!

— Странно... Мы никогда раньше не думали, что их столько разновидностей,— задумчиво произнесла Марта.— «Императорские» — это такие, с двойной спиралью?

Луэллин кивнул.

— А нельзя ее подделать?

— Ничего не выйдет,— улыбнулся Луэллин, раскрывая последний номер «Американских лепешек». — Совсем недавно статью читал. Сейчас найду... Ага, вот она. «Провал фальшиволепешечника». Тут написано, что один тип в Амарильо сделал слепок с «императорской» лепешки и начал отливать копии. Уверял, что отличить невозможно. Однако герки не купили ни одной подделки. Эти ребята разбираются в искусстве!

Он отложил журнал и подошел к окну, выходящему во двор.

— Опять этот мальчишка бездельничает! — Луэллин открыл форточку и крикнул: — Делберт! Делберт!

Мальчишка не реагировал.

— Совсем ничего не слышит... Пойду пройдуся... За ними глаз да глаз нужен.— Луэллин вышел через кухонную дверь и направился на скотный двор, где, сидя на тележке, сосредоточенно обгрызал яблоко его молодой работник.

— Делберт!

— О, добрый день, мистер Кроуфорд! — ответил мальчишка, улыбаясь беззубым ртом, и бросил огрызок под ноги. Луэллин невольно скосил взгляд: из-за отсутствия передних зубов у Делберта его огрызки имели вид совершенно невероятный.

— Почему ты не возишь лепешки в лавку? — потребовал отчета хозяин.— Я тебе плачу не за то, чтобы ты сидел в пустой тележке и бездельничал!

— Отвез несколько штук сегодня утром, мистер Кроуфорд. Фрэнк велел возить их обратно.

— Что велел?!

— Возить обратно. Он сегодня продал всего две штуки. Спросите у него, если не верите.

Луэллин негромко выругался и отправился в лавку.

* * *

На обочине около лавки рядом с побитым никапом стояли две блестящие длинные машины. Одна уже отъезжала. Когда Луэллин подошел, владелец второй тоже сел за руль, и у прилавка остался только один покупатель, усатый фермер в клетчатой рубашке. Фрэнк, уже больше года заменявший хозяев в лавке, копошился у полки, плотно заставленной лепешками.

— Добрый день, Роджер! — бойко заговорил мистер Кроуфорд.— Как дела? Все в порядке? Решил купить лепешку?

— Да вот, думаю,— ответил фермер, потирая рукой подбородок.— Вообще-то жена положила глаз вон на ту,— он показал пальцем на большую симметричную лепешку на средней полке,— но при таких ценах...

— Ну что ты, Роджер! Куда же еще лучше вкладывать день-

ги? — уверенно ответил Луэллин. — Кстати, Фрэнк, что купил последний герк?

— Ничего не купил, мистер Кроуфорд. Сфотографировал лавку и уехал.

— А тот, что был перед ним?..

В этот момент у него за спиной затормозила еще одна машина с инопланетянами. Трое герков, появившиеся из нее, были одеты в легкомысленные костюмы с блестками и яркие карнавальные шляпы. Один из них подошел к прилавку.

— Сэр? — Луэллин засиял и услужливо поклонился. — Вы хотели бы приобрести лепешку?

Герк поглядел на забытые полки, моргнул своими желтыми глазами и издал какой-то долгий булькающий звук. Через некоторое время мистер Кроуфорд решил, что это похоже на смех.

— Что тут веселого? — проворчал он уже без улыбки.

— Я смеюсь от радости. Наша экспедиция закончилась, и завтра мы улетаем домой. Можно сфотографировать на память? — С этими словами герк извлек откуда-то блестящую машинку с линзами.

— Отчего же... — неуверенно произнес Луэллин. — Вы что, действительно улетаete к себе? Все? И когда вы вернетесь?

— Мы больше не вернемся. — Герк щелкнул камерой, извлек фотографию, внимательно разглядел ее и, удовлетворенно булькнув, спрятал в карман. — Мы вам очень признательны за интересный опыт. Всего хорошего!

Все трое погрузились в машину и, подняв облако пыли, скрылись за поворотом.

— Вот так все утро, — произнес Фрэнк. — Они ничего не покупают. Только фотографируют и уезжают.

Луэллин почувствовал, что еще немного, и его начнет трясти.

— Ты думаешь, это правда? Что они улетают?

— По радио сегодня сказали, — ответил Фрэнк. — И Эдди Кун из Хортонвилля заезжал сегодня утром. У него уже второй день никто ничего не берет.

— Не понимаю! Не могут же они нас вот так бросить! — Мистер Кроуфорд спрятал дрожащие руки в карманы. — Послушай, Роджер! Сколько ты дашь за эту лепешку?

— Ну... Я...

— Эта штука стоит десять долларов. — Голос его вновь стал деловым и убедительным. — Первый сорт, Роджер!

— Я знаю, но...

— Для тебя — за семь пятьдесят!

— Да ты понимаешь... Могу дать пять...

— Согласен! Фрэнк, заверни!

Луэллин поглядел вслед удаляющемуся с покупкой фермеру и слабым голосом произнес:

— Фрэнк, срочно снижай цены. Продавай за что дадут.

* * *

Суматошный день наконец закончился. Обнявшись, Марта и Луэллин наблюдали, как последние покупатели покидали пя-

тачок перед лавкой. Фрэнк занимался уборкой, а Делберт путался под ногами и, как всегда, грыз яблоко.

— Конец света, Марта,— хрипло произнес Луэллин, пуская слезу.— Первый сорт идет по две штуки за пятак!

Стемнело. Кроуфорды уже собрались идти к дому, но тут, разорвав сумерки светом фар, к лавке подкатила низкая, длинная машина. Внутри сидели два зеленых существа с пушистыми антеннами, торчащими через прорези в голубых шляпах. Одно из них вышло из машины и подошло к прилавку. Делберт от удивления выронил огрызок.

— Серп! — прошептал Фрэнк.— Про них по радио передавали. Они с этой... с Гаммы Серпентис!

Зеленый пришелец внимательно оглядел полупустые полки.

— Лепешку, сэр?.. Мадам? — неуверенно произнес Луэллин.— Сейчас у нас не очень большой выбор, но...

— Это что? — спросил серп, показывая на землю клешней.

Луэллин опустил взгляд и увидел огрызок яблока.

— Вот это? — Делберт быстрее всех оправился от удивления.— Это огрызок.— Он обернулся к хозяину, и в глазах его засветилась хитрая искорка.— Мистер Кроуфорд! Я беру расчет!

Затем он подошел к пришельцу и торжественно произнес:

— Это **ФИРМЕННЫЙ ОГРЫЗОК ЯБЛОКА ДЕЛБЕРТА СМИТА!**

Не в силах сдвинуться с места, Луэллин смотрел, как серп достает бумажник и отсчитывает Делберту кругленькую сумму. Тем временем Делберт уже достал из кармана второе яблоко и с энтузиазмом принялся делать из него огрызок.

— Послушай-ка, Делберт,— очнулся наконец Луэллин,— тут, я смотрю, хорошенькое дело намечается. Может, ты арендуешь у меня лавку?

— Спасибо за предложение, мистер Кроуфорд,— произнес с набитым ртом мальчишка,— но я, пожалуй, поеду к своему дяде. У него яблочный сад.

Серп все еще крутился поблизости, разглядывая со всех сторон огрызок и повизгивая от удовольствия.

— Сами понимаете, надо быть поближе к сырью,— с умным видом добавил Делберт.

Кто-то тронул мистера Кроуфорда за рукав. Он обернулся и увидел перед собой управляющего местным отделением банка Эда Лэйси.

— Послушай, Луэллин, я звонил тебе сегодня целый день, но у тебя телефон не отвечает. Ты у нас в прошлом году брал ссуду...

ЛВС

МАКСИМАЛЬНАЯ ОТДАЧА КОМПЬЮТЕРОВ —
В ЛОКАЛЬНЫХ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ СЕТЯХ
ПЕРСПЕКТИВА — ЕДИНАЯ СЕТЬ

ЭТО

**АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ,
ОХВАТЫВАЮЩИХ:**

— руководство — бухгалтерию — производство
— маркетинг — кадры — склад

**ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА
БЕЗОПАСНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ, РАЗГРАНИЧЕНИЕ
ДОСТУПА**

**АВТОМАТИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА
АВТОМАТИЗАЦИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

ЭЛЕКТРОННЫЕ ГРАФИКИ

ГИБКИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ

САПР

ЭЛЕКТРОННЫЕ ТАБЛИЦЫ

НАДЕЖНОСТЬ ХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ

ИНФОРМАЦИИ

СКОРОСТЬ ПЕРЕДАЧИ ДО 10 Мбит/сек

КАБЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ ДО 13 км

**ОПТОВОЛОКОННЫЕ СОЕДИНЕНИЯ ДО 3 км МЕЖДУ
УЗЛАМИ**

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЛВС ЧЕРЕЗ «МОСТЫ»

в «ИНТЕРСЕТЬ»

● Фирма «СОЮЗ» предлагает:

ЛВС различных топологий, включая ПЭВМ
РС XT/AT/PS-2, с выполнением работ
«под ключ»:

технические и программные
средства 100% импортного производства;
готовые к работе файл-серверы на базе
РС AT/286/386/486/PS-2;

комплект документации на русском языке;

экспресс-обучение пользователя;

гарантийное и послегарантийное

обслуживание;

выполнение работ в кратчайшие сроки.

● Фирма «СОЮЗ» приглашает:

к деловому сотрудничеству по внедрению
в ЛВС прогрессивных разработок;

на коммерческих условиях агентов для пред-
ставления интересов фирмы в вашем регионе.

ОПЛАТА В РУБЛЯХ.

НАШ АДРЕС:

129010, Москва, пр-т Мира, д. 10, стр. 2.

Фирма «СОЮЗ».

Контактный телефон: (095) 208-83-95 с 10 до 15.

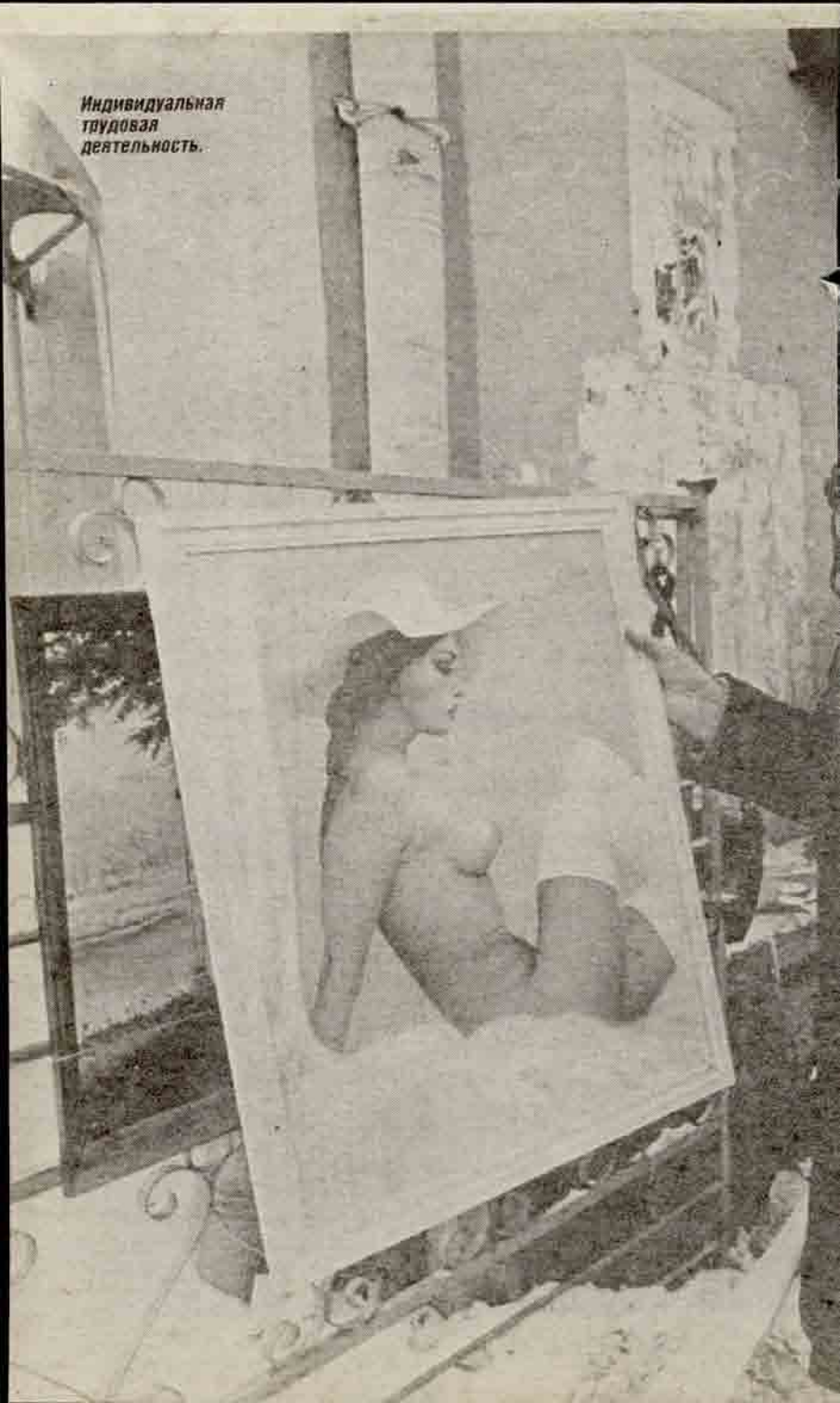
Факс: (095) 208-81-64.

ЧТО- ПОЧЕМУ

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА,
ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ



Индивидуальная
трудова
деятельность.







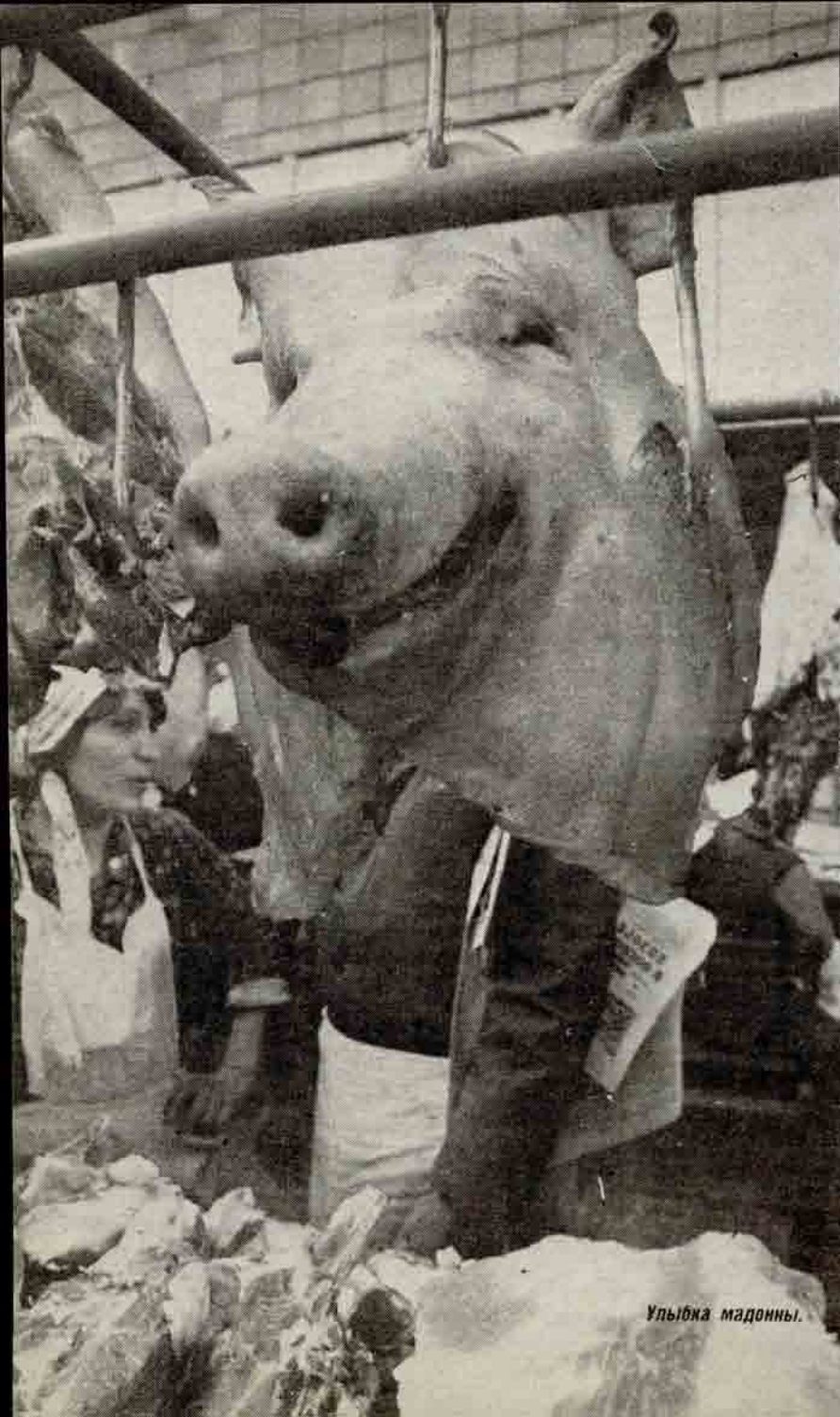
Что имеем —
не теряем.







*Изобилие
по-советски.*



Улыбка мадонны.

ПРОДАЖА ЦВЕТОВ

ФИЛИАЛ ЛЕНИНГРАДСКОГО РЫНКА

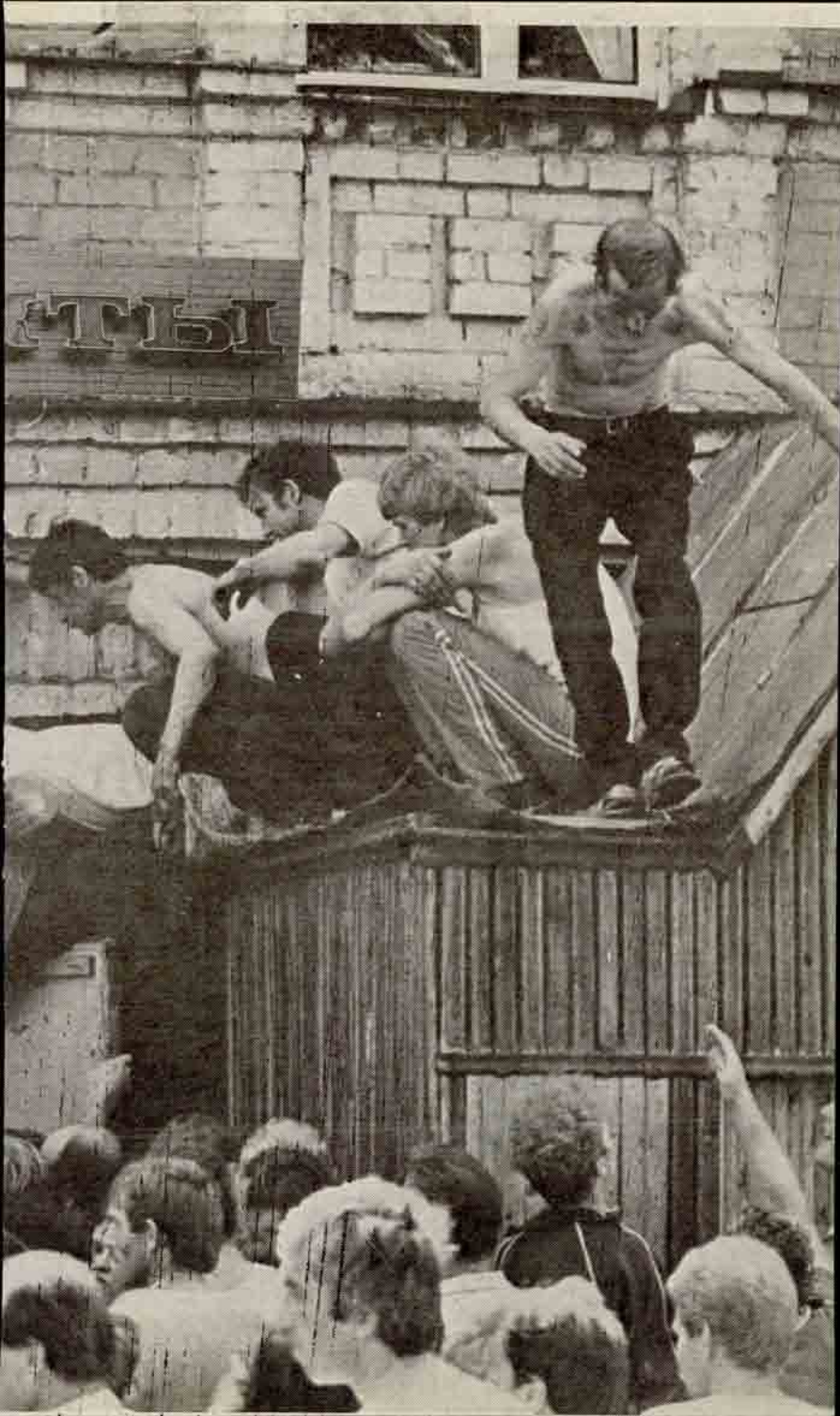


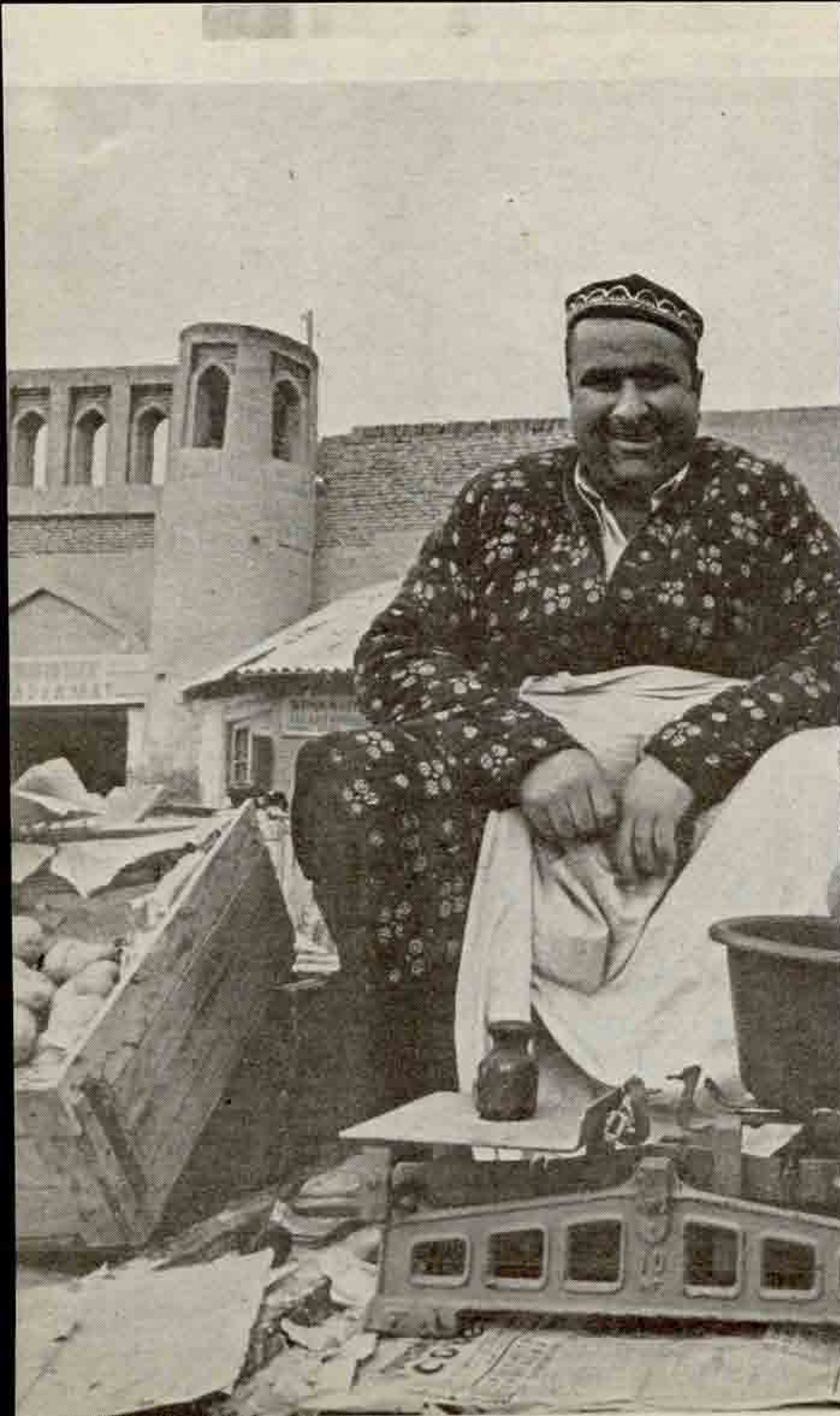
Кому шею мылить?

Час волка...

ПРОДУ





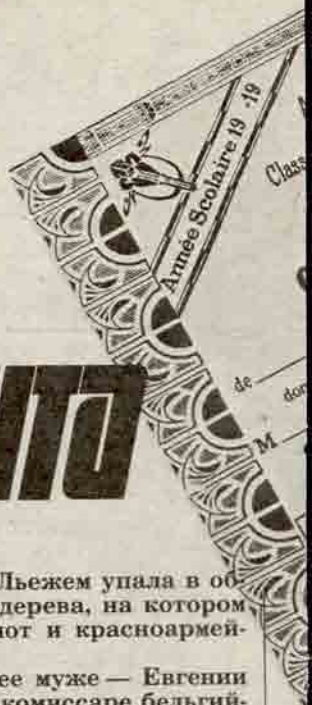


А у нас все есть!

НЕ РАБОТАЕТ ТОТ НЕ ЕСТ



Миллион за голову лейтенанта



Ранней весной 1974 года в лесу под Льежем упала в обморок русская женщина. Упала возле дерева, на котором вырезаны инициалы «Е. Д.», серп, молот и красноармейская звезда...

Так старый бук сохранил память о ее муже — Евгении Доценко, советском лейтенанте, позже комиссаре бельгийского партизанского полка, погибшем в апреле 1944 года далеко от родного дома, в Арденнах, в Бельгии.

Вспоминая через пятьдесят лет, Людмила Павловна скажет: «Я вышла из дома за десять минут до войны. Вышла в халатике и домашних тапочках. С будущим сыном под сердцем...»

Ранним утром 22 июня Людмилу Доценко разбудил какой-то гул. Она прошла к калитке и выглянула на улицу. Было безлюдно, но гул стоял сильный. «Танки, что ли?» — подумала Людмила и решила вернуться в дом, но дома уже не было. На его месте поднимался огненный столб — прямое попадание бомбы...

Через несколько часов Евгений прибежал к дому, но увидел лишь зияющую воронку. Позже один из сослуживцев расскажет ему, что в машину, на которой эвакуировалась Людмила, попала бомба. (Бомба действительно попала в машину, но в первую, а Людмила сидела во второй...)

Все последующие годы, отпущенные Евгению судьбой, он верил, что жена жива и что у него растет сын. Почему? Кто знает...

Кто знает, почему через тридцать лет, выйдя из машины, в сумерках, в дождь, Людмила Павловна обвела взгля-

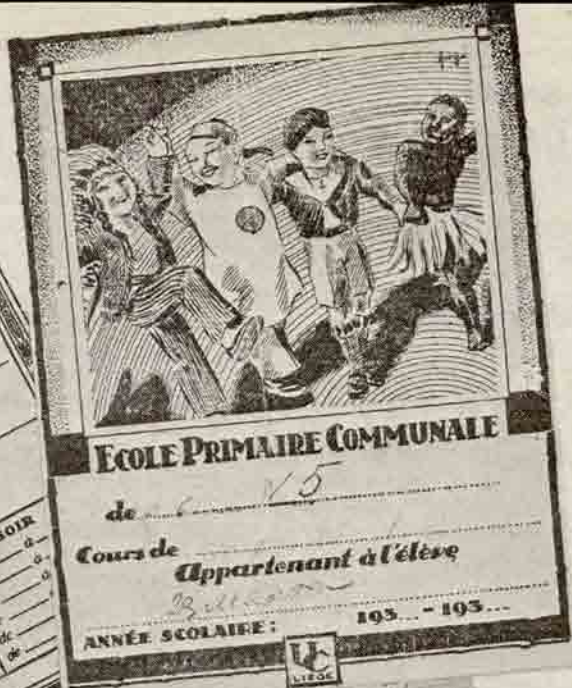
Etude _____
 Section _____

RS

suivi par _____

heures des Cours

MATIN		SOIR	
de _____	à _____	de _____	à _____
de _____	à _____	de _____	à _____
de _____	à _____	de _____	à _____
de _____	à _____	de _____	à _____
de _____	à _____	de _____	à _____



дом огромный буквенный лес и подошла именно к тому дереву, на котором были вырезаны инициалы ее мужа? Подошла — и потеряла сознание...

Тремя днями позже две русские женщины уговаривали проводников советского вагона взять необычный груз: часть ствола дерева. Людмила Павловна приехала из Волгограда, Евгения Ефремовна Яковлева живет в Льеже. (Женя Яковлева в годы войны была насильно вывезена в Германию и вышла замуж за военнопленного бельгийца, с которым работала на немецком заводе.)

«Поймите, — умоляла Людмила Павловна, — в Волгограде живет мой сын, который никогда не видел отца. Я везу эту память об отце сыну и таким, как он, молодым людям. Пусть знают и помнят...»

«Не положено», — категорически отвечал проводник, но, сраженный беспорным аргументом — бутылкой, сдался.

Сейчас этот экспонат хранится в музее Волгограда, а в лесу под Льежем стоит памятник, на котором значатся инициалы «Е. Д.» и надпись: «Стойкости бельгийцев, русских партизан, американских солдат, сражавшихся за свободу».

Прах Евгения покоится в центре кладбища города Комбле-О-Пон. Рядом с ним Анатолий Степанов — летчик из Ленинграда. На их могилах — памятники, установленные благодаря хлопотам Людмилы Павловны и Евгении Ефремовны. Как только выпадает возможность, Людмила Павловна приезжает сюда. В остальное время за могилами

Из дневника бельгийского партизана

ЕВГЕНИЙ ДОЦЕНКО

Советских воинов, взятых в плен в районе Тернополя и Львова, немцы сгоняли в город Бережаны, на сборный пункт.

Едва добрались мы туда, как начался дождь. Сначала легкий, принесший даже облегчение, успокоивший нервы и воспаленно клубящиеся мысли в мозгу. Но поднялся ветер, и с каждым порывом дождь усиливался. Его пото-

ки, как в воронку, устремлялись в громадный пролом в крыше здания. Пленных было несколько тысяч. Голодные, обессилевшие, насквозь промокшие люди, в гимнастерках без ремней, многие босиком, жались друг к другу. Те, кто совсем ослаб, не могли подняться с выложенного каменными плитками пола, залитого водой.

Четыре дня провели мы в этом кошмаре, в котором можно было отупить сначала от холода и дождя, потом от жары и зловонных испарений. Плюс ко всему — чувство голода. От него не избавиться, не забыться...

На пятый день, рано утром, когда еще солнце не встало, пленных выстроили в колонну по пять человек. Первый десяток километров прошли, несмотря на голод и физическую слабость, относительно легко: народ в колонне подобрался по-солдатски быва-

присматривает Евгения Ефремовна. С 74-го года они стали ее заботой, частью ее жизни. О том, как воевал Евгений, рассказали позже его друзья.

В начале сорок четвертого года в Льеже и по всей округе появились листовки с его фотографией: «Тот, кто укажет, где скрывается Доценко, получит премию в пятьсот тысяч франков». Через неделю немцы предлагали уже миллион. По тем временам — огромная сумма. Но предателя среди тех, с кем сражался Евгений, не оказалось. 1 апреля он был смертельно ранен. Фашисты, привязав его, умирающего, к лодке, утащили по реке в льежскую цитадель. (Оттуда партизаны живыми не выходили.)

Сегодня на месте цитадели кладбище. С сотнями крестов. На них фамилии. В том числе и русские. На некоторых крестах только имена. И тоже русские. А еще есть кресты с лаконичной табличкой: «Анконю» — «Неизвестный». Кто они — ребята, зачастую еще мальчишками заброшенные войной в Бельгию и погибшие там? Мы мало знаем об этом. Но нет-нет да прорывается сквозь годы какая-то подробность, что со временем становится исторической памятью. Так произошло и с дневниками Евгения Доценко, а точнее, с его записями в старых довоенных бельгийских тетрадах...

лый, привычный к походам и марш-броскам. Если не считать, конечно, нескольких новобранцев-галичан, призванных в Красную Армию перед самой войной. Грустно это осознавать, но колонна военнопленных стала для них чем-то вроде курса молодого бойца.

Уже солнце стояло в зените, палило нещадно, а нас все вели и вели. И чем дальше, тем труднее становилось преодолевать даже незначительный подъем. Все чаще и чаще затуманенное голодом и жаждой сознание стало проваливаться, растворяться в гулком топоте многих тысяч ног...

Еще до войны я как-то поймал себя на мысли, что в пешем строю у опытного солдата всегда включается какое-то особое чувство. Не знаю, как его поточнее назвать, но суть в том, что не слухом, не взглядом, а вот именно спиной ощущаешь, если следующий за тобой отстал. А тут, в этом марше пленных, чувство это удесятерится. И боязно оглянуться назад, чтобы убедиться в своих ощущениях. Потому что никому не сможешь помочь, ничего не изменишь... Отстающих все больше и больше. Слышно, как вместе с окриками глухо бьют по спинам приклады немецких автоматов. Проходит еще какое-то время — и с хвоста колонны доносится короткая очередь. Потом еще...

Наконец колонну останавливают на привал. Естественно предположить, что будет и какая-нибудь кормежка. Но не тут-то было. Пленным приказывают сесть, и все мы сразу же валимся на землю... По колонне разносится слух, что ведут нас к Львову. А там погрузят в эшелон и отправят в Германию.

Так и вышло в действительности...

Когда-то я читал про немецкий концлагерь, теперь на собственной шкуре придется испытать, что это такое — в его, так сказать, карантинном варианте. Объявили, что будут держать здесь три месяца, после чего распределят по трудовым лагерям. (Хорошо звучит, а надо понимать так: если в течение трех месяцев тебя не подстрелят как собаку и ты не умрешь от болезни или истощения, то попадешь на каторгу...)

Концлагерь — большое голое пространство, без деревьев или кустиков, обнесенное высоким забором из трех рядов колючей проволоки. По углам — вышки с пулеметами. С внешней стороны по периметру огражденного пространства ходят часовые.

Барак построены из фанеры, обитой толем, и похожи на громадные черные гробы. По сути дела они ими и являются, с тем лишь отличием, что в каждый помещено по триста полуживых людей. Это тот лагерный материал, наличие которого ежедневно проверяется в семь часов вечера.

Процедура эта сродни пытке. За два часа до переключки пленных строят возле бараков. Дежурные офицеры выкрикивают, а переводчики на ломаном русском языке повторяют одно и то же: «Мы из вас вытряхнем большевистскую заразу!» Молча стоим в строю долгих два часа. В гимнастерках, без головных уборов. Независимо от погоды.

Вначале на поверку больных не выводили. Но поменялся начальник лагеря, а с ним и порядки — стали выводить даже тех, кто уже и ходить не может. Их конвоиры вытаскивают, волоча, из бараков и оставляют на земле, заставляя подняться и встать в строй. Тут и начинается жуткая, жестокая картина. Пленник корчится на земле, а его пинают, бьют палками.

ЛЮДМИЛА И ЕВГЕНИЙ ДОЦЕНКО (1943 г.)



Несколько человек были забиты так насмерть...

Особенно лютовал «сержант-собака». Он любил «развлекаться» во время кормежки пленных. Когда наступало время обеда, нас выстраивали возле барака. Строй окружали конвойные, строго следившие за тем, чтобы кому-нибудь не перепало лишку из бака с баландой. Но после раздачи в бачке все равно оставалось несколько черпаков жидкой похлебки. Кому она достанется? Комендант медленно обходит строй, произвольно выбирая нескольких «достоинных»... Бак сдвигается чуть в сторону. По жесту коменданта к нему устремляются «счастливицы», а за ними, не выдержав психологической пытки, и многие из стоящих в строю. Начинаются свара, драка. Тут-то «сержант-собака» и спускает с поводка своего клыкастого пса...

Однажды немцы (развлекаясь!) устроили ночную охоту на пленных.

Дело было так... Полночь. Барак спит. Просыпаюсь от одиночного выстрела. Чувствую, что проснулся и сосед по нарам. Тоже лежит, вслушивается, боясь пошевелиться. Проходит какое-то время, и одна за другой раздаются автоматные очереди, потом еще и еще с разных сторон. Весь барак уже всполошился. Из другой его половины ко мне пробрался мой товарищ Николай Желтухин. Шепчет:

— Женя, я ранен...

— Куда? Как?

— Кажется, в лоб, — отвечает Николай и, взяв мою руку, наклоняет к ней голову.

Действительно, чувствую, как у него со лба сочится горячая и липкая кровь.

Тут доносятся стоны с той стороны, где расположены нары Гриши Лизогубенко. Окликаю его.

Оказывается, ранен его сосед.

Помогая Желтухину какой-то тряпкой забинтовать голову, спрашиваю его: «А что с Дьяченко?» — ведь их нары расположены по соседству у окна... Подползаю и слышу затихающий хрип. Нащупываю под одеялом руку, пульса нет. Дьяченко уже мертв.

Наутро, когда пленных построили возле барачков и все начальство лагеря, оживленно переговариваясь, проводило обход помещений, выявилась полная картина ночной стрельбы по барачкам наугад: 19 убитых и 27 раненых.

Вот и трудовой лагерь в городе Мюльгайм на Рейне (это в промышленном Рурском районе).

Высокий забор из листового железа, поверху колючая проволока. Внешние отличия от концлагеря сводятся к тому, что бараки сделаны капитальнее, меньше часовых, да и вся система охраны, чувствуется по всему, слабее. Это вселяет надежду — побег возможен. Только надо все как следует изучить, высмотреть, подготовиться и ждать подходящего момента.

Порядки же здесь мало чем отличаются от тех, что были в концлагере. Такие же проверки, когда и больных заставляють становиться в строй. Издевательства со стороны охранников. Скучная пища. Холод в помещении. И при этом ежедневно каторжный труд. В основном на строительстве шоссе и новой дороги, но иногда возят и на другие работы. Например, разбирать развалины, убирать улицы после налетов английских бомбардировщиков...

После двухмесячного пребывания в трудовом лагере Грише Лизогубенко улыбнулось маленькое счастье. Немцы, узнав, что он хорошо рисует портреты, стали давать заказы. Его зачислили в штат поваров и освободили от работы

на постройке дороги, а позже отвели ему маленькую комнатку, которая превратилась в художественную мастерскую. Вечером, вернувшись с работы, я часто захожу к нему, рассказываю новости.

Как сейчас помню: 10 июня, воскресенье, на дворе тепло, в огороде зелень. Я зашел по обыкновению к Грише.

— Евгений, — обратился он ко мне, — видишь, на огородах овощи поспевают? Не пора ли нам покинуть мрачную берлогу смерти?

Эти слова заставили забиться мое сердце чаще, но я ничего не сказал и только крепко пожал Грише руку. Теперь при каждой встрече мы обсуждали план побега.

На днях англичане бомбили город. Одна бомба упала недалеко от нашего барака, разрушив часть забора... День бегства наметили на 22 июня. Исполнится ровно год, как немцы начали войну против СССР. Гриша откладывает по половине порции хлеба. Пока мы освоимся с обстановкой, придется питаться только этим.

Наконец дожили до 21 июня. На фабричном дворе мне удалось найти ножовочное полотно, которое я принес в барак. Этим полотном мы должны выпилить решетку... Гриша делает раму для нарисованной картины. Вечером я зашел к нему и стал помогать строгать, шлифовать. Старался побольше шуметь, а Гриша в это время пилит решетку. Утро 22 июня 1942 года.

Я снова в мастерской. Настроение бодрое... После ужина беремся опять за работу. Я с усердием шумлю, а Гриша пилит решетку.

Через двадцать минут решетка выпилена. Гриша надел гражданский пиджачок, который ему удалось еще днем взять на кухне, а я остаюсь в лагерной робе.

Лезу первый. Когда стал на землю, то не поверил, что нахожусь на свободе. Мне показалось, что рядом часовой, и я невольно оглянулся назад. Гриша подал мне свертки и вылез сам. Выходим на улицу. Она залита лунным светом. У забора стоят четыре немца в гражданских костюмах. Проходим мимо. Они не обратили на нас внимания, и мы продолжаем свой путь...

В полдень подошли к окраине города Дуйсбург. Дальше идти опасно. Углубившись в чащу, перекусили и затаились в ожидании темноты... Нам неизвестно, где мы сейчас находимся, далеко ли еще до границы. Очередной рассвет застал нас посреди пшеничных полей. Впереди островерхими крышами замаячила деревушка. Мы не стали искушать судьбу и залегли в хлебах. Когда припекло солнце, проснулись и услышали доносившиеся со стороны дороги голоса. Прислушались: говорят как будто не по-немецки. Мы осмелели, привстали, начали наблюдать. Двое мужчин, голых по пояс, суетились у дренажной канавы. Эх, была не была!.. Они оказались такими же, как и мы, пленными — поляком и французом, которых власти определили батраками на немецкую усадьбу.

Из разговора (а Гриша довольно прилично, еще с довоенной поры, знает немецкий) выяснилось, что находимся мы километрах в пятидесяти от Бельгии. Чуть севернее — граница с Голландией. Ну что ж, Бельгия так Бельгия, решили идти туда.

Но пройти-то эти километры еще надо суметь. Во-первых, не напороться на какой-нибудь патруль (никаких документов у нас нет и в помине), да и вообще на немцев — каждый из них может заподозрить что-то неладное. Во-вторых, надо выбраться отсюда как



ГРИГОРИИ ЛИЗОГУБЕНКО (Антинес, 1943 г.).



*Товарищи по оружию
(первый справа Е. ДОЦЕНКО, 1943 г.).*

можно раньше. Лесов в этом краю мало, светлое время переживаем в пшенице и ржи — начнется жатва, и мы станем, как перепелочки, которым негде спрятаться...

Несколько дней живем в лесу, не зная, в какую сторону податься.

...Мы вышли к каналу, но едва перешли мост, как сзади раздались выстрелы. Юркнув в глубь ельника, мы побежали, а выстрелы все громче, пули срезали ветки над нашими головами.

Так мы стали лесными жителями. Вырыли землянку, расставили силки — авось попадетсЯ какая-нибудь живность. Нашли поляну, где росли дикий лук и малина.

Как-то раз увидели двух мужчин, собиравших у опушки хворост и сухостой. Оба они были в беретах. (Мы сразу обратили на это внимание: такие головные уборы немцы не носят.) Подошли к ним. Завязался разговор.

— А где вы бежали из плена? В Германии? Или здесь?

Оказывается, после пересечения канала мы зашли в Голландию, а потом, уходя от обстрела, пересекли бельгийскую границу...

Итак, мы в Бельгии. И беседуем с людьми, которые ненавидят оккупантов. Мы помогли бельгийцам собирать хворост. Вечером они, как и обещали, снова появились, приехав на велосипедах, причем один из них — школьный учитель — прихватил с собой маленького сынишку. Кроме соли и спичек, привезли бутерброды, яблоки, кофе в большой бутылке. Мальчик передал кулек сахара. Нечего и говорить, что встреча не только растрогала нас, но и придавала сил, уверенности. Условились, что в воскресенье, в полдень, они привезут нам подходящую теплую одежду и помогут переправиться к их друзьям в Льеж.

Когда стемнело, сели ужинать. Впервые более чем за год ели настоящий хлеб. То, что выдавали немцы в лагерях, на хлеб не походило даже внешне. А в течение послелагерных скитаний мы с Гришей вообще никакого хлеба не пробовали...

Еще немало дней провели мы в этом лесу, пока учитель не свел нас с «охотником», своим другом. Этот невысокий крепкий человек, узнав, что бежавшие из лагеря — советские офицеры, долго тряс нам руки, говорил, что с самого начала войны не сомневается в нашей победе над Гитлером. Осмотрев землянку, он заметил, что впервые встречает беглецов из германского плена, которые, как он выразился, не забились в нору, как лисицы, а обустроились с хозяйской основательностью. Землянку, сказал он, ломать не будем, пусть она теперь служит сборным пунктом. Покидая ее, мы оставили записку с приветом к тем, кому удастся убежать от немцев и набрести сюда, немного соли и спичек.

После довольно долгого пути «охотник», тепло попрощавшись, передал нас новому проводнику. Тот вывел нас к поселку. Зашли в большой двухэтажный дом, где собралось несколько мужчин. Хозяйка сварила кофе. Откуда-то принесли небольшой радиоприемник. Хозяин дома покрутил ручку настройки, и — о чудо! — мы слышали Москву...

Утром, еще затемно, наш путь продолжился. От дома к дому, где менялись спутники и проводящие. Ехали автобусом и небольшим узкоколейным поездом; приходилось пользоваться условными знаками общения, правилами предосторожности, в которые нас посвятили опекуны... Останавливались во многих домах, встречая

там самых разных людей — интеллигентов и рабочих, фермеров и государственных чиновников. И каждый проявлял к нам большой интерес и соучастие, искренне желая помочь двум советским людям.

И вот, наконец, Льеж...

Нам подыскали квартиру на окраине города.

Живем теперь среди шахтеров. Среди самого настоящего пролетариата. М. однажды так и сказал:

— Мы хотим, чтобы вы были с нами и передали нам опыт работы в СССР...

На шахтах работают и русские пленные. Мы поинтересовались, можно ли передать им записку. Оказалось, можно. Мы написали:

«Товарищи! Нам хорошо известна жизнь в немецко-фашистском плену. Голод, побои — вечные спутники пленника. Вас заставляют страдать, убивают. Но с не меньшей силой пленника мучает неизвестность, что делается на Родине и фронте.

В газете «Клич» и «Новая жизнь» немцы хвастаются доблестью немецкой армии и ее непобедимостью и предвещают скорое поражение Красной Армии. Не верьте, братья! Мы расскажем вам правду. 19 ноября 1942 года на Сталинградском фронте Красная Армия, героически защищая город, перешла в наступление, и с того дня для немцев нет уже красных дней. В районе Сталинграда полностью уничтожена 6-я армия, немцы две недели даже носили траур. На Кавказском фронте немцев также громит Красная Армия, и теперь уже немцы находятся только в Новороссийске. На Воронежском фронте немцы бегут под натиском Красной Армии. Теперь вы видите, что миф о непобедимости немецкой армии рассеян. Если будет возможность написать, ответьте».

Скоро мы получили ответ. Военнопленные благодарили нас за сообщение с фронта и просили почаще их информировать.

После недавних диверсионных акций в городе и окрестностях рыщет гестапо и жандармерия. Задерживают всех подозреваемых.

Мы не покидаем нашу деревенскую базу — двухэтажный дом с высоким чердаком, из окошка которого просматривается вся округа. К нам добавились П. и Т., которым также пришлось уехать из города. Правда, Гриша должен переехать в другое село — таков приказ. Его передали вместе с известием, что всей группе объявлена боевая тревога: надо подготовиться к операции по захвату «темпов» — продовольственных талонов, кои вскоре должны развозить по полицейским управлениям... Коротая время, пишем плакаты и лозунги — не за горами 1 Мая, и надо достойно «украсить» город.

Недавно к нам из Льежа приехали Мадам и Месье. Рассказывали, что несколько дней прятали у себя на квартире четверых русских, теперь переправили их в лес. Один из четверых болен. Мадам и Месье носят еду и лекарства. Договорились, что через два дня они нас сведут с этой четверкой.

И вот отправляемся к месту встречи. Миновав две деревни, которые связаны с Льежем трамваем, углубляемся в лес, где я должен встретиться с одним из беглецов. Пароль — насвистывания советских мелодий. Делаю вид, что прогуливаюсь. И вот навстречу идет мужчина в макинтоше и шляпе, которого я нюхом, что ли, распознал, — наш, русский. Пропустил его мимо себя и начинаю свистывать, как велела Мадам. Ответа почему-то нет. Оборачиваюсь. Смотрю, он глядит в мою

сторону, губы вытягивает, а свиста не получается. Подхожу к нему, заговариваю по-русски. От радости он только и смог, что выругаться чисто по-русски...

Тем же вечером я этих четверых представил Ж. И они влились в наш отряд.

Гриша, ходивший на связь с «команданте», передал, что русской группе надо временно «уйти в тень» — после последних диверсионных актов гестапо активизировалось: на подмогу переброшены силы из Германии.

Не прошла бесследно и попытка гитлеровцев подсадить нам своего агента — молодую женщину, которая в одном доме выдавала себя за жену какого-то родственника хозяина. В конце концов мы ее «вычислили», но это стоило нам ночной схватки с отрядом немцев, прибывших на машине. Их мы встретили, как полагается, но и у нас есть раненые.

Из города и прилегающих сел перебазировемся в лес. Туда уже переправлено довольно много оружия и боеприпасов. Хуже с продовольствием. Придется каждый день снаряжать посыльных в населенные пункты. Привлекать к этим целям местных жителей опасно — по их следу могут выйти на нас немецкие агенты...

Условились, что французы, оставшиеся квартировать в селе, будут добывать продукты, а мы по вечерам забираем их.

Несколько дней все шло нормально. Но в один из вечеров, когда я с Ф. уже уходил от «папы П.», вдруг от ворот дома, где живет Х. и где в это время должен находиться Гриша, раздался взрыв гранаты, и сразу же застрочил пулемет. Потом другой, третий. И главное — с разных сторон. Тут уж сомнений быть не может: облава! Мы метнулись к дому,

а к нему подъезжают две машины с немецкими солдатами. Те берут дом в кольцо. Из окон — редкие винтовочные и пистолетные выстрелы. Но, чувствуется, прицельные, не наобум в темноту. Кто-то швырнул оттуда по немцам гранату...

Мы с Ф. оказались в трудном положении. За плечами рюкзаки с едой: как прорваться на помощь товарищам? Да и что наши пистолеты против пулеметов и автоматов?

...Приносим в лесной лагерь горестную весть: вряд ли боевым друзьям нашим удастся выбраться оттуда живыми и невредимыми.

Но, о чудо! — которое бывает раз в жизни. Трое, которых осаждал немецкий отряд, наутро пришли в лес. Лишь Т. ранен в плечо.

Выручила смекалка. Когда патроны были на исходе, Гриша, Т. и К. имитировали прорыв через хозяйственную пристройку, выбив окна и дверь. А сами затаились на чердаке... Немцы обшарили всю усадьбу, а в узкий пыльный закуток заглянуть не догадались. Считая, видимо, что оборону вели не три человека, а гораздо больше. (В один из последующих дней я побывал в этом доме. Стены испещрены выбоинами от пуль. На одной из стен была среди надписей и такая: «Евгений, отомсти за меня!»)

С. Ф. пришел на заседание комитета партизанской группы, чтобы подвести итоги действий, обсудить план по осуществлению намеченных акций, а среди них такая трудная, как вывод из строя завода, делающего продукцию для немецкой армии.

Под конец, когда стали уже расхаживать, неожиданно на велосипеде приехал Гриша. С тех пор,



ЛЮДМИЛА ПАВЛОНА
с сыном ОЛЕГОМ (1962 г.).



как оба мы «пошли на повышение», видется приходится нечасто.

А встретимся, разговор обязательно сведется к воспоминаниям о Родине. Недавно исполнилось два года, как военная машина Гитлера врзалась в нашу русскую землю. Врзалась и застряла — это становится очевиднее с каждым днем. Сводки, которые передает Москва, подтверждаются поведением немцев здесь. Они лютуют, но все больше их сил отвлекается на восток...

Прошел год, как нам удалось бежать из немецкого лагеря. Мы уже не те бродяги-заморыши, которыми были в скитаниях по Германии. Теперь живем в тесном общении с людьми, объединенными одной целью — разгромить фашизм, чтоб он не поганил землю — ни здесь, ни на нашей далекой Родине. Иногда мучает мысль, что нам легче, чем другим советским воинам и партизанам...

В перерывах между операциями мы живем в неплохих бытовых условиях, пьем кофе, даже вечеринки устраиваются. Гриша купил фотоаппарат и выглядит заправским туристом, запечатлевающим красочные виды и достопримечательности. Людей снимает меньше — мало ли в какие руки могут попасть пленки или фотографии.

Недавно Ж. сказал, что может появиться возможность переправить нас в Англию, откуда можно попасть на Родину. Путь в Англию тоже неблизкий — через несколько стран в Португалию, а оттуда — пароходом или самолетом.

Наша судьба так уж сложилась, что сражаться с врагом, бить его приходится не на родной русской земле, а здесь, в далекой Бельгии. Но мы ясно понимаем: где бы мы ни били фашистов, мы сражаемся за счастье и свободу.

А когда откроется второй

фронт, будем бить немчуру в солдатском строю рядом с союзниками. Если же суждено погибнуть здесь, то и тогда пусть все знают, что мы погибли в боях за Родину!..

**Материал подготовил
к публикации В. МАЙОРОВ**

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Знаю, что пишу не по адресу, не на злобу дня. Но «Смена» — мой любимый и единственный журнал, который я выписываю периодически. Так что имею полное право обращаться к вам, хотя уверена, что мой вопль о помощи останется незамеченным, канет в пустоту: слишком много нас таких развелось — одиноких, беспомощных, замкнувшихся в своей скорлупе.

В моей душе — полнейший разлад. Я инвалид 3-й группы по слуху. Мне тридцать четыре года. Замкнута так, что многие думают: чокнутая. А мне просто невыносимо тяжело общаться с людьми из-за моей неполноценности. От контактов сознательно увиливаю. Живу в районном центре и работаю в учреждении культуры. Все время на виду, так что многие меня знают... Человек я абсолютно беспомощный, опереться в трудную минуту не на кого. Живу в большой семье, но, увы, не дружной. Родители — пенсионеры, люди больные и тоже беспомощные. А дорогой братец вместе с супругой ждут не дождутся, когда я освобожу жилплощадь, так нужную им. Но идти мне некуда. К тому же

я воспитываю сына-второклассника. Каждодневные скандалы из-за детей приводят меня в отчаяние (у них тоже растет сын детсадовского возраста). Чем я перед ними провинилась, не знаю, но жить в такой обстановке очень трудно. Спасают меня только любимая работа, любимый сын. Нервы уже никуда не годны. У меня и слух-то полгода назад пропал, может, из-за такой «семейной» жизни. Я лечилась, но безрезультатно. С тем и смирилась, но все же часто думаю: неужели так будет всегда? Ведь хочется чувствовать себя свободной, независимой... да и женщиной тоже. Ничего у судьбы не прошу. А если честно и коротко, хотелось бы найти друга по переписке. Вот видите, как трудно мне было это сразу написать. А почему? Да потому что любая просьба для таких, как я, унижительна. Буквально все, даже дружбу, приходится выпрашивать. Но иначе нам просто не выжить. Извините меня за такое «жалостливое» письмо. Теперь у меня будет теплиться надежда: а вдруг вы мне поможет?

Люба Б.,
г. Тейково Ивановской области



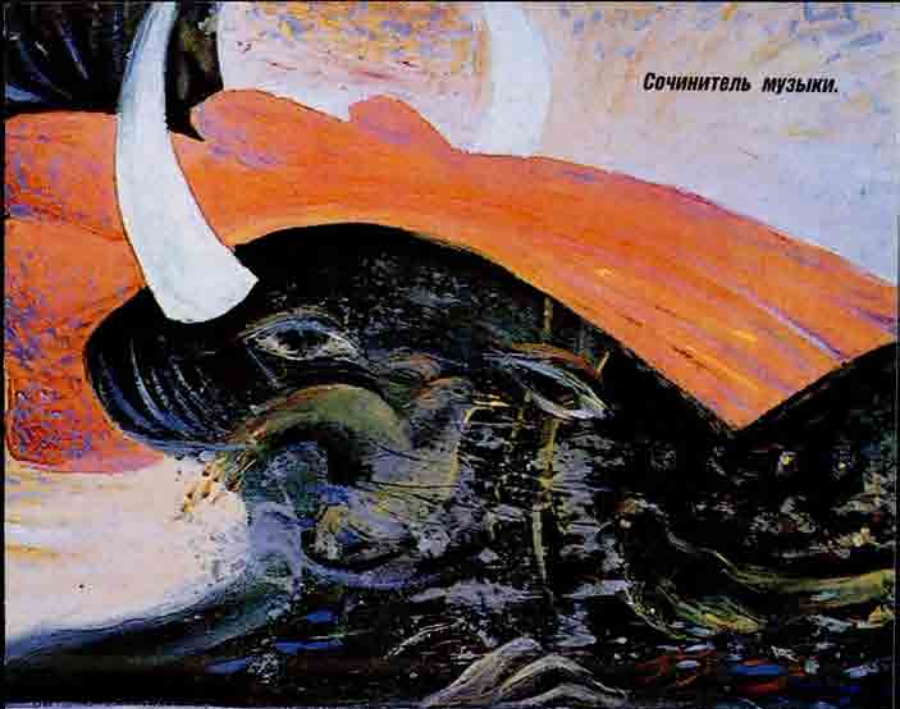
Татьяна ЕРОШКИНА

Мир каждого таланта несет в себе прежде всего загадку души самого автора. Мир души Татьяны Ерошкиной отразился в ее взволнованно-удивленном отношении к красоте. Ее полотна подкупают свежестью художественного мышления, нетерпением поиска, стремлением к живому, открытому разговору со зрителем. И еще в них присутствуют обаяние молодости, искреннее и цельное восприятие мира.

Первая персональная выставка Татьяны Ерошкиной состоялась три года назад в Киеве. Художница заявила о себе интересными работами, нетрадиционным подходом к раскрытию образов и тем.

Тонко построенный сюжетный драматизм переходит в обобщенную аллегорию, а сама пластика изображения и цветовые сочетания наполнены особым психологическим смыслом.

— Я считаю, что не только



Сочинитель музыки.



Молчаливый серафим.



Самолетик.



Воспоминание.



Фигурин 1988.

Зимняя вишня.



Ваза.

жизнь художника влияет на его произведения, но и жизнь картины влияет на художника, — говорит Татьяна Ерошкина. — *Моя живопись — попытка понять окружающий мир, разглядеть тайны природы. Художник не столько выражает себя творчеством, сколько познает, познавая при этом мир. Живопись, по существу, особый род мышления. Почему маленькие дети рисуют? Просто они так размышляют, приближая мир к себе с помощью рисунков. На мой взгляд, живопись — это канал в подсознание, в мир, который нами практически не изучен. В дальнейшем у большинства людей этот канал засоряется стереотипами. И они перестают им пользоваться. Уверена, что изобразительный язык прекрасно совершенствует психологическую структуру и интуицию, и каждому из нас природа подарила его не зря... Вспомним, что многие поэты и музыканты были пророками. Вероятно, там, где присутствует ритм, возникает особое взаимодействие с вибрациями космоса. Вот почему я стремлюсь различными изобразительными средствами добиться в своих картинах ритма.*

На фоне многообразия современной авангардной живописи Татьяна Ерошкина, сохраняя самобытность, оберегает свой стиль, свой особый подход к раскрытию художественной идеи. Ее работы недостаточно просто разглядывать, в них надо вживаться, улавливая значение каждого мазка, каждого цветового оттенка. Только тогда картина одарит чудом озарения, и из неясных на первый взгляд хаотических структур начнут возникать образы. «Портрет Феофана Грека», «Набат», «Древнее заклатье», «Кукушка». Взаимосвязь человека с природой и космосом, страдание и счастье «звучат» в произведениях Татьяны.

Загадки мироздания, генетическая память поколений, знаки древних цивилизаций волнуют художницу, возникая в ее картинах как таинственные мифы («Сочинитель музыки», «Древнее заклатье», «Мне иногда хочется куда-то домой»). В них — особое композиционное решение, щедрость творческой фантазии, богатая партитура пластических находок.

Но какие бы темы ни затрагивались художницей, ее душа постоянно возвращается к Мечте и Надежде.

НИНА ПЕТРУСЕВА

КОНКУРС

ВЛАДИМИР МЕНЬШИКОВ
ВЛАДИМИР ЖИЛИН
АЛЕКСАНДР БУБНОВ
ВИКТОР ШИЛО
ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

МАРИНА БОЙКОВА
СЕРГЕЙ КАСЬЯНОВ
АНАТОЛИЙ СТЕФАНОВ



162

ВЛАДИМИР МЕНЬШИКОВ,
37 лет,
работник видеосалона,
Волхов

**ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ
КРЕСТ**

*На камне перед лужею сидел.
Она крестом по форме оказалась.
Тот крест
Под синевой легко синел,
В нем утреннее небо отражалось.*

*Не надо поднимать глаза к мечте
И двигать возбужденно головою.
Сиди себе.
Увидишь все в кресте,
Лежащем на земле перед тобою.*

*Неспешно сигарету закури,
Откашляйся, поставь,
Как хочешь, ногу
И на зеркальный длинный крест смотри,
Склоняясь как бы
К небесам и к Богу...*

ВЛАДИМИР ЖИЛИН,

35 лет,
журналист,
Краснодар

И пока
бык тянулся к яблоку,
масть быка
переменило облако,
омрачив
холку, и спину белую,
и бока,
яблоню оробелую,
белый налив.
Мальчик неприспособленный такой
перепугался облака над рекой
и моментально в удочках
целиком,
как в сетях, запутался
со щенком.
Горы, вмиг ослепленные
дочерна,
всей реки развеселые
рукава,
белого ясного
быка,
лесками повязанного
рыбака,
буйную, виноватую
на плаву,
щенка того головастого
голову —
молния запомнила
на века.

АЛЕКСАНДР БУБНОВ,

31 год,
руководитель детской фотостудии,
Курск

СЕРЫЙ СОН

Мы жили размеренно, ровно,
Но видели часто в углу
Какой-то неопределенный
Комочек на сером полу.

Хотя не хватало нам света,
Мы все ж рассмотрели с трудом
И все удивились: ведь это
Мышь с прижатым хвостом.

Себя она не выдавала,
Но стал неуютен наш кров,
И больше в нем сумрака стало,
Мы ночью не видели снов...

И частая мысль на рассвете:
Спасите, спасите наш дом,
Придите, поймайте, убейте
Мышь с прижатым хвостом!

И кто-то входил энергично,
И шарил, и шарил впотьмах,
И кто-то командовал зычно,
Но миг нас охватывал страх.

«А может быть, все обойдется?
А может, придете потом? —
И так тяжело достается
Мышь с прижатым хвостом...»

И это «потом» наступило,
И грянуло эхом молвы,
И окна, и двери разбило,
Но все уже были мертвы.

И только тихонько сидела,
И в лапках держала свой дом,
И в серые стены смотрела
Мышь с прижатым хвостом.

ВИКТОР ШИЛО,

28 лет,
аспирант НИИ,
Кировоград

Казацкий род из племени изгоев —
Герои битв с татарами и шляхтой —
Как будто кровь расплескивает горе,
Против мятежный дух. Когда-то в шахте

Отец работал бригадиром смены.
Теперь он ходит с ампулой под мышкой.
И мать — портвейном промывает вены
От пыли. Дочь играет в кошки-мышки

С трехлетним братом. Ей уже пятнадцать,
Но все никак не выговорит «мама».
А мама с папой норовит подражаться:
«Дай мне, дурак! Тебе ж нельзя ни грамма...»

МАРИНА БОЙКОВА,

28 лет,
историк,
Нижний Новгород

Как это бывает и просто и странно:
До теплого бреда в усталом мозгу
Смотреть в никуда, что зовется
пространством,
И — растворяться в циклопьем глазу.
А он тяжелеет, застывший в натуге,
Он больше не связан, он сам по себе —
Отброшены вожжи, ослабли подпруги —
Глаз темен и влажен, как парк в ноябре.
И мозг не сплавляет по замершим водам
Своих полумыслей прямые стволы.
Он бредит безвольно гудком парохотным,
Пасхальным теплом, болтовней детворы...
Нам Богом прощаются эти заминки?
В счет века идет ли их малый запас?
Но разум смыкается с глазом — слезинкой,
И вечность втекает в податливый час.

СЕРГЕЙ КАСЬЯНОВ,

33 года,
инженер,
Николаев

БЕРЕГ

На людном, изнуренном рубеже,
Где рваный гул и сохнет в почках завязь,
Я так к тебе бескрыло прикасаюсь,
Что знаю: мир закончился уже,
И мне не выдохнуть своих сердец —
Под языком толются в укоризне,
Но я — в Непокидаемой отчизне,
Где твой отлет, где вольно мне сидеть
В заплеванной разлуке, гомонящей
Про желтый край, где был наоборот.
И миг озноба так скривит нам рот,
Что зрячий мир восстанет — голый, зрячий.
— Спасибо, милый (Знаю наперед!..),
Что умерло — (Молчи!)
Невосполнимо...
Но в рыжей пене Иерусалима,
В изъеденной печальями Стене
Пусть растворятся мокрые ладони —
А я сжимал их в мороке погони
Затем, что ты забудешь обо мне.

*И лишь одно запомнишь обо мне:
Что, уподобясь меркнувшей стране,
И в малой доле я непокидаем —*

*Здесь, между раем и надрывным лаем,
Стоят надежды черные в окне,
Легат одежды полые во мгле,
И шум растет не в ванне — в Иордане...
И уголь твой плывет над городами,
И так поет, что больно на земле.*

АНАТОЛИЙ СТЕФАНОВ,

**38 лет,
экономист,
Москва**

*Затуманила жизнь
Мне мечты синеву.
Кто мне друг,
Кто мне враг,
Я никак не пойму.*

*Я мечусь, как буран,
Я, как загнанный зверь,
Без души, без семьи
И без крова теперь.*

*Я от страха схожу
Поневоле с ума,
Не хочу забытья, и не надо вина.*

*Не пойму, что со мной
Происходит сейчас.
Обо мне говорят,
Что пришел смертный час.*

*Зачеркнули мне все,
Не согреть, не обнять.
Лишь в ночной тишине
Вижу старую мать.*

*На чужбине один,
От России вдали.
Мой Георгиевский крест
Затерялся в пыли.*

*Моя кровь перемешана с русской землей.
Моя совесть чиста пред отчизной родной.
Сердце с болью мое наполняет тоска,
Проклинаю весь мир на года, на века.*

МАРГАРИТА
ПУШКИНА

Группа Кельтежской крови

Если туманным вечером посмотреть на Киевский вокзал с противоположного берега Москвы-реки, можно представить, что находишься в Лондоне. Серая башня, схваченная за макушку конденсированными сумерками, похожие на светящиеся желтые кошачьи глаза часы. Чем не Биг-Бен? Мысленно надстраиваешь замызганные родные автобусы до двухэтажных, меняешь говор приезжих теток на нижеоксфордский. В довершение процесса превращения осуществляешь культурную диверсию, переместившись в кооперативный дом Союза художников на Брестской улице. Выставляешь на балкон колонки стереосистемы «Эстония» и глушишь зазевавшихся цыган «горяченьким роком только из Лондона». Хиппаки, бредущие сами-не-знают-куда-за-тем-за-чем-только-одни-волосатики-и-ходят, лучезарно улыбаются, заглядываясь на содрогаящийся от мощных звуков блочный ярус, и тянут два пальца вверх. Именно так, радуясь отъезду предков на «летние квартиры», мы обрушили на привокзальную площадь в июне 1969 года первую порцию гремучей смеси под названием «Лэд Цеппелин». Фраза «You Shook Me» тогда еще не очень знакомого нам Роберта Планта претерпела некоторое изменение и превратилась в написанную русскими буквами «Зей шук аз» — «Они потрясли нас». Вибрация от потрясения продолжалась целых 11 лет.

Они явились миру в сумасшедшее и прекрасное время: бунтарский дух носился по всей Европе в сопровождении громоподобного рока, заглядывал за океан и щекотал нервы обывателей студенческими бунтами и посланиями хиппи... В наэлектризованном ожиданием новых баррикад и столкновений воздухе возникали фигуры то «Битлз» с их звездным «Сержантом», то Эрика Клэптона, то Хендрикса, то Морисона, то Джэффа Бэка, то, наконец, Джимми Пейджа.

Он был одним из самых известных сессионных гитаристов в Англии, обожал рок-н-ролл и, по его же собственным словам, «поверхностно увлекался блюзом»... Самым ярким из подвиггов Джимми на записи можно считать исполнение гитарной партии в знаменитой версии Джо Кокера битловской «With a Little Help From My Friends».

В творческой биографии разностороннего гитариста есть пункт об участии в записи сингла «The Last Mile» певицы группы «Velvet Underground» Нико в качестве... продюсера, аранжировщика и соавтора.

Судьба никогда не отпускала Пейджа далеко от гитариста Джэффа Бэка, с которым он дружил с детства. Джэфф дважды приглашал Джимми в свою уже популярную тогда группу «The Yardbirds», и тот в конце концов поддается уговорам. Сначала Джимми замещает подавшегося в продюсеры басиста, затем по-

дменяет заболевшего Бэка, а потом устраивает невиданный по дерзости эксперимент, играя со своим старым приятелем соло в две гитары. Но на первых же гастролях в США группа оказывается на грани развала: Пейдж буквально воет от усталости, а Джэфф уезжает домой, разбив вдребезги свою любимую гитару, с одной только мыслью начать сольную карьеру.

Остальные члены «The Yardbirds» расползаются кто куда, а Пейдж встречается с одним своим знакомым по сессионной работе — с клавишником и бас-гитаристом Джоном Полем Джоунсом, с которым он как-то делился своими планами относительно создания собственной группы.

Певец Терри Рид, которого Пейдж хотел бы видеть вокалистом в новом составе, порекомендовал пригласить 18-летнего бородатого и сильно обросшего Роберта Планта, известного в достаточно широком музыкальном кругу под кличкой «Безумец блюза». Планта к тому моменту успел попробовать свои силы в хиллбилли, психоделик-роке, игре на стиральной доске в небольшом пабе, в работе бухгалтером и укладчиком асфальта и в увлечении музыкой ска, выпустил три пластинки и пел в группе «Band of Joy». Но, что особенно важно, «Безумец» прошел неплохую школу блюза у Элексиса Корнера.

Роберт, в свою очередь, привел самого громкого ударника всего Соединенного Королевства по имени Джон Генри Бонэм. Вообще-то Бонэму не очень хотелось уходить от твердого заработка у американского певца Роудза, но Планта бомбил его по телефону так, как не снилось и союзной авиации при налете на Дрезден. Сердце барабанщика дрогнуло.

Теперь уже не важно, какую песню они сыграли первой, собравшись на репетицию зимой 1968 года. Свершилось в тот день дру-





гое, самое интересное: встретились четыре человека, четыре бесспорные личности, которые не подавляли друг друга... Каждому вменялось в обязанность энергично шевелить мозгами и выдавать взрывоопасные идеи, творить, как только душа того пожелает.

Еще один кирпичик для здания будущей популярности свалился к ногам Пейджа и К° в виде менеджера Питера Гранта. Этот крутой человек уже прошел огонь, воду всех видов разлива и трубы бизнеса всех калибров. Он со знанием дела определил путь музыкантов к успеху — через США.

Они дебютировали в Скандинавии как «The New Yardbirds», потом поэкспериментировали с названиями «The Whoopee Cushion» и «The Mad Dogs». Легенда гласит, что в выборе окончательного названия не обошлось без ударника группы «The Who» Кейта Муна, который отчаянно иронизировал над идеей Джимми. Он утверждал, что группе не суждено взвиться в небо белыми лебедями, а придется шлепнуться на грешную землю стопроцентным чугуном ядром. Несмотря на насмешки, было решено стать «Цеппелином», а в сопутствующем слове «Lead» убрать букву «а», чтобы не возникало ассоциаций, во-первых, со словом «ведущий» (все равно возникла), во-вторых, с выражением «Lead weight» — тяжелая категория в боксе (до этого действительно никто не дошел). Принцип замены букв (ср. «Beetles» → «Beatles») сработал и на этот раз — появилась группа «Led Zeppelin».

Гитарные пассажи Пейджа, словно очнувшегося от летаргического сна, подслушанный у Роберта Джонсона дуэт гитары и голоса, мощные барабаны Бонэма — сына плотника, изящные, готические клавиши Джоунса — все это не могло оставить публику равнодушной. Популярность приходила к ним именно с улицы, а не в результате искусственно создавае-

мой шумихи. Отношения же с прессой были (и оставались всегда) более чем прохладными. Больше всего журналисты цеплялись к «Безумцу» — называли его «самодовольным холеным гурманом», чуть позже обвиняли в «примитивном эротизме». «Еще одна группа, которая занимается ерундой», — буркнули люди из журнала «Роллинг Стоун». Лишь критик «Мелоди Мейкер» Тони Уилсон предрек им ошеломляющую викторию за океаном.

В марте 1969 года «Цеппелины», потратив минимум времени (около 30 часов), «выстреливают» свой первый диск. Этим густком всех возможностей белых людей, помешанных на блюзе и фольке, Пейдж с друзьями обеспечили себе первую ступеньку лестницы в рай. Энергетически рывок был настолько силен, что специалисты зачислили «цеппов» в разряд играющих «прогрессивный» рок, чем вызвали негативную реакцию со стороны неугомонного Джимми. Слово «прогрессивный» ассоциировалось у него со словами «рекламная шумиха». Он его ненавидел.

«Communication Breakdown» явился гимном разрыву всех связей со старшим поколением. Было все равно, о чем на самом деле пел Плант, которого его же компания прозвала «персу» (вроде бы в честь сэра Персивала, знаменитого рыцаря). Жесткая ритмическая основа «Breakdown» четко обозначила полную эхом одиночества пропасть между взрослыми и их детьми. Мол, все, ребята, контакта с Большой землей нет, летите гордыми орлами к далеким скалам. Несколько лет спустя выяснилось, что наша любимая «You Shook Me» была пейджовской версией произведения Вилли Диксона и его уже играл друг-конкурент Джэфф Бэк. И «How Many More Years» тоже оказалась не совсем оригинальной... Но источник-то был один, и вина или, наоборот,

победа «цеппов» заключалась в придании этой музыке настоящего мужского звучания, в классном синтезе утяжеленного блюза и акустического фолк-рока.

Знающие люди отрицательно относятся к возможности белых певцов петь блюз, гордо подкрепляя свою точку зрения словами Джона Мэйзлла: «Когда мы говорим о блюзе, мы имеем в виду черный блюз. Только он является для нас настоящим»... Для пущей важности добавляется высказывание Лидбелли: «Ни один белый не спел еще блюза». Возможно, то, что делал Плант, действительно плохо соотносилось с «чистым», «экспрессивным» и «глубоким» черным блюзом. Но он все-таки вдохнул новую жизнь в старую музыку, и блюз Роберта отличался своей не похожей ни на что выразительностью. Наверное, только Плант и Джэнис Джоплин дошли до такой вершины блюзового отчаяния. 22 года спустя добраться до нее попробует Ковердейл, неожиданно запев в манере «Безумца» времен первых «цеппелиновских» альбомов.

Итак, за один год музыканты смогли сделать то, что другие пытались сделать десятилетиями. Конкуренция с другими группами их не волновала. «Цеппы», по их собственному признанию, в первую очередь развлекали сами себя. И хотя Плант вживую позволял себе не всегда точно петь, а Пейдж — не совсем точно играть, молодежь от восторга (впервые в США и впервые в истории рока) колотилась головами о сцену.

Они сумели произвести «цепповскую» революцию в музыке, не прибегая к ошеломляющим пиротехническим, звуковым или световым эффектам. Такого возбуждения от рок-действия, от мощи инструментов и всепроникающего голоса певца не вызывала ни одна группа из разряда хипкумиров. Именно «Цеппелин» овладел се-

кретом настоящего «завода» или «драйва», оставив далеко позади себя «Крим» и всех коллег, пробующих силы в подобной музыке. Срабатывал момент присутствия четырех личностей плюс ощущение недолговечности человеческого существования — надо было успеть выплеснуть накопившееся.

Бурные события происходили и вне сцены. Музыканты не стеснялись «расширять горизонты познания» в ходе ночных оргий с бросанием девиц (но совершеннолетних!) в бассейны, с морем разлитым виски и вина, с потасовками и прочими сомнительными приключениями. Один «Бонзо» Бонэм держался с достоинством, слыл добропорядочным семьянином, повода для развода супруге не давал... А если и выпивал лишнее, то пальцы, как Пейдж, не ломал. Джимми, прекрасно зная механизм раскрутки скандалов вокруг рок-звезд, называл такую жизнь «Голливудом», а по поводу легкой травмы на вопрос журналиста отвечал так: «...А-а-а, вы насчет того, что я сломал палец, якобы зверски избивая подружку или же хлопая кого-то по заднице до посинения?.. Довольно занятно, я бы сказал — очень забавная мысль!» Несмотря на такое юмористическое отношение к слухам, «цеппам» постоянно сопутствовала репутация одной из самых дебоширских групп, известной извращенностью своих музыкантов. «Смотря что понимать под извращенностью, — все-таки склонность к философствованию выдавала в Пейдже бывшего ученика художественного колледжа. — Мы всего лишь умеренные в своих аппетитах варвары».

Международное «цеппомешательство» ширилось день ото дня, и многие начали привязывать группу к понятию «тяжелый рок» (heavy). «Ей-богу, — пожимал плечами Пейдж, — я такого термина не знаю. Что имеется в виду? Нечто очень плотное, заставляющее

думать? Или же нечто очень громкое?»

Дальнейшее восхождение к рок-пику происходит под флагом фирмы «Атлантик», которая заключает с «Цеппелином» фантастический по деньгам контракт. Песня «Whole Lotta Love» со второго альбома (1969 г.) тяжелой рифовой артиллерией сметает оппозицию, окончательно завоевывает сердца поклонников.

«Когда я слушал эту песню, — вспоминает Оззи Осборн, — у меня по коже мурашки бегали...»

Купаясь в лучах славы, «цеппы» вырабатывают свою собственную политику: почти не выпускают синглов, считая, что их музыка нуждается в целостном восприятии, выступают только на открытых площадках, без разогревающих групп, работая по 3 с лишним часа.

В 1970 г. (альбом «Led Zeppelin 111») Плант в каком-то трансе спел «Immigrant Song», и под нервную, напряженную музыку, от которой и камни могли бы сдвигаться с места, за тысячи километров от «цепповского» эпицентра рисовались картины исхода цветочного народца из поруганной земли. Теперь, когда этот исход становится реальностью и все больше и больше старых друзей уезжает на Запад, строки «Сегодня лучше остановиться и восстановить разрушенное во имя мира и веры» вызывают у нас глухую тоску. Нет ни золота, ни серебра, чтобы разорвать странную «цеппелиновскую» связь между их прошлым и нашим настоящим.

«Stairway to Heaven» (с четвертого альбома, условно названного «4 символа», или «Рунический») ошеломила всех, кто умел слушать. Красивое акустическое вступление, спокойный голос Планта, рассказывающего: «А вот леди, которая уверена — все, что блестит, — это

золото, и она покупает лестницу в небо...»

...Кажется, два раза в месяц по радиостанции «Маяк» выходила передача «Запишите на ваши магнитофоны». Мы присоединяли гробоподобные «Кометы» и чиненные-перечиненные «Ноты» к радиоприемникам и с одержимостью больных роковой идеей писали сдержанный голос диктора Виктора Татарского. Невидимый красавец выдавал нам редкостный салат из итальянских канцоне, загадочного мадьярского рока, оркестра Поля Мориа. И вот в 37-й по счету подобной мешанине мы услышали рассказ о группе «The Yardbirds», превратившейся в «Led Zeppelin». Так, зимой 1972 года Татарский одарил нас «Лестницей» в компании, правда, с «Веселыми ребятами». После этого через один или два выпуска передача исчезла. Говорили, что именно из-за «цеппов»... А мы нашли усатую таинственную тетку, сидевшую на пустых пивных ящиках и гревшую ревматические кости в лучах арбатского солнца, и решили, что она и есть наш, отечественный, вариант «цеппелиновской» дамы...

Джон Пол Джоунс думал, что на замечательную мелодию, которую они с Пейджем так славно аранжировали, Плант напишет пару незатейливых строчек. «Пара строчек» превратилась в захватывающую балладу с уходом в леса, полные колец дыма и голосов наблюдавших за нами невидимок... Там появлялся флейтист (у «Пинк Флойд» тоже присутствовал подобный персонаж у врат зари. Что это, символ?) или просто человек, играющий на камышовой дудочке. Он должен был вести нас к смыслу бытия, и новый день должен был заняться для тех, кто выстоит. Зрудиты открыли в песне двойное дно — обращение Планта к религии древних герман-

цев, к воспеванию священных роц.

Американцы, изнывающие от чувства собственного благополучия, прокрутили альбом медленнее, чем полагается, и услышали на «Stairway» сатанинские посылы. Пейдж действительно погружался в пучины черной магии — с такими глазами, как у него, в самый раз вызывать духов, бродить по развалинам замков с привидениями... Он купил пользующийся дурной славой дом мага и сатаниста Элестера Кроули на берегу нехорошего озера Лох-Несс с мифическим чудовищем в глубине. Но к «Лестнице» увлечение гитариста никакого отношения не имело.

Дьявол все-таки был упомянут ими на альбоме «The Houses of the Holy» (1973 г.), обреченном стать золотым еще до выхода в свет. «Они идут бок о бок со смертью, и дьявол гримасничает над каждым их шагом... Они выбирают тот путь, по которому никто не идет. Они беспощадны и сами не просят пощады». Все тот же блюз-рок, акустика, чуть меньше энергетики. Музыканты назвали свой альбом «концептуальным», значит, были готовы оторваться от фирмы «Атлантик». Концепт могут позволить себе лишь люди самостоятельные. После года молчания в 1975 году они выпускают двойник «Phusical Graffiti» на своей собственной фирме, которая названа очень минорно — «Swansong» («Лебединая песня»).

Сенсационный «Кашмир» заставлял проигрывать альбом опять и опять — запах индийского сандала, мощная, «цепповская», ритм-секция, по-восточному обволакивающий вокал Планта... Следующее за «Кашмиром» соло Джимми на акустической гитаре возвращало в Европу душу, улетевшую было на берега Ганга. Критика сдержанно похвалила музы-

кантов за альбом, указав на присутствие там «строгости вкуса». Честно говоря, я бы после выхода первых четырех альбомов (каждому — по одному, не считая Питера Гранта) и шквалоподобных, щедрых по эмоциям концертов поставила бы в истории «цеппов» внушительную точку. О, с таким мнением многие не соглашались, закатывают глаза под потолок и внушительно начинают забивать слова-гвозди в мое отравленное первыми «цеппами» сознание. Приходится защищаться и искать адвоката. В лице самого мистера Пейджа, который говорит: «Когда мы затевали все это, нас не покидало ощущение срочности воплощения идеи, словно внутри сидела какая-то драматическая нота, рвущаяся наружу. А сейчас мы словно оправдываемся сами перед собой...» (из интервью 1976 года).

История «цеппов» продолжалась. Изменились времена, панк и пост-панк грохотали и плевались повсюду, рекомендуя в крепких выражениях «старикам динозаврам» добровольно уйти в отставку. Но, видно, в организме музыкантов действительно оставалось много кельтской крови, не разбавленной алкоголем... «Они беспощадны, они не просят пощады!» — вот о ком, оказывается, пелось в «No Quarter».

Сверху, оттуда, где заседали мифические покровители группы, раздался первый звонок: «Будь осторожен, Бобби!» Плант попадает в автомобильную катастрофу. На 6 месяцев они прерывают гастрольную деятельность, но компенсируют издержки, записав в Мюнхене очень рафинированный, чистый по звучанию, современный по композиции альбом «Presence». Увы, он оказался слишком, слишком профессионально сработанным.

Почти сразу вслед за этим альбомом появляется двойной «The Song Remains the Same» и устраивается премьера фильма с таким же названием. Звучат старые хиты, кадры концертных выступлений чередуются с показом «цеппов» на натуре — от всего действия веет каким-то странным средневековым холодком, красота настораживает и в то же время притягивает. Не фильм, а огромное окно в костеле с витражами, уводящими в другой мир. Дейв Марш из «Роллинг Стоун», настроенный саркастически, высказывается далеко не лучшим образом: «Это дань их неумному аппетиту и непониманию ситуации, а их восприятие самих себя может вызывать лишь чувство глубокого сожаления»... Строк насчет пощады он наверняка не помнил.

1 апреля 1974 г. Пейдж с друзьями начинают новый тур, планируя 51 выступление в 30 городах... Из небесной канцелярии им устали звонить, предупреждая об опасности. — Джимми отравился, съев что-то несвежее, и испугал поклонников своим плохим видом, у Планта болело горло. На концертах полиция, как никогда, «винтила» возбужденных цеппоманов, а во Флориде группу чуть не смыло с помоста сильнейшим ливнем...

Однако триумфальные концерты в Нью-Йорке и в Лос-Анджелесе заставляют многих поверить в то, что возвратились «Good Times» («Славные времена»), а «Bad Times» («Смутное время») миновало*. Но в Окленде происходит драка между людьми из свиты группы и местными охранниками. Цель катастроф возобновляется: Бонэм попадает в аварию, умирает сын Планта. Ходят упорные слухи,

* «Good Times, Bad Times» — первая песня из первого альбома «Led Zeppelin».

что над могилой сынишки Роберт дал клятву никогда больше не выступать. Все соглашались, сочувственно кивали головами: «Карма такая, карма!»

Летом 1978 г. они всплывают в Швеции. В пору менять название на «Led Submarine», настолько компания кажется непотопляемой. Играл концерты (реакция неоднозначна) и записывают альбом «In Through the Out Door». Плант считает новую работу прекрасной: «На диске масса живого звучания, которое нам так нравится». Некоторые оценили материал (в нем, как нигде раньше, чувствовалось присутствие Джона П. Джоунса) «энергетическим возвращением мистически задремавшей группы»...

Начало 1980 г. обещает «цеппам» много нового и интересного, в том числе очередной тур по Европе. Они уже в дороге, а вода в Лох-Нессе мутнеет, то и дело высовывается перископом голова печального чудовища, которое долго что-то пережевывает и наконец произносит с глубоким вздохом: «Бон-зо!» Бонэм «выключается» на одном из концертов в результате нервного переутомления. А 25 сентября его находят мертвым в доме Джимми. После крупного кутежа он умирает во сне, задохнувшись от собственной рвоты.

Гармония разрушилась. Без «Бонзо» Бонэма, звучание барабанов которого не мог испортить ни один звукорежиссер на свете, продолжать борьбу было бессмысленно. «Убери барабаны Бонзо — и группа станет совсем беспомощной» (Плант).

Реквиемом по умершему другу звучала вышедшая в 1982 г. «Кода», включившая в себя ранее не реализованную музыку «цеппов». «Лэд Цеппелин» был и, наверное, остается до сих пор по-

трясающим по своей ценности учебником, — признался Пейдж после работы над этим альбомом, — там просто пропасть души и чувствуется такая глубина...»

Все-таки еще два раза они вышли на сцену вместе — с Филом Коллинзом и Тони Томпсоном на барабанах во время грандиозного «Live Aid», и с Бонэмом Младшим на праздновании 40-й годовщины фирмы «Атлантик». Джэсон здорово похож на отца: крепкий, коремастый, с сильным ударом...

Первая вещь сольного альбома этого парня, записанного под неусыпным контролем Джимми, Роберта и Джоунса, удивительно напоминает первые «цеппелиновские» записи... Ох уж эта кельтская кровь!

«Даже если солнце откажется светить, я буду любить тебя!» — когда-то пел Плант. «Несмотря на отсчет времени...» — откликнулся певец группы Джэсона Бонэма, так напоминающий гривой волос и вокалом молодого «Безумца блюза»...

Теперь «Лэд Цепп» похож на огромный артефакт из фантастического «Заповедника гоблинов», артефакт, в котором до поры до времени спит гигантский дракон. До момента окончательного пробуждения он может моргнуть глазом — и Пейдж выпускает пару другую сольных дисков, двинет задней левой лапой — и Плант удивит своим «сольником». Пошевелит вроде бы спящее существо затекшими от долгого бездействия крыльями — Джимми переведет все старые хиты «цеппов» и подарит поклонникам новое звучание магической музыки. Копии с «цеппов» типа группы «Kingdom Come» действуют на дракона раздражающе. Да, они знают слова, да, они научились извлекать звуки, но они не смогли узнать тайну «Лэд Цеппелин».

...— Это непонятка! — начинает свою поэму в разговорном жанре Андрей Большаков, лидер группы «Мастер». — Трудно себе представить, что такое можно было придумать 20 лет назад. Слушаешь и чувствуешь, как меняется настроение — у них все время разное настроение! — как меняется окраска окружающего мира. «Цеппы» у меня ассоциируются с Толлером Кренстоном в фигурном катании... Непредсказуемость движений и кайф... Магия какая-то, нордическая, шотландская, друидская, черт знает, что это такое, но всегда новое! Им почему-то приписывается братство с «Дип Пёпл». Но «Пёпл» — это школа, это коридор, по которому долго и приятно идти. Ни шага влево, ни шага вправо. А «Лэд Цепп» — лабиринт, по которому идти страшно, странно, но приятно. Выберешься? Не выберешься? И если выберешься, то что там, в конце лабиринта?..

...А в конце наверняка сидит леди, которая до сих пор уверена: всё, что блестит, — это золото, и она до сих пор выторговывает для себя лестницу в небо...



ВИНТОВАЯ

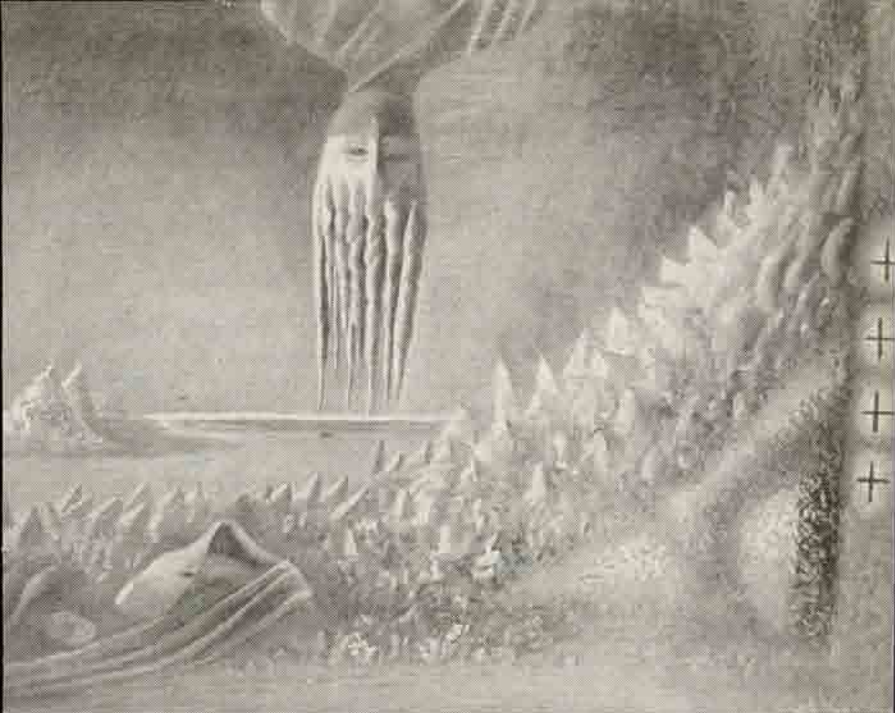
Глава I. ДЕРЕВО

Стало темнеть, и Элен поняла, что слишком далеко отошла от дома.

Оглядевшись, она впервые осознала, как пустынно и безлюдно вокруг. Все внушало тяжелое чувство, долина словно замерла в ожидании неведомого несчастья. Где-то вдалеке раздавались слабые раскаты грома.

К счастью, Элен прошла суровую жизненную школу, не любила жаловаться и полагала, что любая загадочная болезнь тела или души вызвана не вмешательством темных сил, а расстрой-

Этель Л. Уайт (1887—1944) — английская писательница, автор 12 романов. Роман «Винтовая лестница» написан в 1934 году.



ПОСТНИЦА

177

ством желудка или изменением погоды. Элен была небольшого роста, с очень белой, словно светящейся, кожей. Внешность ее можно было бы назвать заурядной, если бы не сноп густых волнистых ярко-рыжих волос. Она жила ожиданием будущего счастья и встречала новый день с веселым любопытством, стараясь использовать каждый час, каждую минуту для того, чтобы удовлетворить это любопытство.

Элен боялась только одного — остаться без работы. Прочтя объявление о том, что в загородном доме профессора Варрена требуется помощница, она с трепетом подумала об огромном количестве девушек, которые откликнутся на него. Позже Элен поняла, что ей удалось покинуть ряды безработных только потому, что дом расположен в безлюдном месте. До ближайшего

города было двадцать две мили, до ближайшего селения — двенадцать. Ни одна горничная не оставалась надолго в такой богом забытой дыре, поэтому здесь постоянно не хватало прислуги.

Миссис Оутс, вместе с супругом восполняющая в настоящее время этот пробел, встретила Элен в зале ожидания городка Херефорд.

— Я сказала мисс Варрен, что ей следует пригласить девушку из приличной семьи, — объяснила она.

Семейство Варрен представляло довольно интересный объект для наблюдения. Профессору, давно овдовевшему, и его сестре, мисс Варрен, было за пятьдесят. Элен отнесла их к разряду «ученых сухарей», выхолненных и чопорных, интересовавшихся только наукой. Но их мачеха, старая леди Варрен, прикованная к постели в Синей Комнате, была кошмаром для членов семьи и прислуги. Вчера, например, она бросила в сиделку тарелку с горячей овсянкой. Леди Варрен достигла желаемого результата: на следующее утро мистер Оутс отvez получившую расчет сиделку в город и должен был возвратиться вечером с новой мишенью.

Все в доме ждали, что старая леди вот-вот умрет, но она не поддавалась. Каждое утро смерть стучалась в дверь Синей Комнаты, но леди Варрен с той же регулярностью отсылала ее прочь.

Наряду с этим трагикомическим персонажем в семействе существовал, как предполагала Элен, классический треугольник, представленный сыном профессора, его невесткой и проживающим в доме учеником профессора, бывшим его студентом, которого он готовил к работе в Индии. Сын — умный, но некрасивый молодой человек, страстно и безответно влюбленный в свою жену Симону. Это была красивая молодая женщина с собственными средствами, избалованная, взбалмошная и не склонная удовлетворяться супружеской любовью.

Симона любила проводить эксперименты на мужчинах. В настоящее время она старалась завести роман со Стефаном Райсом — смазливый легкомысленным юношей, исключенным из Оксфорда.

Взглянув на часы, Элен сделала испуганную гримасу. Скоро будет совсем темно.

Элен отделяла от дома глубокая долина, заросшая деревьями. У нее замерло сердце при мысли, что придется пройти этой долиной, напоминающей ловушку.

«Идиотка! — сказала она себе. — Сейчас еще не поздно, только темно. Быстрее смывайся отсюда!»

Собрав все свое мужество, Элен осторожно побежала по скользкому краю дороги — на дороге было много камней, и из-под земли выступали узловатые корни деревьев, так что можно было упасть.

Она не отрывала глаз от дома. Ей показалось, что в окне Синей Комнаты мелькнул луч света.

Девушка восприняла его как сигнал к исполнению самой важной своей обязанности: каждый вечер в сумерки она должна

была обходить весь дом, запира́ть все двери и закрывать окна ставнями. Раньше ей казалось, что ее хозяева проявляют излишнюю осторожность, но здесь, в темной безлюдной долине, все получило иной, зловецкий смысл.

Эти предосторожности имели прямое отношение к взволнованным разговорам на кухне и перешептыванию в гостиной, а причиной всего было убийство.

Элен инстинктивно поежилась, произнося про себя это слово.

Четыре убийства, совершенные, по всей вероятности, каким-то маньяком. Все убитые были молодыми девушками.

Первые два убийства произошли в городе, далеко от «Вершины», и у обитателей дома не было причин для беспокойства. Третье произошло в селении, тоже не очень близко. Четвертая девушка была задушена в коттедже, за пять миль от дома профессора Варрена.

«Маньяк с каждым разом становился все смелее,— думала Элен.— Вначале он убивал на улицах, потом — в саду. И наконец, проник в дом, в спальню».

Элен, не разбирая дороги, бежала по липкой грязи, и вдруг ей показалось, что кто-то идет за ней следом. Она остановилась и прислушалась. Долина была полна слабыми звуками — шуршанием сухих листьев, хрустом ломающихся сучьев, бульканьем дождевых капель. Она помчалась дальше и, пробежав опасный отрезок пути за рекордное время, подошла к воротам. У самых ворот роща заканчивалась негустой аллеей с каменными столбами и лавровыми кустами по краям дорожки.

Элен ускорила шаг, но внезапно замерла. У нее перехватило дыхание. Она была уверена, что дерево у самых ворот пошевелилось.

Инстинкт подсказал ей самый короткий путь к дому — пробежать наискосок через небольшое болото и заросли шиповника и перелезть через стену в огород.

Она проделала это также в рекордное время и с наименьшими потерями, благополучно приземлилась в капустную грядку и обошла дом. Вставляя ключ в парадную дверь, Элен оглянулась, чтобы бросить последний взгляд на рощу, и увидела, как дерево словно расщепилось надвое, и мужская фигура, выскользнув из-за его ствола, растворилась в густой вечерней тени.

Глава II. ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ

В характере Элен любопытство преобладало над всеми другими чувствами, поэтому она побежала к воротам, надеясь увидеть того, кто прятался за деревьями. Но, подбежав к воротам, различила лишь уходящие вдаль ровные ряды саженцев.

Забыв о своих обязанностях, Элен всматривалась в затянутую туманом молодую рощу.

«Там действительно кто-то стоял,— думала она.— Все верно. Это был мужчина, и он кого-то подстерегал. Кто бы он ни был, я очень довольна, что не прошла мимо него».

Элен вернулась к дому.

Это было высокое серое каменное строение поздней виктори-

анской архитектуры, которое совершенно не вязалось с окружающим ландшафтом. Лестница в одиннадцать каменных ступеней, ведущая к парадной двери, и большие окна, завешанные зелеными жалюзи, были типичны для жилого дома в процветающем городе. Такие дома обычно расположены в частных владениях, имеют собственный почтовый ящик, и к ним ведет дорога, освещенная фонарями.

Дом был трехэтажный, с двумя лестницами и полуподвальным помещением. Каждый этаж имел ванную комнату; спальни старой леди Варрен, профессора и мисс Варрен помещались на втором этаже, а комнаты для гостей — на третьем. Мансарда, которую сейчас занимала только чета Оутс, была предназначена для прислуги.

Сын профессора, Ньютон, жил со своей супругой на третьем этаже, в большой Красной Комнате. Его прежнее помещение, сообщающееся со спальнями леди Варрен и профессора, было отдано постоянной сиделке.

Элен легко взбежала по ступеням и поднялась на второй этаж. У дверей Синей Комнаты она остановилась, прислушиваясь. Эта дверь всегда возбуждала ее любопытство — ведь за ней находилась прикованная к постели ужасная старуха, какое-то невидимое, сказочное существо.

Услышав за дверью голос мисс Варрен — падчерица леди Варрен замечала уехавшую сиделку, — Элен решила пройти в свою комнату, сменить простыни и все приготовить на ночь.

Когда она открыла дверь комнаты мисс Варрен, произошло одно незначительное событие, которому суждено было сыграть свою роль в будущем. Ручка двери повернулась несколько раз, но дверь не открылась, пока девушка изо всей силы не нажала на нее.

«Наверное, расшатался шуруп, — подумала она. — Если будет время, я возьму отвертку и подвинчу его».

Беспокойный характер Элен требовал разнообразия, поэтому она всегда находила время для какой-нибудь новой работы.

Примесь новизны помогала сохранять бодрость.

Комната мисс Варрен была пустая и мрачная, с коричневыми обоями, занавесями и коричневой обивкой мебели. Единственное яркое пятно — диванная подушка, вышитая золотыми нитями. Это было святилище ученого — бесчисленные полки и шкафы ломались от книг. На столе в беспорядке лежали разные бумаги.

Элен удивилась, увидев, что ставни уже закрыты и небольшая настольная лампа под зеленым абажуром на бюро светится, словно кошачий глаз.

Когда Элен проходила по коридору, мисс Варрен вышла из Синей Комнаты. Она была такой же высокой и обладала столь же повелительной осанкой, как и ее брат, но на этом сходство кончалось. Мелкие расплывчатые черты лица и глаза, прозрачные, как дождевая вода, придавали ей вид женщины не от мира сего, но в общем-то неплохой.

— Вы задержались, мисс Кейпел, — холодно заметила мисс Варрен.

— Простите, — пробормотала Элен, с беспокойством думая,

как бы ей не потерять с таким трудом найденную работу.— Мисс Оутс сказала мне, что я не нужна до пяти. Это мой первый свободный вечер.

— Я не это имела в виду. Я вовсе не упрекаю вас в том, что вы пренебрегаете своими обязанностями. Но вам не следует гулять так поздно.

— Спасибо, мисс Варрен. Конечно, я отошла слишком далеко от дома. Но потемнело совсем недавно, я уже возвращалась и была примерно за милю отсюда.

Мисс Варрен посмотрела на Элен отсутствующим взглядом.

— Миля — это очень далеко,— произнесла она,— а заходить далеко от дома неразумно, даже днем. Мне кажется, вы достаточно утомляетесь на работе. Почему бы вам не выйти в сад подышать свежим воздухом?

— Но, мисс Варрен,— возразила Элен,— это ведь не заменит хорошей прогулки, верно?

— Понимаю вас,— мисс Варрен слабо улыбнулась,— но я хочу, чтобы и вы поняли меня. Вы молодая девушка, и я буду в ответе, если с вами что-нибудь случится.

Было странно слышать подобное предупреждение из уст мисс Варрен, и у Элен пробежали мурашки по спине от смутного ощущения опасности.

— Бланш!

Голос раздался из Синей Комнаты. Это был почти бас, который мог принадлежать и мужчине, и пожилой женщине. Величественная мисс Варрен съежилась и стала похожа на прилежную школьницу, которая спешит на зов учительницы.

— Да, мама, иду!

Неровными шагами она пересекла коридор и, к разочарованию любопытной Элен, закрыла за собой дверь Синей Комнаты.

«Странные типы,— подумала Элен, поднимаясь по лестнице на третий этаж.— Мистер Ньютон — огонь, мисс Варрен — лед. Интересно, что будет, если их смешать?»

Она предалась приятным размышлениям о том, что сможет упражняться в полузабытом ныне искусстве кокетства, общаясь каждый день с двумя холостяками, Райсом и молодым доктором, который лечил леди Варрен, и одним вдовцом — профессором.

Оценивая интеллект профессора и предвкушая встречу с молодым доктором, Элен решила все же копить на черный день. Она не верила, что ей выпадет счастье Джейн Эйр.

Подойдя к порогу своей спальни, Элен заметила сквозь стеклянную дверь, что в комнате Райса горит свет.

— Вы дома, мистер Райс? — спросила она.

— Войдите и сами увидите,— ответил бывший студент.

— Я только хотела узнать, не горит ли свет зря.

— Пока что нет. Входите.

Элен приняла приглашение. Она привыкла к тому, что мужчины либо вовсе не обращали на нее внимания, либо были слишком внимательны, оставаясь наедине с ней.

Из этих двух способов поведения Элен предпочитала первый.

Ей нравился Стефан Райс, потому что он обращался с ней точно так же, как с другими девушками — с легкомысленной

простотой. Когда Элен вошла к нему, он складывал свои вещи в открытый чемодан и не извинился за свой костюм, хотя был только в нижней рубашке.

— Вы любите собак? — спросил он, пытаясь распутать целую кучу галстуков.

— Дайте мне, — сказала Элен, не грубо, но решительно отнимая у него галстуки. — Конечно, я люблю собак. Я работала с собаками.

— Тогда вас надо занести в черный список. Я ненавижу женщин, которые дрессируют собак. Они выставляют себя на всеобщее обозрение в парках. Как проклятые полицейские, которые знают одно слово: «Пройдемте!» Мне всегда хочется укусить их, раз уж собаки такие джентльмены, что не делают этого.

— Да, конечно, — кивнула Элен, которая предпочитала не спорить зря. — Но мои собаки дрессировали меня. Они заключили друг с другом тайное соглашение тянуть одновременно в разные стороны. Удивительно, что я не превратилась в морскую звезду.

Стефан громко засмеялся.

— Молодцы... Кстати, о собаках. Хотите увидеть нечто выдающееся? Я купил его сегодня у одного фермера.

Элен оглядела неубранную комнату.

— Где он? Под кроватью?

— А вы разве спите под кроватью? Он на кровати, дурочка.

— А если у него блохи?

— А если у него нет блох? Сюда, Отто!

Стефан поднял угол покрывала, и из-под него выглянул крупный щенок овчарки.

— Он боится, — объяснил Стефан. — Интересно, что станет со старой мисс Варрен, если она его увидит? Она не позволит держать в доме собаку.

— Почему?

— Она боится собак.

— Да нет, этого не может быть. Совсем наоборот. Это ее все боится — она такая величественная!

— Это только маска. Она жуткая трусиха. Пустое пугало. Надави на нее, и она сломается. Сейчас она напугана до смерти убийцей. Между прочим, вы боитесь его?

— Конечно, нет. — Элен засмеялась. — Мне было бы страшно одной в доме. Но здесь полно людей, чего же бояться?

— Не согласен. Все зависит от того, какие это люди. Всегда можно найти слабое звено. Например, мисс Варрен. Она ничем вам не поможет.

— Но все же, чем больше народа, тем безопаснее, — настаивала Элен. — Он не решится проникнуть в дом... Вам надо что-нибудь зашить или заштопать?

— Нет, спасибо, дорогая. Все зашила и заштопала божественная миссис Оутс. Божественная во всем, кроме одного, между прочим... Да, это железная дама. Ей можно доверять на сто процентов — если рядом нет бутылки.

— Как, разве она пьет?

Стефан в ответ только засмеялся.

— Знаете что, вам лучше уйти, а то мисс Варрен поднимет бучу. Ведь это холостяцкая комната.

— Но я же не леди из общества,— с негодованием ответила Элен.— Я прислуга. И они ждут вас к чаю.

— То есть Симона ждет. Старина Ньютон просто пожирает пышки.— Стефан надел пиджак.— Я возьму с собой щенка. Представлю его семейству и угощу пышками.

— Только не называйте это чудовище щенком! — воскликнула Элен, когда овчарка вылезла из-под покрывала и пошла за своим новым хозяином в ванную комнату.

— Он еще маленький.— Голос Стефана выражал неподдельную нежность.— Я люблю собак и ненавижу женщин. Есть причины. Напомните мне потом, я расскажу вам историю моей жизни.

Он, насвистывая, увел собаку, и когда свист затерялся в недрах дома, Элен почувствовала легкую грусть. Она знала, что ей будет недоставать Райса. Но, еще раз оглядев комнату, где царил вопиющий беспорядок, она сказала себе, что будет меньше работы, если студент уедет, и предоставила грустить Симоне.

Чтобы выпить чаю, ей надо было спуститься вниз, в кухню. Она поспешила к себе и сняла жакет и боты. Поскольку закрывать ставни было велено только до второго этажа, она оставила все как есть и позволила себе небольшую роскошь — постояла у окна, глядя вниз, в долину, и наслаждаясь чувством безопасности.

«Я добралась до своей крепости, и сейчас мне ничего не угрожает», — подумала Элен.

Она не знала, что со времени ее возвращения произошли некоторые, казалось бы, незначительные события, которые были первыми трещинами в стенах крепости. И когда разрушение началось, ничто не могло остановить его; все, что произошло потом, было как бы клином, просунутым во все расширяющуюся брешь, открывающую дом силам ночи.

Глава III. РАССКАЗ У КАМЕЛЬКА

Спустившись по обшарпанной задней лестнице на первый этаж, Элен услышала веселый звон чайных чашек и сквозь матовое стекло кухонной дъери увидела отблеск огня. Миссис Оутс пила чай из блюдца и одновременно поджаривала себе еще один тост.

Это была высокая, статная женщина, широкоплечая и мускулистая, с грубоватыми чертами лица и выступающей нижней челюстью. Она не носила форму горничной, и сейчас ее праздничную юбку предохранял от кухонной грязи фартук из уэльской фланели в черно-красную клетку.

— Я слышала, как вы сбегали по крутым ступенькам,— сказала она.— Вы ведь имеете право пользоваться парадной лестницей.

— Да, я знаю,— ответила Элен,— но эта винтовая лестница напоминает дом моей бабушки. Слугам и детям никогда не

разрешалось подниматься по парадной лестнице, чтобы не портился ковер.

— Очень интересно,— вежливо заметила миссис Оутс.

— И варенье...— продолжала Элен.— Сотни банок варенья, но клубничное и черносмородиновое давали только старшим. Дети получали ревеневое или тыквенное повидло... Мы, взрослые, бываем иногда очень жестокими.

— Это к вам не относится. Вам бы лучше сказать «эти взрослые».

— Эти взрослые,— повторила Элен, смиренно принимая поправку.— Если вы не против, я бы выпила с вами чаю.

— Напою вас с удовольствием.— Миссис Оутс встала, чтобы достать еще одну чашку и блюдо из старинного уэльского шкафа.— Как вам нравится мой чай? Чтобы заварить его как следует, нужно взять горячий чайник. Я вам дам такое же печенье, как у них в гостиной.

— Покупное? Ни за что на свете. Лучше дайте мне домашнего... Вы не можете себе представить, как мне у вас нравится, миссис Оутс. Час назад я думала, что мне больше не придется сидеть с вами на кухне. А вам не страшно здесь одной?

— Вы имеете в виду его?— презрительно спросила миссис Оутс.— Нет, мисс, я видела слишком много ленивых подонков, чтобы бояться кого-нибудь в брюках. Если он попытается сыграть свои штучки со мной, я сломаю ему челюсть.

— Но ведь он убийца,— напомнила Элен.

— Вряд ли он нас побеспокоит. Это вроде Ирландского Приза — кто-то выигрывает, но не я и не вы.

Эти слова утешили Элен; похрустывая тостом, она почувствовала себя в полной безопасности. Мирно тикали старинные часы, и рыжий кот мурлыкал, выбрав лучшее место на ковре у камина.

Внезапно Элен снова захотелось испытать щекочущее чувство опасности.

— Расскажите про убийства,— попросила она.

Миссис Оутс с удивлением посмотрела на нее.

— Но ведь об этом было написано в газетах. Вы что, не умеете читать?

— Я, конечно, слежу за всеми важными событиями,— объяснила Элен,— но меня никогда не интересовали преступления. Все же, если убийства произошли здесь, было бы странно не знать, как это случилось.

— Верно,— согласилась, смягчившись, миссис Оутс.— Так вот, первая девушка была убита в городе. Она танцевала гошпом в каком-то клубе, но оказалась без работы. Девушка пришла в бар и хорошенько выпила. Все видели, как она выходила из бара. Когда вышли остальные, она валялась в канаве уже мертвая.

Элен вздрогнула.

— Второе убийство тоже произошло в городе?

— Да. Бедняжка была прислугой. Когда хозяин вышел в сад, чтобы погулять с собакой, он нашел девушку на дорожке, всю скрюченную; она была задушена, как и первая. И никто не услышал ни звука, хотя это произошло прямо перед окнами

гостиной. Должно быть, на нее напали совершенно неожиданно.

— Знаю,— кивнула Элен.— На дорожке были кусты, похожие на человеческие фигуры. И вдруг один из кустов набросился на нее.

Миссис Оутс удивленно посмотрела на Элен и стала считать на пальцах.

— Так где я остановилась? Одна, две, три. Да, третье убийство произошло в баре. У нас тут все переполошились, потому что это было уже не в городе, а в сельской местности, рядом с нами. Девушка, которая работала в баре, на минуту заскочила в кухню, чтобы сполоснуть стаканы, и через две минуты ее нашли там задушенной кухонным полотенцем. В баре было полно народа. Но никто ничего не слышал. Он, должно быть, незаметно прошел через заднюю дверь и набросился на нее сзади.

Элен вдруг почувствовала, что по горло сыта страхами.

— Хватит, не рассказывайте больше,— попросила она миссис Оутс.

Но та, начав рассказ, желала его закончить.

— Последнее убийство,— продолжала она,— произошло за пять миль отсюда. Молодая девушка, примерно вашего возраста. Она была воспитательницей в одной большой семье и приехала домой в отпуск. Девушка собиралась на танцы и надевала через голову красивое вечернее платье. Как раз в это время он набросился на нее и стянул атласный туалет у нее на шее так, что тот врезался ей в горло, и она задохнулась. Эта девица слишком долго любовалась собой в зеркале и ничего не замечала вокруг. Самое вредное занятие.

— Как же он проник в дом?— спросила Элен, которой очень хотелось бы убедить себя, что такой ужас не может быть правдой.

— Очень просто,— ответила миссис Оутс.— Он залез на крышу веранды, а оттуда забрался в окно спальни.

— Но как он мог узнать, что девушка будет в спальне?

— Он же сумасшедший, а такие знают все. Он охотится за молодыми девушками. Хотите верьте, хотите нет, но если где-то появится молоденькая девушка, он сразу же учует ее.

Элен с опаской поглядела в окно.

— А вы заперли заднюю дверь?— спросила она.

— Давным-давно заперла. Я всегда ее запираю, когда Оутс уезжает.

— Что-то он задерживается.

— Ничего страшного.— Миссис Оутс посмотрела на часы, надеяться на которые мог только очень легкомысленный человек.— От дождя развезет все дороги, а машина у них старая. Оутс говорит, что придется выходить из машины и толкать ее вверх по склону.

— Он должен привезти новую сиделку?

Миссис Оутс весьма неблагоприятно отнеслась к игривому тону Элен.

— Я никогда не беспокоилась на этот счет. Оутса можно оставить наедине с любой красоткой.

— Ну конечно,— ответила Элен, беспокоило глядя на темные окна.— Давайте закроем ставни, чтобы здесь стало еще уютнее.

— Какой толк от всех этих ставен и запоров?— нехотя вставая, проворчала миссис Оутс.— Если он захочет войти, он найдет способ...

Когда ставни были закрыты и окна спрятались под короткими красными занавесями, кухня стала образцом приятного сельского интерьера.

— Есть еще одно окно, в моечной,— заметила миссис Оутс, открывая дверь в противоположном конце кухни.

За дверью царил темнота. Когда миссис Оутс нашла выключатель и зажгла свет, Элен увидела чистую комнату с выбеленными стенами, где находился каток для белья, медный котел и стойки для тарелок.

— Какое счастье, что сюда провели свет,— сказала Элен.

— На этаже жуткая темень,— объяснила миссис Оутс.— Свет горит только в коридоре, и есть выключатели в кладовой и в буфетной. Оутс только обещает сделать все как следует. Бедный, ему бы еще пару жен, чтобы работали за него.

— Прямо лабиринт какой-то,— удивилась Элен, открыв дверь из моечной в длинный коридор, который освещала всего одна электрическая лампочка, свисающая с потолка примерно в середине прохода. В ее свете был виден только кусок вымощенного камнем пола; дальний конец и боковые ответвления прохода тонули в темноте. Кое-где виднелись закрытые двери, выкрашенные тусклой коричневой краской.

— Вам не кажется, что в закрытой двери всегда есть что-то таинственное?— спросила Элен.— Всегда хочется узнать, что находится по ту сторону.

— Попробую угадать,— ответила миссис Оутс.— Это копченая грудка и связка испанского лука, и если вы откроете дверь кладовой, то убедитесь, что я не слишком ошиблась. Пошли. Здесь больше ничего нет.

Элен запротестовала:

— После ваших «веселых» сказок я не усну, если не открою каждую дверь. Я должна убедиться, что там никто не прячется.

— А что может сделать такая пигалица, как вы, если увидит убицу?

— Напасть на него, не раздумывая. Если хорошенько рассердиться, то никакой страх не возьмет.

Миссис Оутс рассмеялась, но Элен все же настояла на том, чтобы взять в моечной свечу и пройтись по всему этажу. Миссис Оутс охраняла Элен с тыла, пока та внимательно осматривала кладовую, буфетную, столярную мастерскую, кладовую для обуви и другие служебные помещения.

В конце коридора находился еще один проход, который вел в дровяной склад и угольный погреб. Элен освещала каждый выступ, каждую нишу, пробираясь среди пыльных мешков и заглядывая во все уголки.

— Что вы надеетесь здесь найти?— поинтересовалась миссис Оутс.— Приятного молодого человека?

Но когда Элен остановилась еще перед одной закрытой дверью, она перестала улыбаться и сердито сказала:

— Вот место, куда не попадем ни мы с вами, ни кто-нибудь другой. Если ваш псих попадет сюда, то я скажу, что ему очень повезло.

— Почему? — спросила Элен. — Что там?

— Винный погреб, ключ есть только у профессора. Ближе этой двери к нему не подойти. Я дала себе клятву, что если мне когда-нибудь попадется ключ от этого погреба, в нем станет одной бутылкой бренди меньше.

— Вернемся в кухню, — предложила Элен. — Я должна рассказать вам что-то страшное.

На кухне было тепло и уютно. Элен смотрела на раскаленные угли в камине, гладила рыжего кота, и вечернее приключение казалось ей чем-то очень далеким.

— Я обещала вам рассказать кое-что, — заметила Элен. — Так вот, хотите верить, хотите нет, но когда я проходила по роще, то встретила этого... душителя.

Она не вполне верила, что действительно встретила убийцу, хотя ее рассказ был похож на страшную сказку, обрывающуюся на самом интересном месте: человек прячется за деревом, и никто не знает, какое черное дело он задумал.

Но не только Элен считала убийство чем-то невероятным и неправдоподобным. В коттедже, расположенном недалеко от «Вершины», черноглазая девушка смотрелась в зеркало, запевшее от сырости, и улыбалась, дерзко и немного вызывающе.

Она оглядела свою комнату с низким оштукатуренным потолком и потрескавшимися стенами, с наглухо закрытым окном, перед которым висела старая муслиновая занавеска, и ей еще больше захотелось выйти из дома.

Когда девушка выскользнула из коттеджа, ее сердце забилося сильнее — не от страха, а от предвкушения приятного вечера. Она привыкла ходить темной узкой дорожкой, круто спускающейся в долину.

Безлюдная долина была ей хорошо знакома и не внушала ужаса, ее нервы были в полном порядке, и она не могла представить себе, что кто-то может на нее напасть. Быстрыми и уверенными шагами она спускалась по каменистому склону и приближалась к молодой рошце.

Девушка была почти у цели. Ей надо было пройти всего около мили, чтобы попасть в бар.

Но когда она поравнялась с последним деревом, оно внезапно превратилось в человека. Ветви оказались скрюченными руками, которые потянулись к ней...

Глава IV. ВОСПОМИНАНИЯ

— Дерево зашевелилось, — таинственно прошептала Элен, заканчивая свой рассказ, — и я с ужасом увидела, что это человек. Он притаился там, как тигр, готовый броситься на свою жертву.

— Ну-ну, дальше,— насмешливо прервала ее миссис Оутс.— Я часто стояла возле него, ожидая Сервиден, когда та работала у нас. И всякий раз дерево имело другую форму.

— Сервиден?

— Да. Она живет в коттедже на холме. Красивая девушка, но ей надо бы по-другому одеваться. Старая леди Варрен ее не выносила и говорила, что у нее пахнет от ног. Если Сервиден мыла пол под кроватью, леди поджидала ее с палкой и пыталась ударить по голове.

Элен засмеялась. Жизнь чаще всего оборачивалась к ней своей мрачной стороной, но от этого не переставала быть вечной комедией.

— Я узнаю об этой милой старушке все более интересные подробности,— сказала она.— Мне бы хотелось помыть пол у нее под кроватью. Она бы поняла, что ни за что меня не поймают.

— Сервиден тоже так думала. Она старалась обмануть старуху и выскакивала из-под кровати в тот момент, когда та меньше всего этого ожидала... Но в конце концов та ее поймала. Она так стукнула Сервиден, что отец вынужден был прийти и увести ее.

— Она, конечно... Что это такое?

Элен замолчала и прислушалась. Кто-то упорно стучался в оконную раму. Было непонятно, откуда исходит звук, но казалось, что стучали где-то рядом.

— Стучат в дверь? — спросила Элен.

Миссис Оутс прислушалась.

— Наверное, это окно в коридоре,— сказала она.— Оторвалась задвижка. Оутс несколько раз говорил, что починит ее.

— Это опасно?

— Не волнуйтесь, мисс. Ставни закрыты. Никто не сможет к нам забраться.

Но ветер усилился, и монотонный стук и скрежет становились все громче. Это так действовало Элен на нервы, что она не могла спокойно пить чай.

— Ужасная ночь,— сказала она,— и если тот человек поджидает Сервиден, я ей не завидую.

— Ну, сейчас он уже схватил ее, и она не думает о погоде.

Вдруг на задней лестнице раздались шаги.

— Кто там? — крикнула Элен.

— Это не он,— засмеялась миссис Оутс.— Если придет он, вы его не услышите. Он подкрадывается бесшумно. Похоже на шаги мистера Райса.

Дверь открылась, и Стефан Райс вошел в кухню с чемоданом в руке.

Он огляделся и сел на стул.

— Здесь я всегда чувствую себя как дома. Это единственная комната в этом ужасном доме, которая мне нравится. Мы с миссис Оутс устраиваем здесь коллективные молебствования.

— Где ваша собака? — спросила Элен.

— У меня в комнате. К несчастью, мисс Варрен не пришла пить чай с нами. Поэтому представление откладывается.

— Зачем вам это? — спросила Элен.— Все равно завтра уезжаете. Пусть мисс Варрен ничего не узнает.

— Нет,— упрямо перебил Стефан.— Я предпочитаю играть в открытую. Тем более, что доблестный Ньютон так или иначе просветит ее.

— Неужели он скажет? — недоверчиво спросила Элен.

— А то как же! По правде говоря, Отто не произвел благоприятного впечатления. Несчастный не привык к торжественным чаепитиям. Как и его хозяин, он лучше чувствует себя на кухне.

— Но миссис Ньютон он должен был понравиться,— настаивала Элен.

— Если он ей и понравился, она этого не обнаружила.

— Что скажет ваша дама, если вы проведете свою последнюю ночь вне дома?

— Какая дама? — спросил Стефан.

— Миссис Ньютон Варрен.

— Миссис Ньютон Варрен — почтенная замужняя женщина. Без всякого сомнения, она проведет вечер в обществе своего верного супруга, который займется решением математических задач... У вас свежий чай?

Элен не расслышала его вопроса, потому что ей внезапно пришла в голову интересная мысль.

— А мисс Варрен пила чай наверху, в спальне леди Варрен? — спросила она.

— Очевидно, да,— ответил Стефан.

— Она, наверное, сидит там уже давно. Может быть, заметить ее?

— Если вы сделаете это,— поучительным тоном сказал Стефан,— проследите, чтобы у старухи было достаточно подушек. Конечно, если вы умеете увертываться.

— А что, она всегда бросается подушками? — недоверчиво спросила Элен.

— Это единственный известный ей способ самовыражения.

— Неважно. Я считаю, что для своего возраста она очень энергичная. Можно только восхищаться этим.

— Вы будете разочарованы,— произнес Стефан пророческим тоном.— Она просто старая перечница со скверным характером и ужасно невоспитанная. Когда меня представляли «ее величеству», она ела апельсин, и, чтобы произвести впечатление, выплюнула в меня сразу все зернышки.

Вспомнив эту сцену, Райс засмеялся.

— Мне бы очень хотелось увидеть, как она швыряет овсянку в зануду-сиделку.

— Наверное, это получилось совершенно случайно. Леди Варрен не думала, что попадет в нее.

Миссис Оутс подняла слезящиеся от лука глаза и возразила:

— Нет, мисс, леди Варрен ни за что бы не промахнулась. Когда она была моложе, то целыми днями охотилась на кроликов и птиц. Говорят, она и в постели не расставалась с ружьем.

— Значит, она уже давно живет здесь? — спросила Элен.

Таинственный вид миссис Оутс говорил о том, что ей хочется посплетничать.

— Говорят, что старая леди Варрен застрелила своего мужа.

— Не может быть! — в один голос воскликнули Элен и Стефан.

— Может! — объявила миссис Оутс. — Моя мать рассказала мне все, как было. Старый сэр Роджер был точь-в-точь как наш профессор — замкнутый и молчаливый; его интересовали только книги. Он заработал кучу денег каким-то изобретением и построил дом в этом месте, чтобы не иметь соседей. Леди Варрен все это не нравилось, и она постоянно пилила его. Однажды они очень серьезно поссорились. Люди слышали, как она назвала его подонком и пригрозила убить. Через несколько минут его нашли мертвым. Он был застрелен из охотничьего ружья леди Варрен.

— Скверно, — пробормотал Стефан.

— Да, все думали, что ее повесят, — согласилась миссис Оутс. — На дознании ей задали несколько очень неприятных вопросов. Но она настаивала на том, что это был несчастный случай, и адвокат вызволил ее... Она уехала за границу, потому что ненавидела этот дом.

— В нем больше никто не жил? — спросила Элен.

— Профессор оставил Оксфорд, приехал сюда и вел себя точно так же, как его папаша, — постоянно сидел в четырех стенах и куда не выходил. Когда старая леди Варрен заболела, она вернулась сюда.

— А что с ней? — поинтересовалась Элен. — Чем она больна? Миссис Оутс поджала губы и покачала головой.

— Тяжелый характер и раздражительность, больше ничего.

— Но, миссис Оутс, она, должно быть, серьезно больна, раз ей нужна сиделка и постельный режим.

— Доктор считает, что так она доставит меньше хлопот. А она полагает, что так ей удобнее ставить дом вверх дном. Она развлекается, выставляя одну сиделку за другой и запугивая новеньких.

— Но мисс Варрен сказала мне, что профессор очень беспокоится за ее сердце, — настаивала Элен.

— Ах, разве можно пренебрегать матерью, которая тебя родила? — заявила миссис Оутс, впадая в сентиментальность.

— Да ведь она же только его мачеха, — возразил Стефан. — У нее никогда не было детей. Они ждут, что леди скоро отдаст концы; коршуны уже собрались над ее головой. Симона сказала мне, что старушка составила завещание и все свои деньги отказала благотворительным заведениям. У нее испорченный вкус, и, по всей видимости, она хорошо относится к Ньютону. Во всяком случае, она назначила ему ежегодное содержание, которое перестанут выплачивать после ее смерти. Вот почему он здесь.

— Его папаша послал за ним, — объяснила миссис Оутс.

Элен подумала о холодных глазах профессора и отсутствующем взгляде мисс Варрен. Невозможно поверить, что им обоим не чужды финансовые соображения.

— Эй, — Стефан вдруг подскочил на стуле, куда небрежно уселся. — Что это такое?

Он вытащил из-под себя деревянный брусок, и Элен с виноватым видом выхватила его.

— Простите, это от ставни в коридоре. Очень хорошо, что вы напомнили о ней. Я постараюсь исправить замок.

Элен вышла, наскоро прикрепила пружину к шпингалету и вернулась в кухню.

К ее удивлению, Стефан помогал миссис Оутс чистить лук.

— Она всегда заставляет меня работать, — пожаловался он. — Так она объясняет присутствие мужчины в кухне, когда возвращается Оутс. Кстати, почему он задерживается? Ставило пять шиллингов, что он сбежал с новой красивой сиделкой.

Миссис Оутс фыркнула.

— Если она похожа на прежнюю, то ей придется схватить Оутса за нос, чтобы заставить поцеловать себя... Вы действительно намерены подежурить у леди Варрен, мисс?

— Я спрошу, может, мисс Варрен разрешит мне.

— Тогда запомните, что я вам скажу, и будьте настороже. Я уверена, что она далеко не такая беспомощная, как все они говорят. И ходит не хуже, чем мы с вами. Она всегда готова подстроить какую-нибудь каверзу. Кстати, вы слышали, как она говорит, когда забывает, что она слабая старушка? Вы слышали ее голос?

Элен вспомнила бас, прозвучавший из Синей Комнаты, и, охваченная любопытством, почти побежала к двери.

— Да, я закрепила задвижку, — произнесла она. — За ночь не сломается. Так что сейчас мы в полной безопасности.

Глава V. СИНЯЯ КОМНАТА

191

Пока Элен поднималась по лестнице, ее не покидало странное чувство — она словно ожидала, что произойдет нечто необыкновенное.

Лестница была освещена висючей лампой на длинном шнуре, свисающей с потолка третьего этажа, поэтому на лестничной площадке царил полумрак. Напротив ступенек, на мраморном консоле, стояло огромное, десятифутовое зеркало в резной раме, покрытой поблекшей позолотой.

Подойдя к зеркалу, Элен увидела свое отражение — маленькое бледное лицо выплыло из глубины тусклого стекла, словно труп утопленника, поднявшийся на поверхность глубокого озера на седьмой день.

Элен вздрогнула, и этот внезапный беспричинный испуг показался ей дурным предзнаменованием.

Она постучалась в дверь Синей Комнаты, и к ней вышла мисс Варрен, побледневшая и утомленная после долгого дежурства у постели больной.

— Приехала новая сиделка? — спросила она.

— Нет, еще не приехала. — Голос Элен звучал почти весело. — И нам придется ждать ее еще очень долго. Миссис Оутс говорит, что дороги на холмах развезло, и машине будет трудно проехать.

— Да, это верно, — неохотно согласилась мисс Варрен. — Пожалуйста, дайте мне знать, как только она придет.

Пусть она поест что-нибудь и сразу же сменит меня.

— А можно мне посидеть с леди Варрен? — спросила Элен.

— Спасибо, мисс Кейпел, — ответила мисс Варрен. — Это было бы очень любезно с вашей стороны. Леди Варрен уснула, поэтому вам придется сидеть очень тихо и просто наблюдать за ней. Если она проснется и попросит что-нибудь или у вас возникнут некоторые трудности, немедленно обращайтесь ко мне.

Леди Варрен лежала на большой кровати. На ней был темно-красный стеганный шелковый жакет, под голову подложено множество подушек. Глаза были закрыты, и она тяжело дышала.

С первого взгляда Элен поняла, что Стефан не ошибся. В прикованной к постели старухе не было ничего величественного. Лицо, испещренное морщинами, носило печать эгоизма и скверного характера. Седые волосы были довольно коротко подстрижены и падали на лоб и щеку густыми неровными прядями, а нос был подозрительно красным.

Пройдя на цыпочках через комнату, Элен уселась на скамейку у камина.

Внезапно у нее возникло подозрение, что леди Варрен притворяется.

«Она не спит, — подумала Элен, — она просто мошенничает».

Подняв голову, она заметила, что старуха подсматривает за ней.

Поняв, что дальше притворяться бесполезно, леди произнесла слабым дрожащим голосом:

— Подойдите сюда.

Помня о предупреждении миссис Оутс, Элен осторожно приблизилась к кровати.

— Подойдите поближе, — приказала леди Варрен.

Элен повиновалась, не отрывая глаз от предметов, стоящих на прикроватном столике. Интересно, какой снаряд запустит ей в голову старуха?

— Вы очень маленькая, — заметила леди Варрен после долгого молчания. — Никакого стиля. Абсолютно не производите впечатления. Я думала, что мой внук проявит больше вкуса, когда будет выбирать себе жену.

Элен поняла, что Симона отказалась посетить Синюю Комнату, хотя Ньютон много раз просил ее об этом.

— Он проявил прекрасный вкус, — сказала она. — Его жена очень красивая. А я вовсе не его жена.

— Кто же вы такая?

— Я помощница, меня зовут мисс Кейпел.

Старуха вздрогнула, лицо ее исказилось, блестящие глаза устали в одну точку, рот открылся, как будто она хотела закричать.

«Чего-то испугалась, — подумала Элен. — Но чего? Кажется, меня!»

Последующие слова леди Варрен опровергли это волнующее предположение. Она перевела дыхание и крикнула низким, почти мужским голосом:

— Уходите!

Испуганная этой внезапной переменой, Элен повернулась и бросилась бежать, каждую минуту ожидая, что об ее голову разобьется бутылка с лекарством. Но не успела Элен добежать до двери, как ее остановил новый крик:

— Вернись, глупышка!

Удивленная таким поворотом событий, Элен подошла к кровати. Старуха заговорила так тихо, что Элен едва могла различить слова:

— Уходи из этого дома. Слишком много деревьев.

— Деревьев? — переспросила Элен, вспомнив о страшном дереве у ворот, последнем в ряду молодых лиственниц.

— Деревьев, — повторила леди Варрен. — Они вытягивают ветви и стучат в окна. Они пытаются войти в дом... Когда наступает темнота, они движутся. Ползут к дому... Уходи.

Одной из маленьких слабостей Элен было стремление нравиться, и ей очень хотелось завоевать симпатию леди Варрен.

— Удивительно! — сказала она. — Я подумала об этих деревьях совершенно то же, что и вы.

К несчастью, леди Варрен восприняла слова Элен как недопустимую вольность.

— Я не желаю слушать, о чем ты думала. Если я и беспомощна... Как тебя зовут?

— Элен Кейпел, — ответила Элен, обескураженная раздражением больной.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

— Не ври. От силы девятнадцать.

Элен была удивлена пронизательностью старухи. Ее хозяйева не оспаривали возраст, который она указала.

Допрос продолжался.

— Ты пьешь?

— Нет.

— А мужчины?

— Ну что вы! Мне на них не везет.

— Элен, — почти нежно проворковала старуха, — я хочу, чтобы сегодня ты спала в моей комнате. Я посижу, чтобы с тобой не случилось ничего дурного.

— Но, миледи, — возразила она, — сегодня в вашей комнате будет спать новая сиделка.

— Ах, да, я и забыла про новую сиделку. Еще одна шлюха. Я ее встречу как следует... Но ты будешь спать в моей комнате. Понимаешь, дорогая, тебе угрожает опасность.

Старуха улыбнулась и стала похожа на крокодила.

«Я не смогла бы остаться с ней ночью», — подумала Элен, понимая, что ее страх не имеет под собой никакого основания. Как можно бояться старуху, которая даже не может встать с кровати!

— Боясь, что я не смогу остаться с вами без разрешения мисс Варрен.

— Моя падчерица дура. Она не понимает, что происходит в этом доме. Деревья, которые лезут прямо в дом... Подойди сюда, Элен.

Когда Элен подошла к постели, старуха крепко схватила ее за руку.

— Я хочу, чтобы ты достала мне одну вещь,— прошептала она.— Там, на полке, над шкафом. Влезь на стул.

Элен влезла на один из тяжелых полированных стульев и встала на цыпочки, чтобы открыть дверцу полки.

— Что вам достать? — спросила она.

— Небольшой твердый пакет, завернутый в шелковый шарф,— прозвучал неожиданный ответ.

— Вот это? — спросила Элен, прыгнув со стула.

— Да,— торопливо ответила леди Варрен.— Дай сюда.

Подходя к кровати, Элен поняла, что в пакете, и испугалась. Сквозь толстый шелк ясно прощупывались очертания, которые ни с чем нельзя было спутать. Револьвер! Она вспомнила, как леди Варрен охотилась на кроликов, и какой несчастный случай произошел с ее покойным мужем.

«Интересно, он заряжен или нет,— испуганно подумала Элен.— Я даже не могу понять, с какой стороны дуло... Я не должна отдавать ей револьвер. Миссис Оутс меня предупредила».

— Дай сюда,— повелительным тоном повторила леди Варрен.

Элен притворилась, что не слышит ее. С нарочитой небрежностью она положила пакет на столик и мягко произнесла:

— Вам нельзя волноваться, это вредно для сердца.

К счастью, леди Варрен на минуту забыла о револьвере.

— А что говорит доктор? — спросила она.

— Он говорит, что вы обладаете удивительной жизненной силой.

— Тогда он просто дурак... Я умираю. Но умру только тогда, когда буду полностью готова к смерти. Мне надо кое-что сделать. Я все откладывала. Это было проявлением слабости. Очень неприятное дело, правда?

Элен догадалась, что леди Варрен намекает на завещание.

— Да,— согласилась она,— все откладывают, но когда-нибудь должны сделать. Это наш долг.

Леди Варрен не слушала ее. Вновь заблестевшие глаза устремились к небольшому свертку на столе.

— Дай его мне! — сказала она.

— Нет,— ответила Элен.— Лучше не надо.

— Дурочка! Чего ты боишься? Это только футляр от очков.

— Я знаю. Мне очень жаль, миледи, но я здесь вроде простой машины и должна выполнять приказания мисс Варрен. А она велела мне только сидеть тихо и наблюдать за вами.

Леди Варрен не привыкла к возражениям. Она схватила себя за горло скрюченными пальцами и, задыхаясь, прошептала:

— Иди, приведи мисс Варрен.

Элен выбежала из комнаты, чувствуя некоторое облегчение от внезапного припадка леди Варрен. Больше не надо было думать о револьвере.

Подбежав к двери, она оглянулась и увидела, что голова леди Варрен бессильно упала на подушки.

Через минуту больная подняла голову. Одеяло зашевелилось,

из-под него показались ноги леди Варрен; она тихонько выскользнула из своей постели.

Глава VI. ПРИЗРАК

Мисс Варрен сидела за своим бюро и была погружена в чтение.

— Ну, что? — рассеянно спросила она Элен.

— Простите, что побеспокоила вас, — начала Элен, — но леди Варр...

Не успела Элен закончить, как мисс вскочила со стула и пошла к двери.

Элен не могла упустить случая удовлетворить свое любопытство и последовала за ней в Синюю Комнату. Леди Варрен все так же лежала на кровати, закрыв глаза. Она дышала с трудом, и губы ее надувались с каждым вздохом. Револьвер, завернутый в шелковый шарф, все еще был на столике.

Наблюдательная Элен с первого взгляда заметила кое-какие перемены и поняла, чем они вызваны. Когда она побежала за мисс Варрен, одеяло и простыни были скомканы. Сейчас они были аккуратно заправлены за матрас.

— Мисс Кейпел, — сказала мисс Варрен, наклонившись над неподвижной фигурой, распростертой на кровати, — дайте мне баллон с кислородом.

Благодаря их совместным усилиям леди Варрен постепенно ожила. Открыв глаза, она уставилась на Элен и еле слышно произнесла:

— Отошли ее.

Мисс Варрен подняла голову.

— Простите, мисс Кейпел, пожалуйста, уйдите.

Забыв о слабости, леди Варрен быстро повернулась к падчерице и сказала грубым голосом рыбной торговки:

— Идиотка! Пусть она соберет свои вещи и убирается отсюда. Сейчас же! — Потом снова закрыла глаза и прошептала: — Доктор. Мне нужен доктор.

— Он сейчас будет, — заверила ее мисс Варрен.

— Почему он всегда опаздывает? — захныкала больная.

— Потому что хочет знать, как вы себя чувствуете в конце дня, — не очень логично объяснила мисс Варрен.

— Потому что он бездельник, — оборвала ее старуха. — Я должна сменить доктора... Бланш, эта девушка не жена Ньютона. Почему его жена до сих пор не навестила меня?

— Вы слишком слабы для того, чтобы принимать посетителей.

— Ничего подобного. Не в этом дело. Я знаю, она боится меня.

Мисс Варрен заметила, что Элен еще не ушла, и повернулась к ней:

— Я справлюсь сама, мисс Кейпел.

— Я думаю, вы должны знать, — сказала Элен, выходя из Синей Комнаты. — Леди Варрен попросила меня достать ей одну вещь с полки.

— Вы считаете, что это так важно? — рассеянно спросила мисс Варрен.

— Да, потому что это был револьвер.

— Где он сейчас?

— На том столике.

Мисс Варрен схватила пакет, и ее белые пальцы бегло развернули складки шелкового шарфа. Потом она подняла открытый сверток, чтобы Элен могла увидеть его.

В нем находился большой футляр для очков.

Элен едва не упала, пораженная внезапной догадкой.

— Тот предмет имел совершенно другую форму, — заявила она. — У него были выступы.

— Что вы, собственно, хотите сказать?

— Я думаю, что, пока меня не было, леди Варрен спрятала револьвер и вместо него положила этот футляр.

— А вам известно, что моя мать сердечница и уже несколько месяцев не может вставать?

— Прошу прощения, если ошиблась, — пробормотала Элен. — Я только думала, что ничего не должна скрывать.

— Я уверена, что вы хотели быть полезной, — ответила мисс Варрен. — Но вы дали волю своему воображению. Видимо, как и все девушки, вы часто ходите в кино.

Элен была рассержена реакцией мисс Варрен на сообщение о пропащем револьвере.

«Клиент всегда прав, — напомнила она себе, спускаясь по лестнице. — Но у меня есть одно утешение. Теперь больше не будет разговоров о том, чтобы я спала в Синей Комнате».

Поскольку Оутс запаздывал, она решила вместо него накрыть на стол.

При звуке ее шагов дверь гостиной отворилась, и оттуда выглянула Симона, явно поджидавшая Стефана. Из-за ее плеча высунулась, словно змея, голова мужа.

Симона не показала вида, что раздосадована. Она лишь улыбнулась и пожала плечами, пробормотав: «Что за верный супруг!»

Дверь закрылась, и Элен прошла в столовую, впервые сочувствуя Симоне.

«Мне бы действовало на нервы, если бы за мной ходили вот так по пятам», — подумала она.

Столовая была самой красивой комнатой в доме. Потолок и огромный камин были отделаны темным деревом. Алые занавески закрывали широкие окна, стены украшали темно-красные обои.

Элен подошла к ореховому серванту, где хранились серебро и хрусталь, и вынула из ящика скатерть.

Раскладывая ложки и вилки, она размышляла: «Я не могу позволить себе спорить с хозяевами, но уверена, что револьвер подменили. Леди Варрен вовсе не такая беспомощная. Она вылезла из кровати, а потом пыталась замести следы, аккуратно застелив постель. Она явно перестаралась... Хорошо бы поговорить об этом с доктором Перри».

Девушка сновала между столом и сервантом, доставая посуду. У нее все еще горели уши от мрачных насмешек мисс Варрен.

«Ладно, я ее предупредила, и меня это больше не касается. Но все-таки хотелось бы знать, где револьвер. Меня больше никакими силами не заманишь в старухину комнату».

Элен прислушалась, стараясь определить, не приехал ли Оутс, но ветер дул так сильно, что заглушал гудение мотора. Она поняла, что прибыла новая сиделка, только когда услышала восклицания миссис Оутс, шумно приветствовавшей своего супруга.

Элен быстро распахнула дверь, но не успела увидеть лицо сиделки, которая повернулась к ней спиной и спускалась по лестнице, ведущей в кухню. Со спины женщина производила весьма внушительное впечатление, она была необычайно высокой и широкоплечей.

Элен обрадовалась, вид сиделки прибавил ей уверенности.

«Во всяком случае, эта дама не будет слабым звеном в наших рядах,— решила она.— С ней убийце пришлось бы повозиться, такую не задушишь, подкравшись сзади».

В холле она немного задержалась и внезапно вспомнила сломанную ручку в комнате мисс Варрен. Оутс обычно бросал свои инструменты где попало, чаще всего там, где последний раз производил какую-нибудь починку. Привычка Оутса позволила Элен без особых трудов найти ящик с инструментами в углу холла.

Поднявшись на второй этаж, Элен опустила на колени перед дверью мисс Варрен и стала осматривать ручку. Вдруг неясный звук заставил ее поднять голову и осмотреться.

Ей показалось, что она видит призрак. С тихим скрипом дверь, ведущая на заднюю винтовую лестницу, открылась и снова закрылась, и на секунду в дверном проеме возникло незнакомое лицо.

Испуганная этим мрачным видением, Элен не сразу поняла, что дверь действительно открылась, и к ней направляется профессор Варрен.

«Это, наверное, был профессор,— подумала Элен.— Лицо, похожее на него. Может быть, виновато освещение. Здесь так темно».

Элен пыталась утешить себя малоубедительными объяснениями, но рассудок восставал против них. В глазах стояла винтовая лестница и узкие переходы между площадками, где можно так легко спрятаться.

Она напомнила себе, что днем невозможно проникнуть в дом незамеченным. И вдруг вспомнила слова миссис Оутс:

«Убийца-маньяк сверхъестественно хитер. Он знает все».

Элен вздрогнула и хотела уже рассказать профессору о таинственном призраке, но воспоминание о последнем разговоре с мисс Варрен остановило ее.

Профессор рассеянно кивнул и прошел мимо.

Возбужденная случившимся, Элен решила испытать, насколько у нее крепкие нервы, и спуститься по винтовой лестнице. Открыв дверь на площадку и вглядываясь во ввинчивающиеся в темную глубину ступеньки, Элен чувствовала себя зверем, попавшим в ловушку. Спускаясь по последнему проле-

ту, она окончательно струсила и почти прокатилась вниз, вспоминая бледное, искаженное злобой лицо призрака.

Глава VII. НОВАЯ СИДЕЛКА

В кухне Элен встретили взрывы и шипение кипящего масла.

Оутс, одетый в серый шерстяной свитер, поглощал огромные куски хлеба с холодным мясом.

Встретив его прямой и бесхитростный взгляд, Элен почувствовала прилив радости. Мистер Оутс, как и его жена, всегда казался ей воплощением силы и покоя.

— Как я рада, что вы вернулись,— сказала она.— С вами можно ничего не бояться, вы стоите тронх.

— Погодите, вот увидите, кого я привез...

— Вы имеете в виду новую сиделку?— спросила Элен.

— Да, малютку, которую я подобрал у дверей медицинского центра. Она не уступит любому мужчине.

— А какой у нее характер?

— Ведьма, каких свет не видал. Говорит с людьми, будто набрала полный рот перьев. Она сразу поставила меня на место, чтобы я не забывался... Так вот, если она воспитанная дама, то я — Грета Гарбо.

— А где она?

— В маленькой гостиной, я подала ей туда обед,— ответила миссис Оутс.

— В моей гостиной?

Миссис Оутс и ее супруг улыбнулись. Преувеличенное чувство собственности Элен всегда смешило их.

— Только на сегодняшний вечер,— успокоила девушку миссис Оутс.— Она сильно промокла, и я подумала, что ей лучше не дожидаться, пока все будет готово.

«Пойду поздороваюсь с ней»,— решила Элен, хотя ей хотелось не столько поздороваться, сколько посмотреть на новую сиделку.

Когда Элен вошла в свое убежище, новая сиделка подняла голову и вежливо сказала:

— Здравствуйте. Вы мисс Варрен?

— Нет, я помощница, мисс Кейпел. Вам ничего не нужно?

— Нет, спасибо. Я хочу спросить, почему меня поместили в кухню?

— Это не кухня,— объяснила Элен,— это моя гостиная.

— И вы тоже здесь обедаете?

— Нет, я обедаю с членами семьи.

Глубоко сидящие глаза сиделки заблестели, и Элен поняла, что та ей завидует. Хотя Элен не привыкла к тому, чтобы ей завидовали, внутренний голос подсказал, что надо смягчить обиду сестры Баркер.

— Вообще-то у сиделки есть своя собственная гостиная на втором этаже, гораздо более комфортабельная, чем эта,— сказала она.— Вам будут подавать завтрак и обед туда. Сегодня мы поспешили, потому что вы очень замерзли и устали.

— Не только замерзла и устала. Я еще очень напугана. Не думала, что дом расположен так далеко от города.

— Но вы же знали, что он находится в сельской местности.

— Я думала, что это обычный загородный коттедж. Мне сказали, что я буду ухаживать за леди Варрен, это звучало вполне прилично.

— Боюсь, что больная покажется вам немного взбалмошной,— предупредила ее Элен.— Превенная сиделка ее просто боялась.

— Меня-то ей не испугать. Со мной ее шутки не пройдут.

Когда вошла миссис Оутс, Элен почувствовала немалое облегчение.

— Обед почти готов, остается только его подать,— объявила миссис Оутс.— Я заглянула к вам, чтобы спросить, не хотите ли вы немного пудинга или кусочек пирога с вареньем из крыжовника.

— Нет, спасибо. А у вас нет никакого стимулирующего средства? — светским тоном спросила сестра Баркер.

У миссис Оутс заблестели глаза.

— В винном погребе полно. Но ключ всегда у хозяина. Если хотите, сестра, я поговорю с ним.

— Нет, спасибо, лучше я сама поставлю в известность мисс Варрен о своих условиях... Очень странно, что она не спустилась сюда, чтобы поговорить со мной. Где она?

— Сидит с леди Варрен. Я бы на вашем месте не очень-то спешила подниматься туда.

Сестра Баркер обдумывала совет миссис Оутс.

— Я прямо с дежурства. Мне надо хорошенько отдохнуть ночью.

Она повернулась к Элен.

— У вас хороший сон?

— С десяти до семи без перерыва,— похвасталась девушка.

— Тогда вам не повредит, если вы одну ночь не поспите.

Сегодня вам придется провести ночь с леди Варрен.

Элен охватил ужас.

— Нет, нет! Я не могу!

— А почему?

— Я... В общем, это, наверное, глупо, но я ее боюсь.

Сестра Баркер презрительно улыбнулась.

— Глупости. Бойтесь беспомощной старухи, прикованной к кровати? Никогда не слышала о таких капризах! Я договорюсь с мисс Варрен.

Элен вспомнила о молодом докторе. Если она попросит его, он не откажет в ее просьбе.

— Ну ладно, посмотрим, что скажет доктор,— сказала она.

— А доктор молодой? — спросила сестра Баркер.

— Довольно молодой,— ответила Элен.

— Женатый?

— Нет.

— Знаете что,— обратилась миссис Оутс к Элен.— Лучше я поговорю с доктором. Этого требует профессиональная этика. Вы не должны говорить о больной.

— Я никогда не говорю с ним о ней.

— Странный дом,— перебила их сестра Баркер.— Я думала, что здесь полно прислуги. Почему в доме так пусто?

— Да, очень странно,— заметила миссис Оутс.— Всегда было трудно находить прислугу, особенно молодых девушек. Во-первых, дом очень уединенный. И потом, у него дурная слава.

— Дурная слава? — подхватила сестра Баркер, а Элен навострила уши, с нетерпением ожидая ответа миссис Оутс.

— Да. Сейчас это уже почти легенда, но во времена отца нынешнего хозяина, сэра Роберта, одна из горничных утонула в колодеце. Ее обманул поклонник, и поэтому все считали, что она бросилась в колодец. Кроме того, было еще убийство... младшая кухарка, которую нашли в доме мертвой. У нее было перерезано горло. Она ненавидела бродяг и всегда прогоняла их. Слышали, как один из них угрожал разделаться с ней. Его так и не нашли. С тех пор от дома пахнет чем-то неприятным.

Элен крепко сжала руки.

— Миссис Оутс, а где точно произошло убийство?

— В темном проходе, там, где погреб. Мы с Оутсом зовем это место «тропа смерти».

— Когда это случилось? — спросила Элен.

— Незадолго до смерти сэра Роберта. Леди Варрен хотела оставить дом, потому что невозможно было найти прислугу. Они все время ссорились, пока не произошел этот несчастный случай.

— А у профессора тоже трудности с прислугой? — поинтересовалась сестра Баркер.

— До сих пор не было,— ответила миссис Оутс.— Всегда можно найти старушек и пожилых женщин, подходящих для приличного и спокойного дома. Все было хорошо до тех пор, пока снова не начались убийства.

Сестра Баркер с мрачным удовлетворением облизнула губы.

— Одно из них произошло довольно близко, правда?

— Всего за несколько миль.

— Ну что ж,— заметила сестра Баркер.— Мне нечего бояться, раз она здесь.

— Вы имеете в виду мисс Кейпел? — спросила миссис Оутс.

— Конечно.

— Почему же убийца должен обязательно выбрать меня? — возразила Элен.

— Потому что вы молодая и хорошенькая.

— В таком случае мне тоже ничего не угрожает. Ни один мужчина даже не посмотрит на меня, пока здесь находится невестка профессора. От нее так и разит сексом.

Сестра Баркер с мрачной многозначительностью покачала головой.

— Нет, ей как раз нечего беспокоиться.

— Почему?

— Разве вы не заметили, что убийца всегда выбирает девушек, которые сами зарабатывают себе на жизнь? Может быть, это какой-нибудь контуженый, который вернулся с фронта и увидел, что на его прежнем месте работает женщина? Вся

страна кишит работающими женщинами, как червями, пожирающими все рабочие места. А мужчины умирают с голоду.

— Но ведь я не занимаюсь мужской работой,— возразила Элен.

— Занимаетесь. Теперь в домах много мужской прислуги. И здесь есть мужчины. Ее муж.— Сестра Баркер кивнула в сторону миссис Оутс.— Вместо того, чтобы сидеть дома, вы уехали на заработки и отнимаете заработок у других.

— Ну... а вы?

— Сиделками всегда были только женщины.

Миссис Оутс, поднявшись со стула, сделала попытку разрядить напряжение.

— Ну ладно, кто бы там ни хотел обидеть нашу маленькую мисс Кейпел, ему сначала придется иметь дело с Оутсом и со мной.

— Мне не страшно, даже если убийца выбрал именно меня,— ответила девушка.

Но сестра Баркер, словно побуждаемая неким сверхъестественным инстинктом, оживила уснувший было страх Элен.

— Во всяком случае,— заметила она,— у вас будет очень приятная компания — леди Варрен. Сегодня вы будете спать в ее комнате.

Слушая ее, Элен поняла, что все кончено. Леди Варрен чувствовала, что Элен обязательно придет к ней. Старуха скалила зубы, как крокодил, знающий, что его жертва не ускользнет от него.

Старуха будет ее ждать.

Глава VIII. РЕВНОСТЬ

Чем больше Элен раздумывала о перспективе провести ночь в Синей Комнате, тем меньше ей это нравилось. Элен была уверена, что мисс Варрен поддержит сиделку: статус сестры Баркер, опытной специалистки, был значительно выше, чем статус помощницы, не имевшей никакой специальности. Кроме того, у Элен было смутное подозрение, что доктор поддержит сестру — из чисто эгоистических соображений.

«Если он изменит мне, я должна буду стиснуть зубы и примириться,— думала Элен.— Но сначала я должна сделать отчаянную попытку и воззвать к его лучшим чувствам».

Пока Элен в кухне натирала мускатные орехи, Симона в гостиной бросила сигарету в огонь в камине, зевнула и встала. Голова ее супруга сразу же вынырнула из-за книги.

— Куда ты идешь? — спросил он.

— Одеться к обеду. А что?

— Просто пробный ход, чтобы начать разговор. Культурный человек не может постоянно молчать, как это делаешь ты.

Глаза Симоны блеснули из-под покрашенных бровей.

— Ты все время спрашиваешь,— сказала она.— Я не привыкла к допросам, мне они неприятны. И вот еще что. Я не люблю, когда за мной следят.

Ньютон выпятил нижнюю губу и тоже бросил сигарету в огонь.

— Совершенно случайно я иду туда же, куда и ты, моя дорогая. Я тоже иду переодеваться к обеду.

Симона круто повернулась.

— Послушай, из уважения к профессору я не хочу устраивать тебе сцены в этом доме. Но предупреждаю раз и навсегда, с меня довольно!

— И я тоже предупреждаю тебя. С меня довольно твоих заигрываний с Райсом.

— Ох, не будь таким дураком и не начинай снова свои средневековые штучки. Я свободна и могу поступать, как хочу. Могу бросить тебя и сделаю это, если ты будешь продолжать в том же духе.

— Может быть, потому-то я и стремлюсь удержать тебя,— ответил Ньютон.— Не забывай, единственный капитал членов этого семейства — мозги.

Лицо Симоны разгладилось. Она посмотрела на мужа с некоторым интересом и, обернувшись у дверей гостиной, произнесла:

— Я иду наверх. Одна.

Ньютон мрачно взглянул на нее и поглубже сел в кресло. Но через некоторое время, отбросив книгу, бесшумно поднялся по ступенькам и, прислушиваясь, остановился на площадке.

Симона поднялась на третий этаж, но не пошла в Красную Комнату. Вместо этого она подошла к двери Райса и легонько постучала:

— Стив!

Стефан лежал на кровати и курил. На его груди покоилась голова щенка. Услышав голос Симоны, Стефан нахмурился, а щенок повернул морду к двери. Белки его глаз сверкнули.

— Не входите! — крикнул Стефан.— Я не одет.

— Поскорее. Я хочу вас видеть.

Симона направилась в Красную Комнату, которой уже успел завладеть ее супруг.

— Что, не повезло? — нарочито игривым тоном спросил он, снимая пиджак.

— Я просила не ходить за мной.

— Я и не ходил. Я просто двигался, повинуюсь законам природы. Даже ледники движутся, хотя мы не замечаем этого.

— Если бы вы двигались с той же скоростью, что и ледники, я бы не жаловалась.

Подойдя к гардеробу, Симона вынула черное бархатное платье, которое надевала к обеду с тех пор, как приехала в этот дом. Но потом отложила это платье и выбрала бледно-розовое атласное.

— Прелестное платье для семейного обеда в сельской местности,— фыркнул Ньютон.

— Я надела это платье не для вашего семейства,— презрительно ответила Симона.

Закончив свой туалет, она вышла из комнаты и нарочно оставила дверь открытой, чтобы муж мог слышать, как она идет к двери Стефана.

— Стив,— снова позвала Симона.— Я хочу с вами поговорить.

— А, ладно.

Вышел Стефан, заспанный и растрепанный.

— У вас растрепались волосы,— сказала Симона, обеими руками разнимая его густую шевелюру.

— Не надо.— Стефан сделал попытку вырваться.— Я не люблю, когда меня трогают.

— Но мне это нравится.

— Тогда продолжайте, дорогая.

Стефан поднял голову и, ехидно улыбаясь, посмотрел на Ньютона.

— Все это предназначается вам, Варрен. Ваша жена только практикуется на мне.

Ньютон ухмыльнулся:

— Надеюсь, моя жена и дальше будет использовать вас вместо манекена. Лишь бы она оставила меня в покое.

Симона посмотрела на упрямый ежик рыжих волос.

— Хоть причесьвай, хоть нет — никакой разницы,— сказала она.— Стефан, вы еще не выразили своего восхищения моим новым платьем.

— Сногсшибательно. Я убит. Очень красиво, и, главное, все на виду. Теперь уж никто не примет вас за монахиню.

Ньютон пожал плечами и отвернулся.

— Боюсь, что платье моей жены для меня не такая новость, как для вас. Да, между прочим, куда вы дели вашу собаку?

— Она в моей спальне.

— В спальне? Вы действительно зашли слишком далеко. Вряд ли это порядочно по отношению к хозяйке дома. Если хотите принять совет, отведите ее на ночь в гараж.

— От вас я ничего не приму,— огрызнулся Стефан.

— Даже мою жену? Что ж, большое спасибо.

Насвистывая и безуспешно притворяясь, что ему все безразлично, Ньютон сбегал по ступенькам, ни разу не оглянувшись.

— Пусть меня повесят, если я засуну щенка в эту проклятую дыру,— бушевал Стефан.— Он останется здесь, или я уйду вместе с ним.

— Ради бога, забудьте о собаке,— воскликнула Симона.— Лучше скажите, вам действительно нравится мое платье?

— Вот что я могу сказать,— продолжал бушевать Стефан.— Мне приятно смотреть на спину боксера, когда я поставил на него, но вне ринга мне наплевать на все голые спины на свете.

— Грубиян! — крикнула Симона.— Я надела это платье для вас. Я хочу, чтобы вы навсегда запомнили наш последний вечер. И меня.

— Простите, дорогая, но после обеда я иду в бар.

Глаза Симоны загорелись ревностью.

— У вас свидание с официанткой, у которой волосы, как пакля!

— Белочка? Да, верно. Но меня интересует нечто другое. Пиво. Замечательное пиво.

— Лучше останьтесь со мной... Вы единственный мужчина, которого мне пришлось просить об этом.

Стефан надул губы, словно избалованный ребенок. Ему хотелось провести вечер в мужском обществе, хотелось полной свободы и приятных собутыльников, которых он мог найти в маленьком сельском баре. Светловолосая хозяйская дочка была лишь незначительной частью этих радостей, поскольку наливала ему пиво в кружку. С шумом захлопнув за собой дверь, Стефан бросился на кровать.

— Женщины хуже черта,— обратился он к щенку.— Никогда не женись, приятель.

Симона, чье настроение значительно ухудшилось, сбежала по ступенькам. На втором этаже она столкнулась с миссис Оутс, которая показывала новой сиделке комнату больной. Увидев сестру Баркер, Симона немного успокоилась. Ревность дошла в ней до таких пределов, что ее раздражало бы присутствие хорошенькой сиделки.

— Это молодая миссис Варрен,— прошептала миссис Оутс и постучала в дверь Синей Комнаты.

Мисс Варрен открыла дверь, и в ее водянистых глазах появилось нечто вроде удовлетворения.

— Я очень рада, что вы приехали, сестра.

— Не сомневаюсь, что вы с удовольствием уступаете мне место,— заметила сестра Баркер.— Могу я видеть больную?

Она уверенно вошла вслед за мисс Варрен в Синюю Комнату и остановилась у кровати, где, съжившись в комок, лежала леди Варрен. Глаза у нее были закрыты.

— Надеюсь, вы ей понравитесь,— нерешительно пробормотала мисс Варрен.

— О, мы скоро подружимся,— уверенно ответила сестра Баркер.— Я умею обращаться со стариками. С ними надо вести себя ласково, но твердо. Они точно дети.

Леди Варрен открыла один глаз, имевший отнюдь не детское выражение.

— Это новая сиделка? — спросила она.

— Да, мама,— ответила мисс Варрен.

— Отошли ее.

— О боже,— прошептала она.— Боюсь, что вы тоже ей не нравитесь.

— Пустьяки,— заверила сестра Баркер.— Мы сегодня немного раздражительны, вот и все. Скоро это пройдет.

— Отошли ее,— повторила леди Варрен.— Я хочу опять ту девушку.

Сестра Баркер воспользовалась случаем завоевать благосклонность больной.

— Сегодня вы получите ее,— пообещала она и отвела мисс Варрен в сторону.

— Есть здесь немного бренди? Врачи рекомендуют мне принимать немного стимулирующего.

Мисс Варрен беспокойно оглянулась.

— Я думала, вас предупредили, что в доме не подают спиртного. Поэтому вам больше платят.

— Но ведь нельзя не иметь бренди в комнате больного,— настаивала сиделка.

— Моей матери не дают бренди, она живет на кислороде... Без него она не может обойтись... но... может быть... Я поговорю с профессором.

Скользая перед огромной фигурой сестры Баркер, словно осенний высохший лист, подгоняемый восточным ветром, мисс Варрен прошла к двери профессора.

В ответ на робкий стук профессор появился у дверей спальни, поздоровался с сиделкой и выслушал ее требование.

— Конечно, вы получите бренди, если вам нужно. Я сейчас же спущусь в подвал и пошлю бутылку бренди в вашу комнату.

Профессор прошел на кухню и попросил миссис Оутс подержать свечу.

Хотя требование профессора содержало известную долю жестокости, миссис Оутс тотчас же повиновалась и пошла перед профессором, словно проводник. Дойдя до дверей подвала, она остановилась, высоко держа свечу.

Ключ повернулся в замке, и миссис Оутс вместе с профессором вошли в «святотерра». Неприкрытая алчность блестела в глазах женщины, пока ее хозяин выбирал бутылку из множества бутылок в плетеной корзине.

На обратном пути уже профессор возглавлял процессию, а миссис Оутс почтительно следовала за ним.

Поставив бутылку на кухонный стол, он обратился к Элен:

— Пожалуйста, отнесите ее в Синюю Комнату после того, как миссис Оутс откупорит бутылку.

Когда профессор ушел, Элен сочувственно посмотрела на миссис Оутс.

— Какое безобразие! Почему бы вам не отлить ложечку, чтобы выпить за здоровье леди Варрен?

— Я бы никогда не посмела этого сделать,— ответила миссис Оутс.— Сиделка увидит, что бутылка неполная, и наядедничает на меня. А развлекать водой такую чудесную вещь просто грех. Поскорее унесите ее, только не уроните.

Как только миссис Оутс осталась одна, обнаружилась тайна ее доблестного поведения. Пробравшись в моечную, она нагнулась, чтобы подобрать нечто спрятанное под раковиной. Возвратившись в кухню, она улыбнулась, с триумфом глядя на свою добычу, и спрятала ее в шкафу среди «пустышек» или «покойничков», как называл их Стефан.

Это была вторая бутылка бренди.

Глава IX. СТАРУХА ВСПОМИНАЕТ

Элен постучала в Синюю Комнату, и сестра Баркер открыла ей дверь. В белом халате, с багровым лицом, окаймленным косынкой, она была похожа на монументальную футуристическую скульптуру.

— А, это вы,— сказала она.— Хорошо, что пришли, я смогу немного поспать. Мне необходимо выспаться ночью, если

я одна, без сменщицы, буду дежурить у больной.

С мрачным блеском в глубоко сидящих глазах она добавила:

— Я все устроила, вы проведете эту ночь здесь. Мисс Варрен присутствовала при разговоре, так что она знает, о чем мы договорились, а старуха, леди Варрен,— быстро поправились она,— не возражает.

Элен подумала, что будет разумнее, если протест будет исходить из официального источника.

— Хорошо, сестра,— сказала она.— Но мне надо переодеться.

— Ах да, вы переодеваетесь к обеду, верно?

Взгляд ее был таким злобным, что Элен была рада поскорее убраться из комнаты.

Войдя в спальню, Элен с испугом отпрянула от двери, увидев какую-то массу, пытавшуюся проникнуть к ней в окно.

Она быстро нащупала выключатель и увидела, что испугалась напрасно: темная масса оказалась ветвями высокого кедра, которые бились в окно под порывами бури.

«Это дерево словно хочет ворваться в дом,— подумала Элен.— Я должна закрыть окно».

Закрепив обе створки, Элен увидела, что вода льется по стеклу, словно по водосточной трубе. Она была рада задержать плотные занавески и насладиться контрастом между тревожным ландшафтом и спокойным уютом комнаты.

Вспомнив, что ей предстоит провести эту ночь с леди Варрен, Элен захотелось встретиться с доктором Перри и убедить его вступить за нее.

Спустившись на площадку второго этажа, Элен заметила, что дверь Синей Комнаты приоткрыта и в ее проеме блестит внимательный глаз сестры Баркер. Застигнутая врасплох, сестра быстро прикрыла дверь.

В этом подглядывании было что-то вороватое и неприятное. Элен почувствовала беспокойство.

«Эта сиделка следит за мной,— подумала она.— Очень странная женщина. Мне бы не хотелось остаться с ней в доме наедине».

Не раздумывая, девушка двинулась в сторону Синей Комнаты. Сестра Баркер, видя, что ее засада раскрыта, отворила дверь.

— Что вам надо? — нелюбезно спросила она.

— Я хочу предупредить вас,— ответила Элен.

Она остановилась, видя, что сестра Баркер с вождением смотрит на ее открытую шею.

— Какая у вас белая кожа!

— Как у всех рыжих, — коротко объяснила Элен.

— Вы сказали, что хотите меня предупредить?

— Да. Не очень-то полагайтесь на то, что леди Варрен такая уж беспомощная.

— Что вы хотите сказать?

— Она кое-что прячет.

— Что?

— Если вы такая же хитрая, как она, то сами увидите,— ответила Элен, поворачиваясь к двери.

— Подождите,— попросила сестра Баркер.— Вы сказали или слишком много, или слишком мало.

Элен улыбнулась и покачала головой.

— Спросите мисс Варрен. Я сказала ей и получила хороший шелчок по носу за все мои старания.

Услышав из глубины комнаты низкий голос, Элен вздрогнула.

— Это та девушка?

— Да, миледи,— ответила сестра Баркер.— Хотите ее видеть?

— Да.

— Простите,— быстро перебила Элен.— Я очень спешу, мне надо помочь накрывать на стол.

У сестры Баркер заблестели глаза, как у человека, чувствующего свою силу.

— Почему вы так ее боитесь? — фыркнула она.

— Вы бы тоже боялись, если бы знали то, что знаю я,— заметила Элен.

Сестра Баркер схватила Элен за руку. Ее ноздри раздувались.

— Обед может подождать. Мисс Варрен велела, чтобы леди развлекали и во всем слушались. Входите.

У Элен упало сердце, когда она вошла в Синюю Комнату. Леди Варрен лежала в кровати, голова ее покоилась на высоко взбитых подушках. На ней был пушистый белый халат. Густые седые волосы аккуратно расчесаны на прямой пробор и связаны розовыми бантиками.

Очевидно, сестра Баркер первым делом украсила свою больную как жертвенного агнца. Элен понимала, что только своеобразное мрачное чувство юмора позволило леди Варрен стерпеть подобное унижение. Она хотела обмануть сиделку, внушив ей ложное чувство безопасности, чтобы правда показалась той еще более страшной.

— Идите сюда,— сказала больная хриплым шепотом.— Я хочу что-то сказать вам.

Она крепко схватила Элен за руку и притянула к себе.

— В этом доме была убита девушка,— прошептала леди Варрен.

— Да, я знаю,— успокаивающим тоном ответила Элен.— Но почему вы об этом подумали? Это ведь случилось так давно!

— Откуда вы знаете? — выдохнула старуха.

— Мне сказала миссис Оутс.

— Она сказала вам, что девушку бросили в колодец?

Элен вспомнила, что, по версии миссис Оутс, убийца использовал иной способ. Колодец фигурировал в эпизоде с самоубийством. Ее поразило, что миссис Оутс приукрасила правду, чтобы придать убийству еще более устрашающий и сенсационный характер.

— Ну, это мог быть просто несчастный случай,— произнесла Элен вслух.

— Нет! — завопила она.— Это было убийство. Я все видела. Сверху, из окна. Было почти темно, и я подумала, что это просто дерево в саду. Но потом... пришла та девушка, и дерево напало на нее и бросило в колодец. Я опоздала. Я не могла найти веревку... Послушайте.

Она притянула голову Элен вплотную к подушке.

— Этой девушкой были вы.

У Элен было такое чувство, будто ей только что предсказали скорую смерть. Но она встретилась глазами с сестрой Баркер и сделала вид, что просто развлекает пациентку.

— Правда? — шутливо сказала она. — Ну, тогда я должна быть очень осторожна.

— Дурочка, — задыхалась старуха. — Я вас предупреждаю. В этом доме убивают девушек. Но вы будете спать в моей комнате. Я позабочусь о вас.

Вдруг Элен подумала, что сможет заставить старуху показать тайник, где спрятан револьвер.

— Как же вы это сделаете? — спросила она.

— Я застрелю его.

— Прекрасно. Но где ваше оружие?

Леди Варрен посмотрела на Элен с крокодильей хитростью.

— У меня нет оружия, — захныкала она. — У меня был когда-то револьвер, но его отобрали. Я только несчастная старуха. Сестра, она говорит, что у меня есть револьвер. Это правда?

— Конечно, нет, — ответила сестра Баркер. — Мисс Кейпел, вы не должны раздражать мою больную!

— Тогда я уйду, — сказала Элен, очень благодарная сиделке за ее вмешательство. Потом тихо добавила: — Вы только что задали мне вопрос. Вот вам и ответ. Теперь вы знаете, что вам нужно искать.

У самых дверей ее остановил басовитый окрик леди Варрен:

— Возвращайтесь поскорее.

— Хорошо, обязательно.

Эпизод так расстроил Элен, что у нее дрожали колени.

«Что это со мной? — удивилась девушка. — Кажется, я совсем одурею, если только доктор не вызволит меня».

Она беспокойно посмотрела на старые часы. Доктор Перри жил в нескольких милях от «Вершины», поэтому посещал этот дом в последнюю очередь, чтобы поспеть домой к обеду.

Никогда раньше он так не опаздывал. Неясное предчувствие овладело Элен. «Он не придет, — подумала она. — И мне придется спать в Синей Комнате».

Глава X. ТЕЛЕФОН

Подавленная и расстроенная, Элен направилась к лестнице, ведущей в кухню.

Ее перехватил Ньютон.

— Я слышал, что вы завоевали сердце моей бабушки. Поздравляю. Как вы добились такого успеха?

Интерес в глазах Ньютона немного обидел девушку, и она почувствовала себя увереннее.

— Ну, вам-то не следовало спрашивать.

— Вы хотите сказать, что я любимчик. Может быть, и так. Но это ничего не значит, когда на карту поставлены финансовые вопросы.



Человека

Силою Незданноу Ртуту Тоск

ветви оказы
скрюченными
руками, кото
пот дом

— Вы имеете в виду завещание? — смело спросила Элен. Он кивнул.

— Составит она его или нет?

— Мы говорили с ней, и я посоветовала не откладывать. Ньютон, взволнованный ее сообщением, громко позвал:

— Тетя Бланш, идите сюда!

Ми с Варрен выскользнула из своей комнаты, повинувшись зову племянника.

— В чем дело? — спросила она.

— Историческое известие, — объявил Ньютон. — Мисс Кейпел сделала за пять минут больше, чем мы за пять лет. Она заставила бабулю заговорить о завещании.

— Не совсем так, — уточнила Элен. — Но она сказала, что не умрет, пока не выполнит одно дело — очень неприятное дело, которое все всегда откладывают.

— Неплохо, — кивнул Ньютон. — Ну что ж, мисс Кейпел, я надеюсь, что вы будете продолжать вашу благородную деятельность и снова заговорите с ней об этом деле, если она будет плохо спать.

Войдя в комнату, Элен сразу поняла, что миссис Оутс не в духе. Оутс с многозначительным видом держался подалеже от жены. Миссис Оутс бесцеремонно указала на тазик с кипящей водой, стоящий на столе.

— Почистите вот это для торта, — приказала она. — Я опаздываю с обедом. Оутс путается у меня под ногами, так что прямо не знаю, то ли мне летать по воздуху, то ли проделать подземный ход.

Элен покорно села за стол и неохотно стала очищать миндаль от сморщенной коричневой кожицы. Она уже примирилась с мыслью, что доктор не придет, и не обратила внимания на звонок.

Рассерженная миссис Оутс посмотрела на световой указатель.

— Парадная дверь, — раздраженным тоном сказала она. — Это, должно быть, доктор.

Элен вскочила и побежала к двери.

— Я открою ему!

— Спасибо, мисс, — поблагодарил ее Оутс. — Я без брюк.

— Ах, какой стыд! — засмеялась Элен.

Оутс имел в виду, что надел свои лучшие брюки и полотняный пиджак — костюм, в котором обычно обслуживал за столом хозяев.

Элен взбежала по ступенькам и открыла парадную дверь, впуслав прежде всего поток дождевой воды, а затем уже доктора.

Это был молодой человек плотного сложения, с резкими, но приятными чертами лица. Элен радостно приветствовала его, и он, в свою очередь, посмотрел на нее с явным одобрением.

— Сегодня что, гала-представление? — спросил он и, нахмурившись, добавил: — Странно, что вы такая худенькая. Ведь вы так много работаете по дому!

— В последнее время мне почти не приходится ничего делать, — объяснила Элен.

— Понятно,— пробормотал доктор Перри, раздумывая над тем, почему его совершенно не волнует добровольное голодание пациентки, сбрасывающей лишний вес, хотя результат бывает тот же.

— Вы любите молоко? Конечно, не любите!

— Ну да! Я бы ничего не оставила для продажи, если бы работала в молочной лавке!

— Вам надо пить много молока. Я поговорю с миссис Оутс. Доктор сорвал с себя кожаную куртку и бросил ее на стул.

— Скверная погода,— заметил он.— Из-за нее я опоздал. Как сегодня леди Варрен?

— Как всегда. Она хочет, чтобы я спала в ее комнате.

— Ну, если я хорошо понял ваш характер, вам это доставит удовольствие,— улыбнулся доктор.

— Но я боюсь,— захныкала Элен.— Я надеюсь только на вас. Скажите им, что я не... неопытная.

— И на вас влияет этот дом? Вам кажется, что он слишком далеко от других?

— Нет, нет, это не просто нервы. У меня есть причина бояться.

Несмотря на свои прежние неудачные попытки убедить собеседников, Элен рассказала доктору о револьвере. Он выслушал ее очень внимательно.

— Странная история. Но я могу поверить во что угодно, если здесь замешана эта милая старушка. Прямо рождественский сюрприз. Я постараюсь узнать, где она его прячет.

— И вы скажете, что мне не стоит спать в ее комнате? — настаивала Элен.

Доктор Перри задумчиво потер подбородок, как бы выражая свое сомнение.

— Ничего не могу обещать. Сначала я должен поговорить с сиделкой. Может быть, ей действительно надо хорошенько выспаться, если она прямо с дежурства... Лучше мне подняться к ней.

Доктор распахнул дверь. Когда они проходили через холл, он тихо сказал:

— Встряхнитесь, старушка! Вряд ли этот револьвер заряжен. Во всяком случае, сомневаюсь, что в таком возрасте она сможет как следует прицелиться.

— Но она бросила тарелку с овсянкой прямо в голову прежней сиделке! — напомнила Элен.

— Чистая случайность. Не забывайте — она очень старая. Не трудитесь подниматься.

— Нет, я лучше представлю вас сиделке как полагается,— настаивала Элен, стараясь не нарушать профессиональной этики.

Но злобный блеск в глазах сестры Баркер, открывшей дверь на ее стук, показал, что она допустила еще один промах.

— Я привела доктора Перри,— сказала Элен.

Сестра Баркер величественно склонила голову.

— Как давно вы здесь, доктор? — спросила она.

— О, только пять минут или около того,— ответил доктор.

— В дальнейшем, доктор, будьте любезны проходить прямо к больной. Леди Варрен беспокоилась из-за вашего опоздания.

— Да, конечно, сестра, если она беспокоилась... — пробормотал доктор Перри.

Элен повернулась и вышла, потеряв последнюю надежду.

В холле мимо нее промчалась Симона во всем блеске своего экстравагантного костюма. В глазах стояли слезы, губы дрожали, руки были нервно стиснуты. В ней бушевало неудовлетворенное желание. Она ненавидела Ньютона, потому что он был вечным препятствием, ненавидела Стефана за то, что он оставался безучастным к ее чарам, и ненавидела себя, потому что выпустила его из рук.

И вся ненависть обратилась на ту, которую она считала виновной. Она была одержима мыслью, что Стефан отверг ее из-за официантки с соломенными волосами.

Помощница была для нее словно невидимка, и она прошла мимо, не замечая ее.

Когда Элен пришла на кухню, миссис Оутс встретила ее с необычной мрачностью.

— Наверное, надо подавать на стол, — сказала Элен, надеясь расшевелить миссис Оутс. — Доктор скоро уйдет.

— Дело не в этом, — мрачно ответила миссис Оутс.

— А в чем?

— Оутс.

— А что он сделал?

— Ничего. Но он всегда на глазах, днем и ночью, так что нельзя остаться одной. Никогда не выходите замуж, мисс!

— Да, как говорится при заключении брачной церемонии, «на горе и на радость», — тактично заметила Элен. — И я могу понять, почему мистер Оутс так держится за вас. Он понимает, что вы ему «на радость». Но я не могу представить себе мужчину, который мог бы жениться на сестре Баркер... Она, наверное, пьет.

— А? — рассеянно отозвалась миссис Оутс. Она морщила лоб, словно занималась сложными вычислениями. Наконец, миссис Оутс покончила с ними и весело засмеялась.

— Ну ладно, не очень-то часто я бываю не в духе, верно? А если говорить о мужьях, то и самый лучший из них — дрянь, и у меня как раз такой... А сейчас, моя дорогая, проследите-ка за доктором. Как только он уйдет, я хочу отнести немного пудинга сиделке.

Элен восприняла знак внимания к сиделке как измену со стороны миссис Оутс.

— Возьмите и кекс, чтобы ей было чем закусить, — ревниво посоветовала она и, услышав голос доктора Перри, бросилась в холл. По покрасневшему лицу и нахмуренным бровям доктора было видно, что он с трудом сдерживается.

— Мисс Кейпел, — обратился он к Элен официальным тоном. — Если зайдет речь о том, что вам следует провести эту ночь в комнате леди Варрен, имейте в виду, я не рекомендую.

Элен поняла, что сестра Баркер перестаралась, применяя свой авторитетный метод.

— Конечно, доктор,— сказала она с преувеличенной покорностью.— Но если сестра Баркер пойдет к мисс Варрен, то будет так, как скажет она.

— А я пойду к профессору. Если к моим рекомендациям не прислушиваются, я могу уступить больную другому врачу. Я хожу сюда только потому, что у моей дорогой мамочки такой язычок, от которого может вскочить пузырь на спине у черепахи. Из-за нее у меня слабость к старым ду... душечкам.

Подойдя вместе с доктором к двери профессора, Элен задержалась.

— Пойдемте со мной,— приказал доктор.

Несмотря на страх перед профессором, Элен охотно повиновалась.

Профессор сидел за своим рабочим столом, прижав кончики пальцев к вискам. Когда он поднял голову, лицо его было бледным и осунувшимся.

— Головная боль?— спросил доктор.

— Да, немного,— ответил профессор.

— Что-нибудь приняли?

— Да.

— Хорошо... Новая сиделка хочет, чтобы сегодня ночью мисс Кейпел сменила ее. Я запрещаю. Сердце леди Варрен в плохом состоянии, и положение слишком серьезно, чтобы оставлять ее на попечении девушки, не имеющей специальной подготовки. Вы проследите, чтобы все было в порядке?

— Конечно,— согласился профессор.

Выйдя из комнаты, Элен благодарно посмотрела на доктора.

— Вы не знаете, что вы для меня сделали. Вы...

Ее прервал пронзительный телефонный звонок. Элен подбежала к аппарату и сняла трубку.

— Подождите минутку. Доктор Перри, это вас. Кто-то звонит из бара, спрашивает, здесь ли вы.

Она пыталась восстановить разговор по репликам доктора.

— Это вы, Вильямс? В чем дело?

Небрежный тон доктора постепенно превратился в недоверчивый, затем в нем появились истерические нотки:

— Что?... Не может быть... Какой ужас! Сейчас иду!

В холл вошла мисс Варрен.

— Помните девушку — Сервиден Оуэн, которая работала в вашем доме? Так вот, она мертва. Только что в саду нашли ее тело,— сказал доктор Перри.

Глава XI. СИМВОЛ ВЕРЫ

Услышав это имя, Элен вспомнила разговор в кухне. Сервиден — та самая легкомысленная девушка, которую поклонники терпеливо ждали у дома, прячась за деревьями.

— Все это очень странно,— сказал доктор Перри.— Вильямс говорит, что капитан Бин возвращался домой из магазина. Было темно, поэтому он зажег спичку, чтобы найти замочную скважину. И при свете увидел ее. Она лежала, свернувшись, в темном углу его сада. Он тут же бросился в бар и попросил

Вильямса позвонить мне домой. Домоправительница посоветовала поискать меня в «Вершине».

— Ужасно,— заметила мисс Варрен.— У нее было такое красивое лицо!

— Вот что меня удивляет,— продолжал доктор.— Коттедж капитана Бина находится по ту сторону посадок. Почему он не пришел к вам вместо того, чтобы бежать целую милю под дождем в бар?

— Он поссорился с моим братом. Профессор указал на ошибку в одной из его так называемых научных статей. И, по-моему, у него были неприятности с миссис Оутс относительно каких-то продуктов, кажется, яиц, которые он нам продал.

Доктор Перри понимающе кивнул. Капитан Бин был мрачным и раздражительным отшельником. Он владел небольшой птицефермой, сам выполнял все работы по дому и писал статьи о верованиях и обычаях туземных племен в мало посещаемых районах земного шара.

Доктор Перри понимал, что человек, полностью оторвавшийся от общества, настолько теряет ощущение реальности, что легкая обида может в его глазах перерасти в несмыслимое оскорбление. Капитан предпочел задохнуться под дождем, лишь бы не просить разрешения у соседа воспользоваться его телефоном.

«Я пойду через рощу,— решил он.— Это будет скорее. Потом вернусь за мотоциклом».

Когда семья Варрен собралась за столом, приправой к супу был разговор о смерти Сервиден.

Ньютона и его жену совершенно не интересовала судьба какой-то прислуги, но Стефан вспомнил ее.

— Это не та девочка с зовущими глазами и влажными красными губами? — спросил он.— Ее, кажется, выставила леди Варрен?

— Животный тип,— заметила мисс Варрен. Но, спохватившись, добавила: — Бедняжка.

— Почему бедняжка? — довольно агрессивно произнес Ньютон.— Мы можем ей позавидовать. Она наконец растворилась в эфире.

— Исцелившись от скорби жизни, пусть спит она в мире,— пробормотала его тетушка, заканчивая какую-то цитату.

— Нет,— объяснил Ньютон,— никаких снов. Это слишком рискованно. Можно снова проснуться. Лучше сказать так: «Благодарю я без пышных слов любых благосклонных к нам богов, что никто еще вечной жизнью не жил, что мертвые не встанут вовек из могил, что самый усталый речной поток...»

— Засохни, наконец! — прервал его Стефан.— Даже речной поток засохнет, если долго пробудет на солнце.

— К несчастью, я не пьян,— сказал Ньютон.— В этом доме никто не сможет напиться.

— Всегда можно пойти в бар,— напомнил ему Стефан.

— И провести время с несравненной блондинкой,— многозначительно добавила Симона.

— О, Ньютон хорошо знает Белочку,— ухмыльнулся Сте-

фан.— Но я отбил ее. Я всегда отбиваю у друзей женщин, верно, Варрен?

Элен была довольна, что они сменили тему разговора, хотя новая тема была тоже довольно неприятна.

Мисс Варрен, наконец, очнулась от своих грез.

— У тебя опять болит голова, Себастьян? — спросила она.

— Я почти не спал.

— Что принимаем, шеф? — осведомился Ньютон.

— Квадронекс.

— Опасная штука. Будь осторожен.

Сухие губы профессора скрылись в насмешливой улыбке.

— Мой милый Ньютон, когда ты был младенцем, то вопил не переставая. Я должен был давать тебе снотворное на ночь, чтобы ты не мешал мне работать. Сам факт твоего выживания является доказательством того, что я не нуждаюсь в советах собственного сына.

Ньютон покраснел, а Стефан громко захохотал.

— Спасибо, хотя и не за что, шеф, — пробормотал Ньютон. — Надеюсь, что со своими делами ты справляешься лучше, чем с моими.

Оглядывая сидящих за столом, Элен кусала губы. Она напониала себе, что эти люди во многих отношениях выше ее. Они более образованны, у них есть деньги и свободное время.

Вдруг в дверях возникла миссис Оутс.

— Сиделка спустилась вниз и хочет поговорить с хозяином дома, — сказала она.

— Профессор велел, чтобы его не беспокоили, — ответила мисс Варрен.

— Но это очень важно. От этого зависит жизнь леди Варрен.

Услышав это заявление, все подняли головы. В семействе Варрен так долго ожидали смерти ужасной старухи из Синей Комнаты, что она казалась бессмертной.

— Она умирает? — спросил Ньютон.

— Да нет, сэр, — ответила миссис Оутс. — Но сиделка говорит, что кончился кислород.

Глава XII. ПЕРВАЯ БРЕШЬ

Ньютон нарушил напряженное молчание.

— Как это могло случиться? — спросил он.

Мисс Варрен и Элен обвиняюще посмотрели друг на друга. Каждая хотела снять с себя ответственность за случившееся.

Как хозяйка, мисс Варрен обладала правом первого удара.

— Мисс Кейпел, разве не вы завинтили крышку баллона?

— Нет, потому что вы отослали меня.

— Но ведь прежде вы завинтили крышку?

— Нет, баллон был у вас.

— У меня? — пробормотала мисс Варрен. — Да, мне кажется, я давала кислород леди Варрен. Но смутно помню, завинтила ли крышку.

— Какой смысл спорить? — вмешался Ньютон. — Надо просто как можно скорее достать другой баллон.

— Да, это главное,— согласилась она.— Я поговорю с профессором.

Элен пошла за мисс Варрен в кабинет профессора. Но сестра Баркер опередила их. Ее грубоватый голос звучал гораздо вульгарнее, чем прежде. Она громко говорила профессору:

— Я никогда не видела такой расхлябанности. Мне бы хотелось знать, кто виноват в этом.

— Я виновата,— спокойно ответила мисс Варрен.

Она, казалось, не заметила благодарного взгляда Элен и обратилась к брату:

— Мне кажется, нам надо сейчас же заказать другой баллон.

— Это не срочно,— вмешалась сестра Баркер.— Она спокойно переживет ночь. Она...

— Пожалуйста, дайте мне сказать, сестра,— протестующе поднял руку профессор.— Сегодня вечером доктор сказал мне, что положение леди Варрен критическое.

— Этот сельский врач? Он еще совсем зеленый,— фыркнула сестра Баркер.— Ей вовсе не так плохо.

— Я присоединяюсь к мнению доктора,— холодно сказал профессор.— И позвоню, чтобы сейчас же прислали новый баллон.

— Но уже все закрыто,— возразила мисс Варрен.

— И никто не поедет в эту даль в такую погоду,— добавила сестра Баркер.

— Но кто-нибудь должен доставить баллон,— решительно перебил профессор.— Нельзя подвергать риску жизнь леди Варрен только потому, что мы боимся кого-то немного побеспокоить. Доктор ожидает этой ночью кризиса, за больной должна наблюдать опытная сиделка.

— Почему вы не наймете сменщицу? — спросила сестра Баркер.

— У нас не хватает места,— ответила мисс Варрен.

— У вас есть место. Она,— сестра Баркер бросила взгляд на Элен,— может спать на чердаке. Кроме того, завтра освободится комната того молодого человека.

— Двум сиделкам у нас нечего делать,— сказала мисс Варрен.— Все прежние сиделки уверяли меня, что леди Варрен спокойно спит по ночам... Разве старшая сестра медицинского центра не сказала вам, что оплата будет полностью соответствовать выполняемым обязанностям?

Сестра Баркер вдруг стала удивительно кроткой.

— Да, спасибо. Условия меня вполне устраивают.

— Я сам позвоню в аптеку.— Профессор вышел в холл, мисс Варрен последовала за ним.

Оставшись наедине с сестрой Баркер, Элен наконец нарушила напряженное молчание.

— Мне очень жаль, но, вы понимаете, у меня нет ни опыта, ни образования.

— А у меня есть и то, и другое,— в голосе сестры Баркер звучала горечь.— Быть опытной сиделкой — значит иметь железные нервы, питаться объедками, не спать и работать двадцать пять часов в сутки.

— Конечно, это никуда не годится. Но я в этом не виновата.

— Нет, виноваты! — внезапно набросилась на нее сиделка. — Вы крутились тут, чтобы первой увидиться с доктором, и научили его, что сказать. Но не думайте, что справитесь со мной. Я все вижу, а если что-нибудь упустила, то нюхом чую. Мы еще посмотрим. Если я сумею повернуть один номер — а у меня есть кое-что в запасе, — вам придется провести ночь в Синей Комнате.

Чтобы избавиться от общества сиделки, Элен быстро вышла в холл, где профессор говорил с кем-то по телефону. Он поднял руку, подавая ей знак не уходить, потом повесил трубку и обратился к ней:

— Они могут прислать нам новый баллон только завтра, но если кто-нибудь за ним придет, можно получить баллон до одиннадцати часов ночи. Мисс Кейпел, пожалуйста, скажите Оутсу, чтобы он немедленно выезжал.

Элен без всякого удовольствия передала приказ Оутсу, развалившемуся в кухне перед огнем. Он немедленно встал и начал зашнуровывать ботинки.

— Как раз тогда, когда я мечтал хорошенько поваляться. Вот так мы и живем.

— Может, попросить мистера Райса поехать вместо вас?

— Нет, мисс. Приказ есть приказ, и хозяин сказал, чтобы ехал Оутс. Кроме того, я не доверил бы Райсу машину. Никто, кроме меня, не заставит мою милашку карабкаться по этим холмам. — Он повернулся к жене. — Закрой за мной дверь, когда я выйду в гараж. И помни: пока меня нет, тебе надо быть вдвойне осторожной.

При мысли, что она теряет такого защитника, Элен охватила внезапная тревога. Глядя на его гигантскую фигуру и добродушное лицо, она чувствовала себя в безопасности.

— Ах, как бы мне хотелось, чтобы вы остались дома! — сказала она Оутсу.

— И мне тоже, мисс, — ответил он. — Но с вами ничего не случится; ведь в доме остается еще пара здоровых молодых парней, не говоря уже об этой сиделке.

Элен услышала, как он вывел машину из гаража, и ей захотелось открыть дверь, чтобы попрощаться с ним. Но она вспомнила, как буря ворвалась в дом вместе с доктором Перри, и отказалась от этой мысли.

Дряхлый мотор издал несколько громких протестующих хлопков, похожих на отдаленные взрывы, потом загудел, и машина двинулась. Элен проскользнула в холл.

Она застала оживленную словесную дуэль между мисс Варрен и Стефаном Райсом.

— Это правда, что у вас в спальне собака?

— Святая правда, — вызывающе ответил Стефан.

— Немедленно уберите ее в гараж.

— Очень жаль. Никак невозможно.

— Мистер Райс, — мисс Варрен, обычно спокойная, вышла из себя. — Будьте любезны, послушайте меня. Я не потерплю животное в доме.

— Все будет в порядке. Я сегодня же смоюсь и возьму с собой собаку.

— А куда вы пойдете? — поинтересовался Ньютон, который вышел в холл и стоял в ленивой позе, засунув руки в карманы.

— Конечно, в бар. У них найдется место, где можно переспать одну ночь. И они будут рады приютить мою собаку.

Симона, которая тоже вышла в холл, громко возразила:

— Не будьте ребенком, Стив. Вы не пройдете туда по такому дождю. Вы оба промокнете до костей.

Глядя через открытую дверь на камин в гостиной, где весело плясал огонь, Стефан немного смягчился.

— Я останусь, если щенок останется, — сказал он. — А если нет, то и я уйду.

— Я поговорю с профессором! — воскликнула Симона.

Муж взял ее за руку.

— Не беспокойте шефа, — сказал он. — Его это не касается.

Симона, не дослушав, вырвалась и бросилась в кабинет профессора. Через несколько минут она вернулась с видом победительницы. За ней шел профессор.

— Я слышал, — сказал он, обращаясь к Стефану, — что здесь возникло некоторое неудобство с собакой. Поскольку мисс Варрен является хозяйкой моего дома, ее предупреждения должны быть законом. Но я думаю, что на одну ночь она немного отойдет от установленных ею правил. Ты слышишь, Блэнш?

— Да, Себастьян, — тихо ответила мисс Варрен.

Она поднялась наверх, а профессор вернулся в кабинет. Элен вспомнила, что еще не пила кофе, и хотела пройти в свою комнату, но вдруг услышала звонок. Она бросилась к входной двери и с трудом открыла ее. Доктор Перри проскользнул в щель и захлопнул дверь за собой. Не говоря ни слова, он закрыл все запоры и накинул цепочку на крюк.

И в поведении доктора, и даже в его молчании было что-то странное. Элен замерла в пугливом ожидании.

— Ну что? — слегка задыхаясь, спросила она. — Почему вы молчите?

— Скверная ночь, — сказал он, снимая промокшую куртку и мрачно глядя на Элен.

— Нет, нет, — настаивала она. — Скажите, вы узнали, почему умерла эта несчастная девушка?

— Да, — угрюмо ответил доктор. — Ее убили.

Глава XIII. УБИЙСТВО

Все семейство Варрен собралось в холле и внимательно слушало доктора Перри.

— Ее задушили, — сказал он.

— Когда? — спросил профессор.

— Пока трудно сказать. Будет известно примерно через час. Но я бы сказал, в пять или шесть вечера.

— Задушили, — повторила мисс Варрен. — Ведь это... это убийство совершено так же, как другие?

— Точно так же, — ответил доктор. — Только с большей жестокостью. Сервиден была сильная девушка, она боролась с убийцей, и это привело его в бешенство.

— Значит, — лицо мисс Варрен искажилось от страха, — если она была убита в саду капитана Бина, маньяк был довольно близко!

— Очень близко! — сказал доктор. — Убийство было совершено в роще.

Крик ужаса вырвался у мисс Варрен. Симона схватила за руку Стефана. Несмотря на то, что Элен была взволнована больше других, она заметила, как умело эта дама использует создавшуюся ситуацию. Ньютон, прищурившись, наблюдал за ней.

— Как вы установили, что убийство было совершено в роще? — спросил профессор.

— Она зажала в руках сосновые иголки, и одежда ее была порвана, словно ее протащили через изгородь... Конечно, очень трудно проследить за всеми импульсами маньяка, однако кажется явной нелепостью принимать такие ненужные предосторожности. Тело могло бы лежать несколько часов в роще, и его бы там никто не увидел.

— Неизвестно, — заметил профессор. — Можете быть уверены, что его поступок, кажущийся нам абсурдным, продиктован определенной навязчивой идеей.

Ньютон, разделявший неприязнь отца к его эксцентричному соседу, хмыкнул:

— Бин был счастлив, когда пришел домой и увидел на ступеньках труп.

— Он был немного не в себе, — холодно сказал доктор Перри. — Довольно сильный шок человека в его возрасте. Вообще-то насильственная смерть — не очень забавная вещь, особенно для жертвы. Хочу, чтобы вы хорошенько поняли: вокруг вас бродит сумасшедший убийца. Он почувствовал вкус крови и, вероятнее всего, будет убивать еще и еще. И он очень близко.

— Неужели... неужели убийца попытается проникнуть в дом? — дрожащим голосом спросила мисс Варрен.

— Старайтесь не допустить этого. Думаю, вам не надо напоминать, чтобы вы закрыли двери и окна. Примите все меры предосторожности, даже если они покажутся вам чрезмерными.

— Я позаботилась об этом. С того времени, как была убита... гувернантка.

— Хорошо. Вы, как умная женщина, поняли, какая опасность угрожает вам всем в этом доме, особенно некоторым вашим подчиненным. У вас будет все в порядке. — Доктор повернулся к двери.

— Я должен покинуть вас, — продолжил он бодрым тоном. — Профессор, надеюсь, вы понимаете, как важно, чтобы сегодня ночью все мужчины оставались в доме. Надо защитить двух молодых женщин.

Он посмотрел на Элен, потом на Симону, которая ответила ему обольстительной улыбкой.

Она прислонилась подбородком к плечу профессора и сказала: — Вы ведь не позволите доктору уйти, не предложив ему что-нибудь выпить?

Прежде чем доктор успел отреагировать на это предложение, вмешалась Элен:

— У меня осталось немного кофе внизу. Принести его сюда?

— Как раз то, что надо,— заметил доктор. — Но я бы лучше спустился вниз и немного просох у камина.

Полуподвальная гостиная выглядела уютной и светлой.

— Чему вы улыбаетесь? — спросил доктор Перри, жадно глотая горячий кофе из большой чашки.

— Конечно, мне не стоило бы улыбаться,— извиняющимся тоном сказала Элен. — Все ужасно. Но это жизнь. А я так мало видела и сделала...

— Чем вы занимались?

— Работала по дому. Нянчила чужих детей.

— И все еще не унываете?

— Нет. Никогда не знаешь, что ждет тебя впереди.

Доктор Перри нахмурился.

— Разве вы не слышали пословицу: «Любопытство погубило кошку»? Я думаю, если вы увидите дымящуюся бомбу, то сочтете себя обязанной проверить запах.

— Я этого не сделаю, если буду знать, что передо мной бомба. Но как я узнаю, что это бомба, если не рассмотрю ее?

— А разве обязательно узнавать?

— Да, для меня обязательно.

— Господи,— простонал доктор Перри. — Неужели у вас недостаточно ума, чтобы понять: кровожадный тигр в человеческом облике подстерегает вас, желая превратить в... в то, что осталось от Сервиден.

— Ой, не надо! — внезапно побледнев, крикнула Элен.

— Но я же хочу вас напугать! Такой маньяк бывает совершенно нормальным в промежутках между приступами безумия. Он может жить в одном доме с вами, например, в этом доме, и вы будете считать его нормальным, как считаете нормальным молодого Райса или профессора.

Элен вздрогнула.

— А может, это женщина? — спросила она.

— Бряд ли. Разве что необыкновенно сильная женщина.

— Во всяком случае, мне очень хотелось бы знать, кто убийца.

И Элен в нескольких словах сообщила доктору Перри о человеке, который прятался за деревом. На этот раз ей не надо было останавливаться на деталях, она и без того достигла желаемого эффекта; доктор смотрел на нее, нахмурившись, и крепко сжал губы, пытаясь скрыть беспокойство.

— Вы не считаете меня душой за то, что я убежала?

— Я думаю, это был самый разумный поступок в вашей жизни.

— Жаль, что я хорошенько не рассмотрела его,— заметила Элен. — Вы думаете, он местный?

Доктор Перри отрицательно покачал головой.

— Нет. Это убийство явно связано с прежними. Первые два совершены в городе, вполне вероятно, что убийца оттуда. Полиции прежде всего надо узнать, что делал вчера вечером какой-нибудь уважаемый житель этого города, и посмотреть, не оторван ли кусок бахромы от его белого шелкового шарфа.

— Вы хотите сказать, что есть какая-то улика? — спросила Элен.

— Да. Я нашел эту бахрому во рту Сервиден. Должно быть, она вцепилась в нее зубами, когда боролась с убийцей. Ему нелегко было справиться с ней... Пойдемте со мной, вы посмотрите, чтобы все было заперто как следует.

Элен послушно пошла за ним, хотя без дрожи не могла подумать о том, что он уйдет в грозную темноту. Откинув щеколду, она мельком увидела в слабом свете лампы мокрые деревья, окаймляющие подъезд к дому, и вечнозеленые кусты во дворе, которые склонялись под порывами ветра, словно стремились оторваться от своих корней.

Она захлопнула дверь и почувствовала себя в относительной безопасности. После оглушительного свиста бури холл казался тихим и застывшим, как мельничный пруд.

Элен направилась вниз, в свою полуподвальную гостиную. Но не успела она удобно устроиться перед камином, как дверь приоткрылась, и показалась голова миссис Оутс.

— Я хочу сказать вам, — хрипло прошептала она. — В этой новой сиделке есть что-то странное.

Глава XIV. ОСТОРОЖНОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Элен посмотрела на миссис Оутс с некоторым опасением.

— Вообще-то она грубиянка, но что в ней странного?

— Много всего, — таинственно кивнула миссис Оутс. — Я кое-что заметила еще раньше, но не обратила внимания, а теперь вспомнила и заинтересовалась.

— Например? — настаивала Элен.

— Всякие мелочи, — неопределенно ответила миссис Оутс. — Мне бы хотелось поговорить с Оутсом, уж он-то мог бы объяснить. Я хочу спросить его, где он посадил в свою машину эту сиделку. Оутса даже младенец обведет вокруг пальца.

— Он сказал нам, что посадил ее у медицинского центра, — напомнила Элен.

— Правильно, но как это было? Я знаю Оутса. Он может подъехать к дому и остановиться. Раз меня не было с ним, то некому было выйти из машины и позвонить в дверь, как полагается. Он мог просто нажать на сигнал и ждать, что будет. И когда увидел кого-то в белом халате и косынке, не задумываясь, посадил эту особу в машину и привез сюда, даже не проверив, кого везет.

— Да... — протянула Элен. — Но если это не настоящая сиделка, все равно она не могла совершить убийство, потому что в то время была в машине вместе с вашим мужем.

— Какое убийство? — спросила миссис Оутс.

Элен любила рассказывать о трагических событиях, не касавшихся лично ее. Но реакция миссис Оутс на рассказ о смерти Сервиден была обескураживающей. Вместо того, чтобы задрожать от ужаса, она приняла известие совершенно спокойно, словно такое случалось каждую неделю.

— Вот как,— пробормотала миссис Оутс. — Помяните мое слово, прежде чем мы станем старше на одну ночь,— если только доживем до ночи,— здесь будет еще одно убийство.

— Вы оптимистка! — воскликнула Элен.

— Я не доверяю новой сиделке. Люди говорят, что у этого психа наверняка есть сообщница, которая заговаривает с девушками, чтобы отвлечь, а потом уж он набрасывается на них.

— Приманка? — спросила Элен. — Обещаю вам, если сиделка пригласит меня погулять с ней в саду, я не пойду.

— Но она здесь не для этого,— сказала миссис Оутс. — Она здесь для того, чтобы открыть ему дверь.

Это была очень неприятная мысль. Элен снова напомнила себе, как одинок этот дом, вокруг которого бушует буря.

— Пойду наверх, посмотрю, что там делается,— сказала она, чувствуя, что ей нужно сменить компанию.

Первым человеком, которого она встретила в холле, был Стефан Райс. Он открыл шкаф для верхней одежды и снимал с вешалки старую куртку.

— Разве можно выходить из дома в такую бурю? — воскликнула Элен.

— Тихо. Смываюсь в кабаке. Я должен посидеть с нормальными парнями, чтобы отбить вкус этой мерзкой интрижки и этого отвратительного дома. Я даже могу провести смелый эксперимент и выпить пива. Я отчаянный парень и способен на все.

— Мне кажется, на одно вы неспособны.— Элен захотелось уколоть Райса.

— А именно?

— Удрать с чужой женой.

— Что верно, то верно,— кивнул Стефан. — Никаких женщин. — Он протянул руку ладонью вверх. — Сестренка, не найдется несколько монет? Хочу подвести счет в баре. Я отдал последнее за щенка.

— А где он?

— У меня в комнате. Спит на кровати... Сестренка, а как насчет денег?

— У меня нет,— смущенно сказала Элен. — Мне заплатят только в конце месяца.

— Не везет. Ну ладно, простите, что попросил. Остается только Симона. У нее полно этого мусора.

Как раз в это время Симона вышла в холл.

— Куда вы направляетесь? — спросила она.

— Прежде всего, моя дорогая, я направляюсь к вам, чтобы попросить немного наличных. Потом намереваюсь пойти в бар, чтобы передать его владельцу упомянутые наличные.

Симона нахмурила подкрашенные брови.

— Вы могли не изобретать предлога, чтобы пойти туда,— сказала она. — Я знаю, что вас притягивает.

— Белочка? — простонал Райс. — Ради бога, бросьте это. Она хорошая девочка. Мы с ней друзья, только и всего.

Из кабинета профессора вышел Ньютон, и Райс умолк.

— Профессор просит всех зайти к нему в кабинет, — сказал Ньютон. — Он хочет сделать объявление.

Профессор сидел за столом и тихо говорил о чем-то со своей сестрой. Элен заметила, что он побледнел и осунулся. Она заметила также, что рядом с ним на столе стоит стакан с водой и бутылочка с белыми таблетками.

— Я должен сказать вам кое-что, — объявил профессор. — Это касается всех. Сегодня ночью никто не должен выходить из дома.

— Но, сэр, у меня важное свидание, — быстроотреагировал Стефан.

— Значит, вы не пойдете на него.

— Но я ведь не ребенок.

— Докажите. Если вы действительно взрослый, то должны понять, что нам угрожает опасность и что долг каждого из мужчин остаться сегодня дома.

Стефан не сдавался:

— Я бы железно остался, если бы в этом был какой-то смысл. Но это ведь чушь! Убийца не заберется в дом.

— Вы забыли о девушке, которая была убита в собственной спальне? — безжизненно спросила мисс Варрен.

— Она оставила окно открытым, — объяснил Стефан.

— Но вы слышали, что сказал доктор?

— И вы слышали, что сказал я, — сурово заметил профессор. — Я хозяин этого дома и не допущу, чтобы из-за вашего упрямства кто-нибудь подвергся опасности. Я запрещаю открывать двери при каких бы то ни было обстоятельствах.

На этот раз возразил Ньютон.

— Это уж слишком, шеф, — сказал он. — Может прийти кто угодно, например, полиция.

Профессор взял со стола бумаги, показывая, что устал от споров.

— Прошу, чтобы мои указания были исполнены, — сказал он. — И предупреждаю: всякий, кто выйдет из дома хотя бы на минутку, не войдет в него. Дверь будет заперта за ним или за ней и больше не откроется.

— Но если мы узнаем голос, разве этого не достаточно? — робко спросила Элен, подумав в первую очередь о докторе Перри.

— Конечно, нет, — ответил профессор. — Повторяю. Вы не должны открывать никому. Это все. Мисс Кейпел, не будете ли вы так любезны передать мои указания миссис Оутс и сестре Баркер?

— Хорошо, профессор, — сказала Элен и вспомнила об Оутсе.

— А как же Оутс?

— Останется за дверью, — последовал неумолимый ответ. — Он может поставить машину в гараж и остаться там до утра.

— Но леди Варрен может понадобиться кислород!

— Леди Варрен придется потерпеть. Может быть, я лучше, чем все вы, понимаю, как обстоит дело. В дни моей молодости, когда я был в Индии, тигр кружил у загородки для скота. Он прорывался снова и снова, несмотря на все предосторожности. — Профессор замолчал, потом тихо добавил: — А сейчас тигр кружит возле нашего дома.

В это время раздался громкий стук во входную дверь.

Глава XV. ОТКУДА СТАРУХА УЗНАЛА

Стук прекратился, и раздались настойчивые звонки. Элен вскочила.

— Я открою.

Она пошла к двери и тут же опомнилась. Никто в комнате не пошевелился, но все смотрели на нее сердито или с удивлением, в зависимости от темперамента.

Профессор обратился к мисс Варрен, его глаза насмешливо блеснули:

— Слабое звено.

Элен покраснела до ушей.

— Простите, я забыла...

— Вот вам пример, — недовольным тоном произнес профессор. — Я не хочу проявлять излишнюю строгость, но мы должны понять, что забывчивость в данном случае граничит с неповиновением.

224

Вновь постучали в дверь, громко залился звонок. Несмотря на то, что Элен оказалась в центре внимания и старалась сдерживаться, для нее было мучительно стоять неподвижно и ничего не делать.

— Послушайте, сэр, — вмешался Стефан. — Не кажется ли вам, что это зашло слишком далеко? То есть я хочу сказать, что нельзя закрываться наглухо. Это может быть почтальон, доставивший мне доплатное письмо, в котором говорится, что моя кузина Фанни скончалась и оставила мне в наследство все свое состояние.

Профессор с терпением учителя, объясняющего правило не слишком понягливому ученику, сказал:

— Я распорядился, Райс. Было бы весьма неразумным с моей стороны повторить ошибку, за которую я только что упрекал мисс Кейпел. Если мы сразу же начнем делать исключения из тех правил предосторожности, которые сами установили для себя, то эти правила станут совершенно бесполезными.

— Да, сэр. Но мне действует на нервы, что я не знаю, кто снаружи.

— О, мой дорогой Райс, почему вы сразу не сказали? — По губам профессора скользнула улыбка и сразу же пропала. — Конечно, это полиция.

— Полиция? — словно эхо, отозвался Ньютон. — Но что им здесь надо?

— Простая формальность, поскольку наш дом находится в радиусе этого... этого дела. Они, очевидно, желают знать, не

можем ли мы предоставить им какую-нибудь новую информацию. Если бы они выслушали наш отрицательный ответ и спокойно удалились, я бы, пожалуй, нарушил свое правило в их пользу.

— Но их нельзя держать за дверь, Себастьян! — воскликнула мисс Варрен.

— Я и не собираюсь вечно держать их за дверь. Если они придут завтра, мы их немедленно выпустим. Я хозяин собственного дома и, как мне кажется, уже потратил сегодня слишком много времени на всякие пустяки.

— Но я могла бы рассказать им кое-что, — заметила Элен.

— Мисс Кейпел, может быть, у вас есть ясные, продуманные факты, которые могут быть полезны полиции? Может быть, вы видели преступника и способны дать его описание?

— Нет.

— Может быть, у вас есть какое-нибудь предположение о том, кто он или где находится?

— Нет, — снова ответила Элен, думая, что лучше бы ей провалиться сквозь землю.

— Так. Может быть, у вас есть какая-нибудь более или менее обоснованная версия?

— Нет. Но... но я думаю, что он прячется за деревьями.

Симона с трудом подавила смех, даже мисс Варрен улыбнулась.

— Благодарю вас, мисс Кейпел, — сказал профессор. — Я думаю, полиция подождет до завтра. А вы, будьте так добры, сообщите о моем решении миссис Оутс и сестре Баркер.

Когда Элен проходила вверх, холл был пуст. Звонки и стук прекратились. Подошла к Синей Комнате, она увидела сестру Баркер, которая, казалось, поджидала Элен, прислушиваясь к ее шагам.

— Мне нужно кое-что рассказать вам, — прошептала Элен. — Совершенно еще одно убийство.

Сестра Баркер внимательно выслушала все детали, задала множество вопросов относительно характера Сервиден, ее обязанностей, ее любовников и коротко рассмеялась.

— Небольшая потеря для общества. Такой сорт девиц напрашивается на это.

— Какой «сорт» вы имеете в виду? — спросила Элен.

— О, я знаю этот тип. Можете мне не рассказывать... Потакушка. Черные глазки, которые словно говорят каждому мужчине: «Пойдем в темный уголок», пухлые красные губы, зовущие к поцелую. Сплошная похоть!

— Вы раньше слышали о Сервиден? — спросила Элен, удивленно глядя на сиделку.

— Конечно, нет.

— Тогда откуда вы знаете, как она выглядела?

— Я знаю, как выглядят девушки из Уэльса.

— Но ведь они не все такие!

Сестра Баркер сменила тему.

— Что касается указаний профессора, то ко мне они не имеют никакого отношения. Открывание дверей не входит в обязанно-

сти сиделки. И я не стану рисковать жизнью и выходить из дома в такую бурю. Я не настолько глупа.

— Сестра! — раздался уже знакомый Элен бас.

Сиделка повернулась к девушке.

— Я хочу спуститься в кухню и кое-что приготовить. Вы сможете остаться с ней на минуту?

— Конечно, — ответила Элен.

— Больше не бойтесь? И когда вы успели стать такой храброй?

Элен вошла в Синюю Комнату, надеясь, что леди Варрен будет ей рада. Но, казалось, леди Варрен забыла о своем интересе к Элен.

— Что это был за стук? — спросила она.

— У вас очень чуткий слух, — ответила Элен, пытаясь придумать какое-нибудь объяснение.

— Я прекрасно вижу, слышу, определяю на запах, на вкус и на оцупь, — резко сказала леди Варрен. — Лучше, чем вы. Вы можете сказать, какая разница между непрожаренным бифштеком и настоящим бифштеком с кровью?

— Нет.

Следующий вопрос был куда менее приятным.

— А вы можете целить в глаз человеку и попасть, не промахнувшись?.. Что это был за стук?

Она не успела договорить. Дверь открылась, и в Синюю Комнату вошел профессор.

— Сегодня ты поздно, Себастьян, — воскликнула леди Варрен.

— Простите, матушка, — извинился профессор.

— Почта сегодня тоже запоздала, — небрежно заметила леди Варрен.

— Она опоздала из-за бури, — объяснил профессор.

— Дай мне сигарету, Себастьян.

— А ваше сердце? Стоит ли вам курить?

— Мое сердце сегодня не хуже, чем вчера, а тогда ты не имел ничего против. Дай сигарету и расскажи, что нового.

Профессор открыл портсигар и сухим голосом сделал обзор новостей, напомнивший Элен передовую статью газеты «Таймс», разрезанную на мелкие кусочки.

— Нет ничего глупее этих политиканов, — заметила леди Варрен. — Были какие-нибудь убийства?

— Я должен отослать вас к миссис Оутс. Это больше по ее части, — ответил, отворачиваясь, профессор. — Простите, матушка, мне надо еще поработать.

— Не переработай, — предупредила его старуха. — У тебя мешки под глазами.

— Я плохо спал. — Профессор слабо улыбнулся. — Если бы это не было так пошло и избито, я бы сказал, что всю ночь не смыкал глаз.

— Где Ньютон? — спросила старуха.

— Он скоро зайдет навестить вас.

— Прекрасно. Скажи ему, что жизнь коротка, пусть не опоздает к последнему нашему прощанию перед сном.

Профессор церемонно пожал ей руку и пожелал доброй ночи. Повинуясь его взгляду, Элен вышла с ним за дверь.

— Попросите сиделку ничего не говорить леди Варрен... о том, что случилось сегодня вечером.

— Да, я понимаю, — кивнула Элен.

Когда она вернулась в Синюю Комнату, леди Варрен внимательно посмотрела на нее своими прищуренными черными глазами.

— Подойдите сюда, — сказала она. — Было совершено еще одно убийство. Уже нашли тело?

Глава XVI. ЕЩЕ ОДНА БРЕШЬ

Леди Варрен схватила Элен за руку, и та поняла, что лгать бесполезно.

— Откуда вы знаете? — спросила она.

Старуха с хрипом втянула в себя воздух.

— Ах! Значит, они нашли ее. Это стучала полиция. Я знала... Расскажи мне все.

— Это была Сервиден, — сказала Элен. — Помните? Она обычно вытирала пыль у вас под кроватью, а вы еще говорили, что у нее пахнет от ног. Ее задушили в роще, а после отнесли в сад капитана Бина. Это он ее нашел.

— Есть какие-нибудь улики?

— Одна. Она оторвала зубами кусок бахромы от белого шелкового шарфа убийцы.

— Хорошо, это все. Уходи, — приказала леди Варрен.

Чтобы старуха снова не выкинула что-нибудь, Элен уселась у камина, откуда могла наблюдать за кроватью. Она попыталась поточнее представить себе ситуацию.

«В доме находится семейство Варрен — это четыре человека, потом миссис Оутс, сестра Баркер, Райс и я. Всего восемь. Мы должны легко справиться с одним человеком, даже если он так умен и хитер, как говорит профессор».

Элен нахмурилась, представив, какие страсти бушуют в этом доме и какие осложнения возникли в любовном треугольнике. Она была бы еще больше обеспокоена, если бы знала, что происходит в это время в большой гостиной.

Приказ профессора о полной изоляции больше всего задел Стефана. Прекратив бесконечное хождение по ковру, он обратился к Ньютону.

— С должным уважением и прочим мусором по отношению к вашему достойному батюшке, Варрен, я должен сказать, что он нас не понимает. Наше поколение не боится всякого старья — живого, мертвого или полумертвого. Мы сбились все вместе, как крысы в водосточном желобе; это действует мне на нервы.

— А я обожаю, — вмешалась Симона. — Это вроде рассказов о том, как несколько супружеских пар завалило снегом в одной хижине. Когда они выйдут оттуда, парочки составятся поновому.

Она, казалось, совершенно забыла о приличиях и жадно смотрела на Стефана, словно они были вдвоем на необитаемом острове.

— Каковы ваши планы, Стефан? — спросила Симона.

— Прежде всего, — ответил он, — я провалю экзамены.

— Прекрасное утешение для шефа, — заметил Ньютон.

— Потом, — продолжал Стефан, — я отправлюсь в Канаду и стану лесорубом.

— Вашей собаке придется пройти карантин, — язвительно напомнил Ньютон.

— Тогда я останусь в Англии специально, чтобы угодить вам, Варрен, и каждое воскресенье буду приезжать пить чай с Симоной, как раз в то время, когда вы отдыхаете.

Ньютон вздрогнул и посмотрел на часы.

— Я должен пойти к бабушке.

Еще больше сгорбившись, Ньютон выскользнул из комнаты.

Когда он ушел, Стефан сделал инстинктивный рывок к двери. Но, прежде чем он достиг ее, Симона преградила ему путь.

— Нет! — крикнула она. — Не уходите. Оставайтесь, давайте поговорим. Предположим, у вас есть деньги, что бы вы сделали тогда?

— Предположим? — Стефан засмеялся. — Я бы сделал все, что делаю обычно. Занимался бы спортом. Немного поездил бы по свету. Совершил бы вылазку в Монте-Карло.

— Это вам нравится?

— Еще бы! Но какой толк говорить об этом?

— У меня есть деньги!

— Тем лучше для вас, — ответил он.

— Да, я могу делать, что захочу. Это придает уверенности.

— Ни одна женщина не может быть слишком уверенной в себе. — Стефан отчаянно старался вести разговор на уровне легкомысленной светской беседы. — Тогда она начинает презирать судьбу.

Симона, казалось, не слышала его. Она подошла ближе и положила руки ему на плечи.

— Стив, когда вы завтра уйдете, я уйду вместе с вами.

— О, нет, дорогая! — быстро ответил он.

— Да! — настаивала Симона. — Я без ума от вас.

Стефан в отчаянии облизал губы.

— Послушайте, вы сегодня устали и перенервничали. У вас бред. Вы сами не понимаете, что говорите. Есть еще старина Ньютон.

— Он может развестись со мной. Мне нет до него никакого дела. Даже если он не даст развод, мне безразлично. Нам будет хорошо вместе.

Стефан, как загнанный зверь, посмотрел в сторону двери.

— Вы мне не нравитесь, — сказал он.

— Это скоро пройдет, — доверительным тоном ответила Симона. — Вы просто глупый мальчик со множеством тормозов. Видно, тут замешана другая женщина.

Отчаяние заставило Стефана солгать.

— Конечно. Так бывает всегда.

— Я вас ненавижу! — в бешенстве крикнула Симона. — Надеюсь, что вы содохнете в канаве, как собака!

Она выбежала из комнаты, с треском захлопнув за собой дверь. Стефан глубоко вздохнул:

— Слава тебе, Господи!

Но этот инцидент встревожил его. Он опасался, что Симона изберет какую-нибудь особо изощренную форму мести. Внушая себе, что нет никакого смысла вступать в конфликт, поскольку завтра он уедет, Стефан пытался отвлечься от своих проблем за чтением нового романа.

Но что-то отвлекало его. Он поднял голову и прислушался. Сквозь рев бури прорывался слабый вой. Так могла вить собака, попавшая в беду.

Стефан закусил губу и встревоженно нахмурился. Несмотря на возражения, высказанные им, он сознавал, что указания профессора, вероятно, оправданны, и был готов безоговорочно выполнить их. Но профессор говорил о «мужчине, женщине или ребенке». О животных не было сказано ни слова.

Стефан подумал, что его терпение подвергается жестокому испытанию. Если это ловушка, значит, кто-то узнал о его слабости и старается ее использовать.

«Это Ньютон, — подумал Стефан. — Он старается выманить меня из дома. Этот дурак полагает, что ему следует защищать от меня жену».

Еле слышимый жалобный вой заставил его вскочить на ноги. Но он снова сел.

— Бросьте. Не выйдет. Меня не выманишь. Я не могу рисковать жизнью женщин.

Он снова взялся за роман, но строчки представлялись ему бессмысленным набором слов. Он со страхом ждал повторения собачьей жалобы.

И, наконец, она раздалась, еще более отчаянная и слабая, словно издававшее ее существо теряло силы. Стефан выскочил в прихожую и, отодвинув задвижку, приоткрыл входную дверь. Ветер донес до него собачий лай, в котором было что-то знакомое. Охваченный внезапным подозрением, Стефан осторожно закрыл дверь и бросился по лестнице в свою комнату.

— Отто! — позвал он, распахнув дверь.

Но никто не отозвался. Кровать была аккуратно застелена, в комнате был наскоро наведен порядок.

— Сволочи! Они все-таки его выставили. Все. Я тоже смываюсь.

Приглушенно ругаясь, Стефан быстро переоделся в старый твидовый костюм и зашнуровал тяжелые ботинки. С мешком в руке он сбежал по задней лестнице. Никто не видел, как он прошел через холл, но когда он захлопнул за собой дверь, Элен услышала грохот.

Визит Ньютона к бабушке освободил Элен от обязанности наблюдать за старухой. Она побежала к входной двери и увидела Стефана, быстро удалявшегося от дома под косыми струями дождя.

Услышав звук открываемой двери, он повернулся и демонстративно крикнул:

— Запирайте! Я больше не вернусь!

Элен поспешила захлопнуть дверь и задвинула засов.

— Ну и ну! Вот так гуляка!

Из кухни вышла сестра Баркер и подозрительно спросила:

— Что за шум?

— Мистер Райс ушел,— ответила Элен.

— Куда?

— Он не сказал, но я могу догадаться. Ему очень хотелось пойти в бар, заплатить деньги и попрощаться.

Глубоко сидящие глаза сестры Баркер гневно сверкнули.

— Он нарушил приказ профессора и подвергает риску нашу жизнь! Это преступление.

— Да нет, ничего страшного,— заверила ее Элен.— Я заперла дверь за ним сразу же, как он ушел. Он больше не вернется.

Сиделка с горечью засмеялась.

— Ничего страшного, вот как? Разве вы не понимаете, что мы лишились уже двух самых сильных мужчин?

Глава XVII. КОГДА ЖЕНЩИНЫ ССОРЯТСЯ

Глядя на сестру Баркер, Элен поразились: глаза женщины приобрели странное выражение. Гнев сменился мрачным удовлетворением, словно она радовалась тому, что число защитников уменьшилось.

— У нас осталось еще двое мужчин,— вызывающе выпрямилась Элен,— и пять женщин — все здоровые и достаточно сильные.

— И вы сильная? — спросила сестра Баркер, пренебрежительно глядя на Элен с высоты своего роста.

— Я молодая.

— Да, вы молодая. Может быть, слишком молодая, не стоит забывать об этом. И, может быть, вы скоро пожалеете о том, что молоды.

— Мне кажется, профессору следует сказать о том, что мистер Райс ушел,— нетерпеливо перебила Элен.

— И, конечно, именно вы сообщите ему об этом.

— Почему я?

— Потому что он — мужчина.

— Послушайте, сестра. Я думаю, что ваши придирки глупы, особенно сейчас. Зачем нам все эти разговоры о мужчинах? Нам нужно держаться вместе. Я уверена, вы не хотите, чтобы я стала следующей жертвой.

— Я ничего против вас не имею,— заверила ее сестра Баркер.

— Когда вы подниметесь к леди Варрен,— сказала Элен,— расскажите, пожалуйста, мистеру Ньютону о том, что случилось, и попросите передать отцу.

Сестра Баркер величественно наклонила голову и медленно поднялась по лестнице. Когда она отошла от лестничной клетки и пошла по коридору, ее фигура приобрела неясные очертания, и Элен показалось, что она видит привидение — мертвеца, восставшего из гроба и бродящего по темному кладбищу.

«Наверное, это профессор,— успокоила она себя.— А страшное лицо мне просто почудилось».

Вдруг ей в голову пришла новая мысль: профессор вышел из своей спальни, а она ясно помнила, что какая-то дверь приоткрылась и сразу же снова захлопнулась.

«Очень странно,— подумала Элен.— Не может быть, чтобы профессор открыл свою дверь, потом закрыл ее и снова открыл. Это полная бессмыслица».

Внимательно оглядев лестничную площадку, она увидела, что дверь профессорской спальни находится рядом с другой дверью, ведущей на заднюю, винтовую лестницу. Две двери могли случайно открыться одновременно.

Эта мысль внушила Элен сильное беспокойство, и она сразу же отвергла подобное предположение.

«Никто не мог проникнуть в дом,— сказала себе Элен.— Все двери и окна были закрыты. Но, предположим, есть какой-то тайный ход, и убийца мог пройти из рожи прямо в дом, притаиться на задней лестнице и выглядывать из двери... Нет, скорее всего это был профессор!»

Какая-то неясная мысль беспокоила ее... что-то было оставлено без внимания...

И сама она этим вечером была недостаточно методична — не закончив одного дела, начинала другое. Например, не исправила дверную ручку в спальне мисс Варрен. Профессор отослал ее, и она оставила инструменты на полу у двери.

«Могут подумать, что я неряха. Надо снова подняться и попробовать исправить ручку».

Но это решение было забыто при виде Ньютона, сбегавшего по ступенькам. Его обычно бледное лицо покраснело от возбуждения.

— Итак, благородный Райс оставил нас? — обратился он к Элен.

— Да. Я была здесь, когда он уходил, и заперла за ним дверь.

— Хорошо. Надеюсь, он был один?

— Я увидела его на дорожке. Но было очень темно, и из-за дождя ничего нельзя было различить.

Ньютон взбежал по лестнице на третий этаж, но через минуту почти скатился вниз, демонстративно размахивая чистым носовым платком, за которым он якобы так поспешно отправился в свою спальню.

— Моя жена немного расстроена,— небрежно заметил он.— Головная боль и прочее. Может быть, вы побудете с ней, если у вас есть время?

— Естественно,— успокоила его Элен.

Внезапная улыбка Ньютона была такой мальчишеской, что Элен поняла, почему он пользуется успехом у женщин.

— Мы, Варрены, слишком много хотим получать за наши деньги. Надеюсь, вам платят приличное жалование. Вы его заслуживаете... Ну, а теперь нам надо сказать шефу относительно Райса.

Профессор полулежал в кресле, глаза его были закрыты, словно он глубоко задумался. Когда он немного приподнял веки,

Ньютон позвал его. Элен заметила, что взгляд профессора странно неподвижен и зрачки сильно сужены.

По всей видимости, Ньютон тоже заметил это.

— Баловался с квадронексом, шеф? — спросил он.

Профессор нахмурился.

— Поскольку именно я содержу это семейство, я должен думать о том, чтобы как можно дольше сохранить свои силы. Я должен хоть немного поспать сегодня ночью... Ты хочешь что-то сказать?

Услышав о том, что Райс покинул дом, он сжал губы.

— Значит, Райс не пожелал подчиниться моим указаниям? Из этого молодого человека в конце концов выйдет примерный гражданин, но в настоящее время, боюсь, он находится на уровне дикаря.

— Я бы назвал его атавистическим существом, — заметил Ньютон.

— Да, он, конечно, варвар, но варвар сильный, — напомнил ему профессор. — В его отсутствие нам с тобой, Ньютон, придется поработать.

— То есть ты имеешь в виду меня, шеф. Ты уже вышел из того возраста, когда сражаются с маньяками.

Элен подумала, что эти слова могли бы обидеть профессора.

— Мой мозг к вашим услугам, — сказал он. — К несчастью, я смог передать своему сыну только его небольшую часть.

— Спасибо, шеф, и за помощь, и за комплимент. Но боюсь, что в данном случае знание формулы отравляющего газа совершенно бесполезно. Нам нужна грубая сила.

Профессор слабо улыбнулся.

— Мой мозг, который ты недооцениваешь, может оказаться козырем в этой игре. Симона знает, что Райс ушел?

— Да, — ошетинился Ньютон. — Ну и что?

— Это твое дело.

— У нее болит голова, — вмешалась Элен. — Мистер Варрен просил меня посидеть с ней.

— Превосходная мысль, — заметил профессор. — Но не забывайте, что моя невестка — темпераментная особа. Ни в коем случае не раздражайте ее.

Элен поднялась в Красную Комнату. Услышав сдавленные рыдания, она остановилась у двери. Поскольку никто не ответил на ее стук, она вошла без приглашения и увидела, что Симона лежит на кровати, спрятав лицо в подушки.

— О, ваше чудесное платье! — воскликнула девушка. — Вы же его испортите!

Симона подняла залитое слезами лицо.

— Я ненавижу это платье! — огрызнулась она.

— Тогда снимите его. Во всяком случае, вы будете чувствовать себя свободнее в пеньюаре.

Девушка долго выбирала в обширном гардеробе Симоны замену ее вечернему туалету. Не желая признаться себе самой, она почувствовала зависть, увидев такое множество красивых платьев.

— Какие чудесные у вас вещи! — сказала Элен, подходя

к кровати с выбранным пеньюаром, еще более воздушным и нарядным, чем вечернее платье.

— Какой толк от всего этого? — с горечью спросила Симона. — Их не увидит ни один мужчина.

— А ваш супруг? — напомнила Элен.

— Я сказала — мужчина!

— Дать вам аспирин от головной боли?

— Нет, — ответила Симона. — Я действительно отвратительно себя чувствую. Но голова тут ни при чем. Я просто ужасно несчастна.

— Но ведь у вас все есть!

— У меня есть все. Но нет ничего, чего бы мне хотелось... Вся моя жизнь была сплошной жертвой. Если я чего-нибудь захочу, у меня это немедленно отнимают.

Она села и уютно устроилась на кровати, приготовившись к откровенному разговору.

— Стефан Райс когда-нибудь ухаживал за вами? — спросила она.

— Нет, — ответила Элен. — Но если бы ухаживал, я бы вам не сказала. Такие вещи надо держать в тайне.

— Но, милочка, как это сделать? Люди ведут светскую жизнь, ходят на балы, в рестораны и так далее. Тут без мужчины не обойтись.

— Я думала не о вас. Я, естественно, говорила о себе.

— О вас? Разве у вас есть любовник?

— Конечно! — небрежно ответила Элен. — Очень жаль, но я больше интересуюсь своими делами, чем вашими. Для меня вы представляете просто определенный тип женщины. Таких, как вы, всюду полно.

Хотя Симона была удивлена тем, что это ничтожество претендует на собственное мнение, она не смогла отойти от избранной ею темы разговора.

— Что вы думаете о Стефане?

— Он мне нравится, — ответила Элен. — Но я думаю, он не очень-то порядочный человек. Он не должен был оставлять нас в трудную минуту.

— Оставлять?

— Да, он ушел и сказал, что не вернется. Разве вы не знали?

Элен была поражена эффектом, произведенным на Симону этой новостью. Молодая женщина сидела неподвижно, крепко прижав руку к губам.

— Куда он пошел? — наконец спросила она.

— В бар, — ответила Элен.

— То есть, вы хотите сказать, к той женщине!

— Если вы имеете в виду дочь хозяина заведения, то он говорил о ней в кухне. Он сказал, что не хотел бы уехать, не простившись с ней.

— Он ушел! — зарыдала Симона. — Он у той женщины! Как он мне нужен... Вы не понимаете. Это меня убивает... Я должна что-то сделать!

— Не расстраивайтесь из-за него, — успокаивала ее Элен. — Он вас не стоит. Вы только унижаете себя.

— Замолчите! И выйдите из моей комнаты!

— Мне совершенно не хочется быть незваным гостем,— гордо ответила Элен. — Но мне приказано не оставлять вас одну.

Эти слова довели Симону до бешенства.

— Ах, вот как! — крикнула она. — Вас послали шпионить за мной? Очень умно с их стороны! Передайте им мою благодарность. Почему я об этом раньше не подумала?

— О чем? — с беспокойством спросила Элен.

— Вы увидите. Вы еще увидите!

Симона начала лихорадочно одеваться. Когда она натянула на себя меховую шубку, Элен не выдержала.

— Куда вы идете? — крикнула она.

— Ухожу из этого дома. Я не останусь там, где за мной шпионят и постоянно оскорбляют. — Симона выхватила из ящика туалета горсть драгоценностей, бросила их в сумку и повернулась к Элен.

— Я иду к своему любовнику. Скажите профессору, что сегодня ночью я не вернусь.

— Никуда не ходите. — Элен пыталась удержать Симону за руку. — Вы ему не нужны.

Борьба была короткой и отчаянной, но Симона была сильнее и отличалась полной бесцеремонностью. Не думая о последствиях, она оттолкнула Элен с такой силой, что та упала на пол.

Потирая затылок, Элен услышала, как щелкнул замок двери, и поняла, что попала в западню.

Глава XVIII. ВСЕ МЕНЬШЕ ЗАЩИТНИКОВ

Элен сделала все, чтобы удержать Симону, но ее не оставляло чувство вины. Чтобы иметь возможность оправдаться, она стала вспоминать, как все произошло.

В памяти мелькнула одна очень неприятная подробность. На этот раз это была слуховая галлюцинация, или, во всяком случае, что-то похожее. Но Элен была совершенно уверена, что ключ повернулся в замке в то самое время, когда она прислушивалась к шагам Симоны, в лихорадочной спешке сбегавшей вниз по лестнице.

— Кто-то нарочно запер меня,— прошептала Элен. — Кто? И для чего?

Вдруг она вспомнила, как миссис Оутс говорила, что во всех дверях «Вершины» установлен один и тот же замок. В таком случае, ключ от смежной комнаты Ньютона мог подойти к двери спальни.

Элен с трудом вынула заржавленный ключ и решила проверить, подходит ли он к двери спальни.

Она взялась за ручку, и вдруг дверь распахнулась. Элен оглядела пустую площадку.

— Вот это да! — выдохнула она, подозревая, что стала жертвой розыгрыша или кое-чего похуже.

Когда Элен рассказала о бегстве Симоны, семейство Варрен

выступило единым фронтом, пытаясь спасти положение.

— Вы говорите, мисс Кейпел, что она ушла в бар к Райсу? — спросил профессор.

— Да, — ответила она, стараясь не смотреть на Ньютона. — Я пыталась задержать ее, но...

— Конечно, конечно... Вопрос в том, Ньютон, кто пойдет за ней — ты или я.

— Конечно, я, — ответил Ньютон.

— Нет, дорогой, — вмешалась мисс Варрен. — Ты ведь молоде. Твой отец сумеет лучше повлиять на нее. К тому же, ты должен быть здесь.

— Вам ничего не угрожает, а Симона страшно рискует, — возразил Ньютон.

— Я разделяю твои чувства, Ньютон, — сказал профессор. — Но думаю, что вряд ли этот... маньяк прячется сейчас где-то под дождем. Если он не вернулся домой, то нашел убежище в каком-нибудь амбаре. Я уверен, что Симона без всяких приключений доберется до Райса.

— Приятная перспектива. — Ньютон закусил губу. — Тем больше причин для ее мужа быть вместе с ней.

— Может быть, ты и прав. Но прежде, чем ты уйдешь, нам надо обсудить линию поведения. Нам следует избежать скандала.

— Я не хочу разводиться с Симоной, — голос Ньютона снова сорвался. — Я только не хочу, чтобы она была с этим... Райсом.

— Лично я полагаю, что Райс совершенно не опасен, — заметил профессор. — Он далеко не сердцеед. Вопрос вот в чем: как понять сам факт бегства Симоны в деревенский кабак?

— Нервный срыв, — предположила мисс Варрен. — Может быть, определенную роль сыграло убийство.

Профессор кивнул.

— Боясь, что вам обоим придется провести в баре эту ночь, — сказал он. — У них нет машины, а Симоне не следует возвращаться домой в такую бурю.

— А ты не сможешь вернуться, когда поговоришь с хозяевами и устроишь Симону как следует? — обратилась к Ньютому мисс Варрен.

Ньютон язвительно засмеялся, застегивая плащ.

— Прелестно! Я оставлю ее у Райса... Не беспокойтесь, тетушка. Ждите нас завтра утром.

В доме из мужчин остался один профессор, изнемогающий под тяжким бременем ответственности.

Он прошел в свой кабинет, а Элен попыталась проникнуть в святая святых миссис Оутс. Она несколько раз постучала в кухонную дверь, но миссис Оутс не открыла ей, хотя через матовое стекло было видно, что в кухне горит свет.

Она уже хотела повернуться и уйти, но вдруг услышала незнакомый гортанный голос:

— Входите, дорогая.

Элен вошла в кухню с неприятным ощущением, не понимая, чем оно вызвано.

Миссис Оутс сидела, развалившись на стуле, и была похожа на мешок с картошкой.

Несмотря на отсутствие опыта, Элен сразу поняла, что случилось. Самый надежный защитник предал ее. Миссис Оутс была пьяна.

Глава XIX. ПЕЙ ДО ДНА

Увидев миссис Оутс в таком состоянии, Элен замерла. Ей показалось, что она переживает кошмар наяву. За несколько часов все изменилось. Не верилось, что она находится в той самой уютной кухне, где еще недавно пила чай.

Сейчас здесь было не только неуютно и грязно, но и темно. Кухню уже не освещали пляшущие языки пламени в камельке, крошки и яичная скорлупа были разбросаны по столу, не покрытому скатертью. Даже рыжий кот покинул свое место на ковре, избрав спокойную атмосферу пустой гостиной.

Но худшей из перемен была перемена в самой миссис Оутс.

Глаза потеряли живость, и губы, всегда плотно сжатые, расплылись в идиотской ухмылке. «Нет ничего хуже пьяной женщины», — подумала Элен. Когда она изложила миссис Оутс последние новости, та приняла их с таким безразличием, что девушка стала сомневаться, поняла ли миссис Оутс, что все их защитники дезертировали.

— Какое безобразие, что ваш муж ушел из дома, — довольно бестактно пожаловалась Элен. — Почему это должно было случиться именно сегодня?

Миссис Оутс визгливо засмеялась.

— Это я сделала, — сказала она хрипло. — Я отнесла пудинг в спальню, когда сиделка была занята с леди Варрен. Я всегoнавсего отвинтила крышку у баллона с кислородом, когда ставила тарелку на стол.

— Кто вас надоумил? — выдохнула Элен.

— Вы и надоумили. Вы сказали, что от этого зависит жизнь леди. Но если бы это не сработало, я бы придумала другой способ избавиться от Оутса.

Миссис Оутс осушила еще один стакан, а Элен почувствовала себя совсем подавленной.

— Отдайте бренди! — крикнула она, схватив бутылку. — Как вам не стыдно!

Она поняла свою ошибку, когда на нее обрушилась ярость миссис Оутс.

— Ну-ка положи обратно!

Элен, делая вид, что шутит, побежала к двери. Миссис Оутс преследовала ее.

— Ну, не глумитесь, — старалась успокоить женщину Элен, крепко прижимая к себе бренди. — Опомнитесь!

Миссис Оутс, задыхающаяся, с покрасневшими глазами, загнала ее в угол кухни, вырвала из рук бутылку и дала пощечину.

Покачнувшись от удара, Элен едва не упала, а миссис Оутс схватила ее за плечи и буквально вытолкнула из кухни.

— Выметайся отсюда, — пробормотала она, захлопывая за

ней дверь. — И чтобы я тебя здесь больше не видела!

Элен поняла, что ей понадобится помощь. Она постеснялась обратиться к профессору и отправилась в библиотеку. Мисс Варрен встретила ее не очень любезно.

— Надеюсь, мисс Кейпел, вы оставите меня в покое хоть ненадолго,— сказала она.

— Нет,— возразила Элен. — Это очень важно. Миссис Оутс пьяна.

Мисс Варрен недовольно нахмурилась и посмотрела на часы.

— Ничего страшного,— спокойно сказала она. — Она проспит и завтра примется за работу, как обычно.

— Но она еще не напилась до потери сознания,— настаивала Элен. — Если бы вы с ней поговорили сейчас, то могли бы остановить.

— Я не буду спорить с полупьяной женщиной,— сказала мисс Варрен. — А работа моего брата слишком ответственна, и ему нельзя мешать. Самое разумное для вас — не вмешиваться... Такое случалось и прежде.

Чувствуя себя весьма скверно, Элен побрела по коридору в холл. Однако, увидев телефон, она немного приободрилась. Вид аппарата напомнил ей, что дом все же не потерял связи с цивилизацией.

«Я позвоню в бар,— решила Элен. — Надо выяснить, где Симона. А потом позвоню доктору Перри».

Она очень обрадовалась, услышав голос, который с сильным уэльским акцентом уведомил ее, что говорит мистер Вильямс, владелец бара.

Затем мистер Вильямс доложил, что мистер и миссис Ньютон Варрен благополучно прибыли и останутся на ночь в меблированных комнатах. Он добавил, что мистер Райс ушел вместе с собакой сразу же по их прибытии, вероятно, для того, чтобы освободить комнату для молодой леди Варрен.

— Куда же он пошел? — спросила Элен.

— В дом приходского священника. Он сказал, что священник наверняка устроит его на ночь, потому что любит собак.

Затем Элен позвонила доктору. Он немедленно снял трубку. Голос его звучал устало и без особого энтузиазма.

— Только не говорите мне, что у старухи припадок. Имейте совесть. Я только что сел ужинать.

— Хочу посоветоваться с вами. Я могу обратиться только к вам. — Элен изложила свои подозрения.

— Да, веселое дело,— ответил доктор. — Но тут уж вы бессильны. Не дразните больше миссис Оутс.

— Но ведь я совсем одна,— жалобно сказала Элен.

— Вы боитесь?

— Н-нет.

— Если вы боитесь, я немедленно еду к вам.

Как он и ожидал, Элен отказалась. Доктор Перри проголодался, промок и устал, как собака, и, несмотря на его любезное предложение, в данный момент огонь в камине и трубка значили для него больше, чем самые прекрасные глаза.

— Я знаю, что в таком доме не очень-то уютно в бурю.

Прочитайте парочку молитв, и все будет в порядке. Конечно, сегодня вечером вы переволновались и, естественно, чувствуете себя одиноко. Закройте все двери и окна и ничего не бойтесь.

— Ладно. — Элен вздрогнула от оглушительного треска, раздавшегося за одним из закрытых окон.

— Помните, если вы почувствуете, что вам страшно, позвоните мне, и я сразу же приеду.

Несколько успокоенная этим обещанием, Элен повесила трубку. Но, оглядев пустой холл, почувствовала, что ее уверенность отступает. Казалось, полный зловещими звуками дом вот-вот рухнет под натиском бури. Громкий рев раздавался из каминной трубы, и девушка словно слышала непонятные слова, смутные угрозы.

Чувствуя, что любой прием со стороны миссис Оутс будет лучше, чем одиночество, Элен снова спустилась в кухню. К счастью, миссис Оутс встретила ее как гостеприимная хозяйка. Уровень бренди в бутылке заметно понизился.

«Нельзя раздражать ее!» — подумала девушка, присаживаясь возле миссис Оутс.

— Мы с тобой друзья, старушка, — сказала она. — Правда?

— Да, — кивнула та. — Оутс сказал: «Смотри за маленькой мисс». Это были последние слова перед тем, как его позвали наверх.

— Ах, не говорите о нем так, словно он умер! — воскликнула Элен и погладила миссис Оутс по руке. — Но как вы сможете смотреть за мной, если напильсь?

— Я выпила совсем мало, — возразила миссис Оутс. — И я покажу каждому, кто осмелится хоть пальцем коснуться маленькой мисс.

Она встала и, немного покачиваясь, прошлась по комнате, нанося сильные удары сжатыми кулаками воображаемому противнику.

— Я тут сидела, — объявила миссис Оутс, — и думала. Я долго думала. Меня беспокоит эта сиделка. Почему она всегда говорит, когда ее рот полон крошками или хлебными корками, или другой едой?

— Не знаю, — ответила Элен.

— Я сидела здесь, думала и теперь знаю. Она пытается говорить не своим голосом. И ходит не своей походкой. Ну, догадываетесь?

— А вы догадываетесь? — с беспокойством спросила Элен.

— Может быть, она вовсе не женщина, как мы с вами, может быть, она...

Миссис Оутс внезапно остановилась и уставилась на дверь. Оглянувшись, Элен увидела, что в дверном проеме стоит сестра Баркер.

Глава XX. ДАМА НАВОДИТ КРАСОТУ

Элен никогда не приходилось видеть такую открытую и беспощадную ненависть в человеческих глазах.

— Мы только что говорили о леди Варрен,— сделала она слабую попытку объяснить по-иному слова миссис Оутс.— Удивительная женщина, верно?

Сестра Баркер игнорировала эту увертку. В торжественном молчании она прошла по кухне и взяла с плиты чайник.

— Нет горячей воды.

— Мне очень жаль, но печка потухла,— извинилась за миссис Оутс Элен.— Если бы вы подождали несколько минут, я бы вскипятила воду на своей спиртовке.

— Я не нуждаюсь в помощи,— сказала сестра Баркер.— Я умею делать свое дело. И доводить его до конца.

Слова, сами по себе безобидные, были произнесены таким тоном, который придавал им мрачное звучание. Так же торжественно и многозначительно сестра посмотрела сначала на бутылку, стоящую на столе, потом на миссис Оутс, развалившуюся на стуле.

— Бренди,— заметила сестра.— В доме трезвенников.

Миссис Оутс вызывающе подняла стакан.

— Ваше здоровье, сестра,— сказала она, запинаясь.— Чтоб всем вашим курам благополучно вернуться на вертел.

Сестра Баркер коротко засмеялась.

— Понятно. Скоро у меня на руках окажетесь и вы. Ну, с вами-то я знаю, как обходиться.

Миссис Оутс не успела опомниться, как сестра удалилась.

— Ну и ну! — выдохнула миссис Оутс, принюхиваясь.— Что за скверный запах! От нее так и разит бренди. Пусть она лучше не пытается устраивать со мной эти штучки. И нечего меня обзывать, а то я дам ей по уху... Меня этим не проведешь.

— Этим? — отозвалась Элен.

— Этим самым. Кто может сказать, женщина она или мужчина?

Голос миссис Оутс опустился до хриплого шепота, и Элен уяснила весь ужас своего положения. Последний защитник Элен ускользал от нее, оставляя наедине с тайной загадочной сиделки.

— Она охотится за вами,— шепотом продолжала миссис Оутс.— Хочет избавиться от меня, чтобы с вами было легче справиться. Ну ладно, я ей покажу!

С трудом проглотив слюну, она передала Элен бутылку бренди.

— Поставьте ее куда-нибудь, чтобы я не могла достать.

Элен быстро оглядела кухню, подошла к шкафу и потянулась к высокой полке. Миссис Оутс не могла достать бутылку, и Элен почувствовала себя немного увереннее.

Спустившись с опасных высот, Элен стала торговаться.

— Вы поступили замечательно,— сказала она.— Я обещаю, что завтра утром вы допьете бутылку у меня в гостиной. Я задержу Оутса и никого не пущу к вам. А теперь сварю немного крепкого кофе, чтобы вы почувствовали себя лучше.

— Ко-о-о-фе! — простонала миссис Оутс.— Лучше поите этой гадостью мужиков, которые лезут поднять с места свой зад, спаси Господи беднягу Оутса!

Элен заварила кофе, налила в чашку крепчайший темный напиток и повнесла его миссис Оутс.

— Вот вам,— сказала она.— Кофе черный, как ночь, и горячий, словно адское пламя.

— Адское пламя! — повторила миссис Оутс, зажимая нос, и проглотила кофе одним глотком.

— Миссис Оутс,— вдруг спросила Элен.— Доктор Перри помолвлен?

— Еще нет, но помолвка будет скоро,— ответила миссис Оутс.— Я всегда спрашивала его, когда он наконец женится, а он всегда говорил, что ждет такую девушку, которую можно было бы схватить в охапку и забросить на луну.

— Я отнесу немного кофе наверх, сиделке,— сказала Элен.— Боюсь, что мы только что обидели ее.

Подойдя к дверям Синей Комнаты, Элен несколько раз постучала, но сестра Баркер не отзывалась.

Немного подождав, Элен приоткрыла дверь и заглянула в комнату. В ней царил полумрак, лишь голубоватое сияние ночника у кровати и пляшущее пламя в камине освещали комнату. Прокравшись на цыпочках по толстому ковру, Элен прошла мимо кровати, где различила очертания пушистой кофты леди Варрен. Старуха спала, и храп ее колебался от баса до самого высокого регистра. Свет, проникающий сквозь дверь, говорил о том, что сестра Баркер находится в смежной комнате.

Элен застала ее врасплох. Сестра Баркер стояла перед зеркалом, внимательно изучая свое отражение. Она провела пальцем по подбородку, и Элен заметила, что в кулаке у нее зажат маленький блестящий предмет.

— Господи,— с горечью произнесла сестра Баркер.— Это единственное место, где, как я думала, меня оставят в покое и где можно побыть одной.

— Да, комнаты расположены ужасно,— согласилась с ней Элен.— Я подумала, что вы не отказались бы выпить немного кофе.

— Спасибо.

Сестра Баркер взяла чашку, церемонно отогнув мизинец, и стала отпивать кофе маленькими деликатными глотками, напомнив Элен пьесу, которую она когда-то видела.

«Но актер, игравший тогда женскую роль, был более естественным»,— подумала Элен. Ее охватило жгучее любопытство.

— Как вы уже видели, у миссис Оутс что-то вроде запоя,— сказала она.— Что вы мне посоветуете?

— Взболтайте яйцо в ворчестерском остром соусе и прибавьте туда бренди. Когда вы ложитесь спать?

— Около десяти. Но сегодня я не буду спать.

— Почему?

— Ну, кто-нибудь должен не спать, чтобы впустить Оутса.

Неожиданно сестра Баркер набросилась на девушку.

— Значит, вы уже забыли, что приказал профессор? Он приказал никого не впускать!

— Я забыла,— призналась Элен.— Пожалуйста, не говорите профессору и мисс Варрен.



УБЕДИТЕ МНЯ О СВЕДЕНИИ ВСЕ
ДУШЕ. ОН ЗНАЕТ

— Ничего не могу обещать,— заявила сестра Баркер.— Если за вами постоянно не наблюдать, вы подвергнете опасности жизнь всех, кто находится с вами под одной кровлей... Чтобы приманить убийцу, достаточно вашего присутствия — ведь он охотится именно за вами!

Услышав это, Элен почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Почему вы все стараетесь напугать меня? — спросила она.

— Потому что вы постоянно все забываете.— Сестра Баркер поставила на стол пустую чашку и подошла к Элен.— Я хотела сказать вам еще кое-что. Я подозреваю этого уэльского врача.

— Доктора Перри? — не поверила своим ушам Элен.

— Да. Это тип легковозбудимого мужчины, неуравновешенный невропат. Такой вполне может быть маньяком, помешанным на убийствах.

— Какие глупости! — парировала Элен.

— Что вы знаете о нем? — продолжала сестра Баркер.— Эти преступления совершаются человеком, внушающим доверие своим жертвам. К тому же он может быстро передвигаться с места на место... И все доверяют доктору.

— Конечно, доверяют. Например, я. Я бы доверила доктору Перри свою жизнь. Он очень милый. И он обещал мне приехать сюда, если я буду очень бояться.

Сестра Баркер вынула из портсигара сигарету и, не зажигая, зажала в углу рта.

— Не волнуйтесь,— фыркнула она.— Он может явиться сюда и без приглашения.

Элен повернулась к двери.

— Не буду больше вас беспокоить. Кроме того... Я думаю, вы сами не знаете, что говорите.

Сестра Баркер схватила ее за руку.

— Вы меня боитесь?

— Нет, не боюсь!

— Что вы думаете обо мне?

— Я думаю, что вы очень добросовестная... и умная.

— Тогда послушайте меня, если вы сами не дура... Человек, совершающий эти преступления, совершенно нормален, когда проходит приступ безумия. Поэтому вы ничего не можете сказать заранее. Может быть, сегодня ночью вы встретитесь с ним. И если это случится, вы будете удивлены, как никогда в жизни.

Сестра Баркер зажгла сигарету, которую держала в зубах. Огонь, озаривший красным светом ее лицо, отразился в чисто выбритой, как у мужчины, коже подбородка и верхней губы.

Глава XXI. ПОСЛЕДНИЕ ПРЕГРАДЫ

В том, что сестра Баркер принадлежит к слабому полу, первой усомнилась миссис Оутс. Может быть, эта мысль была внушена ей крепким бренди. Элен была склонна считать сиделку просто грубой и ревливой женщиной, обделенной природой. Тот факт, что она выбривала себе верхнюю губу и подбородок, еще ничего

не доказывал — волосы на подбородке и усики на верхней губе не так уж редко встречаются у женщин.

Кто же все-таки сестра Баркер? Закрыв глаза, Элен раскачивалась взад и вперед.

Вдруг она вздрогнула и открыла глаза. К ее удивлению, она была не одна. Профессор вышел из кабинета и стоял, склонившись над ней.

— Спице на лестнице, мисс Кейпел? Почему вы не ложитесь в постель?

Бесстрастный голос и спокойный вид профессора успокоили Элен. Преступления не совершаются в приличных домах, где джентльмены переодеваются к обеду.

— Весьма неразумно, — заметил профессор, когда Элен призналась, что вовсе не хочет ложиться, прошел мимо нее и поднялся по лестнице, держась за перила.

— Профессор, можно мне сказать вам кое-что? — позвала его Элен. — Миссис Оутс желала бы получить неофициальную информацию относительно новой сиделки. То есть она хочет знать, действительно ли сестра послана медицинским центром.

— Почему не выяснить? Вот телефон.

Элен сбегала в холл и направила к телефону. Она запомнила номер медицинского центра благодаря своей привычке прислушиваться к телефонным разговорам. Ей ответил слащавый женский голос.

— Не можете ли вы сказать, у вас находится сестра Баркер?

— Кто это говорит? — переспросил голос.

— Это говорят из «Вершины».

— Но ведь она именно там!

— Да, я знаю. Вы не могли бы описать ее?

В трубке помолчали, словно сомневаясь, в своем ли уме тот, кто высказал столь странную просьбу, и через минуту ответили:

— Ничего не понимаю. Она высокая, темноволосая... Одна из лучших сиделок. У вас какие-нибудь жалобы?

— Нет. Она говорит как леди?

— Естественно. Все наши сиделки настоящие леди.

— Ну, конечно. Вы сами проводили ее в машину?

— Нет. Было темно, поэтому она ожидала в холле. Когда она услышала гудок, то вышла со своим чемоданом.

Элен с чувством удовлетворения повесила трубку. С этой стороны все было в порядке.

«Пойду проверю, как там миссис Оутс», — подумала она.

Глядя на бутылку бренди, стоящую на самом верху шкафа, миссис Оутс чувствовала себя в высшей степени несчастной.

— Задали вы мне работу, — с упреком сказала она. — Вы и ваш кофе. Совсем испортили настроение.

Элен посмотрела на кухонные часы:

— Уже без пяти одиннадцать. Когда вернется ваш муж?

Миссис Оутс пустила в ход все свои пальцы.

— Скажем, полтора часа туда и два обратно. Эта старая машина любит отдохнуть немного среди холмов. И Оутсу понадобится время, чтобы достать кислород. Должен вернуться примерно через пять часов. Может быть, немного раньше.

У Элен появилась слабая надежда на возвращение Оутса.

— Он уехал примерно в половине девятого, — сказала она. — Значит, нам остается ждать два часа или около того. Когда я узнаю, что он приехал, я буду спать, как сурок. Может быть, вы принесете свое постельное белье в комнату рядом с моей спальней? Мне будет не так страшно, если вы будете рядом, за стеной.

— Ладно, — пообещала миссис Оутс. — Там лучше, чем на нашем чердаке, где ветер воеет во всех трубах.

— Я совсем забыла, — ахнула Элен. — Профессор приказал не впускать в дом вашего мужа.

— Все это ерунда, — возразила миссис Оутс. — Хозяин приказал слушаться его. Но сам-то он не исполняет собственных приказов. Разве он не отправил Ньютона за его красоткой? Конечно, он знает, что я впусти Оутса.

— Вы считаете, что с его стороны это была просто поза? Если он такой заботливый, он не допустит, чтобы кислород всю ночь оставался в гараже. Как только мы услышим, что Оутс стучит в дверь, я сразу же побегу и скажу профессору.

— А к тому времени Оутс будет уже в доме, — торжественно произнесла миссис Оутс. — Неужели вы думаете, что я оставлю своего старика под дождем дожидаться, пока его соизволят впустить?

Вскочив на ноги, Элен сказала:

— Я скоро вернусь. Хочу переодеться. Потом мы выпьем чаю и постараемся устроиться поудобнее.

Выйдя из кухни, Элен в нерешительности остановилась. Быстрее было бы подняться по задней лестнице. Но, посмотрев на крутую спираль тускло освещенных узких ступеней, она отпрянула, чувствуя, что никакие силы не заставят ее пройти по ним.

Понимая, что ее страх безоснователен, Элен все же поднялась по парадной лестнице.

Проходя мимо двери Синей Комнаты, Элен вздрогнула, услышав приглушенный крик. Она прислушалась, но крик не повторился.

Поднявшись на следующую площадку, девушка почувствовала, что боится идти дальше. Слишком много уголков, где мог спрятаться тот, кто, поднявшись по спиральной лестнице, поджидал ее.

Когда Элен попыталась открыть дверь своей спальни, ей показалось, что кто-то удерживает ее изнутри. Но, включив свет, она увидела лишь портьеры, колыхавшиеся от ветра.

Элен подошла к окну и отодвинула занавеску. И тотчас черная масса, испугавшая ее раньше, рванулась к ней, почти коснувшись стекла. Казалось, дерево ожило и рвется изо всех сил в дом. Элен быстро задернула портьеру и отскочила на середину комнаты. Ей казалось, что на нее вот-вот набросятся. Каждую минуту могло распахнуться окно, а за вздувшейся портьерой могло возникнуть нечто ужасное.

Элен не знала, что этажом ниже украдкой отворилась дверь. Из-за нее выглянула голова, глаза скользнули направо, потом налево. Кто-то крался по ступенькам, ведущим к спальне девушки.

Элен переделалась в короткое синее шерстяное платье и туфли без каблучков, от которых показалась еще меньше. Бесшумно спустившись по лестнице, она снова остановилась у двери Синей Комнаты.

Вдруг тишину прорезало хныканье старухи:

— Сестра, не надо!

— Заткнитесь или получите еще! — с трудом узнала Элен хриплый голос.

Она решила прибегнуть к помощи профессора и прошла в его спальню.

Он сидел в кресле и не шевелился.

«Если он уснул, стоит ли его будить?» — спросила себя девушка и подошла к креслу.

Лицо профессора было словно желтая восковая маска, бледные веки плотно прикрыли глаза.

Рядом с ним на столике стоял пузырек и пустой стакан. Элен схватила профессора за руку.

— Профессор! Профессор!

Она больше не боялась беспокоить его. Она боялась, что не сможет его разбудить.

Глава XXII. ПРОИСШЕСТВИЕ

Элен снова и снова пыталась разбудить профессора, но он не шевелился. В отчаянии она схватила его за плечи и стала трясти изо всех сил. Когда она отпустила его, он безжизненно упал на спинку кресла.

Элен в панике выбежала из комнаты и бросилась в библиотеку. Мисс Варрен с недовольным видом подняла глаза от книги.

— Профессор! — задыхаясь, выпалила Элен. — Пойдемте к нему. Скорее! Я думаю, он умер!

Ее слова заставили мисс Варрен подняться. Она пошла вперед, перешагивая через две ступеньки. Когда Элен, запыхавшись, вбежала в спальню профессора, она увидела, что мисс Варрен склонилась над безжизненной фигурой.

— Честное слово, мисс Кейпел. Вы бы лучше хорошенько подумали, прежде чем пугать меня безо всякой надобности.

— Но разве он не болен? — спросила Элен, со страхом глядя на неподвижное тело.

— Конечно, нет. Он просто принял большую дозу снотворного.

Мисс Варрен взяла со стола бутылку с квадронексом и внимательно осмотрела ее содержимое.

— Не думаю, чтобы брат сделал такую глупость. Он обычно не совершает подобных ошибок. Очевидно, он не рассчитал дозу. Ведь он фактически не спал несколько ночей. Лучше оставить его в покое.

Мисс Варрен подошла к кровати, сняла покрывало и укутала колени профессора.

— Пойдемте, мисс Кейпел, — сказала она.

— Нет, — возразила Элен. — Я... Я боюсь.

— Чего боитесь?

— Не знаю. Но это наш последний мужчина.

Мисс Варрен вздрогнула.

— Да, интересно, их словно вымели. Но я не вижу особых причин для тревоги.

— Произошло убийство,— прошептала Элен.— Где-то притаился маньяк. И все они уходят, один за другим. Я думаю, сейчас произойдет что-то ужасное. Может быть, я останусь одна. Или вы...

— Если вы так нервничаете, почему бы вам не побыть с сестрой Баркер?

Элен отступила, вспомнив недавний инцидент.

— Но ее я тоже боюсь. Она изводит леди Варрен. Я только что слышала...

— Я обычно не обсуждаю семейные дела с лицами, не принадлежащими к нашей семье,— сухо сказала мисс Варрен.— Вы слышали, что случилось с предыдущей сиделкой?

— Да. Леди Варрен чем-то бросила в нее.

— Именно. Леди Варрен обладает таким характером, что не умеет сдерживаться. К несчастью, в медицинском центре мне сказали, что никто больше не желает работать у нас.

— Вы не хотите посмотреть, как чувствует себя леди Варрен? — спросила Элен.

— Пожалуй. Здесь мы не будем тушить свет.

Когда они проходили по площадке, мисс Варрен увидела что-то, лежащее на ковре перед дверью ее комнаты.

— Что это такое? — спросила она, близоруко прищуриваясь.

— Это зубило и еще кое-что,— ответила Элен.— Вот они где! Мне хотелось исправить ручку на вашей двери, но я забыла.

Она остановилась и подняла зубило, но мисс Варрен отняла его и положила вместе с другими инструментами на стул у себя в комнате.

— Оставлять вещи где попало — признак неаккуратности,— сказала она.

Элен ничего не ответила. Она вошла вслед за мисс Варрен в Синюю Комнату. В комнате было тихо, старуха крепко спала.

«Надеюсь, ее ничем не опоили», — с беспокойством подумала Элен.

Воздух был еще более кислым, чем обычно, пахло гнилыми яблоками, пылью и тряпками. Мисс Варрен брезгливо передернула плечами.

— Ужасный запах! Я должна была выносить его целый день. У меня разболелась голова от этого. Вот почему я так ценю услуги сестры Баркер, хотя вижу, что вы не способны оценить их.

«Она хочет сказать, что будет поддерживать сиделку, а я могу идти ко всем чертям», — решила девушка.

Ее поразило, с какой осторожной почтительностью мисс Варрен постучала в дверь, ведущую в комнату сиделки.

— Можно войти? — спросила мисс Варрен.

Сестра Баркер сидела, положив вытянутые ноги на сиденье стула, и курила сигарету.

— Простите, что я беспокою вас,— извинилась мисс Варрен.—

Мне только хотелось узнать, не доставила ли леди Варрен вам слишком много хлопот?

— У нее были капризы относительно снотворного,— ответила сестра Баркер.— Но я очень скоро убедила ее принять лекарство.

— Надеюсь, вы спокойно проспите эту ночь.

— В такой ветер? Нечего и надеяться. Я не лягу, как и все в этом доме.

— Кого вы имеете в виду? — спросила мисс Варрен.— Я сейчас ложусь. А профессор проспит до утра. Он принял квадронкса немного больше обычного.

Сестра Баркер, казалось, не слушала. В ее глазах зажегся фосфоресцирующий блеск — не то тревожный, не то удовлетворенный.

— Странно,— заметила она с каким-то злорадством.— Такое впечатление, будто кто-то расчищает себе дорогу.

Глаза мисс Варрен приняли испуганное выражение.

— Для всего случившегося можно найти логическое объяснение. Например, мистер Райс, мой племянник и его жена покинули этот дом потому, что я выставила собаку.

— Нет, пойдем немного дальше,— заявила сестра Баркер.— Райс знал, что вы терпеть не можете собак?

— Да.

— Так. А вы знаете, кто сообщил ему, что продается собака?

— Конечно, можно без конца строить разные предположения, но это совершенно бесполезно. Кого можно обвинить в том, что я забыла закрыть баллон с кислородом?

Элен хотела открыть имя подлинного виновника происшествия, но решила, что это было бы предательством.

— Значит, сейчас в доме только три женщины,— констатировала сестра Баркер.

— Четыре,— с гордым видом поправила ее Элен.— Миссис Оутс выпила не так уж много, и я дала ей крепкий кофе. Теперь она почти трезвая.

— Мне кажется,— задумчиво сказала мисс Варрен,— что вы сможете постоять за себя.

— Я доказываю это всю свою жизнь,— ответила Элен.

— Уверена, что вы не растеряетесь, если случится что-нибудь непредвиденное, мисс Кейпел,— сказала мисс Варрен.— И все же мне будет легче, если я буду знать, что вы рядом с миссис Оутс.

Элен, почти сломленная волнением и усталостью, немного приободрилась при этом неожиданном знаке внимания.

Когда она вернулась в кухню, миссис Оутс все еще сидела в своем кресле, но находилась в сравнительно бодром расположении духа. Она погрозила девушке пальцем, и в глазах ее мелькнула искорка юмора.

— Подкрадываетесь на бархатных лапках? Хотите насыпать соли мне на хвост? Но я старый воробей, меня на мякине не проведешь.

— Действие продолжается,— театральным тоном сказала Элен.— Профессор уходит со сцены.

Выслушав рассказ Элен о том, что случилось с профессором, миссис Оутс не очень расстроилась.

— Подумаешь, потеря! — сказала она. — От него все равно никакой пользы, он только сидит у себя в кабинете и размышляет.

— Я такого же мнения, но без него мы словно тело без головы.

Немного позже в кухню вошла сестра Баркер.

— Я думаю, нам лучше прийти к соглашению. Кто будет здесь старшим в отсутствие профессора?

— Конечно, хозяйка, — ответила миссис Оутс.

— Она ничего не понимает, — заявила сестра Баркер. — Она неврастеничка. Можете мне поверить.

— Я буду подчиняться ей, — сказала Элен. — Она меня наняла и платит жалованье.

— Слушайте, слушайте! — захопала в ладоши миссис Оутс. — Слушайте, что говорит молодая невеста доктора.

— Я не знала, что вы помолвлены с доктором Перри. — Тонкие губы сестры Баркер сжались в прямую линию, в глазах засветилась ревность.

— Ни с кем я не помолвлена, — быстро ответила Элен.

Хотя тема была довольно деликатная, сестра Баркер не могла оставить ее.

— Я думаю, все дело в росте. Просто удивительно, как это мужчины всегда выбирают женщин маленького роста. Это признак их умственной неполноценности. Они знают, что интеллект зависит от размеров тела.

Это высказывание привело Элен в ярость.

— Может быть, они находят нас более привлекательными, — ответила она.

— Вы желаете оскорбить меня, — хрипло сказала сестра Баркер. — Может быть, это неразумно? Очень скоро вы останетесь наедине со мной.

— Остается еще миссис Оутс, — напомнила ей Элен.

— Правда? — Сестра Баркер многозначительно засмеялась. — На вашем месте я бы не очень-то надеялась на это.

Она выпустила изо рта дым и, шумно ступая, вышла из кухни.

— Что она хотела сказать? — с беспокойством спросила Элен.

— Ерунда, — мрачно прокомментировала миссис Оутс. — Но все равно нам не надо было раздражать ее.

— Ей не следовало надолго оставлять бедную леди Варрен, — оправдывалась Элен.

— Нечего ее жалеть! Старуха не даст себя в обиду. Оставлять эту пару в одной комнате, все равно что запереть в одной клетке льва и тигра. Известно, кто выйдет живым наутро.

— Хочется верить, что старая леди Варрен не совсем беспомощна, — сказала Элен. — Я действительно боюсь сиделки.

— Не давайте ей этого понять, — посоветовала миссис Оутс.

— Постараюсь. — Элен посмотрела на часы. — Хотелось бы мне знать, где именно в эту минуту находится ваш муж. Как бы

мне дотянуть до его возвращения! Боюсь, что со мной случится что-нибудь ужасное.

— Молчите! — толкнула ее миссис Оутс. — Может быть, кто-то нас подслушивает.

Открыв дверь кухни, Элен осмотрела проход.

— Вот чего я боюсь, — сказала она. — Предположим, я услышу, как за дверью плачет ребенок. Мне кажется, я не выдержу и выйду. Понимаете? А вдруг там действительно ребенок...

— Не будьте дурочкой, — умоляла ее миссис Оутс. — За все время, что я здесь работаю, никто ни разу не оставил ребенка на пороге. Мисс Варрен — девица не такого сорта, чтобы принести дитя в подоле.

Элен засмеялась.

— Я чувствую себя виноватой перед ней. Она, наверное, скоро захочет спать, а я до сих пор не исправила ручку на ее двери.

Обрадованная тем, что может отвлечься работой, Элен побегала наверх. Поднявшись на площадку второго этажа, она увидела свет сквозь стеклянную дверь спальни мисс Варрен.

«Надеюсь, она еще не легла», — подумала Элен, постучав в дверь.

— Да? — раздался голос мисс Варрен.

— Мисс Варрен, простите, пожалуйста, что побеспокоила вас. Вы не можете дать мне зубило и другие инструменты?

— Конечно, мисс Кейпел, только больше не оставляйте все это у двери.

Элен услышала шаги мисс Варрен, потом ручка двери беспомощно завертелась. Элен в молчаливом удивлении смотрела на ручку.

— Вы не можете открыть дверь? — спросила она.

— Нет, — ответила мисс Варрен. — Ручка вертится во все стороны, но дверь не открывается.

Глава XXIII. «ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С ПЬЯНЫМ МОРЯКОМ?»

— Ничего, — сказала Элен. — Я открою дверь с наружной стороны.

Она уверенно взялась за ручку, но почувствовала, что та вертится у нее в руках.

— Кажется, ручка совсем развинтилась. Мисс Варрен, там у вас инструменты. Как вы думаете, смогли бы вы подкрутить ее?

— Нет, здесь не хватает отвертки, — ответила мисс Варрен. — Не важно. Оутс починит ее завтра утром.

— Но, мисс Варрен, — настаивала Элен, — очень плохо, что вы заперты. А если... предположим, будет пожар?

— Почему мы должны предполагать такие вещи? Пожалуйста, уходите, мисс Кейпел, я должна закончить важную работу.

— А у вас есть ключ? — спросила Элен.

— Нет. Замок сломан, вместо него поставили задвижку... А теперь, пожалуйста, оставьте меня в покое.

Поняв, что ей ничего не добиться от мисс Варрен, расстроен-

ная Элен повернула назад. Когда она проходила мимо Синей Комнаты, сестра Баркер, привлеченная шумом, высунула голову.

— Ну, что там еще случилось?

Элен объяснила ситуацию. Сиделка злобно рассмеялась.

— Что я вам говорила? Она заперлась нарочно.

— Не могу поверить, — возразила Элен. — Зачем это ей нужно?

— Она до смерти испугалась. Да, я это предвидела... И я предвижу кое-что другое. Для вас еще все впереди, дорогая моя.

— Сестра! — крикнула Элен, подавшись внезапному импульсу. — Я хочу извиниться перед вами. Если я вас чем-нибудь обидела, то не нарочно.

— Слишком поздно спохватились, — фыркнула сестра Баркер. — Вы уже высказались.

— Может быть, сделать что-нибудь?..

— Поклянитесь, что будете во всем меня слушаться.

— Есть, сержант! — Элен вытянулась и отдала честь сестре Баркер.

— Я не шучу, — нахмурилась сестра Баркер. — У меня нет уверенности, что вам можно полностью доверять. Сколько я себя помню, мне не приходилось выслушивать таких оскорблений, и от кого? От пьяной поденщицы и грубой, невоспитанной девчонки!

— Ну, сестра! — сказала Элен. — Я же не хотела...

Сестра Баркер вернулась в Синюю Комнату, а Элен, обуреваемая мрачными предчувствиями, поспешно направилась в кухню. Открыв дверь, ведущую к лестнице нижнего холла, она наткнулась на какой-то небольшой твердый предмет, который с оглушительным грохотом покатился вниз. Добежав до конца лестницы, Элен подняла с пола пустую жестяную банку из-под молока.

— Миссис Оутс! — крикнула она, войдя в кухню. — Кто оставил эту банку на лестнице?

— Не знаю, — ответила миссис Оутс.

Охваченная внезапным подозрением, Элен посмотрела на шкаф. Увидев, что бутылка все еще там, она облегченно вздохнула. Но, взглянув на миссис Оутс, Элен совсем расстроилась. В состоянии миссис Оутс наступило явное ухудшение. На губах снова играла неопределенная улыбка, лицо потеряло обычное решительное выражение, взгляд был мутным. Элен припомнилась строка из матросской песни:

«Что нам делать с пьяным моряком?»

Элен прошла в кладовую за продуктами.

Она нагроутила поднос банками с языком, сардинами, холодным мясом и рыбой в желе, горшочками с паштетом.

Прижав поднос к бедру, Элен выключила свет в кладовой и вернулась в кухню.

Миссис Оутс все еще сидела в своем кресле, а над ней, скрестив руки, стояла сестра Баркер.

— Где вы были? — спросила она.

— В кладовой,— ответила Элен.— Доставала еду. Хотите?

Сестра Баркер кивнула со странной улыбкой на губах, и Элен поторопилась объяснить.

— Я подумала, что мы с миссис Оутс поедим здесь, а вам я отнесу что-нибудь в вашу комнату. Хорошо? Какие сэндвичи вы хотите?

— Спросите миссис Оутс, что ей особенно по вкусу,— сказала сестра Баркер.— Я думаю, вам придется поработать за нее.

Охваченная неприятным предчувствием, Элен с грохотом поставила поднос на стол и бросилась к миссис Оутс. Но не успела она подойти к ней, как та вытянула руки на столе и опустила на них голову.

— В чем дело?— крикнула Элен.— Вы больны?

Миссис Оутс с трудом открыла один глаз.

— Спать хочется,— пробормотала она.— Спать...

Элен стала трясти ее за плечо.

— Проснитесь! Не оставляйте меня! Вы же обещали!

Глаза миссис Оутс на минуту осветились виноватой улыбкой, но тут же потухли.

— Кто-то... подмешал... мне,— сказала она.— Меня опоили...

Снова уронив голову на руки, она закрыла глаза и засопела.

Чувствуя полную беспомощность, Элен наблюдала, как миссис Оутс погружается в тяжелый сон. Сестра Баркер стояла рядом, облизывая губы, словно смакуя всю смехотворность положения. Наконец Элен спросила:

— Что с ней, по-вашему?

Сестра Баркер презрительно засмеялась:

— Не будьте душой. Это яснее ясного. Она пьяна, как сапожник.

Глава XXIV. ЗВАНЫЙ ОБЕД

— Как же она смогла достать бренди? Я уверена, что она была не в состоянии залезть на шкаф.

Сестра Баркер ударом ноги выдвинула маленькую скамейку, встала на нее, вытянула руку и достала бутылку со шкафа.

— Вы забываете, что не все женщины такие недоростки, как вы. Миссис Оутс ниже меня, но руки у нее длинные.

Элен закусила губу, поняв, как ее провели.

— Можете считать меня последней душой,— сказала она,— но я поверила ее обещанию. Все-таки она не тронула бренди. Бутылка наполовину полная.

Презрительно фыркнув, сестра Баркер вынула пробку, понюхала ее и налила немного на тыльную сторону ладони.

— Водичка,— заметила она.

Элен с упреком посмотрела на миссис Оутс, похрапывающую на столе.

— Что мы будем делать с ней?— беспомощно спросила она.

— Оставим здесь.

— Может, сделать ей холодный уксусный компресс? Ведь ей неудобно, и, по-моему, у нее температура.

— Никаких компрессов! — отрезала сестра Баркер. — Нам некогда с ней возиться. Давайте поужинаем. Я прямо падаю от усталости. Принесите поднос в мою комнату, и мы там поедим.

Элен наскоро заварила чай и быстро пошла вверх по лестнице, пугливо оглядываясь через плечо. Войдя в Синюю Комнату, она захлопнула за собой дверь.

Сестра Баркер налила чаю и добавила в него несколько капель бренди. Элен с изумлением смотрела на женщину, которая накладывала себе на тарелку холодный картофель, паштет и толстые ломти мяса, переложив их маринованными огурчиками.

«Этого хватило бы любому мужчине», — думала Элен, наблюдая, как сестра Баркер очищает тарелку.

— Сестра, почему вы так плохо ко мне относитесь? — спросила она.

— Вы напоминаете мне одну женщину, которую я ненавижу. Точь-в-точь как вы — маленькое, костлявое, постоянно хихикающее создание с тонкими ножками. Только она была блондинка.

— Почему же вы возненавидели эту блондинку?

— Из-за мужчины. Это произошло, когда я только начинала работать. Он был доктор, очень умный человек, но такой маленький, что я могла бы положить его себе на колени и отщелпать.

— Противоположности всегда сходятся, — заметила Элен. — Вы были помолвлены?

— Нет, мы не были помолвлены, — ответила сестра Баркер. — Но к этому все шло. И мы бы поженились. Но проклятая блондинка отняла его у меня.

— Какое безобразие!

— Безобразие? — В коротком смехе сестры Баркер чувствовалась горечь. — Она разбила мне жизнь. Это был мой единственный мужчина. Больше никого не было. И никогда не будет.

— Они поженились?

— Нет, она его бросила, он ей понадобился ненадолго. Но от него осталась одна шелуха. И я была ему уже не нужна... Вот почему я ненавижу женщин, похожих на нее. И если кто-нибудь желает свернуть ей шею, я только пожелаю им удачи.

Сестра Баркер посмотрела на Элен, и та съезжилась, словно улитка, замыкающаяся в своей раковине.

— Знаете, — сказала она, — у нас с вами много общего. Меня мужчины не замечали, потому что я такая маленькая.

— Но ведь у вас роман с доктором?

— Эту сказку придумала миссис Оутс. У меня еще никогда не было настоящего романа. Всегда приходилось самой зарабатывать на жизнь, и никогда не было денег на красивые платья.

— Это правда? — настаивала сестра Баркер.

Элен кивнула, вспомнив свою заброшенность и бесчисленные унижения, которые ей пришлось испытать.

Маленькая комната была вся затянута дымом. Хотя Элен лихорадочно старалась сосредоточиться на окружающем, в глубине души она была убеждена, что цепляется за что-то обманчивое, ускользающее из рук. Миссис Оутс предала ее, и сестра Баркер тоже предаст.

По крайней мере ночь понемногу проходила.

— Что там за шум? — нахмурившись, спросила сестра Баркер.

Элен тоже услышала шум: глухие удары откуда-то снизу.

— Как будто стучат во входную дверь, — сказала она.

— Никуда не ходите, — предупредила ее сестра Баркер. — Это может быть ловушкой.

— Но я должна! Вдруг это Оутс?

Стук повторился — громкий и повелительный. Стучали во входную дверь, одновременно нажимая на кнопку звонка.

Элен остановилась, держась за перила. Внезапно у нее возникла новая мысль. Она поняла, что за дверью доктор Перри.

С заблестевшими глазами Элен помчалась вниз по ступенькам, а на площадку вышла сестра Баркер.

— Стойте! — крикнула она. — Не открывайте дверь!

— Но я должна! — задыхаясь, крикнула в ответ Элен. — Это доктор. Он обещал прийти. Я должна открыть ему!

Элен услышала за собой тяжелые шаги сиделки и попыталась бежать быстрее. Но, несмотря на все усилия Элен, сильные руки схватили ее в тот момент, когда она была уже у дверей.

— Тихо, дуруха, — прошептала сестра Баркер, зажимая Элен рот. — Это он!

Глава XXV. НАБЛЮДАТЕЛЬ

Элен поняла, что проиграла сражение. Когда стук прекратился, сестра Баркер подержала Элен еще некоторое время.

— Он пошел к задней двери, — мрачно сказала она. — Упрямый! Но я еще упрямее!

Элен чувствовала, что задыхается в железных объятиях сестры Баркер. Когда через несколько минут атака на входную дверь возобновилась, Элен подумала, что больше не выдержит.

«Уходи, милый, — мысленно заклинала она доктора Перри. — Это бесполезно. Ради меня. Уходи, это бесполезно».

Наконец все стихло.

— Ой! — схватилась за горло Элен. — Вы чуть меня не задушили.

Сестра Баркер хрипло засмеялась.

— Жди после этого благодарности! Жаль, что я не впустила его. Больше у вас не болело бы горло — он вылечил бы вас навсегда!.. Не стоило вас спасать!

— Вы же спасли меня, — сказала Элен. — Это был доктор Перри.

— Откуда вы знаете? Вы же говорили, что между вами ничего нет.

Элен слишком плохо себя чувствовала, чтобы возражать.

— Какое это сейчас имеет значение? Все равно вы его прогнали.

— Вы только что солгали мне. Вы пытались вызвать мое сочувствие и сыграть на нем. И все это время исподтишка смеялись надо мной. Я точно знаю, как это начинается. Мне известен и конец. Глупая, пустая кукла с курчавыми волосами, как у вас.

— Нечестно вымещать на мне злость за чужие грехи! — возразила Элен. — Я не сделала вам ничего плохого.

— И ничего хорошего. Вы отпускали наглые замечания по поводу моей внешности. Только потому, что я высокая и у меня решительное лицо, выражающее сильный характер, вы осмелились сказать, что я похожа на мужчину.

— Это не я. Пожалуйста, будьте мне другом, хотя бы на одну ночь. Нам нельзя ссориться...

Элен прервала телефонный звонок, прозвучавший как-то особенно пронзительно.

Она бросилась через холл к телефону, крикнув на ходу:

— Это, наверное, звонит доктор Перри.

При звуке женского голоса Элен почувствовала горькое разочарование.

— Это «Вершина»?

— Да, слушаю, — тихо ответила она и через минуту обратилась к сестре Баркер. — Вас к телефону.

— Кто звонит?

— Не знаю.

Элен без всякого интереса наблюдала за сиделкой.

— Говорит сестра Баркер. Кто это? Ах, это вы, дорогая!

Звонила секретарша медицинского центра.

— Как приятно слышать ваш голос, дорогая. Я еще на дежурстве. У нас работы по горло, и я вот уже час стараюсь найти доктора Блейка. Вы еще не спите?

— Нет, и вряд ли усну, — ответила сестра Баркер.

— Значит, не очень-то весело. Что, трудный больной?

— Чрезвычайно трудный. По правде говоря, очень неприятный и странный.

— Я не удивляюсь, дорогая. Мне кажется, вам следует знать, что кто-то звонил мне из этого дома и задавал весьма необычные вопросы относительно вас.

— Относительно меня?

Голос сиделки изменился. С замирающим сердцем Элен вслушивалась в разговор.

— Повторите, пожалуйста... Ну и ну! Еще что-нибудь?.. Что? Какая наглость! Кто вам звонил?.. Вы уверены, что это был женский голос?.. Когда? Пожалуйста, попытайтесь припомнить, потому что я хочу узнать источник... Вы уверены, что разговор происходил именно в это время?.. Тогда я знаю, кто звонил... Ни в коем случае. Вы совершенно правильно поступили, что дали мне знать. До свидания.

Сестра Баркер повесила трубку и посмотрела на Элен.

— Вы дгунья и доносчица. Если бы я могла спасти вас одним движением мизинца, я бы не пошевелилась.

Элен поняла, что окончательно оттолкнула от себя единственную защитницу.

Он все еще кружил по саду, сгибаясь под порывами бури. Ветви хлестали его по лицу, словно провололочные плети, когда он, скользя по мокрой земле, пытался заглянуть в каждое оконце первого этажа. Наконец ему показалось, что он нашел слабое

место. Он просунул под раму перочинный нож и отодрал шпингалет, но натолкнулся на крепкие внутренние ставни. Глядя на гладкие стены, тщетно стараясь увидеть хотя бы слабый луч света в окнах верхнего этажа, он почувствовал, что его охватывает дрожь...

Хотя доктор Перри любил одиночество, ему всегда был не по душе этот изолированный от людей дом, окруженный густыми деревьями. Сейчас он казался ему каким-то зловещим существом.

Вдруг доктору пришла в голову мысль, как проще всего связаться с Элен. При свете зажигалки он одной рукой стал шарить в кармане. Найдя старый конверт, он с трудом нацарапал на нем короткое послание, потом засунул конверт в щель почтового ящика и постучал два раза, как это делают почтальоны.

«Она живо прибежит на этот стук», — подумал доктор, отходя к дорожке, откуда открывался вид на весь дом.

Но проходило время, и окна на верхнем этаже оставались темными. Доктор Перри задумался. Отсутствие любопытства не относилось к недостаткам Элен. Вспомнив, с какой скоростью девушка взбегала по лестнице, он подумал, что если бы она прочла записку, у нее не заняло бы много времени подняться на верхний этаж и зажечь свет в своем окне, извещая его о получении послания.

Он хотел повернуться и уйти, как вдруг в спальне Элен зажегся свет. Охваченный внезапным ужасом, доктор увидел на колеблющемся экране занавески скрюченную тень.

Это была тень мужчины.

Глава XXVI. ПРЕДЧУВСТВИЕ КАПИТАНА

Испуганная зрелищем потемневшего, распухшего лица сестры Баркер, Элен лихорадочно пыталась хоть немного смягчить ее.

— Неужели вы не можете понять? Это было сразу после убийства. Мы все устали и изнервничались. Миссис Оутс была уверена, что вы самозванка.

Ее объяснения лишь увеличили гнев сестры Баркер.

— Вы пытались вкратце в доверие, — торжественно заявила она. — Вы вовлекли меня в разговор о... самом заветном сразу же после вашего звонка в центр. Это грязный трюк.

Элен молчала, со страхом ожидая нового нападения со стороны сестры Баркер. Внезапно раздался негромкий стук, словно что-то упало.

Сиделка скомандовала:

— Посмотрите, не упала ли старуха с кровати.

Довольная, что может хоть чем-то услужить, Элен бросилась вверх по лестнице и осторожно заглянула в Синюю Комнату.

Леди Варрен лежала, свернувшись в клубочек, храп ее был естественным.

Элен осторожно положила в камин несколько угольков, и это занятие так отвлекло ее, что она не услышала, как доктор Перри постучал во входную дверь.

Но сестра Баркер услышала стук. Подозрительно оглянувшись, она прошла в переднюю.

Ее внимание привлек какой-то белый предмет, видневшийся сквозь внутреннюю стеклянную стенку почтового ящика. Вынув конверт, она, прищулив глаза, изучала его. На обороте конверта, адресованного доктору Перри, была записка, подписанная Д. П. Сердце ее сжалось от ревности.

«Она знала,— пробормотала женщина.— Но каким образом?» Записка предназначалась Элен.

«Пригнал мотоцикл, чтобы самому посмотреть, как у вас тут дела. Стучал как сумасшедший — никакого результата. Когда получите эту записку, откройте окно вашей спальни, и я крикну, чтобы вы убедились, что это действительно я, а не какой-нибудь негодяй. Ради бога, впустите меня, потом я все объясню профессору».

Сиделка судорожно проглотила слюну, порвала конверт на мелкие кусочки и бросила их в мусорную корзину.

Тем временем Элен хлопотала в Синей Комнате. Она расставила стулья и столики, взбила подушки и убрала в шкаф разбросанную одежду. Затем вышла на площадку, держа в руках большой таз с мыльной водой и перекинув через плечо охапку смятых полотенец. Поставив таз на ковер, Элен опустилась на нижнюю ступеньку и столкнулась с сестрой Баркер.

— Почему вы задержались?

— Я убирала у леди Варрен.

— А в свою комнату вы не поднимались?

— Нет.

— На вашем месте я бы не делала этого. Она очень далеко, и я не успею прийти к вам на помощь.

Снова раздались глухие удары.

— Опять! — вскрикнула сестра Баркер. — Мне бы хотелось, чтобы это прекратилось. Стук действует на нервы.

Они прислушались, и Элен определила, откуда идет звук.

— Это внизу, в подвале. Наверное, он стучит в окно, которое я кое-как подвязала. Должно быть, рама опять отскочила.

— Преступная небрежность, — заявила сестра Баркер, широко зевая.

— Вам хочется спать?

— У меня слипаются глаза. Я приехала сюда прямо с ночного дежурства. Мне надо хорошенько выспаться.

Сестра Баркер медленно поднялась на ноги.

— Куда вы идете? — беспокойно спросила Элен.

— Иду спать.

— Куда?

— В комнату своей больной.

— Не надо! Не оставляйте меня здесь одну!

— Дом заперт. Вам ничего не угрожает до тех пор, пока вы будете помнить, что нельзя открывать дверь.

Сиделка прошла в большую, безвкусно обставленную гостиную, подняла несколько атласных подушек, лежавших на полу, подсунула их себе под голову, растянулась на широкой голубой кушетке и мгновенно уснула.

«Вот я и осталась одна,— подумала Элен.— Но если что-нибудь случится, я всегда могу ее разбудить».

Сквозь хаос мыслей тревожно пробивалась одна, но Элен никак не могла ухватить ее.

Наконец она вспомнила. Подвальное окно.

Оно было открыто в течение нескольких минут, когда засов внутренней ставни лежал на кухонном столе, а она со Стефаном слушала рассказы миссис Оутс.

У Элен сильнее забилося сердце, но она постаралась успокоить себя. Вряд ли преступник найдет ту единственную щель, сквозь которую можно было бы пробраться в дом.

«Но если он все же забрался,— думала Элен,— то сможет спрятаться в любом из темных подвалов. А когда все стихнет, проберется через моечную на заднюю лестницу».

Сестра Баркер спала так крепко, что не заметила, как Элен вышла из комнаты.

Внезапно она проснулась, села, протирая глаза, и огляделась в поисках Элен.

Девушка исчезла.

Пробежав рощей, доктор Перри оказался у выбеленного коттеджа капитана Бина.

Жалюзи в окне не были опущены, и он видел освещенную лампой гостиную. Капитан Бин сидел, засучив рукава рубашки, за столом, заваленным бумагами. Рядом с ним стоял чайник. Он работал над очередной статьей о путешествиях.

Услышав звонок доктора Перри, капитан тотчас же подошел к двери.

У него было чисто выбритое лицо с мелкими расплывчатыми чертами; кожа, белая от природы, была обожжена тропическим солнцем.

— Вы, наверное, удивитесь, что я пришел к вам так поздно,— сказал доктор Перри.— Но меня беспокоит то, что происходит у ваших соседей.

— Войдите! — пригласил его капитан.

Доктор Перри был поражен той серьезностью, с которой капитан Бин выслушал его рассказ.

— В общем,— закончил он,— в этом доме есть девушка, о которой я очень беспокоюсь. Она такая хрупкая. И она очень испугана.

— На ее месте я бы тоже испугался,— отрывисто произнес капитан Бин.— После того, как я нашел у себя в саду ту девушку, никак не могу опомниться.

Доктор Перри с беспокойством посмотрел на капитана.

— Мне никогда не нравился дом, да и семейство этого профессора,— сказал капитан.— Я пройду с вами; посмотрим, что там происходит.

— Бесполезно. Этот дом вроде крепости. Можно звонить, пока не оборвешь звонок, и все без толку.

— Может быть, позвать полицию?

— Я уже думал об этом. Но не могу придумать предлога, чтобы высидеть дверь.— Доктор Перри встал и взволнованно

прошелся по комнате.— Меня беспокоит тень. Тень в ее комнате. Непохоже, чтобы это был женский силуэт.

— Но в доме есть и молодые люди,— заметил капитан.

— Нет, они все ушли. Из мужчин остался один профессор. Он спит, но можно предположить, что квадронекс уже перестал действовать.

Капитан Бин что-то проворчал, набивая трубку свежим табаком.

— Я побывал во многих местах и видел очень неприятные вещи. Но тело девушки в моем собственном саду вывело меня из равновесия. С того момента, как я его увидел, я думаю о разных вещах...

Капитан попросил доктора повторить свой рассказ, потом решительно встал и надел резиновые сапоги.

— Куда вы идете? — спросил доктор Перри.

— В бар. Звонить в полицию.

— Зачем?

— О некоторых вещах нельзя просто рассказывать. Их надо доказать, имея неопровержимые улики... Но у меня всегда возникают подозрения, когда крысы бегут с корабля...

— Черт возьми! Бросьте свои намеки, капитан. Скажите прямо, что вы имеете в виду.

Капитан покачал головой.

— Лопату не назовешь лопатой, пока не убедишься точно, что это не вилка. Я вам одно скажу: я не оставил бы свою дочь сегодня в этом доме даже за миллион фунтов.

Глава XXVII. «БЕСПЕЧНОСТЬ — ХУДШИЙ ИЗ ГРЕХОВ»

Сестра Баркер огляделась, стараясь различить маленькую фигурку среди хаоса кушеток и стульев.

Чувствуя, что сонливость окончательно покинула ее, она вышла в холл и крикнула:

— Мисс Кейпел!

Никто ей не ответил. Она сердито нахмурилась, и в глазах ее появился зеленый огонек ревности.

«Девчонка впустила его. Ну что же, это не мое дело».

С кривой усмешкой она поднялась в Синюю Комнату. Леди Варрен привстала на постели и позвала:

— Девочка!

— Разве так обращаются к сиделке? — с упреком ответила сестра Баркер.

— А вы уходите! — Леди Варрен с трудом села. — Мне нужна девушка.

— Закройте глаза и спите. Уже поздно.

Леди Варрен уставилась круглыми, как у совы, глазами на сестру Баркер.

— Почему так тихо? — спросила она. — Куда все ушли?

— Все спят.

— Скажите профессору, что я хочу его видеть.

Не имея ни малейшего желания объяснять леди Варрен, что случилось с профессором, сестра прошла в его спальню.

Профессор спал, лицо казалось неестественно бледным, словно слепленным из желтого воска, застывшее тело еще больше напоминало восковую фигуру.

— Ну что, придет профессор? — спросила леди Варрен, как только сестра Баркер вернулась в Синюю Комнату.

— Нет, он крепко спит.

Леди Варрен наблюдала, как сиделка прошла через комнату и заперла дверь на площадку.

— Почему вы это сделали? — спросила она.

— Я всегда закрываю свою дверь в чужом доме, — ответила сиделка.

— А я всегда держала свою дверь открытой, чтобы быстрее удрать, если нужно.

— Ну ладно, не хочу больше ничего слышать, — прервала ее сестра Баркер, сбрасывая туфли. — Я ложусь спать.

Она легла на узкую кровать, с завистью думая об Элен и ее любовнике. Интересно, где они и что делают...

В эту минуту доктор Перри страдал в одиночку, а Элен с мерцающей свечой в руке пробиралась пыльными проходами в царстве мышей, пауков и пляшущих теней.

Каждую минуту она ожидала нападения, но убийца все медлил, спрятавшись за ближайшим поворотом.

Ее постоянно преследовал звук шагов, но когда она останавливалась, шаги замирали.

Элен повернула за угол, и свеча погасла.

Она очутилась в полной темноте, между окном и тем местом, где была найдена убитая служанка. Ей показалось, что окно отворилось и кто-то мягко прыгнул на пол.

Элен чувствовала, что больше не выдержит. С трудом передвигая ноги, она пробралась в кухню, где миссис Оутс все еще храпела в своем кресле, и поднялась по лестнице.

Все еще дрожа от страха, Элен повернула ручку Синей Комнаты. Поняв, что сестра заперлась от нее, она возмутилась и застучала в дверь изо всех сил. Сестра Баркер не обращала никакого внимания на стук, но наконец вынуждена была ответить.

— Уходите! — крикнула она. — Вы беспокоите больную!

— Впустите меня!

Сестра Баркер приоткрыла дверь.

— Идите к своему доктору.

— Моему... что? Но я ведь одна!

Сестра Баркер неожиданно открыла дверь.

— Где вы были? — спросила она.

— Внизу, в подвале. — Элен с виноватым видом проглотила слюну. — Я... я вспомнила, что одно из окон внизу не заколочено, и спустилась, чтобы посмотреть, не забрался ли кто-нибудь через это окно.

Сестра Баркер поняла, что ее подозрения были совершенно беспочвенными.

— Я должна отдохнуть, — сказала она. — Может быть, мне удастся уснуть.

— Можно, я пойду с вами?

— Нет, идите к себе.

— Но я должна остаться с вами, — настаивала Элен. — Понимаете, если кто-то хочет убить меня, то он должен прежде всего избавиться от вас.

— Кто это хочет вас убить? — ворчливо спросила сиделка.

— Маньяк! Вы сами это говорили.

— Не будьте душой! Как это он войдет в запертый дом?

Она отвернулась, но Элен схватила ее за рукав.

— Подождите. Почему вы подумали, что я была с доктором Перри?

— Потому что недавно он был здесь, но теперь, слава Богу, ушел.

Несмотря на зловещий блеск в глазах сиделки, с шумом захлопнувшей дверь Синей Комнаты, Элен почувствовала, что избавилась от страха.

Она позвала рыжего кота, игравшего с небольшим предметом, лежавшим на пиновке.

Если бы девушка полюбопытствовала, что именно он подбрасывает лапами, уверенность ее поубавилась бы.

Это был небольшой кусок коры лиственницы из рощи. Кто-то принес его в дом на подошве и, вытирая ноги, оставил на пиновке.

К счастью, Элен не подозревала, что рыжий кот, сам того не желая, обнаружил важную улику...

Элен прошла в гостиную и включила приемник. Лондон уже прекратил передачи, и из аппарата доносился громкий треск.

Эти звуки напомнили ей сценические успехи и тот единственный случай, когда она появилась на сцене. Это был скромный вечер в бельгийском монастыре, где она получила свое, явно недостаточное, образование.

Раздавали награды за успехи в науках. Воспитанницы из Англии разыграли сцену с ведьмами из «Макбета», и ей досталась совершенно неподходящая роль Гекаты. Она еще так перепугалась, что забыла конец своей роли и удрала со сцены.

Сейчас ей припомнилось несколько слов, словно зловещее напоминание:

«Беспечность — худший из грехов».

Элен вздрогнула — порыв ветра в каминной трубе, казалось, проревел эти давно забытые строки.

«Я ведь не одна в доме, — подумала Элен. — На моей стороне сестра Баркер, хотя у нее и ужасный характер. Мне не понадобилось спать в Синей Комнате. Оутс скоро вернется. И пока что ничего не случилось».

Элен успокаивала себя, но в то же время понимала, что постоянно ждет чего-то ужасного.

Она прислушалась.

Какой-то звук коснулся ее ушей, слабый и жалобный, словно крик чайки.

Кто-то негромко плакал.

Глава XXVIII. ЛЕВ И ТИГР

Элен подняла голову. Кто-то плакал, всхлипывая, как плачут

маленькие дети или старики. И звук шел из Синей Комнаты.

«Надо держаться!» — с отчаянием подумала Элен.

Она напомнила себе, что леди Варрен отнюдь не слабая беззащитная старушка, отданная во власть грубой сиделки. В лучшие свои моменты она была ворчливой, взбалмошной самодуркой, в худшие — могла стать убийцей.

Хотя Элен намеренно рисовала себе портрет леди Варрен в самых черных красках, ее тянуло к Синей Комнате, и скоро она оказалась у самых дверей.

Она сразу же услышала приглушенные рыдания, явно непритворные.

При звуке грубого голоса Элен дернулась, словно ее ударили.

— Прекрати этот шум!

Рыдания немедленно прекратились. Через некоторое время леди Варрен умоляюще сказала:

— Сестра, пожалуйста, подойдите ко мне!

Элен услышала, как сиделка тяжелыми шагами двинулась к больной и крикнула:

— Если я подойду, вы пожалеете об этом!

Элен возмутилась и, не задумываясь, постучала в дверь.

— Что-нибудь случилось? — спросила она.

— Нет, — ответила сестра.

— Не хотите, чтобы я немного посидела с леди Варрен?

— Нет.

Элен отошла от двери, но, дойдя до верха лестницы, остановилась, услышав громкий крик боли и ярости.

Вне себя от гнева, девушка ворвалась в комнату. К счастью, сиделка не успела запереть дверь. Она стояла у кровати леди Варрен и трясла ее изо всех сил за плечи. Увидев Элен, она оттолкнула от себя старуху, и та повалилась навзничь, словно куча скомканных тряпок.

— Бессовестная! — крикнула Элен. — Уходите отсюда!

— Эта старая чертовка напала на меня, — прошипела сестра Баркер.

— У вас ужасный характер, — заявила Элен. — Я бы вас вообще ни к кому не допускала!

Лицо сестры Баркер потемнело, словно грозовая туча.

— Скажите еще что-нибудь, и я выйду из этой комнаты и больше никогда не вернусь.

— Конечно, вы уйдете отсюда и больше не вернетесь. — В эту минуту Элен чувствовала себя очень сильной и уверенной.

Сестра Баркер пожалала плечами и отвернулась.

— Желаю вам счастья, — фыркнула она. — Когда вы останетесь одна с этой сумасшедшей, вспомните, что сами напросились на это.

Дверь с шумом захлопнулась, и только тогда Элен поняла, что наделала.

Полная жалости к старой женщине, она повернулась к кровати. Но леди Варрен уже не лежала неподвижно на подушках. Она спокойно сидела с довольной улыбкой на губах.

У Элен было такое чувство, будто она угодила в ловушку.

— Вам лучше лечь, — сказала она, стараясь найти оправда-

ние своему героическому поступку. — Вы, наверное, ослабели после того, как она трясла вас.

— Это все ерунда по сравнению с тем, что я сделала с ней, — заметила леди Варрен.

Элен с ужасом посмотрела на старуху, которая провела пальцем по нижним зубам искусственной челюсти.

— Я жаловалась, что истратила слишком много денег на зубы. Но это очень хорошие зубы. Я укусила ее за палец почти до кости.

Элен невесело засмеялась.

— Кто-то сказал мне, что на вас можно поставить в драке, но я ему не поверила. Мне только интересно, вы лев или тигр?

Леди Варрен посмотрела на нее, как на идиотку.

— Сигарету! — приказала она. — Я хочу отбить вкус этой сестры. Быстро... У вас есть сигареты?

— Нет.

— Скажите: «Нет, миледи». Спуститесь в библиотеку и возьмите пачку сигарет у моего внука.

Элен была очень довольна, что ей представился случай покинуть комнату леди Варрен. Слишком поздно она поняла, что ее перехитрили, и ей очень хотелось помириться с сестрой Баркер.

Когда она подошла к двери, знакомый старушечий бас остановил ее.

— Мне хочется спать, девочка. Эта сиделка зажала мне нос и влила в рот какую-то пакость. Не беспокойте меня, если я усну.

Когда Элен дошла до площадки, в стеклянной двери ванной виднелся свет и слышался звук льющейся воды — сестра Баркер промывала укушенный палец.

— Сестра, — позвала ее Элен, — мне очень жаль...

Ответа не последовало. Элен немного подождала, прислушиваясь к плеску воды. Сделав еще одну безуспешную попытку помириться с сиделкой, она спустилась в библиотеку.

Когда она вернулась, держа в руках сигареты, Синяя Комната была тускло освещена маленькой лампой. Леди Варрен потушила даже ночник, приготовившись отойти ко сну.

Элен устало села у камина. Огонь горел слабо, потому что запас угольков, завернутых в белые бумажки, истощился. Время от времени в окно стучала ветка, часы тикали, словно протекающий кран, ветер задувал в каминную трубу.

«Опять я здесь», — подумала Элен, чувствуя, что все конечно.

Одно утешение — ночь проходила. И Оутс наверняка скоро вернется. Но эта мысль не принесла ей облегчения. Сестра Баркер ни за что не позволит впустить его, как она не дала Элен открыть дверь доктору Перри, сколько он ни стучал.

С пробудившимся подозрением Элен посмотрела на еле различимую в полутьме белую фигуру на постели. Вдруг ее поразило, что леди Варрен лежит неестественно спокойно. Ни вдоха, ни малейшего движения.

Она вспомнила, что сестра Баркер основательно встряхнула старуху, и это могло отразиться на ее состоянии. Похолодев от ужаса, она бросилась к кровати.

«Наверное, старуха умерла», — подумала Элен.

Ее дурное предчувствие оправдалось, но вовсе не так, как она предполагала. Леди Варрен действительно ушла, но не в мир иной, а ушла буквально, в неизвестном направлении, покинув свою кровать и оставив вместо себя кучу подушек, накрытых пушистой кофтой.

Элен смотрела на это сооружение с тупым удивлением Макбета, увидевшего наступающий на него лес. Невероятное стало очевидным — леди Варрен вовсе не была прикована к постели.

Стоя у кровати, Элен ощутила сильный запах лекарства. Перевернув одну из подушек, она заметила, что та промокла и запахана чем-то желтым. Элен выбежала на площадку.

В ванной еще горел свет, но вода уже не текла. Девушка забарабанила в дверь.

— Сестра! Леди Варрен исчезла!

Дверь открылась, и на пороге показалась сестра Баркер.

— Какое это имеет ко мне отношение? — холодно спросила она. — Я ухожу отсюда.

— Неужели вы серьезно думаете уйти? — ахнула Элен.

— Я уже упаковала вещи. Утром мисс Варрен узнает, что меня уволила девчонка — младшая горничная.

— Вы не сделаете этого! Я принесу любые извинения. Я... сделаю все, что угодно.

— Замолчите. Я сыта вашими обещаниями. Я ухожу... ухожу сейчас же. Это мое последнее слово.

— Но... куда вы пойдете?

— Это мое дело. Я не боюсь ни темноты, ни дождя и почувствую себя в безопасности только тогда, когда уйду из этого дома.

Элен смотрела на женщину умоляющими глазами, а та нанесла последний удар:

— Будьте начеку. Она что-то затевает! — Посмотрев на свой забинтованный палец, сестра Баркер добавила: — И пока ее нет, вам лучше бы поискать револьвер.

Элен была не только напугана, но и обеспокоена исчезновением старухи. Невозможно было угадать, что заставило леди Варрен встать, и невозможно было отыскать ее. В этом доме можно без конца играть в прятки. Не зная, куда идти, Элен вернулась в Синюю Комнату.

С первого взгляда она заметила, что силуэт на кровати приобрел более определенную форму. Подойдя ближе, она увидела леди Варрен, внимательно смотревшую на нее блестящими прищуренными глазками.

— Где вы были? — спросила Элен.

— В замке фей, — невинным тоном ответила старуха. — Сиделка ушла?

— Завтра уйдет.

— Быстрая работа! Я живо их прогоняю. Я их ненавижу. Вечно моют лицо... Не двигайся, девочка, я хочу тебя рассмотреть.

Элен невольно подумала о спрятанном револьвере и, желая узнать как можно больше, решила затронуть эту тему.

— Миссис Оутс рассказывала мне, что вы любите охотиться. Бросив на Элен быстрый взгляд, леди Варрен ответила:

— Да. Я много охотилась. А ты охотилась когда-нибудь?

— Нет. Я считаю, что это жестоко.

— Но мясо-то вы все едите. Если бы каждому приходилось добывать себе мясо, девять десятых человечества стали бы вегетарианцами через неделю... Я знала свое дело.

— Но вы отнимали жизнь.

— Да. Я отнимала жизнь. Но я никому не дала жизнь, слава Богу... Выйдите из моей комнаты!

Элен вздрогнула, потом повернула голову в том направлении, куда указывал палец леди Варрен. В комнату вошла сестра Баркер. Не говоря ни слова, она направилась туда, где лежали ее вещи, и закрыла за собой дверь.

Прислушиваясь, Элен различала ее шаги, звук отодвигаемых ящичков. По всей вероятности, она решила выполнить свою угрозу и укладывалась. Сидя в душной комнате, Элен томилась мрачными подозрениями.

Много лет назад в этом доме были убиты две девушки. Но убийцу так и не нашли. Коронер в своем вердикте ограничился туманными предположениями.

«Она не совсем нормальная, — думала Элен, беспокойно глядя на кровать. — Предположим, это она убила тех девушек, и ее муж узнал. Может быть, она и его убила, чтобы он никому не смог рассказать...»

Вдруг она заметила, что в соседней комнате все стихло. Возможно, сестра Баркер решила отложить свой уход до завтра и легла отдохнуть.

Элен немного успокоилась. Вспоминая о событиях сегодняшнего вечера, она поняла, что ее нынешнее положение является логическим результатом ее собственного глупого поведения.

«Если она еще не спит, я пойду и скажу, что вела себя недопустимо грубо, — решила Элен. — Я попрошу у нее прощения за свою глупость».

Бесшумно пройдя по ковру, Элен осторожно открыла дверь и тут же вскрикнула.

Сестра Баркер исчезла.

Глава XXIX. ОДНА

Элен осмотрелась. В комнате царил беспорядок. Ящички шкафа и комода были выдвинуты, чемодан и зонтик лежали на столе.

«Она еще не ушла», — подумала Элен.

Однако вряд ли это предположение было верным.

Элен открыла гардероб. Верхняя одежда больше не висела на вешалке. Быстрый осмотр комода показал, что все его ящички пусты. От сестры Баркер остались, как воспоминание, лишь окурки и пепел.

Против утонченную жестокость, сестра покинула дом, прой-

дя через комнату профессора, так что Элен не заметила ее ухода.

Это был последний удар.

«Я совсем одна», — со страхом подумала она.

Чувствуя отчаянную потребность в человеческом обществе, она открыла дверь, ведущую в комнату профессора. Но и здесь она не нашла утешения. Профессор был слишком похож на труп, лежащий в ожидании похорон.

Она хотела уйти, но боялась возвращаться в Синюю Комнату. Желание услышать человеческий голос стало таким сильным, что Элен вышла на лестничную площадку и принялась лихорадочно стучать в дверь комнаты мисс Варрен.

— Мисс Варрен! Помогите!

Но ответа не последовало. С таким же успехом она могла бы стучаться в двери запечатанного склепа.

— Жестокая женщина! — отворачиваясь, сказала Элен.

Но мисс Варрен не слышала стука потому, что крепко спала. После всех волнений нервы ее были особенно напряжены. В этот день ее насильно вырвали из уютной раковины, и она должна была несколько часов провести со злобной старухой в Синей Комнате. Буря тоже действовала ей на нервы. Сломанная ручка, из-за которой она должна была оставаться взаперти в своей комнате, не навела ей никаких подозрений, она восприняла этот факт с облегчением, поскольку такое положение освобождало ее от всякой ответственности. Она не сделала ни малейшей попытки выбраться, напротив, задвинула засов и заперлась от всего света.

Заложив уши ватой и накинув на голову одеяло, чтобы не слышать рева бури, мисс Варрен уснула.

Элен сохранила еще достаточно силы воли, чтобы не поддаться панике, но, спустившись по лестнице, поняла, как безнадежно запуталась в сетях страха.

«Я позвоню в медицинский центр, — решила Элен. — Расскажу им о сестре Баркер и попрошу прислать другую сиделку».

Она сняла трубку, но не услышала привычного гудка. Телефон не работал.

Она не знала, куда идти, — в этом доме везде было одинаково страшно. Но страшно и выходить из дома — может быть, убийца надеялся именно на это, возможно, такой конец задуман неведомым игроком в самом начале игры.

«Лучше вернуться к леди Варрен, — подумала Элен. — Ее нельзя оставлять одну».

Войдя в гардеробную, она услышала шорох и быстрые шаги за стеной.

«Старуха снова встала с постели», — решила девушка.

Когда Элен вошла в Синюю Комнату, леди Варрен лежала на постели, аккуратно укрытая своей белой старушечьей кофтой.

— Почему ты ушла, деточка? — спросила она. — Тебе ведь платят, чтобы ты ухаживала за мной.

У Элен не хватило духа солгать.

— Я пошла позвонить, — сказала она. — Но телефон не работает.

Леди Варрен беспокойно оглядела комнату.

— Почему вы вставали с постели? — спросила Элен.

— Я не вставала. Я не могу встать. Не глуши.

— Я не так глупа, как вы полагаете. И, кроме того, вам нечего скрывать. У вас нет паралича или какой-нибудь смертельной болезни. Все считают, что вы не можете встать без посторонней помощи, — вот и все. Почему бы вам не встать, если хочется?

Элен ожидала, что леди Варрен придет в ярость, но та задумчиво сказала:

— Никогда не раскрывайся до конца. Всегда оставляй что-нибудь про запас, если ты стар и полностью зависишь от других. Я часто встаю с постели, когда никто не видит.

— Правильно — согласилась Элен. — Я никому не скажу, обещаю вам.

Неуемное любопытство заставило ее задать еще один вопрос.

— А что вы только что искали?

— Свой талисман. Он приносит счастье. Это зеленый слоник с поднятым хоботом. Я хотела взять его в постель, потому что мне страшно.

Элен с удивлением посмотрела на леди Варрен. Она всегда думала, что чувства постепенно умирают с возрастом. И вдруг девушка вспомнила крест, висящий у нее над кроватью.

— У меня есть нечто лучшее, — быстро произнесла она. — Сейчас я принесу эту вещь, и тогда ни с вами, ни со мной ничего не случится.

Пока Элен шла по парадной, она была так возбуждена, что больше не чувствовала страха. С трудом открыв дверь своей комнаты, удерживаемую изнутри сильным сквозняком, она зажгла свет.

Первое, что бросилось ей в глаза, была голая стена над кроватью.

Крест исчез.

Элен схватилась за дверь, чтобы удержаться на ногах. Враг был в доме. Он похитил ее талисман. Теперь с ней может случиться все, что угодно.

В эту минуту у нее появилось ощущение, что она сходит с ума. Она больше не выдержит.

«Исчезновение креста — злобная шутка, которую сыграла со мной сестра Баркер. Она прячется где-то в доме», — подумала Элен и бросилась вниз. Парадная дверь была закрыта на засов, и цепь висела на своем месте.

«Если сиделка не вышла через заднюю дверь, что маловероятно, она все еще в доме».

Несмотря на то, что утрата талисмана огорчила Элен, она почувствовала облегчение, поняв, что опасность таится не за стенами «Вершины», а в самом доме.

Вернувшись в Синюю Комнату, Элен увидела беспорядочно разбросанные простыни. Значит, старуха снова занялась своими таинственными поисками. Из шкафа, стоящего в алькове, торчал ящик, который старуха не успела закрыть, так как ей помешал неожиданный приход Элен.

Элен подошла к ящику и попыталась закрыть его. Но ей помешал какой-то мягкий предмет, застрявший между ящиком и стенкой шкафа. Элен зацепила его за уголок и вытащила из щели.

Это был белый шелковый шарф.

Глава XXX. СТЕНЫ РУШАТСЯ

Шарф был из дорогого шелка, прекрасного качества и почти новый. Один конец его был измазан глиной, между нитями ткани торчали сосновые иголки.

Элен встряхнула шарф, и он развернулся. Бахрома на конце была неровно оторвана, словно кто-то вцепился в нее зубами.

С приглушенным криком Элен отбросила шелковую тряпку. Это был тот самый шарф, который в предсмертной агонии пыталась порвать Сервиден.

Как он попал в ящик леди Варрен? Может быть, она прятала его? Какое отношение имеет она к этим преступлениям? Или кто-нибудь другой положил его сюда? Действительно ли убийца сейчас в доме?

Элен стояла, выпрямив спину, словно парализованная, ничего не видя и не чувствуя.

В зеркале на нее смотрело бледное и изможденное лицо с расширенными зрачками. Только по сиянию золотисто-рыжих волос она узнала себя и вспомнила, как ее дразнили в детстве: «Рыжик, рыжик, полезай в корзинку!» Заставив себя снова взять шарф в руки, Элен заметила, что он чуть-чуть влажен. Его, должно быть, принесли сюда сразу же после убийства.

Эта мысль повлекла за собой множество ужасных предположений. Никто не знал точно, когда Сервиден была задушена, очевидно, это произошло, когда уже начинало темнеть. Поскольку все, кроме Оутса, были в это время дома, каждый мог выйти на несколько минут незамеченным. На каждого могло пасть подозрение.

Доктор Перри предупредил ее, что преступление могло быть совершено знакомым ей человеком, которому она доверяет. Профессор работал очень напряженно и иногда казался невменяемым, его сын и Райс периодически проявляли раздражительность. Сам доктор Перри мог убить девушку, к тому же он побывал в Синей Комнате.

Даже старая леди Варрен могла оказаться под подозрением. А мисс Варрен? Она отдыхала этим вечером у себя в библиотеке. Как она использовала эти тридцать минут отдыха?

«Я сошла с ума, — подумала Элен. — Нельзя подозревать всех без разбора. Убийца не был в доме. Это кто-то чужой».

Она вздрогнула, потому что перед ней постоянно маячило ужасное видение окна, оставшегося незакрытым по ее вине.

— Девочка! — позвала ее леди Варрен. — Что ты там делаешь?

— Достаяю вам чистый носовой платок.

Элен была удивлена тем, как спокойно прозвучал ее голос.

— Ты нашла... что-нибудь? — спросила леди Варрен.

Элен сделала вид, что не поняла ее.

— Я нашла целую гору платков, — быстро ответила она, положив шарф на место, взяла носовой платок и подошла к кровати. Леди Варрен выхватила платок у нее из рук и швырнула его на пол.

— Девочка, — хрипло прошептала она. — Я хочу, чтобы ты сделала одну вещь.

— Хорошо. Что надо делать?

— Залезай под кровать.

Элен внимательно посмотрела на палку из черного дерева, стоящую у кровати. Старуха опять немного спятила и желает поиграть в свою любимую игру, подстерегая девиц, убирающих под кроватью.

— А когда я буду вылезать, вы ударите меня палкой по голове? — спросила она.

— Не надо вылезать. Ты должна спрятаться.

— Под кроватью слишком пыльно, — возразила Элен, осторожно двигаясь к двери.

Она понимала, какую важную улику представляет этот шарф. Полиция должна получить его как можно быстрее. Позвонить в полицию нельзя — случайно или по вине убийцы не работает телефон, но она может добежать до коттеджа капитана Бина и попросить его предпринять необходимые меры.

Леди Варрен захныкала.

— Не уходи, девочка. Я боюсь, что придет сестра. Она только и ждет, чтобы ты ушла.

Элен остановилась, не зная, что делать. В последней встрече двух хищников победительницей вышла леди Варрен. Но все меняется, даже в джунглях, — сейчас тигр сильнее, но через минуту перевес может оказаться на стороне льва.

Непонятно, куда исчезла сестра Баркер. Если женщина действительно прячется в доме, она непременно захочет отомстить.

— Если ты оставишь меня, — пригрозила леди Варрен, — я закричу. И тогда ОН придет.

Элен быстро повернулась к старухе.

— Он? — спросила она. — Кто он?

— Я сказала: «Он придет». — Старуха поняла, что проговорила, закусила губу и уставилась на девушку, словно рассерженный идол. — Буря усиливается, — добавила она, — становится все темнее.

Вздрогнув от неожиданности, Элен в испуге огляделась и увидела, что в комнате действительно стало темно. Электрический свет был мутным, словно проходил сквозь туман.

— Что-то случилось с проводкой, — прошептала она.

— Идиотка! — огрызнулась леди Варрен. — Батареи кончаются!

— Я пойду выключу свет везде, где только можно, — сказала Элен.

— Хорошо, — кивнула леди Варрен. — И возьми свечи. Мы не можем оставаться в темноте.

Элен осмотрелась, ища свечи, и вспомнила, что в этом доме их

используют только в подвале. В кладовой она видела связки свечей.

— Ничего, если я на некоторое время вас оставлю? — спросила она.

Боясь, что свет потухнет раньше, чем она достанет свечи, Элен бросилась вниз по лестнице. Свет в холле несколько раз мигнул, словно предупреждая ее, чтобы она не задерживалась.

В коридоре сквозь мутное стекло электрической лампочки виднелась красная проволочная спираль. Было так темно, что у Элен перехватило дыхание. Пробравшись в кладовую, она каждую минуту ожидала, что наступит темнота. Схватив связку свечей, Элен бросилась назад, оставляя за собой темный след — она тушила все попадавшиеся на пути лампочки. Добежав до холла, она свернула в гостиную, пробежалась по другим комнатам. Элен чувствовала такой страх, что ею овладело безумное искушение выбежать из дома и попытаться счастья за его стенами.

Ее приютит капитан Бин. Если только она сможет пробежать через роццу... Она уже хотела открыть входную дверь и выбежать, но вспомнила о беспомощных ныне обитателях «Вершины». Леди Варрен, профессор и миссис Оутс были беззащитны. Когда маньяк увидит, что его добыча ускользнула, он может обрушить свою ярость на них.

Элен вернулась на лестничную площадку и открыла дверь Синей Комнаты.

Казалось, за время ее отсутствия ничего не произошло. Леди Варрен, сгорбившись, сидела на кровати.

— Ты задержалась, девочка, — проворчала она. — Зажги свечи.

В комнате не было подсвечников, поэтому Элен накапала воска на мраморную каминную доску и прилепила две свечи перед зеркалом.

— Они похожи на похоронные свечи, — заметила леди Варрен. — Зажги больше. Все.

— Нет, мы должны оставить немного про запас, — ответила Элен.

— Нам хватит.

Слова старухи прозвучали зловеще. Элен заметила в ней перемену. Глаза раскрылись шире и удовлетворенно заблестели, когда она подняла костлявую руку.

— Смотри! Рука не дрожит. Потрогай, какие сильные у меня пальцы!

Когда Элен подошла к кровати, старуха уже забыла о своих словах.

— Я хочу спать, — сказала она. — Не уходи, девочка!

Она закрыла глаза, и Элен была уверена, что старуха потеряла сознание.

«Интересно, увижу ли я, как она приходит в себя?» — подумала девушка.

Вдруг она вскочила на ноги. Сердце ее замерло от ужаса. Кто-то ходил по туалетной. Она ясно услышала звук шагов и шум передвигаемых предметов.

Прокравшись по ковру, она приоткрыла дверь. Луч света заслонила темная фигура мужчины. Не выдержав напряжения, Элен широко распахнула дверь туалетной комнаты.

К удивлению и радости, она увидела профессора, который стоял перед маленьким комодом. При виде знакомой чопорной фигуры Элен поняла, что жизнь вернулась в свою колею. Дом снова стал надежной крепостью.

Она пыталась удержать слезы облегчения, радуясь тому, что рядом с ней снова нормальный и разумный человек.

— О, профессор! — крикнула Элен. — Как я рада, что вы опять хорошо себя чувствуете.

— Откуда вы взяли, что я чувствовал себя плохо? — сухо спросил профессор. — Я просто постарался немного поспать.

Он нахмурился, открывая еще один ящик комода, и неожиданно спросил:

— Где же сестра Баркер?

— Ушла, — коротко ответила Элен.

— Куда она ушла?

— Не знаю. Может быть, прячется где-то в доме.

— Она или кто-то другой взял одну вещь, которую мне совершенно необходимо найти. Но сейчас это не важно. — Он повернулся к Элен. — Каким путем вы вернулись домой?

Элен не поняла вопроса.

— Когда?

— Когда шли через рошу. Я слышал ваши шаги... Я ждал... но вы не пришли.

И тогда Элен поняла.

— Вы... — прошептала она.

Глава XXXI. ДОБРОЙ ОХОТЫ

Элен поняла все...

Профессор Варрен задушил пятерых девушек, так же, как его отец убил двух служанок. Только леди Варрен знала об этих преступлениях и покарала убийцу — после смерти второй служанки она застрелила своего мужа. Она считала, что ее священный долг — убить и сына, но все откладывала. После каждого убийства она говорила себе, что оно будет последним, но за ним следовало новое.

С приходом новой служанки в «Вершину» опасность нового преступления приблизилась. Старуха пыталась защитить Элен, удерживать в своей комнате, где девушка находилась бы в безопасности.

Когда леди Варрен попросила профессора зажечь ей сигарету, она посмотрела ему в глаза и увидела знакомый блеск, который сказал ей, что ее пасынок совершил еще одно преступление. Но, несмотря на это, она хотела спасти его от полиции. Она незаметно встала и обыскала его комнату в поисках улик, на основании которых ему могли предъявить обвинение. И нашла этот шарф. Элен почувствовала, что ее переполняет благодарность к старухе, хотя теперь уже ничего не имело значения.

«Я довольна, что встала на ее сторону и прогнала сестру»,— подумала Элен, а вслух произнесла, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно:

— Что вы искали?

— Белый шелковый шарф.

— Я видела его в шкафу у леди Варрен,— быстро сказала она.— Я принесу его.

На секунду мелькнула надежда, что она сумеет выбраться. Но профессор покачал головой.

— Не уходите. Где другие?

— Миссис Оутс пьяна, а мисс Варрен заперта у себя в спальне,— ответила Элен.

Довольная улыбка мелькнула на бледных губах профессора.

— Хорошо,— сказал он.— Итак, мы остались наедине.

— Это вы все устроили?— спросила Элен.

— Да,— ответил профессор.— И нет. Я лишь нажал на кнопку, которая привела в действие весь механизм. Было довольно забавно сидеть и ждать, пока другие расчищают путь.

— Что вы имеете в виду?— спросила Элен, лихорадочно пытаясь отдалить ужасный момент.

— А вот что. Я мог бы избавиться от... всяческих помех и другими способами, но, используя свое знание природы человека, я избрал наиболее тонкий и вместе с тем простой... Прежде всего я намекнул Райсу, что продается собака. Когда он привел собаку в дом, я знал, что несколько моих домочадцев уже связаны одной веревочкой.

— Пожалуйста, продолжайте.— Элен думала лишь о том, как протянуть время.

— Неужели нужно объяснять?— Профессора явно выводила из себя глупость девушки.— Вы же видели, что все шло строго по плану. Я учел трусость моей сестры и ее отвращение к животным, учел также все эмоции и страсти остальных участников игры.

— Очень умно!— Элен облизнула пересохшие губы, стараясь придумать новые вопросы.— И... И я полагаю, что вы нарочно оставили ключ в дверях винного подвала?

Профессор раздраженно нахмурился.

— Само собой разумеется. Совершенно очевидно, что миссис Оутс нашла бы какой-нибудь способ избавиться от своего мужа на эту ночь.

— Да, конечно... И вы рассчитали также, что сестра Баркер покинет дом?

— А, тут я должен признаться: мой план не сработал. Я думал, что вы с вашей глупой импульсивностью сами выведете ее из игры. Вы меня подвели. Я должен был принять предварительные меры.

— Какие меры?— спросила она.— Вы ее...

— Я временно вывел ее из строя. Она лежит под кроватью, связанная и с кляпом во рту. Она должна остаться в живых, чтобы засвидетельствовать, что неизвестный напал на нее сзади, а я был без сознания в то время... в то время как...

Он запнулся и, казалось, забыл, о чем шла речь. Элен с ужа-

сом заметила, что его пальцы стали подергиваться.

— Почему вы не впустили полицейских? — спросила она, чувствуя, что пыгается поддержать огонь в пылающей печи кусочками папиросной бумаги.

— Потому что завтра они нанесут мне визит. — Пальцы профессора скрючились. — Они только зря потратят время. Но умный человек не должен недооценивать чужой ум. Если бы они побывали дважды в этом доме, то могли бы заметить какие-нибудь мелочи, которые я упустил. Но мы зря тратим время...

Элен поняла, что наступил решительный момент. Она не могла больше отвлекать его. Дом был заперт, на помощь не было надежды. И все же она задала еще один вопрос:

— Почему вы хотите меня убить?

Возможно, этот разговор убийцы с намеченной жертвой был еще одним доказательством справедливости теории профессора о свойствах человеческой природы. Элен стремилась все узнать, а профессор не мог устоять перед желанием удовлетворить чужую жажду знания.

— Я считаю это своим долгом, — сказал он. — Я, как ученый, сознаю угрозу чрезмерного роста населения и уменьшения пищевых ресурсов. Лишние особи женского пола должны быть уничтожены.

— Почему же я лишняя? — с вызовом спросила Элен.

— Потому что у вас нет ни красоты, ни ума, никаких полезных качеств, которые можно было бы передать потомству. Вы просто мусор. Неквалифицированная рабочая сила на переполненном рынке. Лишний рот. И поэтому я убью вас.

— Как и других? — прошептала девушка.

— Да. Вы не почувствуете боли, если не станете сопротивляться.

— Но Сервиден было больно.

— Сервиден? Я был разочарован. Я ждал вас... От нее было столько беспокойства... Я должен был перенести ее к Бину... Я не хотел, чтобы полиция явилась сюда... Я только зря трудился... — С удовлетворенным видом профессор огляделся вокруг. — Здесь неудобно. Я доволен, что у меня хватило терпения ждать... Этим вечером были три возможности: первый раз в роце, второй — когда вы дремали на ступеньках, и третий — когда были одна в вашей комнате. Но тогда я вспомнил, что мне могут помешать.

Он задумчиво потер пальцы, словно делал массаж.

— Это наследственное. Мальчиком я видел, как мой отец перерезал горло девушке кухонным ножом. Тогда меня стошнило, я был вне себя от страха. Но шли годы, и я созрел для...

Глаза профессора загорелись. Лицо его, меняясь на глазах, становилось неузнаваемым. Но все же она узнала его — это было лицо показавшегося на задней лестнице злобного призрака.

— И, кроме того, — добавил профессор, — мне нравится убивать.

Они стояли лицом к лицу на расстоянии всего нескольких шагов. И тогда Элен, охваченная ужасом, не выдержала. Она повернулась и рванулась в спальню профессора.

— Ты от меня не уйдешь! — прохрипел профессор. — Дверь заперта.

Словно загнанный зверь, Элен уклонялась от его рук. Убийца наступал. Он был так близко, что она видела свое отражение в его глазах.

Но коснуться девушки он не успел — тело обмякло, словно лопнувшая пружина, и он тяжело грохнулся на ковер.

Подняв голову, Элен увидела, что в дверях стоит леди Варрен и держит револьвер. Она улыбнулась с мрачным удовлетворением охотника, уничтожившего опасную гадину, и упала девушке на руки. В ее последних словах прозвучало раскаяние.

— Я все же сделала это... Но на пятьдесят лет позже, чем нужно было.

**Перевод с английского
РАМИНА ШИДФАРА.**

ДОКТОР
ЮМОР



Рисунки НИКОЛАЯ РАЧКОВА



СЕРГЕЙ ЖИГУНОВ:

«Не
играть него



ХОЧУ ДЯЕВ!»

Еще студентом Театрального училища им. Щукина Сергей Жигунов был у режиссеров, как говорится, нарасхват. «В перерывах между лекциями я быстрее всех носился по лестницам, поэтому меня всегда замечали и приглашали сниматься», — с улыбкой вспоминает Сергей. Популярность актеру принес нашумевший фильм «Гардемарины, вперед!», в котором Жигунов окончательно определил свой имидж романтического героя.

— Я вырос в Ростове-на-Дону, — рассказывает Сергей. — В детстве любил стрелять из лука, драться на деревянных шпагах, постоянно создавал какие-то «полувоенизированные организации». Играл в индейцев, ел голубей, выкапывал всякие коренья. Ужас, что было!.. В таком «романтическом» состоянии я пребывал долго. Так в нем, наверно, и остался.

— Я видела много фильмов с вашим участием, и мне показалось, что вы не любите играть «серьезные» роли. Это ваш принцип?

— Дело в том, что как человек, гражданин я внутренне протестую против некоторых форм общественной жизни. Я не хочу играть негодяев, дельцов — людей, которые используют негативные стороны нашей жизни для своих махинаций. Мне безразлично, како-

го героя я буду изображать на экране.

Недавно решился на смешной и, по-моему, интересный эксперимент: буду сниматься в эротической картине. Думаю, серьезных разногласий с моралью не возникнет: обнаженных женщин в фильме нет, но сюжет действительно сексуальный. У Набокова есть рассказ «Сказка». Действие происходит в конце XIX века. Роскошные рестораны, вышколенные лакеи — и на этом фоне главный герой и Дьявол делают ставки на «четных и нечетных женщин». Если выиграет молодой человек, то после полуночи они будут принадлежать ему.

— В какой степени выражение «искусство требует жертв» относится к вам?

— Жертв принес достаточно много. У меня два тяжелых ранения, различные мелкие травмы, связанные с ездой на лошадях, поединками на шпагах.

— Недавно вы стали директором творческого объединения «Шанс». Это что, осознанный выбор между кино и бизнесом или просто попытка реализовать свои деловые качества?

— Эту «затею» я называю так: не было печали — купила баба поросю. И без того сумасшедшая жизнь: пять дней в неделю снимаюсь, а на выходные улетаю с концертами по стране.

В последнее время я резко сократил количество съемок. Но причина не только в большой занятости. Не устраивает качество нашего кино. Не из-за того, что я считаю себя большим артистом. Просто жаль, что успехом у зрителей в основном пользуются «Мордашки». Убеждают, что это фильм «всех времен и народов». На самом деле — ужасная картина с уникальным отсутствием вкуса и качества. Несчастный Дима Харатьян! Я отговаривал его сниматься, а теперь подшучиваю над ним. Да и зрители в своих письмах упрекают Харатьяна во всех смертных грехах, удивляются, как он согласился играть в этом фильме. Я бы не хотел, чтобы такое произошло со мной.

— Обычно актеры очень суеверные люди. А вы верите в приметы? Предположим, перед кинопробой дорогу перебежала черная кошка...

— Я не реагирую на черных кошек, а на кинопробы хожу редко. Кинопроба — тяжелое и непонятное дело. На ней легко обмануть режиссера. Можно в коротком эпизоде сыграть хорошо, а весь фильм не потянуть. Раньше со мной так и было. Считаю, если режиссер приглашает актера, то должен знать, на что тот способен, что может дать картине. И не надо устраивать человеку унижительную процедуру «возьмут — не возьмут».

— Сергей, я слышала, что вы еще и сочиняете песни...

— Да, в основном детские: «Барашка», «Я с детства странный...» Я учился в музыкальной школе и в десятом классе попробовал написать песню. Но, честно говоря, до сих пор не знаю, насколько серьезно для меня это увлечение. Сейчас мы с Харатьяном записываем на «Мелодии» первую пластинку. Дима поет на мои стихи.

Неожиданно араяжировщик предложил исполнить одну песню и мне, хотя считаю, что голоса у меня совсем нет.

— В кино вы смелый, справедливый и немного наивный мечтатель. А в жизни? Все так же гладко, как на экране?

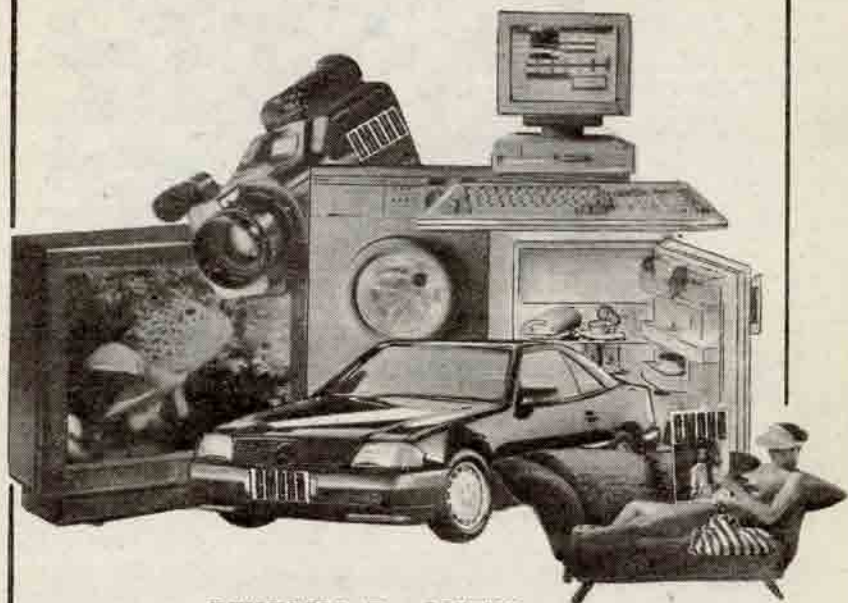
— По-разному. По натуре я скандалист. У меня трудный характер. Иногда приходится на кого-то прикрикнуть. Но с тех пор, как стал директором, заставляю себя сдерживаться.

— Ваши творческие планы?

— Самый большой и, видимо, долготелый план — работа в «Шансе». Режиссер Юрий Мороз сейчас снимает два фильма, которые будет финансировать наше творческое объединение. Нужно провести массу всяких переговоров, совещаний, заключить контракты. Наверно, буду сниматься в следующих сериях «Гардемаринов».

**Записала
НАТАЛЬЯ КИЛЕСО.**

ВНИМАНИЮ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ!



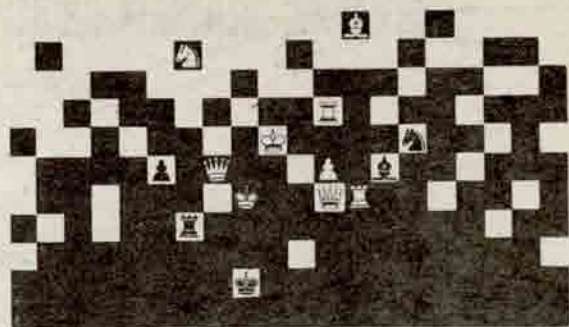
**РЕКЛАМА В «СМЕНЕ» —
ВАШ ДОЛГОВРЕМЕННЫЙ УСПЕХ!**

Ее увидят десятки миллионов
в нашей стране и за рубежом.
Каждый номер наши читатели
не только передают из рук в руки,
но и бережно хранят.

Проиллюстрированная цветными фотографиями, ярко, выразительно
оформленная талантливыми художниками.

**РЕКЛАМА В «СМЕНЕ»
ВЫГОДНА И НАДЕЖНА.**

Об условиях вы можете узнать,
написав по адресу: 101457, ГСП, Москва, Бумаж-
ный проезд, 14, редакция журнала «Смена», или
позвонив по телефону 250-49-98.



33

-Я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
ВИКТОРА
ЧЕПИЖНОГО

280

Продолжаем публикацию заданий нашей шахматной олимпиады. Читатели «Смены», желающие принять участие в заочном соревновании, могут подключиться к нему на любом этапе. За правильно выполненное задание решателям начисляется определенное количество баллов («цена» каждого задания заранее обуславливается). Сумма набранных баллов определит, какие разрядные нормативы покорились участникам олимпиады. Читатели, набравшие максимальную сумму баллов, будут претендовать на общую победу в соревновании. При равных показателях будут учитываться дополнительные — обнаруженные читателями дефекты в конкурсных заданиях: побочные решения, нерешаемость, дуали и т.д.

Ответы на задания следует присылать только на открытках (без конвертов) с пометкой «33-я шахматная олимпиада. Четвертый тур». Последний срок отсылки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 августа. Ответы, присланные позднее этого срока, рассматриваться не будут.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР

I



Белые: Крс1, Лб2, Лд2, Кс2 (4)

Черные: Крс3, Фс8, п.с4 (3)

Мат в 2 хода (1 балл)

II



Белые: Крf5, Ла6, Сg2, Сg3 (4)

Черные: Кра8, Фб7, п.а7 (3)

Мат в 3 хода (2 балла)

III



Белые: Крh1, Лб3, Лh2, Сd5, п.е4 (5)

Черные: Кра1, Фе7 (2)

Мат в 3 хода (2 балла)

IV



Белые: Крb1, Фd2, Лd1, Сf1 (4)

Черные: Крh1, Фg1, п.f6 (3)

Мат в 3 хода (2 балла)

V



Белые: Кра6, Фf8, Лf6 (3)

Черные: Кра8, Фб8, п.g2 (3)

Мат в 3 хода (2 балла)

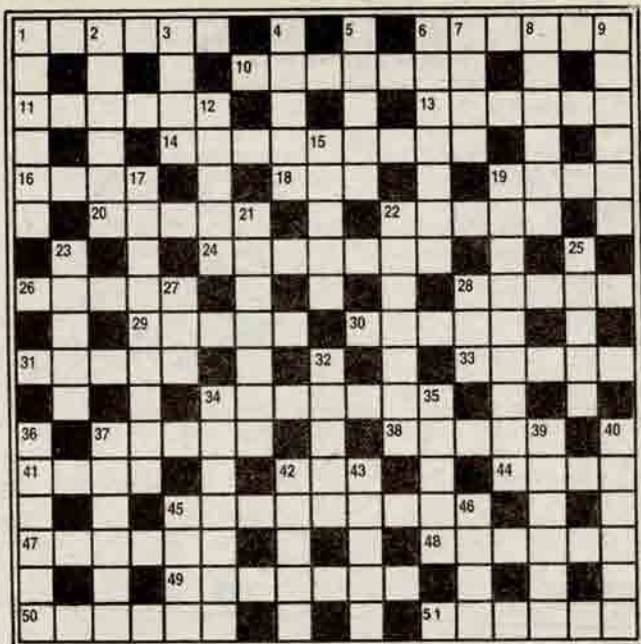
VI



Белые: Крh6, Сf8, п.f6 (3)

Черные: Крf4, Фа5 (2)

Ничья (3 балла)



ЗРУДИТ

По горизонтали:

1. Архитектор, один из создателей объединений «Венский Сецессион», «Австрийский веркбунд». 6. Языческий жрец. 10. Сын человеческий, перед которым первой на колени стала его мать. 11. Спутник доноса в мире интриг. 13. Сборник рассказов Р Киплингa, вышедший у нас в 1968 году после долгих лет отрицания его таланта. 14. Аргентинский романтик, автор первой в Латинской Америке реалистической новеллы «Бойня». 16. Птица, из-за которой в Польше не сеют кукурузу. 18. Каждая из богинь, открывающих и закрывающих врата Олимпа. 19. «... есть слово французское; значит обычай в ношении платья, или в церемониях каких и поступках» (примечание А. Кантемира к своим сатирам). 20. Итальянец, предтеча К. Гольдони. 22. Река, текущая близ Байкала, но мимо. 24. Мыс, самая западная точка Африки. 26. Морское растение, из которого Немо в романах Ж. Верна добывает сахар. 28. Поэт, воспевший гитару, после того как Д. Бедный охаял ее. 29. Металл, которого в 1930 году в мире добыли всего три грамма. 30. Русское название обманщика, плута, дармоеда, кулака. 31. Роскошнейший предмет возле камина в «Соборьях» Н. Лескова. 33. Птица, охотно съедающая на кормушке даже макароны из супа. 34. «Ужасное и гнусное бедствие, обязано своим происхождением только тому, что люди перестали ощущать необходимость в общем и равном для всех законе» (неизвестный греческий философ V века до

н. з.). 37. «Сестра» гладиолуса. 38. Болгарский город, близ которого стоял его фракийский предшественник Кабиле. 41. Остяцкое жильё из березовой коры. 42. Пьеса из одного музыкального предложения. 44. «Путь» к сердцу. 45. Французский революционер, о котором весьма отрицательно отзывался А. К. Толстой. 47. Нажмешь — остановит. 48. Поэма, которую ее автор 5 мая 1827 года преподнес Зинаиде Волконской. 49. Автор первого на Украине и в Белоруссии печатного букваря. 50. Крокодил, любящий путешествовать на плавучих гиацинтовых «островах». 51. Стартовая площадка для полета мысли хироманта.

По вертикали:

1. Любитель грести под себя. 2. Сорок две египетские сотки. 3. Растение, чей сок — сабур — входил на Востоке в эликсир долгой жизни. 4. Жизнь по законам. 5. Город, близ которого стоит Новоиерусалимский монастырь. 6. Птица, у одного из видов которой клюв длиннее тела. 7. Первоначальное имя библейского Иисуса Навина. 8. Свинцовая или чугунная пудровая гирия, привязанная к 155-метровому размеченному лилию. 9. Овощная опасность, которой не знали наши деды. 12. Каждая из тех, кто всегда с достоинством хоронит побежденную и умирающую царицу. 15. Один из двух персонажей шутиливой народной песенки, у которых, за что ни возьмутся, всё из рук валится. 17. Советский сказочный персонаж. 19. Революционер, которому Л. Толстой незадолго до смерти писал: «Ни вы, ни я, ни правительство, ни революционеры, никто на свете не призван к тому, чтобы устраивать по-своему жизнь человеческую и отплачивать тем, кто, по их мнению, дурно поступил. То, что мы не призваны к этому, видно из того, что мы совершенно не властны в этом — хотим сделать одно, а выходит совсем другое». 21. Королевство, включавшее в 1849 году провинции Герц, Градиска, Истрия, Каринтия, Крайна и Триест. 22. Условный жанр, дань классицизму у А. Сумарокова, В. Жуковского, Н. Гнедича. 23. Трава, хорошо переносящая лесные пожары; корм глухарей, куропаток. 25. Украшение «чехольчика на зубочистку» у Маниловых (Н. Гоголь. «Мертвые души»). 27. Сотая часть иены, ставшая счетной единицей. 28. Источник у мирового древа Иггдрасиль в скандинавской мифологии. 32. Кусок ткани на крыльях ветряной мельницы. 34. Исходное вещество для биосинтеза адреналина в организме. 35. Представитель островного народа, говорящего на языке «креоль». 36. Форменная одежда российского студента. 37. Самая дорогая составляющая гагаринита. 39. Противоположность стаккато. 40. Погода, когда у Лазаря «первое дело — в воде чай пить» (А. Зртель. «Записки Степняка»). 42. Оружие русского сапера. 43. Персонаж, под именем которого О. Сенковский вывел третьеразрядного литератора, агента Третьего отделения А. Элькана (имя потом заимствовал М. Лермонтов). 45. «... и резеда» Л. Арагона — одна из трех главных литературных эмблем эпохи французского Сопротивления. 46. Животное, которое Е. Спасский всякий раз рисовал на щеке Д. Бурлюка перед вечерним концертом футуристов.

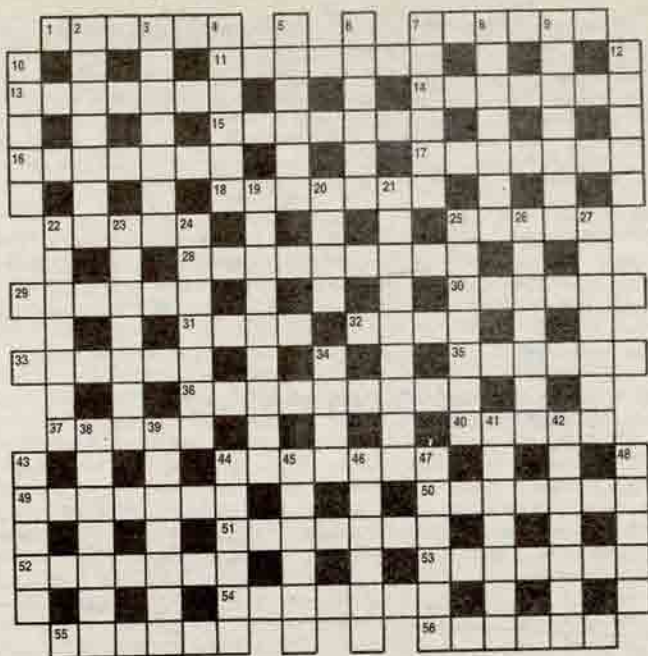
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ» НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

1. Жгутик. 6. Музыка. 10. Альпы. 12. Реализм. 13. Сухолоб. 14. Юдифь. 17. Список. 19. Чавыча. 21. Сот. 22. Филарет. 23. Кит. 27. Грабарь. 28. Финляндия. 30. Эдельвейс. 31. Антирад. 33. Пир. 35. Цицерон. 37. Бия. 39. Шкалик. 40. Ирвинг. 41. Льгов. 44. Насилие. 45. Ежевика. 46. Табор. 47. Олонхо. 48. Нутрия.

По вертикали:

2. Гранит. 3. Таиров. 4. Камю. 5. Дьюи. 6. Мысь («растекашеся мысию по древу»). 7. Захват. 8. Калмык. 9. Брасс. 11. Аббат. 15. Дрил. 16. Фламин. 18. ...посредник... 19. Челлини. 20. Чичибабин. 24. Убыль. 25. Травщик. 26. Индий. 29. Эйфель. 32. Лото. 33. ...пшено... 34. Рассол. 35. Циклон. 36. Проект. 37. Бикини. 38. Ягуар. 41. Лето. 42. Губа. 43. Верн.



КРОССВОРД
Составил
И. Глазатов,
Магадан

По горизонтали:

1. Часть речи. 7. Документ с записью опросных показаний на Руси. 11. Самоцвет, древний амулет от опьянения. 13. Германский канцлер, автор слов: ум и характер человека — его имущество, а тщеславие — закладная по имуществу. 14. Одна из самых высоких вершин Боливии. 15. Обитатель дальневосточных морей, обладающий целительными свойствами женьшеня. 16. Старинное название утренней зари. 17. Один из Балеарских островов. 18. Мазь для натирки полов. 22. Спиленные, но еще не убранные деревья на лесной делянке. 25. Рыба, во время нереста теряющая остроту. 28. Антипод эгоиста. 29. Африканская столица с филиалом Каирского университета. 30. Запас. 31. Место, где чаще всего раздаются команды «Смирно!», «Шагом марш!», «Кругом!». 32. Песенное название губ. 33. Домашний цветок, плохо переносящий прямой солнечный свет. 35. Фаза развития. 36. Совокупность однородных изделий в металлургической промышленности. 37. Столица первых Олимпийских игр современности. 40. Заметный остров в море античной литературы. 44. Римский бог врачевания. 49. Американский романист, в конце пятидесятых годов бывший председателем гильдии писателей в Гарлеме. 50. Человек, смотрящий истине в глаза. 51. Инструмент, каким в старое время очищали плавильные печи от гари. 52. Первая женщина, созданная по воле Зевса Гефестом. 53. Государство, главу которого избирают пожизненно, причем после избрания он меняет имя. 54. Главное

«поле деятельности» трубочиста. 55. Сетование. 56. Русский фрегат, отличившийся под командованием И. Изюльметьева в обороне Петропавловска-Камчатского во время Крымской войны 1853—1856 годов.

По вертикали:

2. Художник, «Ломоносов русской живописи». 3. Рубеж. 4. Сырье для получения капрона. 5. «Кактус-орган», «царица ночи» (общее название). 6. Скульптор, работавший над оформлением Исаакиевского собора в Петербурге. 7. Метка на теле преступника в Древней Греции. 8. Аргентина и Чили — эстансия, Бразилия — фазенда, другие страны Латинской Америки — ... 9. Комната Раскольникова в «Преступлении и наказании» Ф. Достоевского. 10. Огорчительное чувство. 12. Перевозчик соли в старые времена из Крыма на Украину. 19. Птица, способная подолгу сопровождать суда. 20. Знак препинания. 21. Ледяная оболочка Земли. 22. Металл, из которого на Урале в старину делали ружейные пули. 23. Этническая группа, живущая на островах Ару в Индонезии. 24. Генеральский аксессуар. 25. «...по Матфею» — оратория И. С. Баха. 26. Охранное подразделение при войске на марше. 27. Каждая из пятидесяти сестер, дочерей морского божества. Их имена указывают на глубину, изменчивость, прихотливость, стремительность моря. 34. Запрет. 38. Коммуна, община в утолическом учении Шарля Фурье. 39. Одна из семи деревень, крестьяне которой — у Н. Некрасова — решали, «кому живется весело, вольготно на Руси». 41. Заведение под названием «У чаши», чьим завсегдатаем был у Я. Гашека brave солдат Швейк. 42. Спортивное гребное учебное судно. 43. Итальянский скульптор, сильно повлиявший на Микеланджело. 44. Торeadор, наносящий быку смертельный удар шпагой. 45. «Санта-Мария», «Нинья», «Пинта» (руководитель экспедиции). 46. Водяная курица в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Аксакова. 47. Пошлина за призыв свидетеля к допросу на Руси в старину. 48. Одежда, упомянутая в названии поэмы В. Маяковского.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

5. Чумиза. 7. ... голова... 10. Лидол. 11. Юрист. 13. Бобслей. 14. Толстой. 16. Питон. 17. Ротан. 19. Красотка. 22. Животное. 23. Игданит. 24. Езид. 25. Шлем. 26. Катапас. 30. Ала. 33. Чуринга. 38. Рюха. 39. Сумо. 41. Радикал. 44. Влагомер. 47. Фюрнберг. 50. Йомен. 51. Титан. 52. Лягушка. 53. Антиной. 54. Метол. 55. Иобат. 56. Николь. 57. Веснин.

По вертикали:

1. Вудсток. 2. Биленки. 3. Флюорит. 4. Свисток. 5. Чибис. 6. Молот. 8. «Орлов». 9. Астат. 10. Лолатин. 12. Тоннель. 15. Эклер. 18. Гемма. 20. Агра. 21. Завалишин. 22. Жига. 26. Коч. 27. Тар. 28. Пан. 29. Спа. 31. Дрова. 32. Тхаайям. 34. Уфар. 35. Граф. 36. Гугенот. 37. Конго. 40. Хомутик. 41. Ренклюд. 42. Лютнист. 43. Интибин. 45. Гоген. 46. ... мешок ... 48. Ритон. 49. Банан.

Есть люди,
у которых от этих слов
сладко вздрагивает сердце.
Но их осталось так мало...

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ
Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Помидоры. Табак. Картошка. Бильярд...* Что тут общего?

Все это завез в Россию великий реформатор Петр.

...А вообще «игра с шарами» родом из Индии и Китая. Восточная диковина в шестнадцатом веке появилась в Европе и прижилась. Говорят, ее обожали многие английские и французские монархи.

Королевская игра прилась по вкусу и в России. Скоро бильярд вышагнул из дворца самодержца и появился в домах аристократов; число столов стало исчисляться сотнями, потом тысячами. Скоро уж и трактир трактиром не считался, если там не было бильярда. И у российского Чайльд-Гароль-

да — Евгения Онегина стоял в усадьбе стол. Помните? «Тупым кием вооруженный...» «Забывший, кий на бильярде отдыхал...»

Началом конца игры называют семнадцатый год. После революции российские бильярдисты замкнулись на себе; контактов с зарубежными мастерами не стало. В Англии, Франции и других странах начали развиваться новые игры, мы же остановились на «американке» и «пирамиде».

Но тем не менее бильярд жил еще. В двадцатые годы играли в него Луначарский и Маяковский: «К примеру, мне бильярд — отращаваю глаз...» (У одного из профессиональных игроков долго хранилась долговая расписка поэта — он предпочел не получать по ней денег, чтобы сохранить автограф.)

Отдыхал от полетов за «игрой с шарами» Чкалов. Благоволил к бильярду «первый красный

* Биллиард (бильярд) — (франц. *billard* от *bille* — шар), игра с шарами на специальном столе.

"от борта-

офицер» — Ворошилов. (Хотя ему, как «вождю», полезней были бы, согласно Маяковскому, шахматы.) По указке Климента Ефремовича проводились турниры, игрокам присваивались звания. Да и сохранились еще в ту пору дореволюционные бильярдные столы — из красного дерева, ровноточные, «раскатистые» (то есть хорошо раскатывающие шары).

А в 1947 году на бильярд обрушились репрессии. (То ли охладел к игре «первый красный офицер», то ли действительно, как показывают в сегодняшних кинофильмах, при бильярде стали собираться блатные...) Нет, игроков, как правило, не сажали и не высылали. Просто одну за другой закрывали бильярдные при гостиницах, при ресторанах и оставили только в парках культуры и отдыха — вольерчики такие, загончики. А столы «с дореволюционным стажем» объявлялись на высокопоставленных дачах...

У державы нашей насуплены брови. Она не любит, когда ее подданные играют. В игре ты можешь почувствовать себя сильным и самостоятельным. А это чревато...

Но человеку (несмотря ни на что!) хочется играть. Вопрос: где? До ближайшей бильярдной мне ехать полтора часа. (Их всего че-

тыре на восемь миллионов москвичей. В Хельсинки, к примеру, триста...) До ближайшего корта 6 остановок на автобусе плюс 10 остановок на метро. До ближайшего футбольного поля двадцать минут хорошего шага; минус душ, минус раздевалки.

Играй, азартный человек! К твоим услугам спортлото и преферанс по маленькой...

Азарт рождает спрос. Индустрия азарта «там» ворочает миллиардами. У нас мятые банкноты мелькают в руках наперсточников.

— Бильярд всегда был игрой аристократической, пусть он таким и остается, — сказал мне хороший бильярдист и поэт Игорь Шкляревский.

Неправда ваша... В бильярд и извозчики играли. И я хочу, чтобы каждый, кому придет охота, смог бы прийти в любимый бар и взять кий в руки.

Шаги к тому робки и неуклюжи. Человек советский разучился играть.

Но вот бильярд вышел из подполья. Созданы Союз профессиональных бильярдистов и Федерация бильярдного спорта. «Игра с шарами на специальном столе» стала-таки узаконенной.

Но... (Куда мы денемся от этого злополучного «но»?!)

На чем играть? «Специальные

В СЕРДИНУ!

столы» стоят по державным да-
чам. Антиквары, между прочим,
оценивают их в 50—100 тысяч,
и никто отдавать их не собирает-
ся. Хороших новых у нас не дела-
ют давным-давно. А стоимость би-
льярдного стола, кстати, 18 тысяч
долларов: графитовая плита, чтоб
ровный был; подогрев, чтобы
шары лучше катились...

На первых порах были мы
в ставшей уже привычной роли
побирушек: со своего фабрикант-
ского плеча снабдил нас столами
итальянец Марио Маджио, да
только хватало их на один клуб
«Русская пирамида». (Сейчас,
правда, открыли цех, делающий
столы, на Автозаводе им. Ленин-
ского комсомола.)

А кому играть?

Была горсточка «классов» —
профессионалов, которых прежде
как раз хватало на те «бильярд-
ные мощности», что действовали
в стране: Владимир Симонич, Ге-
оргий Митасов, Владимир Леви-
тин, Ашот Потикян, Рифат Садри-
ев...

— Раньше при виде участково-
го я переходил на другую сторо-
ну, — вспоминает Владимир Симо-
нич. — Я ведь у милиции в ту-
неядцах числился.

Теперь, вполне возможно, уча-
стковому неловко перед уважае-
мым спортсменом, ездившим на
соревнования и в Италию,
и в Финляндию, и в Голландию...

«Классы» все — «мужики в
соку», под сорок и за сорок.

— А ниточка, которая должна
была тянуться за нами, порва-
лась... — вздыхает Симонич.

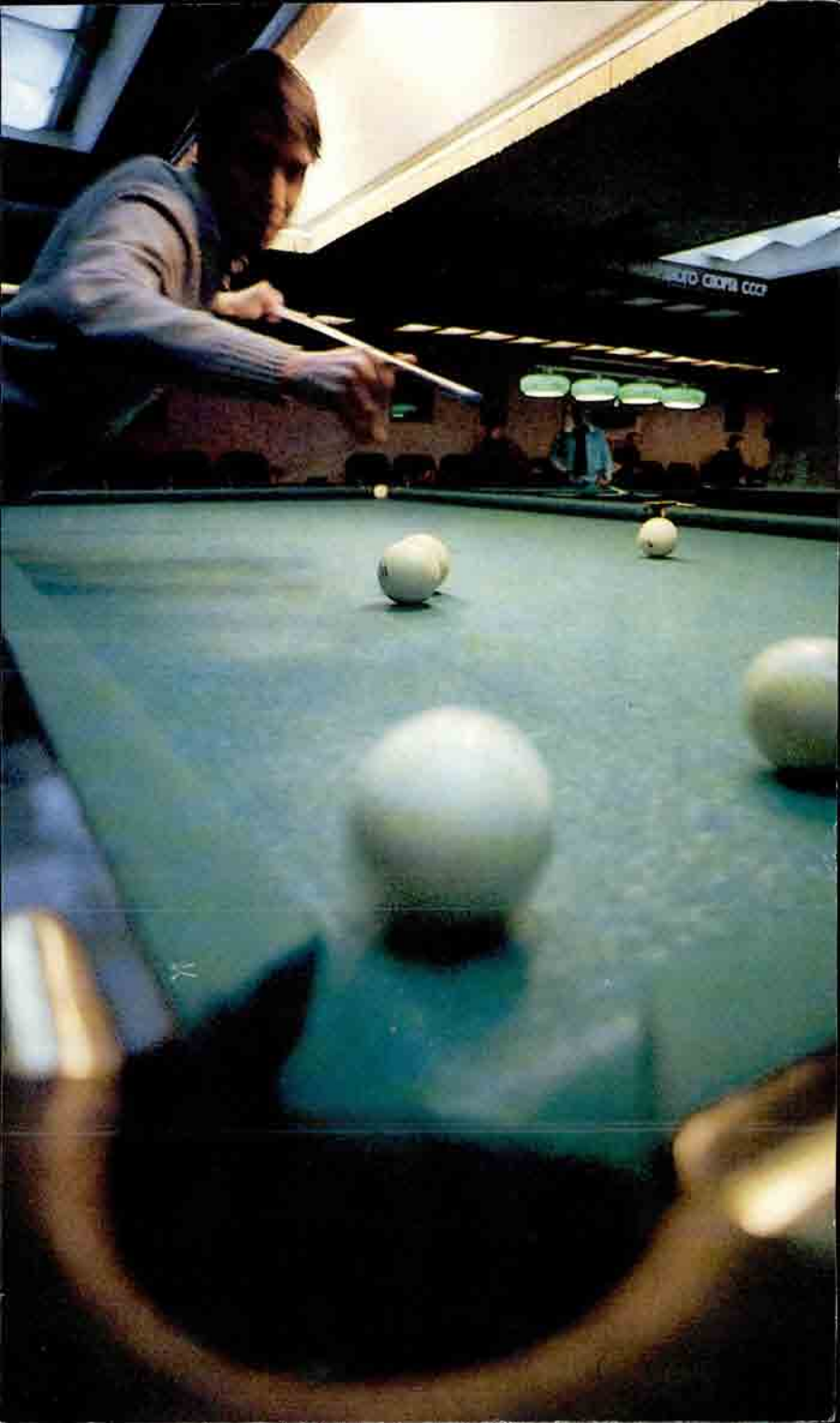
Шутка ли: ни единого классного
тренера-бильярдиста не было
в Союзе. И все-таки удавалось
«классам» занимать призовые ме-
ста в международных турнирах по
непривычным для себя играм: ка-
рамболу, фишкам...

А осенью прошлого года провел

Союз бильярдистов семинар для
игроков из других городов. Сто
мастеров учились у «классов», на-
таскивались в игре, хватали осно-
вы спортивной педагогики —
и разехались потом по городам
и весям, неся «свет бильярдного
знания» юношам.

«Классам» нынче стало полегче.
Это факт... А любителям неумело
потыркать кием шары?

В ближайшее пятилетие только
одну бильярдную собираются по-
строить в Москве. Ох, не скоро,
думаю, наступит день, когда лю-
бой новичок сможет войти в зал
поблизости от дома и заказать
свою игру...



ИНДЕКС 70820. 1 р. 65 коп.



**РЕКЛАМА
В «СМЕНЕ» —
ПО
ВАШЕМУ
КАРМАНУ**

Наши условия — на 279 стр.